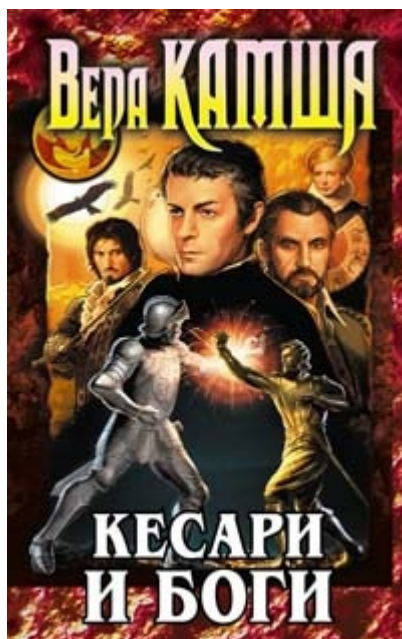

**Вера Викторовна Камша
Кесари и боги (сборник)**

Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»
«Камша В. В. Кесари и боги. Избранные произведения»: Эксмо; М.; 2008
ISBN 978-5-699-25278-7

Аннотация

В один горький день люди пролили кровь, свою и чужую, там, где этого делать не следовало. Многие помнят эту историю, но ни один из помнящих не может ее рассказать...

Когда-то, очень давно, великий воин и правитель отдал себя и весь свой род в залог за власть над будущей Империей. А его дальний потомок рискнул этим залогом ради своей любви...

С давних пор в один ужасный день – День Страха – древнее Зло поднимается над миром в поисках новых жертв...

Эти – или похожие – истории знают многие. Но, может быть, в этот раз все будет иначе?

Кроме романа «К вящей славе человеческой» и тематически связанной с ним повести «Данник Небельринга», в сборник вошел рассказ «День Страха».

**Вера КАМША
КЕСАРИ И БОГИ**

К ВЯЩЕЙ СЛАВЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ. роман

На исходе лета
Умирают звезды
На груди рассвета.
(Кровь на черных крыльях...
Кто напомним песню, что ветра забыли?)

Утирает небо
Слезы звездопада,
Смотрят камни слепо...
*(Кровь на мертвых ивах...
О, как низко кружит коришун торопливый.)*

На исходе лет
Все слышней в таверне
Смерти кастаньеты.
*(Кровь на черных крыльях...
Кто напомним песню, что ветра забыли?)*

В кронах рыжих сосен
Задохнулся вечер.
Так приходит осень.
*(Кровь на мертвых ивах...
О, как низко кружит коришун торопливый.)*

На исходе лета
Заблудилось сердце
Между тьмой и светом.
*(Кровь на черных крыльях...
Кто напомним песню, что ветра забыли?)*

Льву Вершинину

*Автор выражает благодарность
Александру Бурдакову, Данилу Мелицу,
Ирине Погребецкой и Михаилу Черниковскому*

Часть первая Муэнская охота

Муэна

Глава 1

1

Дрожащее марево окутывало полусонную от зноя Муэну, а солнце было белым и злым. Среди выгоревших холмов торчали недвижимые руки мельниц. Ветра не чувствовалось, даже самого жалкого. Поднятая множеством копыт дорожная пыль превращала грандов, солдат и слуг в серых мельников. Что поделать, на дорогах в августе все кони сивы, а все всадники – седые. Недаром в эту пору путешествуют ночами, но солдату не ослушаться приказа короля, а любящему мужу – супруги, особенно если та готовится дать жизнь наследнику.

Тридцатипятилетний Карлос-Фелипе-Еухенио, герцог де Ригаско, маркиз Вальпамарена, полковник гвардии и кавалер ордена Клавель де ла Сангре, выразительно вздохнул и поправил прикрывавший нижнюю часть лица шелковый шарф. Никто не виноват, если Инес вбила в свою головку, что лишь молитва Пречистой Деве Муэнской спасет ее от смерти родами. И уж тем более никто не виноват, что прошлую ночь они провели не в молитвах. Увы, уступив вечерней звезде и брошенным к ее ногам розам, Иньита поутру почувствовала себя дурно.

Объявив себя великой грешницей, дурочка отказалась от завтрака, ограничившись водой из колодца, и потребовала запрягать. Сопровождающий герцогиню врач-ромульянец укоризненно качал лысой головой и предрекал всевозможные осложнения. Инес плакала, Карлос покаянно молчал и вспоминал малышку Ампаро, которой интересное положение не мешало плясать с кастаньетами ночи напролет. Правда, Ампаро была не герцогиней, а хитаной. Когда плясать стало невозможно, она исчезла, не простившись и не взяв ни золота, ни подарков. Карлос так и не узнал, кому дал жизнь, сыну или дочери. Что ж, не он один. В жилах хитано голубой крови не меньше, если не больше, чем у самых важных из грандов, а кичливым донам не дано знать, насколько они знатны на самом деле. Сам Карлос, по крайней мере, за добродетель всех своих прародительниц не поручился бы. Может, он и был прямым потомком Адалида¹, а может, его предок плясал на площадях фламенко и сеньора в шелках не устояла...

Белая дорога вильнула, огибая очередной холм с очередной мельницей, как две капли воды похожей на предыдущую. Не паломничество, а дурной сон, в котором гонишь коня вперед и стоишь на месте. Стоять на месте... Этого де Ригаско не терпел с детства, хотя возвращений не любил еще больше. Карлос со злостью вгляделся в раскаленные небеса, усилием воли спустился на землю и обнаружил, что и там есть место хорошему.

Стройная девушка замерла на обочине, разглядывая всадников. Ей было не больше шестнадцати, и как же она была прелестна даже в этой пыли! Герцог оглянулся на карету – белые занавески были плотно задернуты. Что ж, богомольцу просто необходимо творить добрые дела. Де Ригаско придержал гнедого и сощурился. Девушка засмеялась. Глаза у нее были черными и жаркими, в коротких, словно припудренных кудрях полыхал алый цветок, вместо креста на смуглой шейке серебрилось крохотное перышко. Хитана, и как он сразу не сообразил?

– Куда идешь, мучача²?

– На праздник, мой сеньор, – белые зубы, коралловые губки, – в Сургос.

– И много там ваших?

¹ Легендарный воитель, освободивший Онсию из-под власти синаитов.

² Обращение к девушке.

– Много, мой сеньор. – Быстрый взгляд и улыбка, лукавая и мимолетная, вроде и видел, а вроде и нет.

– Не знаешь ли ты женщины по имени Ампаро? Она из ваших, ей должно быть... – Сколько же плясунье теперь? Не меньше тридцати, а скорее больше. Сын у нее или дочь? Неважно... Хитаны, любившие чужаков, отдают сыновей братьям, а дочерей – матерям. – Ей около тридцати, – твердо произнес герцог, – она повыше тебя. На левой щеке у нее родинка, и еще одна над верхней губой.

– В нашем адуаре³ две Ампаро, мой сеньор, но одна старше, а другая младше. И родинки у них нет.

– А в других адуарах? – потянул нить разговора Карлос. Девушка покачала головой. Она больше не улыбалась.

– Мы здесь чужие, мой сеньор. Мы пришли из-за гор, те, кто уцелел... В Виорне больше не пляшут, а поет лишь та, что вечно косит. Нас принял адуар Муэны, мы не знаем других.

– Здесь вам ничего не грозит. – Рука Карлоса сама рванулась к эфесу. Война не вино, она остается в крови надолго. Навсегда.

– Мигелито так и сказал. – Девушка шагнула назад, она хотела уйти. Герцог оглянулся – карета с белыми занавесками спокойно катилась вперед. Две женщины – навеки твоя и чужая...

– Как тебя зовут?

– Лола, мой сеньор.

– Мы еще увидимся, Лола! – Кольцо с рубином жарким угольком взмыло вверх и упало в раскрытую ладошку. Зачем он обещает встречу? Почему вспомнил ушедшее? Двенадцать лет – это почти треть жизни, за двенадцать лет можно забыть. И он забыл, а потом встретил белокурую Инес. Они счастливы, они ждут сына, так почему?!

– Да благословит вас Пречистая! – Алый цветок возникает из пыльного омута, рука сама его подхватывает. – Вас и вашу сеньору, если она у вас есть...

2

Белые недотроги клонятся под теплым ветром, целое море белых недотрог. Топтать цветы нестерпимо жаль, но надо идти... Она не должна, не может опоздать к мессе. Инес сделала шаг и замерла на краю долины, глядя на вырастающий из душистых волн храм. Колокол настойчиво звал вперед, но недотроги хотели жить, им и так отпущен лишь день, и день этот перевалил за полдень.

– Иньита. – Цветы ее знают, знают и зовут... Какой знакомый голос, веселый, насмешливый. – Иньита, проснись. Приехали!

– Хайме, ты?

– Я, – ответили недотроги ломким юношеским тенорком и исчезли. Стало жарко и тревожно. Почему небо обили алым шелком? Это не к добру.

– Инья, – не отставал братец, – просыпайся!

Инес провела рукой по лицу. Сон был красивым, странным и не желал уходить, если не из глаз, то из памяти.

– Сеньорита! – Верная Гьомар держала наготове губку с ароматическим уксусом. – Позвольте...

– Да, – рассеянно кивнула герцогиня. – Хайме, мне снились недотроги. Их было так много... Мне было нужно в храм, а я не хотела их топтать.

– Ну и не топтала бы, – фыркнул брат, тряхнув темными, не то что у нее, волосами. В последнее время Хайме рвался в полк и во всем подражал Карлосу. Еще бы, шестнадцать

³ Табор.

лет!

– Видеть храм к великой радости, – разгадала сон камеристка, – но ради нее придется терпеть и трудиться.

– Инья, – голос мужа прогнал и воспоминания, и предсказания, – ты хотела успеть к вечерней службе? Слышишь, звонят! Мы успели! Вылезай!

Инес благодарно улыбнулась и, подобрав платье, выбралась на подножку. Муэна была в колокола. Торжественный мерный гул сплетался с веселой болтовней украшавших сбрую бубенчиков. Так ручей встречается с морем.

– Ты хотела, – повторил Карлос. Он был весь в пыли, но на груди у него что-то алело. Цветок. Большой и очень яркий. Откуда он взялся? Красные цветы в обители неуместны, красные цветы не растут в пыли...

– Откуда это? – зачем-то спросила Инес.

– Купил, – усмехнулся Карлос, – на удачу! Нам же с тобой понадобится удача?

– Пречистая Дева защитит нас! – Герцогиня, сама не зная почему, крепко сжала руку мужа. – Убери его... Пожалуйста.

– Как пожелает моя сеньора. – Карлос сунул цветок в карман, бережно подхватил жену, прижал к себе и галантно поставил наземь. – По-моему, нас встречают.

Их и в самом деле встречали. Величественная аббатиса неспешно шествовала от распахнувшихся внутренних ворот. Ворот, в которые не мог войти ни один мужчина, если только не посвятил себя Господу. Почему она не подумала об этом? Неделя без Карлоса – это вечность.

3

Монахини в белых покрывалах и черных венках окружили Инью и увели. Смотреть вслед не имело смысла – балахоны святых сестер загораживали все еще стройную фигурку не хуже готовых сомкнуться ворот.

– Сын мой, – пропела задержавшаяся аббатиса, – обитель рада оказать тебе гостеприимство. Дорога мужчинам в святые стены заказана, но здесь, во дворе Святого Флориана, есть приют для мужей, отцов и братьев паломниц. Тебя ждут ужин и ночлег, я же, смиренная, после вечерней службы готова уделить тебе время для беседы.

– Благодарю, святая мать, – сколь возможно вежливо откликнулся де Ригаско, – но я должен... Должен переговорить с командором Хенильей и, видимо, объехать приграничные крепости. По дороге я встретил... беженцев из Виорна. Их рассказ настораживает. От Луи Бутора и его хаммериан⁴ можно ждать любого вероломства.

Имя нового лоасского короля, как и рассчитывал Карлос, возымело действие. Аббатиса, призвав на голову нечестивца грома и молнии, благословила гостя на воинские подвиги и отпустила с миром. Правда, сорвавшаяся с языка отговорка обязывала, но Хенилья подождет до конца охоты. Встречаться с долговязым занудой не тянуло, но лгать не дело, особенно в святых стенах, а лишний раз объехать крепости не помешает. Герцог подождал, пока аббатиса скрылась за массивными, без тарана не сломать, воротами и обернулся к шурина.

– Нам следует поторопиться. Командор Хенилья ждет.

– О да, сеньор! – паршивец не дрогнул и бровью. – Молитесь за наши души, святые сестры, а наши клинки вас защитят.

– Нас защищает Святая Дева, – назидательно произнесла маленькая монахиня, в чью обязанность входило провожать знатных гостей, – но выжечь хаммерианскую скверну – долг

⁴ Последователи Томаса Хаммера, мещанина из Миттельрайха, создателя наиболее сильной из реформаторских церквей.

мундиалитских⁵ рыцарей.

– Мы так и поступим, добрая сестра!

Монахиня опустила глаза, слишком красивые для отшельницы, и, замечая полами просочившуюся в обитель пыль, заторопилась к внешним воротам. Де Ригаско послал гнедого следом, отчего-то стало грустно. Вечер удлинил тени, но воздух продолжал дрожать от зноя, а залитые светом крыши и шпили казались золотыми.

– Молитвы наши да пребудут с вами и со всеми рыцарями Онсии. – Глаза привратницы были тревожными. – Будьте благословенны!

– Амен! – подвел итог Карлос, прикидывая, как половчей пробраться сквозь прижавшуюся к воротам толпу. Внутри обители ночевали избранные, паломниц, пришедших к Пречистой Деве Муэнской, было много больше.

– Расступись! – рявкнул рослый стражник. – Дорогу!

– Дорогу! – подхватил и Лопе. Ординарец со знанием дела направил коня в толпу, и люди нехотя отхлынули от вождельных створок, раздавшись в стороны, словно воды морские. Лошади недовольно фыркали и прижимали уши, скрипела на зубах пыль, женщина в черном покрывале лежала ничком прямо на дороге. Невысокий мужчина в потертой одежде попытался ее поднять, она вырвалась и снова уткнулась лицом в сухую землю. Карлос пожал плечами и велел Лопе объехать. Ординарец умело развернул лошадь, паломница и ее супруг остались сбоку, женщина так и не встала.

Запахло костром и нехитрой стряпней, твякнула собачонка. Любопытно, сыщется ли в мире хоть один лагерь, где нет ни единого пса? Первый за день порыв ветра взметнул пыль, колокольный звон становился глуше, мешался с шумом толпы. Де Ригаско оглянулся – осаждаемая людским морем обитель на фоне золотящегося неба казалась фреской. Герцог взялся за спасительный шарф и подмигнул шурина.

– Завяжи нос и рот, выберемся на дорогу, пойдем галопом.

– Час с хвостиком, и мы в Сургосе, – проявил осведомленность Хайме, – а потом? Неужели ты потащишься в пасть к Хенильзе?

– Кого-кого, а тебя бы и впрямь следовало отдать дону Гонсало. На недельку-другую, – протянул Карлос, разглядывая удравшего из отчего дома родственничка. – Такое наказание даже твоего батюшку удовлетворит.

– Я домой не вернусь, – обрадовал Хайме, – я намерен вступить в твой полк и вступлю, а отец поймет.

– Роскошно, – выразил восторг будущий начальник будущего же героя. – Надо полагать, объясняться с доном Антонио и доньей Мартой предстоит мне?

– Не угадал. – Хайме откровенно потешался. – Инья им написала, что боится отпускать тебя одного и что я готов за тобой присмотреть.

– Ты?! – задохнулся от подобной наглости герцог. – За мной?!

– Я, – подтвердил Хайме. – Если ты каждой встречной хитане будешь бросать по рубину, сестра с детьми по миру пойдут.

– Каналья, – с чувством произнес де Ригаско, – так ты видел?

– Видел, – хихикнул шурин. – Мучача – прелесть. Скажешь, где найти?

– В адуаре, – пожал плечами Карлос, – а может, в таверне или на ярмарке. Захочешь – найдешь!

– А ты? – соизволил удивиться Хайме. – Я-то думал...

– А вот думать всяким щенкам не по рангу, для этого полковники есть! – отрезал Карлос, вглядываясь в поредевшую толпу. Впереди была неделя свободы, и будь он проклят, если проведет ее всю в обществе Гонсало. Зануда никогда не поймет, что жить можно не только на войне, и хорошо жить.

– Ты меня берешь, – удовлетворенно улыбнулся Хайме, – впрочем, я и не сомневался.

⁵ Принадлежащий к Мундиалитской (Всемирной) церкви.

– Помолчи, – прикрикнул герцог, догоняя ординарца. – Лопе, как устроили слуги сеньоры и лошадей?

– Их поставили там, где обычно ставят выезд вашей матушки.

– Хорошо. Помнишь, где «Песня паломника»?

– Да, сеньор. Направо от разрушенной башни, за овечьим колодцем, – Лопе вечно говорил, словно выдавливая слова. Тех, кто видел одноухого гиганта впервые, это пугало, но Карлос не променял бы Лопе на роту султанских телохранителей. И даже на армию.

– Хайме, направо, да поосторожней, не задави какую-нибудь паломницу.

– Сам не задави! – огрызнулся шурина. – Постой, ты сказал, направо? Но Сургос налево!

– Спасибо, объяснил, а то я не знал. Хотя... Отправлю-ка я тебя к командору засвидетельствовать почтение, а сам – к хитанам.

– Хитаны тоже в Сургосе, – вывернулся шурина, – а ты... Ты что, в горы собрался?!

– Дальше, в Виорн, – свел брови де Ригаско. – Меня давно привлекают хаммериане и, особенно, хаммерианки. Я решил послушать парочку проповедей.

– Шутишь? – предположил Хайме, но в смешливых глазах мелькнула растерянность. – С ними же с тоски сбесишься!

– А кто сказал, что мир создан для радости? – пожал плечами Карлос и не выдержал, засмеялся. – Ладно, твоя взяла, проповедей не будет. Для начала завернем в «Песню». Альфорка с Доблехо, надо полагать, уже там, я их пригласил, если ты не знал. Надеюсь, бездельники еще не все проглотили, а дальше... Лично я намерен нанести визит горным кабанам. Приватный, разумеется.

Глава 2

1

Караван был небольшим, чтобы не сказать убогим – крытая повозка да дюжина всадников. Для приличной охоты мало до невозможности, но Карлос собирался набрать загонщиков в каком-то Тудоре-де-ла-Серроха. Заехать в городок присоветовал прицепившийся к столичным гостям пожилой дворянин, только откуда в таком захолустье хорошие загонщики? Наверняка какие-нибудь увальни на мулах...

– Надо было взять собак в Ригаско, – проворчал Хайме, разглядывая серо-желтые от выгоревшей травы предгорья. – Бьюсь об заклад, в этом Тудоре нам подсунут каких-нибудь дворняг! И аркебузы у нас не охотничьи, и...

– Помолчи! – огрызнулся Карлос, еще вчера укушенный дурной мухой. – А еще лучше подумай. На кого бы мы походили, заявившись в обитель с гончими и кабаньими мечами? Да еще накануне праздника!

– Собак можно было сразу в «Песню», – заупрямился Хайме, – и загонщиков туда же.

– А то у Инес с Гьомар глаз и ушей нет? – Де Ригаско приподнялся в стремени, обозревая расплавленный горизонт. – Сейчас мы взяли да поехали. То ли в Сургос, к Хенилье, то ли к границе. Ну, погоняли мимоходом кабанов, местные дворяне подбили... А заикнись я об охоте, сидеть бы мне в монастырском приюте до конца празднований, да и тебе тоже.

– Почему? – не понял Хайме, полагавший сидение в четырех стенах дурной тратой времени. – Нас же все равно внутрь не пустили бы.

– Женишься – узнаешь, – отрезал герцог и замолчал. Когда Карлос подобным образом обрывал разговор, самым разумным было убраться подальше, что Хайме и сделал, придерживав Пикаро. Ссора в планы молодого человека не входила никоим образом, тем более Карлос согласился взять родича в полк. Хайме готовился к разговору всю дорогу от Ригаско до Муэны, а он занял пару минут. Родич сперва ругнулся от неожиданности, потом рассмеялся и, наконец, согласился. Надо полагать, вспомнил, как сам в юности удрал на

войну под чужим именем. Конечно, наследника де Ригаско скоро опознали, но Карлос успел прослыть храбрецом и счастливчиком. Товарищи простили ему даже титул, а у Хайме де Реваля особых титулов нет. Дворянин и дворянин, не первый и не последний. То есть пока не первый...

Молодой человек верил в свою звезду и не сомневался, что быть ему новым Адалидом, но для начала следовало попасть в армию и на войну. С первым решилось на удивление просто, но войны не предвиделось. Жаль, но ничего не поделаешь! Хайме пару раз щипнул то место, на котором предстояло появиться усам, и присоединился к повозке, вернее, к ехавшим рядом с ней офицерам и местному сеньору. Имя муэнца, как назло, вылетело из головы, но именно он приветливо улыбнулся и заставил солового шагнуть в сторону, освобождая место еще для одного всадника.

– Вы ведь впервые в наших краях, не так ли? – на правах старшего осведомился муэнец.

– Да, сударь, – подбоченился Хайме, – но, надеюсь, не в последний. Когда дойдут руки до Бутора, Муэны не миновать.

– Вижу, вы жаждете крови? – подмигнул Себастьян Доблехо. – Со временем это пройдет. Годам эдак к шестидесяти.

– К пятидесяти. – Мануэль Альфорка, которого друзья чаще звали Маноло, не мог не спорить. – В любом случае у Хайме до успокоения прорва времени.

– О да. – Доблехо развернулся к муэнцу. – Дон Луис, да будет вам известно, что сей юнец вступает в наш полк.

– От всей души поздравляю! – Дон Луис был сама сердечность, и юноша едва не кинулся к нему на шею. – Насколько я понял, вы родственник герцога?

– Я – брат Инес! – выпалил Хайме, прежде чем сообразил, что провинциал вряд ли знает сестру.

– Хайме – шурин нашего полковника, – уточнил Альфорка. – Надеюсь, ты знаешь, что с тебя обед персон на двадцать?

– Разумеется. – Будущий полководец небрежно пожал плечами. – «Повелитель обжор» подойдет?

– И давно ты там был последний раз? – вкрадчиво осведомился Себастьян.

Хайме предпочел не расслышать. Тщательно поправив шейный платок, он повернулся к муэнцу:

– Сеньор, а вам доводилось воевать?

– А что было делать, дон Хайме? – Худое лицо стало грустным. – Нельзя же сидеть дома, когда по соседству умирают, но война – это не праздник. Далеко не праздник. Из муэнского ополчения вернулась едва ли треть. Хаммериане не боятся умирать, они боятся мало убить.

– Сеньор Лихана, – подкрутил усы Альфорка, – не пугайте нашего героя. Тем паче лоассцам теперь не до нас.

– Но молодой Бутор стал королем. – Дон Луис казался удивленным. – Его единовверцы просто не позволят Лоассу соблюдать договор, подписанный покойным Филиппом.

– Через полгода «белолобым»⁶ конец, – отмахнулся Доблехо, – если не раньше. Сколько в Лоассе хаммериан и сколько добрых мундиалитов?

– Еретики упорны и злы, – поморщился муэнец, – и они не боятся умирать. Мы стояли против полка из Виорна, а в этой провинции хаммериане особенно сильны. Я до сих пор не понимаю, как мы выдержали, и не верю, что остался жив. Они бьют, даже умирая... Нет, сеньоры, Бутор не отдаст корону, а его безумная мать и маршал Танти не успокоятся, пока не навяжут свою ересь всем, до кого смогут дотянуться. Вспомните Кровавую свадьбу! Гостей-

⁶ Презрительное прозвище хаммериан, носивших белые головные повязки с крестами, поверх которых надевались суконные или полотняные белые же шляпы-колпаки.

хаммериан было две тысячи, хозяев-мундиалитов – десять, и где они теперь? В раю. Вместе с королем и королевой-матерью...

– Я слишком долго воевал с Филиппом Дорифо, чтобы его оплакивать. – Альфорка хлопнул себя по щеке и с отвращением поднес к глазам испачканную перчатку. – Но в мир с Луи не верю, хоть режьте! Дьявол бы побрал этих мух заодно с пылью. Далеко еще?

– Нет. – Лихана как-то умудрялся отличать один холм от другого. – Сейчас будет Липкая горка. ТUTOR-де-ла-Серроха за ней.

2

Это был не город, даже не городок, а городишко, раскаленный, как преисподняя, с узкими улочками, глухими стенами и вездесущей пылью. Впрочем, будь ТUTOR райским садом, Карлоса и тогда бы передернуло от отвращения, уж такой день выдался. Герцог угрюмо вытер вспотевший лоб, сам не понимая, зачем ему понадобились кабаны, которых еще нужно найти. Прошрое не догнать, а вот настоящее убить можно. Не следовало оставлять Иньиту в праздник одну. И неважно, что мужчинам вход в обитель заказан, они бы увиделись во время крестного хода, а потом, Инес изменчива, как апрельское солнышко. С нее станется все бросить и помчаться к мужу, а его нет... А если малышка узнает, что он развлекается? Проклятье!

– Мой сеньор! – Плотный чернобровый мужчина с цепью алькальда на достойных молотобойца плечах заступил дорогу, улыбаясь улыбкой блаженного. За спиной здоровяка топтались похожий на овцу чиновник с чернильницей на поясе и два умудренных жизнью альгвазила с надраенными алебардами. – Мой герцог ТUTOR-де-ла-Серроха счастлив приветствовать вас в своих стенах! Получив письмо синьора Лиханы, я незамедлительно... я тотчас же... я тут же начал искать...

– Благодарю, – перебил Карлос, с трудом сдерживая непонятную злобу. Языческие владыки в подобных случаях удалялись в священные рощи, но у Карлоса де Ригаско под рукой не было не только рощи, но и приличного дерева. И не будет, пока они не доберутся до Альконьи с ее ущельями и ручьями.

– Я счастлив служить столь высокому гостю, – единым духом выпалил алькальд. И как только он их поймал? Наверняка с утра караулил.

– Сеньор Овехуна, – подал голос подъехавший Лихана, – герцогу де Ригаско, как я и писал, нужны загонщики и проводники. Не позднее чем к вечеру. Не волнуйтесь, сударь. Это опытные люди, они в сезон охоты всегда помогают заезжим сеньорам, а сейчас не у дел.

– Им заплатят, – внес свою лепту Карлос, разглядывая сжатую глухими стенами улочку и вываливших языки собак, не способных не то что лаять – двигаться.

– Загонщики будут счастливы! – всплеснул могучими руками алькальд. – Но... Господи! Нас посетил сам герцог де Ригаско! Боюсь, наше жалкое гостеприимство...

– Не бойтесь! – цыкнул упомянутый герцог, нащупывая в кармане влажный комочек. Все, что осталось от вчерашнего цветка. – Надеюсь, здесь есть таверна?

– «Королевские алмазы», – подсказал Лихана. – Через месяц в ней будет не протолкнуться, но сейчас для охоты слишком жарко.

– Вижу, – буркнул Карлос. Говорить не хотелось, есть и охотиться тоже, но возвращаться ни с чем глупо, а к вечеру все наладится. Нужно только набрать загонщиков и выехать в горы, где прохлада и тень. В горах можно послать всех к дьяволу, отбиться от кавалькады, разыскать какой-нибудь ручей, сесть на камень и смотреть, как струится вода, ни о чем не думая, не вспоминая, не сожалея.

– Мясо хозяин жарит неплохо, – заверил Лихана. – Я же, с вашего разрешения, наведаюсь домой, посмотрю, чем смогу помочь. В нашей глуши только и забав, что охота, так что я собрал сносный арсенал. Конечно, вы привыкли к лучшему...

– Мы привыкли ко всякому, – усмехнулся де Ригаско, – но я предпочел бы выбрать себе рогатину по руке. После обеда, который вы с нами разделите, как и нашу небольшую

экспедицию. Сеньор, я настаиваю.

– Настаиваете? – переспросил Лихана. Он был приятно удивлен. Провинциалу всегда в радость пристать к столичной, но не слишком заносчивой компании. И новости послушаешь, и от местной скуки избавишься.

– Я весьма назойливый гость, – слегка развел руками Карлос, – и намерен не только выпросить у вас подходящую снасть, но и завладеть вашим временем. Мы, как вы понимаете, не собирались охотиться и плохо знаем местность.

– Мой сеньор! – Алькальд разве что не обнимал герцогского коня, и Карлос на всякий случай намотал на руку поводья. – Мой сеньор, по счастливому стечению обстоятельств в городе находятся трое из де Гуальдо. Старейшая фамилия... Лучше их Альконью не знает никто.

– Так пригласите их от моего имени, – распорядился Карлос и, спохватившись, полез за кошельком, – загонщики должны быть к вечеру.

3

Овехуна суетился и заискивал. Он вечно суетился, заискивал и просил, эдакая бычья туша с заячьим сердцем, хотя зайцы умеют сражаться. Когда нет выхода.

– Хорошо! – поморщился отец. – Мы пойдем и поговорим с этим герцогом.

– Пойдем, – повторил дядя Орасио, берясь за любимую шляпу, – и поговорим.

– Я буду счастлив представить вас герцогу де Ригаско, – завел свою песню Овехуна, – подумать только, родич его величества – и в наших краях!.. Такая неслыханная честь, мы должны сделать все возможное...

Теперь столичные птицы возомнят, что де Гуальдо по первому их слову на четвереньки встанут, но не пускать же в Альконью без присмотра кого попало. И чего их принесло раньше времени, сидели бы лучше в столице. Леон поморщился и сделал знак «рогов», словно отвращая дурной глаз. Отец поднял бровь, но промолчал – завтрашняя охота ему не нравилась.

Пахло дымом и мясом, за забором надсадно завопил осел. Зной в городе казался нестерпимым, даже странно, что в десятке милья можно свободно дышать. Станные люди: полгода добровольно жарятся, полгода леденеют под пыльными ветрами. Это страшней любых призраков, но Овехуна и иже с ним шарахаются от непонятного и терпят невыносимое. И будут терпеть, глотать пыль, целовать чужие сапоги...

– Де Ригаско очень влиятельны, – продолжал распинаться дурак с цепью, – очень... Нужно, чтоб они остались довольны!

– Сколько их? – перешел к делу дядя. – Какое у них оружие, свора, на что они похожи?

– Сам герцог – знаменитый воин и родич его величества, – с видимым наслаждением объяснил Овехуна. – С ним – родственник, блестящий молодой человек, двое офицеров и пятеро слуг. Камердинер сеньора – бывалый человек. Он не ниже вас, дон Хулио, и весь в шрамах.

– И все? – удивился отец. – Они что, кабанам свидание назначили?

– Собаки будут, – на ходу замахав руками, алькальд обрел сходство с рехнувшейся от жары мельницей, – и загонщики, и оружие. Сеньор Лихана откроет свой арсенал.

– Уже легче, – хмыкнул дядя. – Значит, старина Луис с ними?

– Сеньор Лихана любит охоту, – с подобием достоинства изрек Овехуна, – ради нее он готов перевернуть мир.

О пристрастии дон Луиса в Альконье знали все. Как и о том, что старик кого попало к себе не тащит. Надо полагать, этот Ригаско, хоть и королевский родич, не скотина. Леон глянул на поношенную отцовскую куртку, поднес к глазам собственный обшлаг, тоже довольно потертый. Конечно, не в перьях и кружевах счастье, но казаться бедней, чем ты есть, неприятно, только кто же знал, что придется иметь дело со столичным грандом?

– Добро пожаловать! – Лицо трактирщика лучилось счастьем. – Вас ждут! Вас очень ждут...

– Мой сеньор, – возгласил алькальд, пожирая взглядом кого-то сидящего за уставленным снедью столом, – разрешите представить вам господ де Гуальдо!

– Я рад. – Высокий дворянин с рассеченной шрамом бровью вышел из-за стола, плечом отодвинув услужливого Овехуну. – Я – полковник Карлос де Ригаско. Этот паршивец – мой шурин Хайме, рядом с ним мои друзья – Мануэль Альфорка и Себастьян Доблехо. Сеньора Лихану вы, надо полагать, знаете. Надеюсь, вы не откажетесь от трапезы?

– Не откажемся, – с ходу принял решение отец. – Мое имя Хулио-Рамон. Мой брат Мартин-Орасио, мой младший сын Леон-Диего. Говорят, вы собрались на охоту?

– Да, – улыбнулся герцог, – надо же себя чем-то занять, пока супруга молится, а охота всяко достойней вина и карт.

– Кабаны и олени с этим вряд ли согласятся, – ввернул горбоносый офицер, кажется, его звали Себастьяном, – но мы спрашивать у них не станем.

– Не станем. – Дядя взялся за кружку, значит, чужаки ему понравились. Война делает людьми всех, даже королевских родичей, жаль, де Гуальдо никогда не покидают Альконью.

– Сеньор Лихана любезно обещал поделиться с нами оружием. – Де Ригаско благодарно кивнул дону Луису. – Не каждый может похвастаться рогатинами из Миттельрайха!

– Они к вашим услугам. – Лихана отбросил свою обычную церемонность, словно плащ. – Жаль, наши мастера предпочитают ковать клинки иного рода.

– Лично я предпочитаю кабаньи мечи, – сообщил круглолицый офицер, – или аркебузы. У вас есть аркебуза, сеньор Лихана?

– Пять. – Дон Луис был горд и счастлив, как всегда, когда говорил о своих сокровищах. – Кабаньи мечи тоже найдутся. Доньидская сталь.

– Нам повезло, что мы встретили вас, – де Ригаско приподнял кружку с вином, – и нам повезло еще раз, что к нам присоединились господа де Гуальдо. Чужакам редко улыбается удача.

– Альконья своевольна, – подтвердил дядя, от души хлебнув прошлогоднего красного. – За удачу! Лесорубы говорят, Вальпа-Сердо истоптана вдоль и поперек. Матки и поросята... Но мы поднимем и секача.

– Жаль. – Герцог ловко отхватил кусок мяса. Кинжал у него был роскошный, в пору королю. – Вальпа-Сердо слишком близко от обители, а моей супруге знать о нашем предприятии необязательно. Рио-де-Онсас ближе.

– Нет, – отец стукнул кружкой об стол, словно кулаком. Выплеснувшееся вино попало на кинжал. Будь оно кровью, де Ригаско следовало бы три дня не выезжать за ворота, но это не кровь.

– Рио-де-Онсас не годится для охоты, – пояснил дядя, разглядывая красную лужицу.

– Почему? – не понял родич герцога. Пока старшие говорили, он пил, и он был здесь чужаком.

– Загонщики не пойдут, – нахмурился Лихана. – Сколько б вы им ни предлагали. Пролить кровь у реки могут лишь дикие твари.

– Почему? – повторил за шурином де Ригаско.

– Об этом следовало спросить наших предков. Они считали, что тревожить Альконью не к добру. Так ли это, никто не проверял, по крайней мере на моей памяти, а я здесь родился и здесь умру.

– Лет через тридцать, – ввернул дядюшка, – но на ближнем берегу свет клином не сошелся. За рекой нам не помешают ни духи, ни монахи. Правда, дичи там маловато, не разгуляешься, и повозки придется оставить. Приличная дорога кончается сразу за ТUTORом, дальше до самой реки поросшие лесом холмы.

– За Рио-де-Онсас есть пара мест, где могут быть кабаны. – Дон Луис не отказался бы от охоты даже в Судный день. – Это не так уж и далеко.

Глава 3

1

В тростниках орали лягушки. Разноголосый переливчатый хор не то чего-то просил, не то кого-то оплакивал, а над темной иззубренной грядой, за которой бурлила Рио-де-Онсас, вставала ржавая луна, огромная и тревожная. Еще одна луна легла на озерную гладь увядающим цветком.

– Я бы советовал вам поспать. – Старший де Гуальдо вышел из-за похожих на пьющих быков скал и встал между Карлосом и озером. – Не стоит смотреть на воду в полнолуние, да и вставать затемно.

– Вы боитесь луны, – сонно удивился герцог, – почему?

– Я – нет, – покачал головой горец, – но я ни о чем не сожалею.

– Я тоже. Мне не о чем сожалеть.

– В таком случае почему вы не спите? – Муэнец пожал богатырскими плечами и скрылся за палатками, а луны остались, но теперь они больше походили на костры.

Лягушки стонали все громче, прилетевший с гор ветер коснулся лица, но водное зеркало осталось спокойным. Герцог оглянулся на затихший лагерь, после ужина де Гуальдо залили огонь и все разбрелись по палаткам, но вот уснули ли? Совет лечь был разумным, но следовать ему отчего-то не хотелось. Не хотелось оказаться беспомощным и нелепым... Перед кем? Не перед луной же?! Горцы мирно спят, лошади и собаки – тоже. Твари бессловесные чувствуют не только врагов и волков, значит, здесь нет никакой погани. Это озеро спокойно, совершенно спокойно, ему нет дела до ветра в вершинах деревьев, до ревущей за холмами реки, оно просто спит под лягушачью колыбельную и отражает звезды.

– Оно не спит, мой сеньор, оно помнит и боится забыть...

Лола! Перышко на шее, в черных кудрях – цветок, на этот раз белый...

– Ты мне снишься, мучача? Или я брежу?

– Я не могу сниться, мой сеньор. Ты не бросил мой подарок, а я не брошу твой. Хочешь, я буду с тобой? Хочешь, чтобы я ушла? Хочешь сам уйти? Тогда я оседлаю коня, вороного коня с белой звездой на лбу. Он увезет тебя к твоей сеньоре.

А ведь оседлает... К утру он будет у стен монастыря, а что дальше? Лезть через стену к Инес, которая, может, ждет, а может, спит или молится? Зато монахини в канун праздника не спят наверняка, увидят, поднимут крик... Хорош родич его мундиалитского величества. Собрался осквернить святыню, как какой-нибудь язычник.

– Я не поеду к своей сеньоре, Лола.

– Ты все еще ждешь Ампаро? Она не придет, ее нет.

– Умерла?!

– Почему умерла? Забыла. И ты забудь. Кто забывает, тот убивает. Она тебя убила, убей и ты ее. Не гляди в воду в полнолуние, не оглядывайся назад. Хочешь, я тебе спою?

– Ты разбудишь моего родича, мучача. Он спрашивал о тебе.

– Зачем? – пожал плечиками хитана. – Он должен спросить о другом, и не тебя. И не сейчас. Мой сеньор хочет песню или он хочет большего?

Ампаро не спрашивала. Она просто танцевала, дразня улыбкой, а теперь забыла. Забыла ли?

– Я не верю тебе, мучача. Если помню я, помнит и Ампаро. У ее сына мои глаза, она мне это обещала.

– У твоего сына будут твои глаза, – серьезно сказала хитана, – клянусь тебе. Оседлать коня?

– Не нужно...

2

Вопреки благим намерениям, Хайме проснулся позже всех. Даже не проснулся, а был разбужен Лопе. Гигант-ординарец растолкал молодого человека и, как всегда неторопливо, отправился к лошадям. Хайме потряс головой и выбрался из палатки. Лагерь кипел, словно луковая похлебка, и шумел, как базар. Мертвый, и тот бы проснулся, а Хайме был жив и голоден. Юноша провел пальцем по верхней губе – брить было по-прежнему нечего – и сбежал к озеру. Запримеченный с вечера треугольный камень змеиной головой вдавался в прозрачную воду, на самом краю примостились глазастая стрекоза. Еще одна пронеслась мимо, Хайме невольно попытался ее схватить. Куда там!

– Вижу, вы уже охотитесь? – Волосы Маноло Альфорки слиплись от воды, рубаха была развязана.

– Пытаюсь, – отшутился молодой человек. – Хорошо, что мы нашли, где во время праздников погонять кабанов.

– Еще бы, – подмигнул Альфорка. – Конечно, на причуды Карлоса глаза закроют, но совсем уж нагнать не стоит. Жаль, тайное рано или поздно станет явным, но эта неделя наша.

Хайме кивнул, разглядывая озеро. Утро выдалось прохладным, и купаться не то чтоб вовсе не хотелось, но хрустальные глубины немного пугали. Стрекозе надоело греться, и она отправилась по своим делам. Вернее, хотела, но оказалась в кулаке Мануэля.

– Вода теплая. – Альфорка с интересом разглядывал добычу. – По крайней мере, здесь, но слева со дна бьют ключи. Ты поосторожней, озерцо не из добрых.

Хайме пожал плечами, но купаться расхотелось окончательно. Хорошо, на береговой тропинке показались всадники на мулах. Вчерашние загонщики! Нашли добычу и вернулись, до купанья ли тут!

– Похоже, нам повезло. – Альфорка жизнерадостно подмигнул собеседнику и подбросил стрекозу вверх. – С пустыми руками они бы не вернулись.

– Еще бы! – Хайме повернулся спиной к неприветливой воде. – А говорили, дичи мало... – Скорее бы собак привели, а то торчи тут до полудня.

– Свора дона Луиса, по слухам, мало чем уступит королевской, – утешил Маноло, – а что в Туторе было, ты сам видел...

– Эй! – Бегущий к берегу Доблехо призывно махал обеими руками. – Живо сюда! Оба!

– Кабан или олень? – усмехнулся Альфорка. – Что скажешь?

– Кабан! – решил Хайме, полагавший клыкастую добычу более почетной.

– Тогда я за оленя! Десять реалов!

– Идет, – поддержал пари Хайме. – Кто свидетель? Доблехо?

– Себастьян! – не стал ходить вокруг да около Альфорка. – Я ставил на оленя, Хайме – на кабана. Кто выиграл?

– Никто, – буркнул офицер. – Загонщики нарвались на «белолобых». Сотни две, не меньше... Карлос велел идти к нему.

– Лоассцы? – не понял Маноло. – Этим-то что здесь делать?

– А ты как думаешь? – огрызнулся Доблехо. Альфорка не ответил, Хайме тоже промолчал. Желания исполнялись стремительно, но замаячившая впереди схватка холодила не хуже подводных ключей.

– Явились? – Карлос быстро обвел глазами офицеров и шурина. – А у нас тут радость. Негаданная. Повтори, что вы видели.

– Бесноватых. – Загонщик в желтой шляпе глядел сразу на Карлоса и на застегнутого на все пуговицы Лихану. – В колпаках этих... Верхами шли. К Чертову Зеркалу, больше некуда.

– Брод северней дороги на Сургос, – пояснил дон Луис. – Выше Рио-де-Онсас не перейти, но перед холмами она разливается и смиряет норы. Правда, ниже опять скачет...

– Когда «белолобые» будут там и когда будем мы? – Карлос зачем-то сунул руку в

карман, быстро вынул, почти выдернул, и потер виски. На выпавшегося он походил мало.

– Хаммериане доберутся до Зеркала часа через полтора. – Лихана глянул на старшего де Гуальдо, и тот кивнул. – Нам не обогнать: река изгибается.

– Бесноватые прут напрямую. – Горец досадливо поморщился. – Чтобы их перехватить, нужно огибать излучину и идти в обход.

– Проклятье! – Альфорка топнул ногой, словно это могло что-то изменить. – Их точно две сотни?

– Не меньше. – Карлос ногами не топал и кулаки не сжимал. – Загонщики видели только хвост колонны, голова уже скрылась в зарослях. Их может быть и три сотни, и четыре, и пять. Куда они идут, объяснять?

– В обход гарнизона они идут, – предположил Лихана, – иначе не забирали бы так далеко в тылы.

– Праздник решили устроить, – выдохнул Себастьян, – сволочи! Мало им у Сан-Марио было...

– Сегодня Вознесение Пречистой, – напомнил Лихана и поправил шляпу.

– Карлос, где твой полк, – Альфорка все же решил пошутить, – или хотя бы рота?

– Хватит и гарнизона, – медленно произнес де Ригаско. – Сеньор де Лихана, сеньор де Гуальдо, вы мне не подчиняетесь, но я вынужден просить вашей помощи. Нужно предупредить командора, а в ваших холмах легко заплутать.

– Леон их знает, – заверил старший де Гуальдо, – и он легче нас всех. К сожалению, мы взяли с собой не самых быстрых лошадей.

– Пикаро – хороший конь, – услышал собственный голос Хайме, – только слегка тугоуздый.

– Леон – отличный наездник, – живо откликнулся дон Хулио. – Сеньор де Ригаско, если вы знаете сеньора Хенилья...

– Знаю, – перебил Карлос, – ему нужен приказ, он будет. Хенилья примет меры, кто бы ни привез письмо.

– А чем займемся мы? – деловито уточнил Себастьян. – Кабаны могут спать спокойно, но охота, надеюсь, продолжается?

– Выйдем к броду и пойдем по следу. Солдат на «белолобых» еще навести нужно... Хайме!

– Да!

– Черт, ты же теперь на чужой лошади... Бласко, поскачешь в обитель. Предупредишь аббатису и заберешь Инес.

– Хенилья успеет, – вмешался Мануэль, – должен успеть.

– Не сомневаюсь, но Инес отправится домой. Это война, сеньоры. Неужели непонятно?

– «Белолобые» еще не Лоасс, – напомнил Себастьян. – Или... Неужели у них королевские знамена?

– Нет, – мотнул головой Карлос. – «Белолобые» – факел, который летит в соломенную крышу. Если они дорвутся до монастыря, миру конец. Если не дорвутся, то же самое. Сотен убиенных единоверцев Бутор нам не простит. Не сможет простить, иначе свои же сожрут.

– Кто? – не понял Лихана.

– Те, кто втащил его на трон, превратив королевскую свадьбу в резню, – пояснил де Ригаско. – Виорнская Вдова⁷ и маршал Танти. Господа де Гуальдо, сеньор де Лихана, каковы ваши намерения?

– Я остаюсь, – голос муэнца прозвучал буднично и спокойно. – Только пошлю кого-нибудь передать, что свору сюда приводить не нужно.

Дон Хулио переглянулся с братом.

⁷ Мать Луи Бутора, «королева Виорна» Иоанна.

– Мы заедем в замок. Нам нужно кое-что взять...

– И рассказать отцу и братьям. Мы вас найдем.

– Хайме, – Карлос неторопливо опустил на серый обломок, – познакомь Леона с Пикаро, а я напишу письмо. Дон Луис, расплатитесь с загонщиками... С теми, кто пожелает вернуться. Жаль, что ваши собаки нам теперь не скоро понадобятся. Мануэль, будь другом, проверь пистолеты...

– Проверю, – лицо Альфорки стало лукавым, – так ты собрался следить или все-таки драться?

– Сперва первое, а затем второе. Неужели ты думаешь, что я предоставляю визитеров Хенилье? Это было бы невежливо.

3

Что за сила раздвинула в незапамятные времена горы, выпустив беснующуюся реку на простор, чтобы мильей ниже вновь загнать в каменистую щель? Может, и впрямь, черт или скорее сам Сатана. Но тогда почему здесь столько света – усыпавшая берег галька и та слепит глаза белизной... Куда там колпакам развернувшихся в боевое охранение лоассцев. Умело развернувшихся, ничего не скажешь! Лихана не ошибся, хаммериане добрались до переправы раньше и времени зря не теряли.

– Черт бы побрал этого черта! – прошипел Альфорка. – Нашел где свою образину рассматривать!

– Для своих старался, – шепотом же откликнулся Себастьян. Лихана промолчал – шевелил губами, считал переправлявшихся. Хаммериане бойко перебирались через сверкающий плес, вышколенные кони дюжина за дюжиной разбивали проклятое зеркало, а оно, сверкая, срastалось за их спинами. Обещанные загонщиками две сотни уже переправились, но это было не все, далеко не все... У страха на сей раз глаза оказались не велики, а малы: через реку пер полк, и судя по тому, как мокрые всадники строились в походный порядок на выровненной все тем же чертом площадке, полк боевой.

Знамен и кокард не наблюдалось, но сноровка и деловитость говорили сами за себя. Это были солдаты, причем многоопытные, вышколенные и готовые к любым неожиданностям. Правда, всего не предусмотрели и они. Хозяев гости опасались, но заподозрить в груди перевитых ползучими розами камней тайное убежище не сумели. Или, вернее, проводник сплеховал. Должен же у них быть проводник, так просто по здешним тропам не побегаешь. Не обошлось и без предателя в городе или в гарнизоне. Наобум лезут иначе, а этот визит готовили, и готовили тщательно...

– Карлос, – окликнул Альфорка, – видишь? На сером...

Плечистый всадник на высокой серой лошади выбрался на ближний берег и неторопливо поправил колпак. За ним как пришитые следовали четверо здоровяков. Плечистый развернул коня и поднес к глазам руку, разглядывая переправу.

– Полагаю, перед нами начальник, – сообщил так и не утративший церемонности Лихана, – вы не находите?

– Нахожу. – Пристрелить бы этого начальника, а еще лучше на пару с проводником, но далеко. Разве что прорубиться, только Инес рано во вдовы, а Леон уже на полдороге к Сургосу. Коннице, если быстро поднимется, нужно часа два, а «белолобые» отстают от муэнца часа на четыре, не меньше.

– Хвост! – возвестил Маноло. – Давно пора, дьявол их побери!

– Четыреста восемьдесят два человека, считая начальника. – Лихана, морщась, отполз от щели между камнями, сел и снова поморщился.

– Старые раны? – посочувствовал Себастьян, не имевший обыкновения молчать. Особенно перед дракой.

– Нет, – покачал головой муэнц, – старость и позапрошлая зима... Месяц в развалинах без меховых плащей – это почти казнь.

– Так вы стояли в Сальса? – оживился Доблехо. – А мы...

– Сейчас мы в Альконье, – напомнил Карлос, – и у нас нет времени для воспоминаний.

– Прошу прощения, господин полковник.

Надулся, нашел время!

– Ваши слуги смогут прикрыть нам спину? – разрядил обстановку дон Луис. – Ваш ординарец производит впечатление старого солдата, но остальные четверо...

– С какой стороны за наваху хвататься, знают. – Да и кто не знает, времена нынче, прямо скажем, веселые. Адалид и тот бы взвыл. – Здесь, надеюсь, одна дорога?

– Нет. Можно идти берегом до Сургосской дороги, а можно свернуть в холмы и выскочить на тракт ниже Тудора... Если, конечно, им нужен монастырь.

– Бойтесь, что они предпочтут господина Овехуну?

– Боюсь, – признался Лихана. – Что поделаться, когда речь идет о твоём гнезде, поневоле начинаешь кудахтать.

– Загонщики предупредят горожан, – не очень уверенно произнес Альфорка, – люди успеют уйти.

– Никуда они не пойдут, – отмахнулся Себастьян, – непуганая дичь не взлетает, а войны в Муэне не видали лет двести.

– Хватит! – прикрикнул Карлос. В Тудоре у него никого не было, но Инья оказалась слишком близко от белого полка. Слишком! – Дон Луис, успокойтесь. К нам пожаловали не грабители, не насильники и не мародеры, а убийцы. Причем опытные. Им нужна обитель...

Сверху конные белоголовые фигурки выглядели мелкими, нелепыми и безобидными. Хаммериане со своими песнопениями, бритыми лицами и колпаками были бы смешными, не будь они страшными. Бедняга Филипп это знал, но решил покататься на драконе. Виорнцы помогли умнику не проиграть войну, а потом маршал Танти предложил скрепить союз хаммериан и мундиалитов браком. Король согласился отдать сестру сыну одержимой Иоанны, а что ему было делать? Только позвать Ротбартов... Волки Миттельрайха перервали б наследникам Хаммера глотку, но что бы осталось от Лоасса?

– Построились. – Лопе тихонько тронул господина за плечо. – Сейчас двинутся.

– В холмы наладились. – На скулах Альфорки заходили желваки. – Торопятся, черти белолобые! Ничего, Гонсало их приветит.

– Будем надеяться. – Белочешуйчатая змея дрогнула и неспешно поползла прочь от равнодушного Зеркала. Впереди кузнечиками прыгал дозор, вокруг трусили всадники охранения. Все верно – холмы вдоль дороги нужно прощупывать.

– До главного не добраться. – Доля наблюдателя Маноло явно тяготила. Еще бы, меткость Альфорки давно вошла в поговорку. – Разве что обогнать и обстрелять. Лучше сверху. Дон Луис, место для засады не подскажите?

– Засады не будет. – Карлос смахнул с рукава какую-то пушинку. Интересно, почему хитаны таскают на груди перышки? Надо было спросить Ампаро, да в голову не пришло.

– Ты бы еще ультиматум им предъявил, – поддразнил стрелка Себастьян. – Дождемся Хенилю, стреляй, сколько душе угодно.

– Глупо ждать. – Альфорка только что не кусался. – Я среди «белолобых» одного в берете приглядел. Похоже, проводник. Вот его бы...

– Обойдешься, – отмахнулся де Ригаско, – незачем их раньше времени полошить.

Куда двинется Гонсало, сразу к монастырю или наперерез? Если поторопиться, гостей можно не выпустить из холмов, но Гонсало никогда не спешит и все по десять раз проверяет. Значит, это будет монастырская дорога, и дай боже, чтоб хаммерианам не пришлось в голову по пути «проповедовать». На что похожи деревушки и городки после визита «бичей Господних», Карлос не видел, но слышал довольно, чтобы бояться за смешной Тудор, одинокие мельницы, адуар, в котором нет Ампаро и его ребенка, но есть другие женщины и другие дети.

Лола однажды уже бежала от «белолобых». «Здесь вам ничего не грозит...» И кто

только за язык тянул?! Выходит, не ждать? Броситься на дракона с вилкой? Четверо вояк, Лихана с больной спиной, дуралей Хайме и слуги с увязавшимися загонщиками... Это даже не смешно, хотя прикончить главаря с проводником можно. Если повезет. Только потом не будет ничего – ни Инес, ни войны, ни ночного озера с его снами...

– Спокойно, – медленно произнес де Ригаско, – пока от нас мало что зависит, но господ хаммериан мы проводим. Хенилья должен знать о них все.

Глава 4

1

Сеньор Хенилья и в обычный-то день казался застывшим, а узнав про «белолобых», и вовсе закаменел. Леон командора не торопил – слишком устал. Хорошо, конь герцогского родича и впрямь оказался отменным: другой бы уже десять раз упал, а Пикаро бежал. Конюх обещал поводить беднягу, но вот поводит ли?

– Пить хотите? – Хенилья кончил буравить взглядом увешанную оружием стену и уставился на дурного вестника. – Садитесь.

– Спасибо, – Леон рухнул в кресло прежде, чем сообразил, что отдаст за кружку воды половину оставшейся жизни, – пить я хочу.

– Так пейте! – Хенилья сам плеснул в высокий кубок чего-то красного. Вина, но сейчас уже можно. – И расскажите все подробно. Полковник де Ригаско слишком краток, что, учитывая случившееся, объяснимо. Не бойтесь, не опоздаем.

– Я не боюсь, господин командор. – Как трудно оторваться от вина, но от воды было бы труднее. – Хаммериане сейчас или уже переправились через Рио-де-Онсас, или вот-вот переправятся. Если выступить немедленно...

– Мы выступим, как только капитанов вытащат из таверны и оседлают коней. Вы лично видели хаммериан?

– Их видели загонщики. Ошибиться они не могли.

– А солгать? – подался вперед Хенилья. – Будь это люди полковника де Ригаско или хотя бы ваши доверенные слуги, я бы не сомневался, но весть принесли горожане. Вы их раньше видели?

– Нет, но сеньор Лихана их, кажется, знает...

– Лихана – странный человек. – Командор задумчиво пожевал губами. Точно так же он жевал прошлым летом, когда привезший письмо деда Леон в первый и последний раз был в этом кабинете. – Лично я не знаю, почему дон Луис осел в Туторе, если он может жить в более приятном и приличествующем его положению и здоровью месте. Скажу больше. Появление этого человека рядом с герцогом де Ригаско вызывает у меня определенные сомнения.

– Мой отец и мой дядя там тоже появились. – Пустой кубок мешал, и Леон, колебавшись, поставил его на стол. – Сюда идут хаммериане, сеньор Хенилья. Идут убивать.

– Или не идут, – уточнил командор, – впрочем, значения это не имеет. Нужно ехать. Если никаких хаммериан нет, придется заняться загонщиками и сеньором Лиханой. Если есть, отправить еретиков к дьяволу, который их и породил.

– Они есть. – Выдержать чужой пристальный взгляд было непросто, но скачка через раскаленную Муэну прикончила все страхи, кроме одного – опоздать.

– Возможно, – на этот раз Гонсало де Хенилья наполнил два кубка, – и все же я предпочел бы говорить с непосредственным свидетелем вторжения.

– Свидетели ездят на мулах, а хаммериане на лошадях. Их не менее двух сотен.

– Если они вообще есть, их будет не меньше полка, – буркнул командор, разворачивая свиток, оказавшийся картой. – Какой дорогой вы ехали? Через Тутор?

– Нет, через холмы. Так быстрее.

– Кого-нибудь встретили?

– Нет.

– Ваше счастье. Лоассцы, не оглядевшись, голову в петлю не сунут, особенно эти... Кто-то должен был проследить за гарнизоном и дать знать, что путь свободен. И этот кто-то, надо полагать, воспользовался короткой дорогой. Вашей дорогой. Мы пойдем ей же.

– В холмах коротких дорог много. – Какое мягкое кресло, но придется вставать и идти. Хуже, чем идти, – лезть в седло. Все начнется сначала: стук копыт, жара, разноцветные круги перед глазами, жесткая от высыхающего прямо на тебе пота рубаха... – Я готов, – выдавил из себя Леон. – Но мне нужна свежая лошадь.

– Она у вас будет. – Командор усмехнулся впервые за время разговора. – Даю вам час, молодой человек. Отдыхайте и наслаждайтесь жизнью, пока можете. За вами придут.

– Благодарю вас, дон Гонсало.

– Благодарить надо вас. Никогда не думали вступить в армию? Я бы вас взял.

– Де Гуальдо не покидают Альконью. – Но как же хочется покинуть и стать капитаном, командором, маршалом, наконец! Родственник де Ригаско наверняка станет, а ты сиди в своих предгорьях, куда после сегодняшнего никто не сунется еще лет сто!

– Я слышал о вашем семействе и не смею настаивать. Жаль, из вас бы получился хороший офицер. Я редко кому это говорю.

2

Если в здешних предгорьях что и было хорошего, то это тень и несколько попавшихся на глаза родников. Альконья защищала от солнца всех своих гостей, с чем бы те ни явились, и еще вопрос, кто был ей приятней – замахнувшиеся на местных тварей охотники или чужаки. Хаммериане не собирались проливать кровь на заповедном берегу, они вознамерились пролить ее дальше. Альконья могла спать под горячим предосенним солнцем, что она и делала. Не шумела темная жесткая листва, молчали отпевшие и оторавшие по весне птицы, попряталось по своим убежищам зверье. Послеобеденная одурь обошла лишь ящериц да мелькавших сквозь разрывы в пропыленной усталой зелени коршунов. И еще она не тронула людей в колпаках, грязно-белым потоком струившихся каменистой дорогой. Это над ними скользили падальщики, дожидаясь поживы. И как только догадались?

Пильо испуганно фыркнул и попятился. С причудливо изогнувшейся коряги стекла внушительная желтоголовица, тускло сверкнула возле обмотанных обрывками плаща копыт и юркнула под камень. И вновь ничего и никого. Лишь отдаленный цокот чужих подков да назойливое гудение и стрекот всякой летучей мелочи. Два отряда, большой и крохотный, тонули в часах и минутах, как в сонной озерной воде. Где-то за очерченными коршунами кругом просили Пречистую о ребенке сотни женщин, садились на коней солдаты Хенильи, прятали нехитрый скарб обитатели Тудора. Они были, и их не было...

– Сеньор, впереди прогалина. Этих... видно как на ладони. Глянете?

– Гляну! – Карлос, словно очнувшись, уставился на хмурого Лопе. Великан был таким, как всегда. – Ну и духота... Не поймешь, то ли лоассцы и впрямь здесь, то ли снятся.

– Тут они, уроды белолобые, – заверил ординарец, – а вы б лучше шляпу надели. Лес лесом, а голову печет.

– Нет у меня шляпы, – признался де Ригаско, – потерялась.

Такое с ним бывало, особенно перед боем. Судьба требовала дани и получала ее позабытым плащом, пустым желудком, лопнувшим не ко времени ремнем. Карлос де Ригаско был суеверен, как любой солдат, и знал, что пакость свое возьмет. И лучше ерундой, чем кровью.

– Потерять шляпу – к удаче! – с готовностью объявил Лопе. Ординарец знал своего господина как облупленного. Еще б не знать вздорного мальчишку, в один прекрасный день влезшего на самого строгого жеребца в конюшне... Шрам остался до сих пор памятью о

наглости и удаче. И о том, как отец велел стереть кровь и идти на барьер. На своей лошадке. До строптивного жеребца дело дошло через два года...

– Дьявол и все его мухи! – Подъехавший Альфорка от злости разве что искры не пускал. – Ну почему эти твари так далеко?

– Объяснить? – предложил не отстававший от приятеля Доблехо. – Или сам догадаешься?

– Не догадаешься, Хайме спроси, – посоветовал Карлос, – или Хенилью, когда явится. Он тебе объяснит. В подробностях.

– Спасибо, не надо, – поблагодарил Маноло и погладил пистолет. – У него курок чешется.

– Так почеси! – не выдержал де Ригаско, притворяясь, что считает давно пересчитанных хаммериан. «Белолобые» шли уверенно и деловито. Проводник проводником, но без глаз в Сургосе не обошлось. Кто-то заверил гостей, что их не ждут, и этот кто-то вряд ли был чужаком.

– Карлос, – раздалось над ухом, – Карлос!

Герцог рывком обернулся, но это был всего лишь Хайме.

– А ты что тут делаешь? Твое место с Лиханой и загонщиками.

– Господин полковник! – отчеканил обиженный родственничек. – Сеньор Лихана велел доложить, что к нам присоединились господа де Гуальдо во главе с бароном. Числом семеро. С ними отряд из слуг, числом шестнадцать, и выючные лошади, числом семь.

– Числом, говоришь? – усмехнулся Карлос. – Очень мило с их стороны. Что-нибудь еще?

– Нет, господин полковник. – Начав дуться, Хайме становился краток и деловит. Вот и славно.

– Передайте господам де Гуальдо мою благодарность, но они зря беспокоились. Хенилья подойдет через два или три часа. Впрочем, при желании они могут принять участие в охоте. В какой-нибудь из охот...

3

Ветер дул с гор, дул неистово, будто задавшись целью отбросить от усталой крепости вонь чужого лагеря. И так же неистово билось в звездном небе ставшее черным знамя, словно хотело что-то сказать, объяснить, предупредить... Утро вернет миру краски, и с лазоревого полотнища вновь глянет золотая яростная птица. Что она увидит? Доживет ли до нового вечера или захлебнется кровью вместе с безумцами, сказавшими «нет» тем, кто не знает такого слова...

– Мой сеньор, что с вами?

Звезды заволакивает дымом, губы солонны от крови, но ветер все еще рвет темное полотнище. Его не спустят, пока жив хоть один...

– Мой сеньор!

Что-то кисловатое и холодное смывает соль с губ, мгла рассеивается. Ночь давно прошла, над головой белесое, обжигающее небо, но кровью и пылью пахнет все равно. А знамя?! Где знамя и почему он лежит?

– Я ранен? Был штурм?

– Вы упали, мой сеньор. Ваш конь остуился и сломал ногу.

Он куда-то ехал? Невозможно! Крепость обложена так, что ласке не выскочить, но если он все же выбрался, почему за ним не гнались и где письмо?! Он вез письмо...

– Где письмо?

– Не знаю, мой сеньор. Я помогу вам сесть. Я смотрела, кости целы. У вас, не у коня.

– Но я должен ехать! Мне надо... – А куда он едет и почему так жарко? И так светло? – Где мы?!

– Возле Сургоса, мой сеньор. Вы ехали на праздник?

Сургос? Он слышал это слово или оно ему снилось? Конь покалечился, придется идти пешком хотя бы до Сургоса. Он не может здесь валяться, нужно идти... Нужно доставить письмо!

– Помоги мне!

– Сейчас, мой сеньор.

Девушка. Из простых... Босая... Проклятые круги перед глазами, никак не разглядеть лица. Все кружится...

– Они ушли? Где они?

– Кто? – Овальное пятно цвета слоновой кости обрамлено дымом, в дыму что-то краснеет. Кровь? Нет, это цветок в волосах, в черных волосах, но это неправильно... Неправильно все!

– Выпейте, вам будет легче!

Снова дешевое кислое вино пополам с водой. Бледное пятно превращается в лицо – юное и встревоженное. Дешевые серьги, спутанные кудри, перышко на шее.

– Ты хитана?

– Да, мой сеньор. Я шла на праздник, сегодня большой праздник... Сеньор искал письмо? Вот оно... Оно помялось!

Грязный надорванный лист, смазанная печать... Половина леопарда с крестом и надпись «...гаско». Что она значит? Что-то заливает глаза, но он не ранен, иначе б хитана измазалась в крови. К горлу подступает комок, звон в ушах становится нестерпимым.

– Ты умеешь читать?

– Нет, мой сеньор.

– Ты видишь, я открываю это письмо. Я прочту его вслух. Ты запомнишь?

– Я запомню.

Глава 5

1

Высоченный лохматый хитано протянул руки ладонями вперед, а потом неторопливо скрестил их на груди. Непонятный гость был выше и Лопе, и старших де Гуальдо, не говоря о самом Карлосе, смотревшем на появившегося из зарослей бородача снизу вверх.

– Мы пришли к вам, – спокойно сказал хитано.

– Вы? – не понял де Ригаско. – Зачем?

– Праздник, – холодно произнес гость, – слишком много женщин. Бесноватые хотят крови. Мы – мужчины, у нас есть навахи.

– Постойте! – сеньор Лихана отстранил потавившего из ножен шпагу Себастьяна. – Это Мигелито, вожак здешнего адуара. Хитано пришли еще при моем отце и остались... Мигелито, как ты узнал? Где Хенилья и его солдаты? Ты их видел?

– Солдаты в казармах. – Мигелито был немногословен. – Офицеры в таверне, за ними пошли. Антоньито пошел, а Хенилья в городе нет.

– Дьявольщина! – Себастьян топнул ногой, словно желая пробить покрытый трещинами камень. – И куда этого ящера унесло?!

– Командор уехал, – повторил хитано, – он и десять солдат. Их видели, а ваш человек разбился. Лошадь упала, ее не поднять. Выбоина и неудачный день. Не нужно садиться в седло, не нужно брать нож...

– Он жив хотя бы? – Карлос с тревогой оглянулся на старшего из де Гуальдо.

– Конь упал по вине моего внука? – соизволил изречь патриарх. – Если это так, его стоимость будет возмещена.

Карлос провел рукой по лбу, переводя взгляд с лица на лицо. Маноло с Себастьяном, старик в допотопных одеждах, его до одури похожие сыновья и внуки, лохматый хитано,

растерянный Хайме... Люди замерли среди рыжих, пронизанных солнцем стволов, словно сами стали деревьями.

– Леон де Гуальдо жив? – Время потеряно безвозвратно и глупо, а как просто было отправить двоих. Того же Хайме на Пильо, да что теперь за ветер хвататься, тем паче ветрато как раз и нет.

– Гонец жив, – разжал губы хитано, – я оставил его с женщинами. Письмо повезли в город, но мы не стали ждать. Гонец сказал, вы идете от брода вдоль дороги. Нас три десятка. Все, кто шел в Сургос. Мы вели коней и шли танцевать, мы повернули.

– Спасибо, Мигелито.

Три десятка хитано с навахами и кнутами, дюжины полторы горцев, столько же загонщиков со своими мулами... Вот тебе и полк, счастливчик де Ригаско, а крепости или хотя бы бастиона тебе не построили. Ты сам теперь крепость. Ты и эти люди, большинство которых видишь первый и, очень может быть, последний раз. По крайней мере, на этом свете.

– Сеньор Лихана, – уточнил де Ригаско, – я правильно понимаю, что хаммериане будут у монастыря раньше солдат, даже если офицеры гарнизона рискнут выступить, не дожидаясь командора?

– Капитан Бертильо рискнет. – Голос муэнца был не менее ровен, чем голос герцога. – Я его хорошо знаю. Бертильо ранили под Сан-Марио на моих глазах. После выздоровления его перевели в Сургос. Он не станет мешкать и пойдет галопом... Солдаты могут успеть, особенно если хаммериане... отвлекутся.

– То есть? – Себастьян опять теребит перчатки, дурацкая привычка. – По дороге же ничего нет, Тотор ведь не тронут? Уже не тронули.

– Дальше – адуар, сеньор Доблехо, – объяснил Лихана, – а еще гостиницы для паломников и лагерь тех, кому гостиницы не по карману. Грабить нечего, но хаммериане не грабят. Они, как бы это сказать... ересь искореняют.

– Мы знаем, – прорычал Альфорка, – видели!

– Прошу прощения.

Муэнец замолчал, и разговор оборвался. Вот так и бывает – трещина в камне, немного глупости, и все летит в тартарары. Гонец валялся без памяти, а хаммериане шли вперед, минуя место за местом, где можно было их придержать, отступив затем к следующей узости. Четыре задержки, и Хенилья бы успел. То есть не Хенилья, а какой-то капитан, воевавший вместе с Лиханой и получивший на старости лет теплое местечко. Только теплое вдруг стало горячим! Муэну защищает Пречистая Дева... В Муэне нечего бояться ни паломникам, ни хитано...

– «В Виорне больше не пляшут, а поет лишь та, что вечно косит...»

– Ты о чем? – Маноло не понял, а ты сам понимаешь?

– Ни о чем! – Лола избежала хаммерианских лап в Виорне, повезет ли девочке снова? Хитана сказала, что идет в город, ее не будет в адуаре. В праздник палатки стерегут старики да детишки... Ампаро там тоже нет, нет и твоей дочери или сына, а Иньиту Бласко давно увез. Два коня в один день ноги не сломают...

– Сеньоры, прошу подойти ближе. Нам следует обсудить наши действия.

Подожли. Встали. Дон Луис держится за эфес, Себастьян зачем-то задрал голову и сразу же опустил, Маноло морщит нос, сейчас чихнет, у Хайме горят глаза, хитано наклонил голову, старик де Гуальдо смотрит на детей и внуков, словно пересчитывает. Он привел всех или кто-то остался в замке? В странном замке, как сказал Лихана.

– У нас есть выбор. – На самом деле его нет, по крайней мере, нет у тебя и Мигелито. – Мы можем уйти, а можем задержать хаммериан своими силами. Сколько сможем, столько и задержим, а дальше... Господу виднее.

Проводника звали Хиронимо, но Матье Лабри звал его Жеромом. Онсиец терпел: пять сотен золотых – две у перевала, три у монастыря – свое дело сделали. Жером казался надежным, и все же Лабри предпочел бы подкупленному еретику собрата по вере. Увы, к югу от Сьерра-де-Онсас все тонуло в папистском⁸ мраке, что не мешало пособникам дьявола воевать, и воевать неплохо. Лабри досадливо дернул головой, та не замедлила откликнуться тупой болью, напоминая о старой ране и о том, что самая спокойная дорога может вести в ловушку. Если они до сих пор не встретили солдат, это не значит, что встречи не случится вообще, а проводник и его пока неведомый свояк не окажутся предателями.

– Жером, когда мы выберемся из этой ловушки?

Проводник оглядел похожие друг на друга и на столпившихся серо-зеленых ежей горы и неторопливо объявил:

– Через час, сеньор. Да вы сами увидите. Холмы на север сдадут, а нам – на восток.

– Ты уверен в своем родственнике?

– А куда он денется? – удивился онсиец и замолчал. Болтуном он не был, что не могло не радовать. Простучали копыта – подъехал граф Крапу и сообщил, что петляние по запутанным тропам ему порядком надоело.

– А вы, я вижу, рассчитывали на парад? – поморщился Лабри, глядя на украшенные тонкой вышивкой графские перчатки. Хорошо, не золото, но дойдет и до этого. Роскошь и похоть – оружие дьявольское, а девка Дорифо не просто хороша, как десяток суккубов. Шлюха умна, недаром она дочь проклятой ромульянки⁹! Королева надела белый чепец, но рубашки у нее шелковые, а Луи падок на женщин. Слишком падок для достойного государя...

– Я рассчитывал и рассчитываю на успех, полковник. – Крапу и не подумал отвести взгляд. Любимчик короля очень быстро позабыл, кто превратил молодого Бутора из жениха Дианы Дорифо в повелителя Лоасса. Хочется верить, у самого Луи память длиннее.

– Господь нас не оставит. – Желание отхлестать наглеца по щекам было острым до мучительности, но Лабри в очередной раз сдержался. – Но раз вы проявили беспокойство, ведите колонну. Дорогу покажет Жером.

– Слушаюсь, полковник! – Почтительные слова и насмешка в глазах. Луи такой же. Маршал считает, это пройдет. Во время войны. Значит – да здравствует война, и смерть папистам!

Лабри придержал жеребца, пропуская колонну мимо себя. Солдаты шли рысью, в хорошем порядке, никто не отставал, ни у кого не захромала лошадь, все были должным образом вооружены и одеты. Братья по вере, не раз проливавшие за Господа свою и чужую кровь, они были готовы к тому, что предстояло. Ветеран пяти войн, воин до мозга костей, Лабри мог по праву гордиться своим отрядом, и он им гордился. С собой полковник тоже был доволен – подобрать людей для столь важного дела непросто, но он не ошибся ни в ком. Недельный марш через горы это подтвердил.

Нахлынувшее раздражение понемногу стихало, уступая место уверенности, что приказ маршала Танти будет выполнен с блеском. Нельзя позволять королю заключать мир с еретиками, нельзя оставлять молодежь без дела. Праздность для души человеческой страшнее вражеских армий и злее чумы. Не зря Господень Молот¹⁰ называл безделье ржавчиной, разъедающей железо, и гнилью, подтачивающей стропила...

Сухие знакомые хлопки донеслись из-за очередного холма, за которым скрылся

⁸ Паписты – презрительное именование мундиалитов сторонниками реформаторских церквей.

⁹ Анунциата Рисанатори, мать последнего короля из династии Дорифо и фактическая правительница Лоасса. Происходила из богатой и знатной ромульянской семьи. Была особо ненавистна хаммерианам.

¹⁰ Одно из именований Томаса Хаммера, употребляемое его последователями.

авангард. Привычные ко всему ветераны не поперли вперед и не заметались, как бараны, а замерли, ожидая приказа. Солдаты свое дело знали, как и офицеры. Капитан Пивоне обернулся и поднял руку, Лабри кивнул. Вооруженные лучшими виттскими аркебузами стрелки стремительно спешили и рассыпались по сторонам, беря на прицел ближайшие склоны. Остальные ждали, стискивая рукояти шпаг и беспокойно оглядываясь.

Новый залп не заставил себя ждать, его слитность и мощь подсказывали – бьют свои, авангард. В ответ раздалось несколько разрозненных выстрелов. Лабри неторопливо поправил пороховницу, погладил коня и шагом направился в голову колонны. Пусть видят, что ничего особенного не произошло. Полдюжины стрелков в холмах – не повод махать руками и скакать галопом, но кто же все-таки стрелял? Гарнизонный дозор, кознями дьявола оказавшийся на дороге? Или, того хуже, засада? Задержали в этой узости и сейчас окружают колонну, чтобы обрушиться сверху? Если Крапу с его перчатками не озаботился проверить, ему будет очень невесело. Очень.

Крапу озаботился. Не успел полковник обогнуть предательский холм, как прискакал молодой Шетэ и доложил о том, что авангард обстрелян.

– Сколько их, Роже? – для порядка уточнил Лабри, заодно проверяя графа.

– Пять или шесть аркебуз и несколько арбалетов. Солдаты стали стрелять в ответ, а два десятка сейчас обходят засаду.

– Потери есть?

Сын покойного друга нахмурился:

– Убит один, и ранено двое. Господин полковник, мне очень жаль, но ранен проводник.

– Тяжело?

– Боюсь, да.

То, что вырвалось из уст полковника, вряд ли бы понравилось пастору, но тот отвечал всего лишь перед Господом, а Матье Лабри еще и перед маршалом. Малыш Шетэ потупился, словно был виноват. Матье потрепал его по плечу и, плюнув на осторожность, поскакал к авангарду.

Жером лежал на земле, рядом скрючился солдат, над которым хлопотал Дени Мясник, лет десять подменявший убитых или сбежавших врачей. Крапу и двое офицеров замерли возле мертвой лошади, вглядываясь в молчащие заросли. Громко, словно перед грозой, трещали цикады.

– Откуда стреляли? – осведомился Лабри. Крапу носил поганые перчатки, лез не в свое дело и слушал не маршала и мадам Иоанну, а Луи, но в том, что случилось, был неповинен.

– Оттуда. – Граф махнул рукой и поморщился, на колете расплылось темное пятно, которое могло означать лишь одно.

– Вы ранены?

– Царапина... Стрелки удрали, не дожидаясь, пока их окружают. С другой стороны холма их ждали лошади. Сержант Клеро нашел следы.

– Куда смотрел боковой дозор? Они вообще живы или нет?

– Неизвестно. Донесений от них не поступало. Я отправил на поиски Мату. Дал ему два десятка солдат и отправил...

Все верно, и держится молодцом, но от царапины таких пятен не будет.

– Покажите рану!

– Она перевязана, – запротестовал Крапу, – мне бы не хотелось вновь снимать и надевать колет. Клянусь честью, ничего страшного! Бок задело.

– Вам виднее. – Напросившийся в поход граф не так плох, как казалось, а от вышивок и оборок война отучит. – Что с проводником?

– Две пули. В плечо и в грудь. На ладонь ниже сердца... Я мало в этом разбираюсь, но...

Лабри разбирался лучше, но толку от этого было немного. Опыт подсказывал, что больше Жерому никого через горы водить не придется. Вздох Мясника лишь подтвердил неутешительный вывод.

– Час протянет, – объявил самозванный лекарь, бросая наземь что-то измазанное в крови и вырывая у стоящего рядом солдата кусок полотна, – ну да все там будем, а этому еще повезло! За святое дело прибили, так что спасется... Да не дергайся ты! Будешь подыхать, скажу...

Мясник колдовал над солдатским предплечьем, а проводник глядел вверх, на зависших над отрядом коршунов, и было их до странности много. Ничего, лошади да пары двуногих для начала хватит, а потом могут лететь к монастырю. Лабри перешагнул через еще живого Жерома и нагнулся над лежавшим чуть дальше мертвецом. Ему не почудилось – в шею покойника торчал арбалетный болт. Такой же швырнул в пыль Мясник.

– И здесь тоже. – Догадливый Роже тронул сапогом труп лошади. Бедная животина получила две пули и болт. – По проводнику били.

Нужно было надеть на онсийца плащ и колпак, ну да все мы задним умом крепки. Уповайте на Господа и готовьтесь к худшему, но болты... Два из трех – грубая деревенская работа. Ополченцы?

Вверху зашумело, раздались голоса и шаги, зашуршали осыпающиеся камешки.

– Господин полковник, вернулся Мату. Они встретили дозор, все целы.

– Вижу.

Ни убитых, ни раненых, но морды кислые. Боятся если не Господа, то полковника. И правильно бояться.

– Говорите. Быстро и самое главное.

– Парням не повезло, – закрыл грудью провинившихся Мату, – пришлось обходить склон... Я там был, по откосу в самом деле не пройти. Выстрелы раздались, когда дозор был по ту сторону гряды. Пока повернули, пока карабкались вверх, еретики успели уйти, но их удалось разглядеть. Это не военные.

– Там были местные, – вмешался командир разъезда, – и еще двое, в колетах и шляпах...

– А кони?

– Кони тоже разные. Спасением клянусь, не солдаты это.

Если не солдаты, то кто? Проводник говорил, в Альконье не охотятся. Контрабандисты? Но зачем им стрелять?

– Дени, проводник может говорить?

– А что ему сделается... Хуже не будет.

– Жером, кто в тебя стрелял?

– Коршуны. – Глаза раненого, не моргая, шарили по небу. – Сеньор... не бросайте меня здесь... За холмами бросьте! Где хотите... Только не здесь...

– Тобой займется твой свояк, – пообещал Лабри, – где его искать?

– Недалеко... Прямо... Этой тропой прямо до мелового холма. Начнется сухое русло... Сейчас сухое... Густаво там... Он выйдет сам... Деньги в поясе... Заберите, пока кровь течет! Отдайте...

– Лежи! – велел Лабри. – И молись, как можешь! Тебе повезло умереть за правое дело. Открой душу Господу, и будешь спасен. Мату, ты все понял?

– Да.

– Бери два десятка – и за проводником. Блуждать нам некогда.

– Пояс, – руки раненого шарили по окровавленной рубахе, – коршуны...

– Дени, возьми деньги, раз уж ему приспичило. Отдашь этому... Густаво. Крапу, до возвращения разъезда занимайте оборону на холмах по обе стороны от тропы. Не нравятся мне эти колеты.

Если б не многочисленные промоины, раздавшаяся вширь тропа могла бы претендовать на гордое звание дороги. Когда в горах шли дожди или таяли снега, здесь бесновался

похожий на реку поток, но сейчас было сухо. К несчастью...

– Это самое узкое место. – В голосе дон Луиса слышались виноватые нотки. – Хотя оно все равно слишком широко.

– Искать другое некогда, – утешил муэнца Карлос, из-под руки разглядывая испятнанный валунами левый склон. Тот был крутым, верхом не подняться, и совершенно голым, если не считать вцепившегося в трещины плюща. Правый, более пологий, зарос кустарником, ближе к плоской вершине переходящим в жиденский лес. Камни были и здесь, на одном свивала кольца желтоголовица, в другой вцепился корнями доцветающий шиповник.

– Неплохие обломки, – вполголоса одобрил герцог, – если успеем скинуть, выйдет заграждение, хоть идохлое.

– Лошади не пройдут, – согласился старик де Гуальдо, его потомки привычно промолчали, а хитано ограничился кивком. Хайме тоже промолчал, ему с лихвой хватило обещания Карлоса отправить великого стратега и еще более великого стрелка в Титор с нарочным. Молодой человек не обиделся, было не до того, да и стрелял он хуже родича, а тот остался, поручив дело Маноло. Альфорка с Доблехо и пятью загонщиками ускакали, Хайме проводил их взглядом и замолчал до лучших времен. Война начиналась не так весело, как хотелось. От неожиданности и несопоставимости сил было зябко, да и Пикаро было жаль до слез. Конечно, в трещину может угодить любой, но на чужой лошади это проще. Не забыть бы сказать де Гуальдо, что он конями не торгует и денег за Пикаро не возьмет.

– Хайме, проснись. – Теперь Карлос разглядывал кусты. – Кого-нибудь видишь?

– Нет. – Молодой человек честно уставился на пыльную зелень. – А что там?

– Люди, – разжал губы хитано, – у шиповника и выше, но бесноватые не заметят.

– Я тоже так думаю. – Лихана неспешно ослабил шейный платок. – Жаль, мы не встретили лесорубов, но раз так, займемся камнями. Катить их по такому крутому склону не так уж и сложно.

– Я приказал нарубить кольев, – сообщил Карлос, расстегивая камзол. – Не думал, что стану каменщиком... Хайме, а ты?

– Я тоже, – с готовностью откликнулся юноша, избавляясь от куртки и по примеру родича закатывая рукава. Камни не дадут «белолобым» с ходу проскочить засаду. Им придется или обходить заграждение по лесистому склону, или вести коней в поводу, или разгребать завал. В любом случае аркебузы и арбалеты скажут свое слово, ну а лоассцы? Вряд ли их испугает дюжина стрелков, они спешатся, атакуют засаду, и тогда дело найдется всем, кто может драться. Конечно, врагов больше, но какое-то время продержаться можно. Карлос оставил лошадей в лесу, в крайнем случае они отойдут по склону и поскачут навстречу Бертильо.

– Хайме, не вздумай снимать перчатки, без рук останешься. – Де Ригаско уверенно, словно только этим и занимался, всадил то, что недавно было молоденьким деревцем, под шершавую глыбу. – Сеньор Лихана, с дороги! Эта радость не для вашей спины!

Муэнец кивнул, лицо его стало грустным. Карлос навалился на рычаг, Хайме последовал его примеру. Камень закачался, сперва неохотно, потом все сильнее и, наконец, вывалился из гнезда и покатился по склону, подняв пыльное облако. Загрохотало, герцог по-крестьянски утер лоб, из-под ног шарахнулась лишившаяся крова ящерица. Сбоку друг за дружкой пронесли четыре здоровенные глыбы – там орудовали де Гуальдо, словно родившиеся землекопами. Не отставали и хитано с загонщиками. Валыны один за другим покидали насиженные места, рвались плети плюща, скрипела на зубах пыль, вспухали на тропе серо-бурые волдыри, но Хайме было не до них. Юноша орудовал колом, изредка встряхивая головой, чтобы отбросить лезшие на глаза волосы. Вокруг и внизу скрежетало, хрустел и осыпался щебень, а солнце превратило голый склон в адскую печь.

– Какой обвал мы бы устроили в приличных горах! – Карлос вогнал кол в щель между двух похожих как близнецы камней, но расшатывать их не стал. – Ты жив?

– Жив, – поспешно подтвердил Хайме, с удивлением разглядывая дыру на перчатке,

сквозь которую виднелся пузырь. Пришлось сунуть руку за спину, но родич смотрел вниз.

– Мало мы платим каменотесам, – заметил он, – надо больше... Мигелито, что такое?

– Кони. – Поворочав камни, хитано стал еще всклокоченней, чем был. – Уже близко. Немного.

– Альфорка... По крайней мере, хотелось бы верить. – Карлос с сомнением глянул на загроможденную тропу. – Нам бы еще час, ну да сколько будет. На ту сторону, живо!

Свист дозорного застал их на дороге среди обрушенных валунов, и Хайме сам не понял, как уселся на ближайший камень... Волдырь, о котором он забыл, заявил о себе в полный голос, к нему немедленно присоединилась спина. Пить хотелось зверски. Вот бы забиться в тень или, того лучше, прыгнуть в ледяную воду, опуститься на дно и там лежать, раскинув руки. Сейчас Хайме не испугали бы никакие омуты, но зеленое озеро было далеко, дальше Реваля, Доньидо, Витте...

– Воды! – хрипло потребовал знакомый голос. – Сейчас сдохну, но проводника у «белолобых» больше нет!

– Ты, – живо откликнулся Карлос, – или Себастьян?

– Похоже, мы оба... Дьявол и все его мухи, дайте флягу!

– Это вино, сеньор. Вино с водой...

– Лишь бы мокрое!

Хайме усилием воли разлепил глаза и увидел Альфорку, льющего в рот что-то красное. Рядом утирал лицо Доблехо и тяжело поводило боками кони.

– «Белолобые» не ждали, – Маноло передал флягу другу, – вот и сплеховали. Остановились, кинулись палить по кустам. Можно было еще дюжину прикончить, а не троих, но ты велел...

– Погоня есть? – Карлос, оказывается, тоже сел, а вот де Гуальдо стоят. Прямо дубы какие-то, а не люди!

– Нет. Кажется...

– Они же не знают, кто мы, – вступился за хаммериан Себастьян, – нас могло быть и много.

– Если их начальник – осторожный человек, он может отказаться от своей затеи, – встрял сеньор Лихана. – Тайный рейд, перестав быть тайным, становится очень опасным.

– Осторожный хаммерианин... – хмыкнул Доблехо. – Скорей отважную лягушку найдешь. Но без проводника они пойдут медленней.

– Ты уверен, что снял кого надо? – Карлос попытался стереть с лица пыль, но лишь размазал, превратившись в сущего хитано.

– Один он там был, бесколпачный. – Альфорка все же гордился успехом. – В голове колонны шел, сволочь! Если это не проводник, я – Томас Хаммер собственной персоной!

– Если Хаммер болтал столько, сколько ты, я его пастве не завидую. – Де Ригаско тяжело поднялся на ноги. – С проводником ли, без ли, они пойдут дальше. И пока они идут, нужно свалить все подходящие камни... Маноло, к тебе это не относится, твое дело – стрелять.

– Не только, – замотал головой Альфорка, – а по бесноватым я подышать буду, не промажу.

4

Отряд вернулся быстрее, чем можно было надеяться, и привез проводника, невысокого живчика, в отличие от испутившего дух родича болтливого, как маркитантка. Мату, презрительно поджимая губы, доложил, что этот Густаво пришел на место давно, но, услышав выстрелы, затаился. Вылез онсиец лишь на условный свист, после чего принялся причитать, ахать и шмыгать носом, чем и занимался всю дорогу.

– Не следовало мне слушать Хиронимо, добрые сеньоры, – ныл Густаво, – ох, не следовало. Недаром мне коза в болиголове снилась... Не к добру это, а уж в праздник

грешить хуже некуда! А покойника я не повезу, что хотите делайте, не повезу! И пальцем его не трону, где убили, пусть там и лежит... Нет у него никого, зачем везти?

– Замолчи, болван! – Крапу заткнул болтуна мгновением раньше, чем это сделал бы сам Лабри. – Иначе сам здесь останешься. С падальщиками.

– Нет, сеньоры! – Глаза Густаво стали круглыми, как у рыбы. – Я вас доведу, куда скажете доведу, но Хиронимо пусть здесь лежит... Хозяева взяли, так тому и быть! И день нынче худой, вернуться бы вам, пока солнце не зашло.

– Глупости. – Некоторые двуногие и впрямь сквернее скотов! – Жером оставил тебе свою долю. Хочешь ее получить – повезешь свояка до конца гряды. Не хочешь – твое дело.

Объяснять, что будет с Густаво, если он захочет сбежать, Лабри не считал нужным. Полковник вообще не имел обыкновения угрожать, обычно его понимали и так, особенно трусы. Онсиец понял.

– Я отведу, – закивал он, – до самой до обители... И Хиронимо возьму. Только потом на меня не пеняйте, я все как есть сказал... Плохой день, сеньоры, очень плохой!

– Для еретиков, – уточнил Крапу, деловито проверяя пистолеты, – не для святого дела.

– Хватит болтовни, – велел Лабри не столько онсийцу, сколько разговарившемуся графу, – что в гарнизоне?

– Ничего не знают. – Густаво для вящей убедительности замотал головой. – Ну совсем ничего! Я как уезжал, старших офицеров заприметил. Всех. Как раз к Толстому Пепе заходили. И хитаны туда же шли. Раньше ночи не закончат, святой Густаво свидетель... А как выйдут, так до казарм едва доберутся. Праздник же!

Праздник, в который напиваются и пляшут с грязными тварями, лишь оскорбляет Его Пречистую Матерь! В праздник следует блюсти чистоту или творить благое дело, но не метать же бисер перед папистской свиньей, к тому же продажной.

– Начальник гарнизона тоже в таверне?

– Долговязый Гонсало? Этот у себя сидит, прости Господи, как сыч какой... Куда ему в таверну, он, говорят, только воду лакает и еще молоко. Правду женщины говорят, не мужчина, а уж какой-то, только уши не желтые!

– Тогда кто в нас стрелял?

– Охотники, больше некому. – Густаво задрал голову и тут же опустил, отчего-то вздрогнув. – Только не наши, не муэнские. Здешние в Альконью не полезут, а вот чужаки... Видать, гранды. Из тех, чьи жены к Пречистой на праздник напросились. Известно, жена к Господу, муж – к нечистому... Заскучали, видать, вот и решили ноги лошадям побить. Сейчас небось к Сургосу несутся. Говорю же, день поганый!

– Тебя не спрашивают. – Лабри внимательно посмотрел на Крапу. Граф помахивал своими перчатками, и полковник готов был поклясться, что это нарочно. Дескать, мне все ясно, оттого и скучно, но я потерплю. – Господин Крапу! – Лабри смотрел не на руки, а в глаза, но щеголь прекратил свою игру. – Сколько времени нужно, чтобы охотники предупредили власти? Дозорные уверены, что раньше никто к колонне не подбирался.

Крапу наклонил голову и свел брови. Он не тянул с ответом, не пытался догадаться, а в самом деле подсчитывал. В столице граф погубит и душу, и тело, но на войне из него еще будет толк.

– До Сургоса часа полтора, а то и два, – медленно произнес королевский любимчик, не предполагая, что его положение в отряде стремительно меняется, – пока паписты разберутся, что к чему, пока поднимут кавалерию... Допустим, этот уж молочный и догадается, куда мы идем, ну и что? Нас ему не опередить!

– Вы правы. – Лабри впился в глаза собеседника, и тот опять не отвел взгляд. – Соберите офицеров. Всех и побыстрее.

– Да, полковник!

Пожалуй, не так уж и плохо, что на свадьбе Луи не отпустил графа от себя и к де Кьюмону пошли другие. Всевышний мудр, все, что ни делается, делается к лучшему. Де Кьюмон, как бы он ни владел шпагой, рано или поздно отправится в ад, зато Крапу еще

послужит Господу в этом мире, а онсийцы, собравшиеся на свой шабаш, не убегут. Просто не успеют. За стенами ли монастыря, вне ли их, кара еретиков настигнет, и смерть их послужит благому делу. Луи оторвется от своей девки, а маршал Танти... Маршал займется тайными врагами и шпионами. К концу войны в Лоассе папистов не останется, а значит, будет мир – долгий, надежный, достойный.

Да, все должно получиться. Гарнизонная пехота до ночи не подойдет, а конница, если и появится, не страшна. Паписты строят не монастыри, а целые крепости. Отряд укроется за стенами, дождется темноты, а ночью вырвется и уйдет в горы, но проводника нужно переодеть и держать в глубине колонны, особенно когда дойдет до главного. Папист может не выдержать, работка-то предстоит не из веселых. На войне проще и честнее, но благое дело, не замарав рук, не сделать. Нельзя поднять из грязи сокровище и остаться чистым, но вина лежит на папистах. Это они осквернили веру, они лгали, блудили, извращали слово Божие, торговали во храме, возносили грешных и преследовали праведных.

Если Господь попустит, Матье Лабри еще увидит жизнь без роскоши, прелюбодеяний, бесовских игрищ. Без лживых монахов, тонущих в золоте щеголей, блудниц с голыми плечами. Король станет слугой Господа и братом подданных, а не сосудом дьявольским, как последний из Дорифо, вздумавший стрелять из аркебузы в добрых хаммериан... Гордыня не дала Филиппу и его подлой матери бежать, хотя их и предупредили. Старуха встретила маршала Танти и его людей на пороге своей часовни в королевском облачении... Жаль, герцог де Мэр оказался не столь нагл и предпочел бегство, а де Кьюмон умудрился вырваться, прикончив семерых. Одержимый, прежде чем выпрыгнуть из окна, написал на стене: «Бутор, я вернусь!» Кровью старшего Шетэ.

– Господин Лабри, – четко доложил Крапу, – офицеры здесь!

– Спасибо.

Пять человек, которым веришь как себе и больше, связанных с тобой в единое целое чужой и своей кровью, памятью, совестью, верой... С Мату и Шетэ ты отбивался и отбил от дюжины онсийцев, а вернувшись домой, вытащил из петли трясушуюся от ужаса девчонку, будущую мать Роже. Малыш сейчас здесь. Вместо отца! Гийом Пивоне, товарищ по полку, бывший папист... Брат воевал, а сестра попала на глаза принцу Авайскому и исчезла. Осенью Анну выловили из реки. Кюре отказался отпевать самоубийцу, Гийом отправил святошу к дьяволу и ушел в Виорн к другу. На королевской свадьбе Пивоне отдал все долги.

«Слабак» Люсьен, гнувший подковы и рвущий колодезные цепи... У Сан-Марио они со стариной Бустоном волокли «слабака» по кровавому песку, а он ругался и требовал, чтоб его бросили... Пятеро своих до мозга костей и Крапу, напросившийся с ними непонятно зачем, или все-таки понятно? Можно носить шелк и заглядываться на девок, но оставаться человеком и воином.

– Господа офицеры, – голос Лабри был еще суше, чем всегда, – мы знаем, на что и зачем идем. К сожалению, возникли определенные трудности. Нас заметили охотники, остановить их не удалось. Это значит одно – мы должны очистить монастырь и укрыться за стенами до того, как подойдут паписты. В сравнении с Сан-Марио – игрушки!

Глава 6

1

Все подходящие камни громоздились на тропе, но бастиона не вышло, да и не могло выйти. Полсотни человек с наскоро вырубленными кольями за пару часов, может, и перегородили бы горную расселину, но не эту ложбину. Одна радость, что растаскивать вручную валуны трудней, чем спихивать их вниз... Быстрее чем за полчаса прохода не проделать, даже самого узкого, но полчаса – это мало. Мало, черт побери! Нужны еще

полтора, а лучше – два...

– Все-таки идут, одержимые. Не могут без крови!

Это заговорил загонщик. Костлявый, хмурый, с разными глазами. Кажется, Иньиго.

– Был сигнал? – Альфорка шурится, словно целясь. – Почему я не слышал?

– Я тоже не слышал, – высунулся из тени Доблехо, – показалось кому-то!

– Хозяева. – Загонщик поднял глаза к выгоревшему небу. – Много.

– Хозяева? – не понял Карлос. Небеса были пустыми – только слепящее белое солнце и дальние птицы.

– Коршуны, – пояснил дон Луис, – их так зовут в Альконье. Тех, у кого на крыльях багряные отметины.

– Тут и коршунов-то не разглядишь, – удивился Себастьян, – а уж крылья...

– Хозяева это, – отрезал загонщик, – провожают.

– Это так, сеньор, – Мигелито выхватил и подбросил нож, поймал, сунул за голенище, – простые коршуны одиноки. Мы идем вниз.

– Хорошо, – неважно, откуда у птиц кровавые пятна, лучше занять позиции раньше, чем опоздать, – только не выдайте себя раньше времени.

– Да, сеньор, – пообещал хитано. Солнечный луч скользнул по серебряному перышку на бронзовой шее. Станный знак, многим он стоил жизни...

– Мигелито...

– Сеньор?

– В твоём адуаре есть девушка, её зовут Лола. Сейчас она в Сургосе?

– Лола? – Черные глаза удивленно раскрылись. – Сеньор не ошибается?

– Ей лет шестнадцать. Невысокая, тоненькая, черные волосы... Для хитаны слишком короткие... Она бежала из Лоасса.

– Моя дочь. – Один из людей Мигелито, седой и сильный, шагнул вперед. – Сеньор знал мою дочь?

– Видел вчера... нет, уже позавчера, на дороге в обитель. Я купил у нее цветок. – И еще она приходила во сне, обещала оседлать коня, но он отказался, а утром принесло хаммериан. – Я сказал ей, что в Онсии нечего бояться. Вышло, что я солгал. Она в Сургосе или в адуаре?

– Лола мертва. – Голос седого тоже был мертвым. – Уже год... Бесноватые забили ее камнями, а потом остригли. На ее косах повесили ее мать и лоассца... Он был папистом, как сеньор. Я ковал коней в городе, вернулся и нашел всех. Я развел огонь... Большой огонь.

– Хайме!

– Да? – Мальчишка заболтался с Себастьяном, он не слышал разговора.

– Хайме, помнишь хитану на дороге?

– Еще бы! Ты променял цветок на кольцо.

Красный цветок... Инес просила его бросить, а он сунул в карман. Что от него осталось? Неважно что, если это не бред, цветок найдется.

– Эта девушка была хитаной и назвалась Лолой. Что ж, не всякий назовет имя первому встречному.

– Хитана не возьмет имя мертвой. Имя – это тень жизни. – Отец Лолы покачал головой и легким шагом танцора пошел вниз, по склону. Стало тихо, в который раз за этот безумный день. Была Лола сном или нет, но полтысячи хаммериан существуют и с каждой минутой приближаются. Тут не ошибешься – солдат чувствует схватку, как жаба дождь.

Дальний птичий крик, блеск ударившегося о пряжку Маноло солнца, и следом сдвоенный клекот... Сигнал!

– Вот теперь пришли. – Альфорка кривовато улыбнулся. – Постараюсь добыть тебе офицера. Того, на сером...

– Постарайся не лезть на рожон! – прикрикнул Карлос. – «Белолобых», убив вожака, не уймешь, да и вряд ли при них один офицер. Что ж, сеньоры, расходимся по местам и действуем сперва как решили, а потом по обстоятельствам. Хайме!

– Да, господин полковник!
– Пойдешь с сеньором Лиханой.
– Карлос, но...
– Ты пока еще не рубака. – Герцог взял родича за локоть и понизил голос: – Сеньор Лихана немолод и нездоров, я за него беспокоюсь. Мне бы хотелось, чтоб ты приглядел за стариком.
– Хорошо, Карлос. – Лицо Хайме прояснилось. – Я все сделаю.
– Я на тебя рассчитываю. – С Лиханой у тебя будет больше шансов уцелеть, но такое перед боем мальчишкам не говорят. – Удачи!
– Не забудьте про «Повелителя обжор», молодой человек. – Альфорка с хохотком ударил Хайме по плечу. – Карлос, мы тоже пошли. Открывающий бал не может опоздать.
– Удачи, черти б вас побрали! – Они ведь первый раз расстаются перед боем, но так надо. Маноло и Себастьяну место среди стрелков, а он после раны может бить только в упор.
– Я счастлив нашим знакомством. – Лихана старомодно поклонился. – Судьбе было угодно свести нас ради боя. Поверьте, драться рядом с де Ригаско для меня огромная честь.
– Я предпочел бы кабанью охоту, ну да какая есть. Хайме! – Горящие глаза, на щеке пятно, волосы дыбом... Пусть твой первый бой не станет последним! – Не забудь – с тебя ужин на нас всех!
– Не забуду!

Шаги, шорох веток, скрип гравия под ногами. Ушли... А шиповник цветет, и пчелы гудят, им все равно, и правильно. Жизнь не только грызня двуногих, но и бегущие облака, плющ, оплетающий камни, цветы, пчелы, птицы... Жизнь – это чудо, которое нужно защищать. Жаль, в Тудоре он сменил дорожную одежду на охотничью, а как хочется сунуть руку в карман и убедиться, что цветок, а значит, и странная девушка не были сном. И еще жаль, что он не догадался написать Инес, но кто же знал, что все обернется боем. Таким боем...

По щеке рябого загонщика скользнула тень – хозяин Альконьи проплыл над самой головой и скрылся за пронизанной светом кроной, а из-за поворота показались всадники. Человек восемь. Бодрая рысь, знаменитые колпаки, беспокойно вертящиеся головы, а позади – искрящаяся лента дороги. Пока пустая. На сколько корпусов отстает голова колонны? Десять, двадцать, сорок, полсотни? Сейчас передовые увидят баррикаду, поймут, что камни свалились не сами по себе. Заметили! Крайний слева в первом ряду вскинул руку, предупреждая своих, разъезд начал заворачивать коней. Не успели – залп из нижних кустов грянул раньше. Вскинулась раненая лошадь, шарахнулась вбок другая, повалились под копыта люди. Пять всадников, две лошади... Неплохое начало!

2

Лабри видел, как смешался и повернул назад, выходя из-под обстрела, передовой дозор, вернее, то, что от него осталось. Паписты били наверняка, как у Сальса, но, слава Господу, засада невелика, иначе б разъезд полег полностью, и не только разъезд.

Полковник в сердцах дал шпоры коню, оставив позади что-то кричащего графа, и понесся вперед. Хорошо, что колонну вел Мату. Старина никогда не подводил, не подвел и на этот раз – аркебузиры первого эскадрона уже спешивались, чтобы развернуться в шеренгу... Лабри поравнялся с другом в тот миг, когда по предательским зарослям ударил мощный залп. Белое пороховое облако заволокло стрелков, посыпались ссеченные пулями ветки. Рывкнул еще с десятков аркебуз, эхо откликнулось низким ворчанием и нехотя стихло, но пропыленные кусты молчали – ни крика, ни ругани, ни ответных выстрелов. Онсийцы либо отошли вверх по склону, либо затаились, благо было где. Переплетенный отцветшим выюном и конским плющом торчевник мог укрыть хоть роту, счастье еще, что противоположный склон был крутым и голым. Камни, разумеется, сбросили оттуда и совсем недавно, только кто? Давешние охотники или все же солдаты?

– Неприятная неожиданность. – Догнавший Крапу вежливо улыбнулся. Он еще никогда не был столь близок к пощечине.

– Неожиданность?! – оскалился Мату. Старик был готов разорвать королевского любимчика раньше папистов. – В таких местах неожиданностей не бывает. Нас ждали, гори они синим пламенем!

– Проводник? – оживился Крапу. – Что ж, я вижу на склоне премилое дерево, оно ему пойдет!

– А я вижу дерево здесь, – рывкнул Мату, – говорящее! Мы не можем торчать у этой кучи, гори она...

Но куча гореть не собиралась, и обойти ее не представлялось возможным. Будь в запасе хотя бы полдня, следовало поискать другой путь, но удравшие охотники лишили Лабри свободы маневра. Выбор был предельно прост – отступить, сорвав планы маршала, или исполнить свой долг. Любой ценой. Густаво клялся, что эта гряда последняя. На равнине лошади пойдут кентером, на равнине не будет ни булыжников под ногами, ни засад...

– Господин полковник, – малыш Роже держал под уздцы гнедого, на шее которого повис мертвый сержант. В боку бедняги торчал знакомый болт, – посмотрите. Это охотники!

– Спасибо, Роже!

Итак, в торчевнике все те же посланные Сатаной еретики, то ли одержимые ненавистью к святому делу, то ли обуянные гордыней и излишней храбростью. В любом случае их не больше полутора дюжин. Даже меньше, ведь кто-то наверняка поскакал за подмогой.

– Дорога перекрыта баррикадой из камней. – Роже не уймется, пока не доложит до конца, даже если все ясно без доклада. Его отец был таким же. – Не слишком высокой, но перескочить не получится. Лошади ноги переломают, надо разбирать. Камни крупные, но растащить можно. За самой баррикадой никого не видно. Господин полковник, если охотники отступили к лесу, они работам не помешают, слишком далеко.

– А если они в кустах? – одернул юнца Лабри, но Крапу решил, что вопрос обращен к нему.

– Что ж, – изрек он, – значит, мы с ними покончим и двинемся дальше. Десяток папистов нас не остановит.

– Пока нас остановили камни, – уточнил Лабри, разглядывая графа в упор. – Возьмите полсотни человек и уберите их. Если вам станут мешать, отойдите на безопасное расстояние и предоставьте действовать Мату. Конечно, если вы опасаетесь за свои перчатки...

– Вижу, эта часть моего гардероба поразила вас в самое сердце. – Крапу со смешком сорвал злополучные перчатки и швырнул под ноги лошадям. – Во имя Господа и короля, я готов.

– Петух! – пробурчал Мату вслед удаляющемуся всаднику. – Навязался на нашу голову.

– Не суди собрата своего! – одернул друга Лабри. – Крапу не так плох, как мог бы быть. Зло не в нем, а в папистской девке.

– Не будь Бутор и его друзья одержимы бесом похоти, Диана бы ими не вертела. – Мату зло дернул повод, и серый Гру наступил на брошенные перчатки. – Им всем надлежит очиститься... Будь оно все проклято! Они тут!

Сумасшедшие охотники все еще были здесь. Они не собирались подпускать солдат к завалу ближе чем на выстрел. Упал, взмахнув руками, старина Бубу, схватился за живот Рыжий Пьер... Кому еще не повезло, было не разобрать. Что-то прокричал, размахивая руками, Крапу, его люди шарахнулись назад. Аркебузиры прикрытия и бесноватые паписты ударили почти одновременно, взмыл к небу и оборвался чей-то крик. Больше Лабри на дорогу не смотрел, вперив нехороший взгляд в предательский склон.

Рано или поздно еретиков ждет негасимый огонь, но сейчас не до них. Ловить в зарослях сумасшедших можно до ночи, а время не терпит. Остается загнать папистов наверх, откуда они не помешают разобрать баррикаду. Главное – время, время, а не месть!

– Мату! Твое дело – засада. Не ловить! Отбросить к лесу и не выпускать, пока Крапу

возится с камнями. Скажи Бустону, чтоб прикрыл... Роже, Пивоне ко мне!

– Да, полковник!

– Господин полковник, господин Крапу снова ранен!

– Куда на этот раз?

– В плечо!..

– К Дени болвана! Клеро, заменишь, и чтоб проезд был чист!

3

Спешиваются. Идут по склону вверх. Полсотни, не больше! Для дюжины охотников хватит с избытком, но кто вам сказал, что нас дюжина? А впереди тот, с переправы, хозяин серой лошади... Не потерять бы его в дыму. Ничего, Маноло не потеряет и не промахнется! Погодите, «бичи Господни», дойдет до драки, и станет вам весело. Еще веселей, чем сейчас. Полчаса мы уже отбили и пока целы, а вот вы – нет! Десяток покойников, раненые, подбитые лошади и околевавшая тайна... Но главное – время! Время, которое нужно Хенилье.

Поднимаются, размазываются по склону... Еще бы, не переть же колонной по четыре в ряд. Подставили фланг? Молодцы! Вы подставили, те, кто пойдет по вашим следам, тем паче подставят, и как же они удивятся. Одно плохо: когда завяжется рукопашная, на баррикаду бросится целая орава. Таскать валуны нужно втроем-вчетвером...

Хватит ли Хенилье часа? То есть не Хенилье, а как же его... Он еще был под Сан-Марио... Те, кто видел белолобых убийц в деле, мешкать не станут, но мы предполагаем, а черти располагают. Можно спутать дорогу, нарваться на забившую мост отару или на праздничную толпу, а по дорогам ходят люди. Люди, которые попадутся бесноватым. Тот же адуар или запоздавшие паломники. Всех не предупредишь и не остановишь. Нет, час – это мало! Нужно добыть еще час, а «белолобые» бьют и бьют... Бедный торчевник, так ему еще не доставалось. Хаммериане стреляют, Альфорка молчит, он и не такое видел! Ну свистят над головой пули, не в первый раз... Когда налетчики подойдут вплотную, аркебузы заткнутся, чтобы не попасть в своих. Вот тогда стрелки и встанут. Последний выстрел придется в упор.

Крылатая тень на миг заслонила свет, неспешно поплыла дальше. Сколько же здесь коршунов! Неужели у них крылья и впрямь в крови? В небе птицы и солнце, внизу – солдаты и смерть, а здесь – ожидание. Последние его минуты... Пляшут по напряженным лицам прорвавшиеся сквозь листья лучи, алеет доцветающий шиповник, пахнет пылью и порохом. Знакомый запах, привычное дело, а хаммерианам остается тридцать шагов... двадцать... десять... Альфорка ждет, по своему обыкновению закусив губу, а рядом – Доблехо и горцы.

Карлос не видел друзей, он просто знал, что с ними. Он тоже ждал, вглядываясь в приближающийся строй, высчитывал расстояние, готовился к тому, без чего не обойтись, не загадывая о завтрашнем и не жалея о вчерашнем.

Солдат в нелепом колпаке заступил за невидимую черту, и заросли плюнули огнем. Пыльные ветки расцвели дымами, шедшие впереди белоколпачники налетели на невидимую стену, замахали руками и сбитыми кеглями повалились в разные стороны. Уцелевшие рванулись вперед, словно поднятые с лежки кабаны.

Треск, топот, рвутся плети плюща, распрямившиеся ветки хлещут чужаков, сапоги мнут срезанные листья, спотыкаются о камни, наступают на мертвецов. Просвистела стрела... Горцы с арбалетами умудряются стрелять и на бегу. Падает один бесноватый, хватается за плечо второй! Ну и отлично, чужие потери лишними не бывают, а вот и Маноло! Цел... Бежит последним! Ему всегда везло... Ни единой раны за семь лет. На ходу взмахнул рукой, – дескать, приступай, – и исчез в кустах. Закачались колючие ветви, заплясала у самого лица живая малиновая искра. Жаль, если ее погасит пуля!

Ждать дальше не было сил. Карлос поднялся, и вместе с ним поднялись слуги и шестеро загонщиков. А вот и цель! Широкоплечий малый ломится сквозь колючки. Вроде бы молодой. Кирасы нет, грубая куртка с распахнутым воротом, белый колпак, под колпаком

– лицо... Маска мрачного азарта и уверенности. Маска смерти. Нужно было написать Инес, но кто же знал... Еще миг, и пуля бьет налетчика в грудь.

4

Первый ряд выбит залпом в упор, но тут уж ничего не поделаешь. Те, кто шел впереди, могли надеяться разве что на чудо, но Мату поклялся идти в середине... Только б старина сдержал слово, остаться без Мату – остаться без шпаги. Хуже, без руки!

Матье Лабри поймал взгляд Роже и неторопливо вытер платком трубу.

– Ты вернешься в Виорн настоящим солдатом.

– Да, господин полковник... Господин полковник, им нужна помощь?

– Не думаю.

Выстрелов больше не слышно. Дым медленно затягивает небо, пыль оседает еще медленней, темными тенями встают кусты, зло трясут ветками. Заросли скрыли живых, только мертвые остались лежать на иссохшем склоне... Четырнадцать солдат строем вошли в Господний рай, тридцать шесть продолжают бой. Хватит, чтоб загнать папистов в лес, будь они прокляты! Вывести из строя две дюжины человек, спутать все карты и безнаказанно уйти! Воистину, дьявол заботится о своих подручных!

Ветки больше не колыхались, и Лабри опустил трубу. Рядом шумно дышал Роже и переминался с ноги на ногу Бустон. Как просто драться, как трудно ждать. Матье положил руку на плечо старого товарища.

– Мату в порядке. Не в первый раз...

– Не в первый, – повторил Бустон. – Ты их отпускаешь? Этих...

– Господь их накажет! – Лабри вновь был полковником. – Рано или поздно, а мы должны сделать, что поручено! Роже, глянь, что у Клеро. Как только разгребут, двинемся. И двинемся очень быстро.

Роже умчался к завалу, Бустон устался в кусты. Исполнять приказы и злиться проще, чем командовать боем, но замысел Танти дороже их отряда. Да что там, он дороже и армии, и короля! Поддаться гневу, покарать дюжину еретиков и при этом загубить великое дело, что может быть хуже? Есть вещи, которыми не поделишься даже с лучшими из друзей. Для них рейд на гнездо папистов – всего лишь ответ на вызов Рэмы.

Из кустов вывалился одинокий солдат, спотыкаясь побежал вниз. Упал, поднялся, шатаясь, сделал пару шагов, остановился.

– Смотри, – выдохнул Бустон, сжимая кулаки. – Дави Окорок!

Навстречу раненому побежали два аркебузира охранения, подхватили, поволокли вниз. В том, что солдат вышел из боя, нет ничего странного. Каждый бы так поступил. Каждый, но сегодняшним днем распоряжается Нечистый.

– Господин полковник, – прохрипел Дави, – их больше... Столько, сколько нас... Драка по всему склону... Местные и другие... Не солдаты, но дерутся, как дьяволы!

Еще одна промашка, не смертельная, но досадная. У стрелков оказалось прикрытие. Чего удивляться? Знатные еретики штаны без дюжины слуг не снимут! Конечно, солдат им не одолеть, но зачем сражаться на равных, если можно задавить числом?

– Бустон, бери еще полсотни и помоги Мату. Только не зарывайся! Мы выполняем приказ!!!

Промолчал, и на том спасибо. Когда-нибудь за бутылкой вина Мату с Бустоном узнают все, и пусть ворчат сколько душе угодно, старики всегда ворчат, но сейчас не до споров. Сейчас он, Матье Лабри, – руки маршала, и в них будущее Лоасса и будущее святого дела. Вот так, на пыльной дороге, и понимаешь, что ты избран и призван. Ты, а не твои друзья и не граф с его перчатками, будь он хоть сто раз приятелем Луи Бутора. Его величества Луи, который будет делать, что ему сказано!

Лабри поднял трубу. Вторая полусотня быстро взбиралась на холм. Люди заранее разбились на мелкие группы и растянулись, сейчас они навалятся на оставшихся

противников, и все будет кончено. Двое-трое умелых бойцов на гуляку или слугу – это даже боем не назвать.

5

«Белолобый» выскочил вслепую из-за кустов. Один. Осталось чуть вытянуть левую руку, и виорнец сам насадил себя левым боком на кинжал. Повезло, но раз на раз не приходится... Получив по лапам, лоассцы старались атаковать вдвоем, а то и втроем, но минуты уходили кровью в песок... Их не вернуть, сколько б вас ни лезло наверх! Слышите, твари? Не вернуть!

Под ногами треснула сухая ветка, попятился, уклоняясь от шпаги, еще один бесноватый, заорал и исчез за спиной хромого горца. Карлос прыгнул в сторону, изогнулся, чужой клинок, не встретив отпора, беспомощно свистнул, понесся вниз, увлекая хозяйскую руку. Дальше Карлос не смотрел. Он крутился, отбивал и наносил удары, иногда попадал, но считать чужие раны было некогда. Сколько идет бой? Кто рядом? Что внизу? Что наверху? Лица, спины, листья, клинки, ветки мелькают, словно холм стал очумевшей каруселью. Крутится небо, бьет по глазам солнце, хлещут колючие плети... Одна оказалась стальной, но порез на ребрах еще не беда!

Навстречу летит кто-то огромный, разогнался, занес руку... Шагнуть навстречу, выставив шпагу, в последний момент вскинуть руки, словно в танце. Здоровяк рубит воздух, открывается... Удар, брызги крови на лице... Хорошо, что не в глаза! Просвет в бою, просвет в кустах, низкое гуденье – Лопе взялся за свой посох... «Белолобый» пробует подобраться со спины. Внезапный тычок назад как раз под горло, виорнец корчится на траве, двое его товарищей растерянно пятятся, уши режет пронзительный свист. Седой хитано... Отец Лолы! Хаммерианин разворачивается к новому врагу, его приятель остается один на один с Лопе. Делать здесь больше нечего.

Выстрел из пистолета. Кто-то сберег заряд или это хаммериане? Точно! Прут сквозь кусты. Подкрепление! Они послали подкрепление, значит, дорога еще не очищена.

Три лица сливаются в одно, пляска продолжается, кажется, опять задел, или это ветка? Вновь отец Лолы... Отвлекает одного из троих. Ложный выпад, прыжок, а ты не промах!.. Был! Звон клинков, белые от злости глаза, боль в бедре, открывшаяся грудь. Отправляйся в пекло!

– Сюда! Братья!.. Главный! Здесь главный!

Невысокий и юркий орет во всю мочь, не забывая защищаться. Заросли трещат – «белолобые» ломятся со всех сторон. Седой хитано с окровавленной навахой снова рядом. Судьба или он так решил? Пятеро, шестеро, семеро... С шипением вспарывает воздух дубина Лопе, течет по ноге кровь, сколько это длится? Двое шагают навстречу одновременно, из кустов вылетает Маноло. Выстрел... Белое полотно становится красным. Альфорка не промахнется!

– Кто тебя звал?! – Спина к спине, такое уже бывало... Четырежды.

– «Белолобые»... Я им за это... искренне... благодарен... Особенно этому...

Выпад, вопящий хаммерианин заваливается на спину, так и не закрыв рот. Рядом с отцом Лолы еще двое хитано, и откуда взялись? Четверо лоассцев, ошетинаясь шпагами, отходят в заросли. Можно утереть пот со лба, глубоко вздохнуть, оглядеться. И увидеть, как снизу лезут свежие солдаты. А камни на дороге все еще лежат, много камней...

– Иди, куда шел! Слышишь? Убейся!

– Слышу. – Маноло торопливо заряжает пистолет. – Ты ранен...

– Без тебя знаю! Завал, Маноло... Твое дело – завал!

Глава 7

Первый удар пришелся мимо. С десяти шагов грохнул залп; «белолобые», преследуя стрелков, проскочили засаду, едва не отдавив ноги Хайме, и встретили Карлоса и хитано. Друзья сражались, а они всё ждали в кустах на краю прогалины – пожилой муэнский сеньор, оставшиеся загонщики и четверка людей де Гуальдо, вооруженных охотничьими рогатинами и похожими на короткие древние мечи кинжалами.

Схватка разгоралась, но Лихана с места не двигался. Только поглубже нахлобучил охотничью шляпу, беззвучно пошевелил тонкими губами и застыл, словно старая цапля на болоте. Вытащивший было клинок Хайме вздохнул и тихонько вложил его в ножны. Их время еще не пришло, это юноша понимал. Он стоял и смотрел сквозь резные ветки, как дерутся другие, а бой то катался по прогалине очумелым дикобразом, то втягивался в дальние заросли. И тогда оставались лишь хруст и вскрики, затем кто-то врывается на поляну, и следом за ним вываливались противники.

Хайме по-совиному вертел головой, пытаясь отыскать Карлоса. Солдаты орудовали шпагами и тесакими, между ними метались хитано со своими навахами, не уступавшими длиной иным шпагам. Мелькнул Лопе, сбил посохом двоих и исчез. Родича не было. Ну и что?! Всех не разглядеть, а Карлос жив! Конечно, жив, просто его закрывают кусты, а издали все так похожи... Хорошо, хаммериане носят колпаки, иначе не разберешь, кого бить.

– Фарабундо! – окликнул Лихана старшего из людей де Гуальдо, светловолосого и светлоглазого, словно житель Миттельрайха. Местного наречия Хайме не понимал, но Фарабундо быстро глянул на юношу и кивнул. О чем это они? О нем?! Горек что-то буркнул своим, те задрали головы, Хайме последовал их примеру, но увидел лишь коршунов.

– Вы что-то хотели спросить? – Муэнец был спокоен, словно собирался к поздней обедне.

– Я... Я хотел бы пригласить вас на обед... В честь моего вступления в полк. Будут все...

– Почту за честь, сеньор де Реваль.

Из кустов со свистом выскочила черная змея, полоснула по белым головам. Пара наседавших на раненого налетчиков мигом позабыла обо всем на свете. Раненый, лишившись противников, повалился в траву. Вожак хитано перескочил через упавшего и обрушился на «белолобого». Удар! Клинок вываливается из рассеченной руки! Удар! Окровавленные ладони пытаются прикрыть глаза. И последний удар – уже навахой.

Бесноватый, корчась, оседает у ног хитано. Мигелито на мгновение замирает и вдруг, не выпуская ни кнута, ни навахи, кидается на землю. Перекатывается, вскакивает и пропадает из виду.

Тяжело топая, на прогалину врываются трое запоздавших лоассцев. Не запоздавших! Это подкрепление! То самое подкрепление, которое они ждут, – Карлос рассчитал верно! Хаммериане заполняют пространство – суконные спины, грязно-белые головы...

– Любуетесь? – Альфорка. В одной рубаше, лицо в пятнах копоти, но вроде цел.

– Карлос жив?

– А что ему сделается? Сеньор Лихана, мы на вас надеемся!

– Маноло!..

Но Альфорка уже исчез. Затопившие прогалину хаммериане штурмуют дальние заросли. Кусты за спиной их не волнуют, Карлос на это и рассчитывал!

– Спустимся немного, – велит Лихана, и они бегут вниз. Заросли становятся ниже, приходится пригибаться, перебегая от куста к кусту. Бой скользит навстречу, вверх и вбок, сквозь отдаляющиеся треск и звон проступают отрывистые команды и какое-то уханье – хаммериане расчищают дорогу. Белоголовые фигурки в клубах пыли суеются среди валунов, по сторонам они не смотрят, зачем?

Клеро расчистил тропу больше чем наполовину, правда, не без потерь. Неподвижное тело темнело на освобожденном участке, а двое раненых ожидали Дени Мясника. Какой-то арбалетчик сторожил баррикаду до последнего. Аркебузиры несколько раз выстрелили по зарослям, и папист замолчал. То ли поднялся к своим, то ли поймал наконец пулю.

Матье Лабри отвернулся от суетящихся носильщиков и попытался рассмотреть, что творится на склоне. Увы, для этого холм был слишком заросшим, к тому же папистов оттеснили к вершине. Ясно было одно, бой и не думал кончаться. Мату с Бустоном будут разочарованы, они не привыкли выпускать добычу, но охотников придется оставить. Ничего, мельницы Господа рано или поздно размелют и это. Еретиков, пусть они трижды сдохнут в собственной постели, ждет ад!

– Странные здесь охотники, господин полковник. – Крапу неумело прижимал к груди перевязанную руку. – И птицы странные. Вы не находите?

– Птицы? – переспросил Лабри. – Не нахожу. Как ваши раны?

– Они унизительны. Мне придется вернуться и отдать долги. Самым трудным будет отыскать наших «друзей».

– Арбалетчика, всадившего в вас болт, вы вряд ли найдете, – заметил Лабри, прикидывая, не пора ли отзывать хотя бы Бустона. – Но хозяина вы отыщете без труда. Судя по всему, нас преследует вельможа из Доньидо. Он вряд ли станет молчать.

– Вы меня утешили. – Щеголь вновь потеснил солдата, но злиться на графа, как прежде, Лабри уже не мог. Он просто пожал плечами и повернулся к завалу. Словно для того, чтоб увидеть валящихся на землю людей и поднявшиеся над кустами дымки.

– Воскресенье Господне! – Крапу, позабыв о ране, погнал лошадь вперед. – Не может быть!

– Стоять! – рывкнул Лабри, посылая гнедого наперерез лезущему под пули болвану. – Жить надоело?!

– Господин Лабри!

– Вы не при дворе! – рывкнул полковник. Он отдал бы полжизни за право первым броситься на проклятых стрелков, но у него был отряд. И у него был приказ. – Отзвать Клеро! – Голос Лабри был холоден и бесцветен. – Аркебузир на дорогу. Три залпа! Вымести эти кусты и сразу же прочесать. Крапу, вы хотели посчитаться со стрелками? Прошу. В вашем распоряжении тридцать человек. Гийом, бери еще полсотни. Поднимешься до того шиповника и ударишь еретиков с тыла. Видит Господь, они сами выбрали смерть, как до этого выбрали ересь.

3

Они подменили стрелков Альфорки под самым носом лоассцев, а те ничего не поняли! Стрелки отошли, чтоб вернуться, когда бой откатится вверх, Маноло, на бегу подмигнув Хайме, скрылся в кустах, и тут же перед юношей возник «белолобый» с тесаком. Первый настоящий враг в его жизни!

Солдат в нелепом колпаке шагнул вперед, занося руку, сверкнула чужая сталь. Хайме поднял шпагу, а дальше, дальше все получилось, как на тренировке? – ложный удар, ненужная защита... Сильной частью своего клинка Хайме отбросил чужой в сторону. Правый бок противника был открыт, а теперь – кинжал! Как легко вошло, будто бы и не в тело. Повезло, что лоассец был лишь с тесаком... Вообще повезло!

– Слева! – крикнул беловолосый горец. – Бесноватые!

Высокий человек с белой головой словно нехотя махнул клинком и пропал, его сменил солдат с изуродованным лицом. Почти старик... Первый же выпад ветерана едва не стал для Хайме последним, но юноша как-то увернулся. Они замерли друг против друга среди хрипящей свалки. Злые темные глаза завораживали, подхлестнутое нахлынувшим страхом сердце бешено колотилось. Хаммерианин был страшен и опытен, скольких он уже отправил

на тот свет? Скольких еще отправит? Рука Хайме судорожно сжала эфес. Ветеран усмехнулся, показав неровные зубы. Юноша тряхнул волосами, отгоняя навалившуюся слабость, и очертя голову ринулся вперед. Хаммерианин рассмеялся и слегка шевельнул рукой. Раздался отвратительный хруст – горская рогатина вошла «белолобому» меж ребер... Хайме пролетел мимо упавшего врага, запнувшись обо что-то податливое и неживое, выскочил из зарослей и замер, сжимая клинки, не зная, что дальше.

Впереди, очень близко, лежала дорога. Пустая. Таскавшие камни «белолобые» отошли под прикрытие аркебузирова, а те торчали недобеленными столбами. Прицельно бить они не могли – мешали солнце в глаза и густая листва. Хайме завертел головой, соображая, куда бежать. Совсем рядом рухнул хаммерианин, покатылся вниз по рыжему склону. Выскочивший следом за юношей Фарабундо поудобней перехватил ставшую красной рогатину, что-то крикнул. Хайме не понял, но бросился к горцу. Сверкнуло, отразась от клинка, солнце – наперерез мчался здоровенный лоассец. Юноша развернулся навстречу, но солдат пробежал мимо. Хайме обернулся – ниже по склону «белолобые» прижали кого-то к камням. Кажется, Лихану и одного из загонщиков. За спинами нападавших было не разобрать, но бегущего на подмогу лоассца Хайме остановил. «Белолобый» передернул плечами и замахнулся. Левша! Целит в голову! Юноша отпрыгнул, лоассец, уворачиваясь от кинжала, тоже. И налетел на Фарабундо.

Облизнув губы, Хайме глянул вниз. Лихана остался один, но его спину прикрывал камень. Муэнец сделал выпад, Хайме скрипнул зубами и обернулся на топот. Удар, чужая кровь на лице, полный ненависти взгляд и смерть. Тоже чужая.

Юноша перешагнул длинное тело, он опять был один. Слева трое горцев всюду орудовали рогатинами, справа упал загонщик, а Фарабундо сцепился сразу с двумя. Помочь? Хайме оглянулся на Лихану, в пыли и мелькании спин и рук ничего не было видно, но будь муэнец мертв, «белолобые» бы занялись живыми. Хайме тряхнул головой и бросился на помощь. Сзади кричат? Неважно! А вот и противник. Скрещенные клинки, удар, парирование... Он ответит, он знает, как отвечать! Тяжелая дубина ломает лоассцу руку, и тут же второй конец врежется в суконный лоб.

– Не дури! – рявкает загонщик. – Держимся вместе!.. А теперь – к сеньору!

4

Паписты не стали отступать, приняв бой в тех самых зарослях, откуда стреляли. Сошли с ума? Может, и так. Господь, решив наказать, лишает разума... Что ж, тем лучше, Гийом и Крапу пожмут друг другу руки на могиле еретиков. Возможно даже помирятся, но Гийому лучше бы поторопиться. Паписты огрызаются как звери, да они звери и есть. Упрямые, злобные, дикие... И это даже хорошо. Резать монахов и паломников – дело не солдат, а палачей, но муэнские охотники развязали слугам Господа руки. Онсийцы пролили кровь, да падет она на их головы!

Лабри опустил трубу, чтобы протереть уставшие глаза, а когда вновь поднял, понял, почему паписты не отступили. Сверху, от роши, наперерез солдатам Гийома спешил новый отряд. Склон был довольно крут и усыпан валунами, но странные фигуры прыгали по камням, словно горные бараны. Что-то яростно сверкнуло раз, другой, третий... Лабри, не веря уставшим глазам, сунул трубу Роже.

– Посмотри, что там?

– Сейчас, господин полковник. – Шетэ-младший сжал окуляр, словно шпагу. – Мой полковник, они... Они в доспехах!

Значит, не показалось. Это солнце отражается от металла, что нацепили на себя прыгуны. И как же легко и быстро они двигаются!

– Надо же, доспехи, – буркнул Лабри, злясь на папистов и почему-то на себя. Крапу, будь он рядом, сказал бы что-то вроде «и чего только в этой глуши не встретишь!», но граф со своими ранами в бою, а Матье Лабри торчит на обочине.

– Господин полковник, – простонал Роже, – господин полковник, что же это?

Надо было прикрикнуть на забывшегося лейтенанта и отобрать трубу, но Лабри не крикнул и не отобрал. Своими дальнотзорными глазами он видел, как фигуры в доспехах врезаются в бок наступающим, как начинается резня. Солнце дробилось не только на шлемах и кирасах, но и на клинках. На длинных широких клинках, которых не видели на полях сражений уже лет сто.

Сейчас с этими мечами вышло семеро. Против полусотни, но каждый удар забирает по жизни. Адская семерка стальным клином шла вперед, выкашивая солдат, как пшеницу, а вокруг клубилась пыль и хмурой стеной вставали заросли. На склоне шел бой, и только Господь ведал, что там творится и сколько еретиков скрывает кровавый холм.

Глава 8

1

Отец Лолы упал – шпага лоассца пронзила седого хитано насквозь, Пепе и Берто исчезли, но Лопе все еще прикрывает спину... Бой не кончен, господа хаммериане! Вас никто не звал, и вы не пройдете. И не уйдете! Бертильо вас не выпустит. В память Сан-Марио, в память всех нас!

Выстрел пистолета свалил хромого загонщика, давно не видно Мигелито, но и бесноватым невесело. Нового подкрепления у них нет, значит, де Гуальдо дерутся. Достойные люди, жаль, он так и не заехал в замок. Два вечера слишком мало, разве что после... После боя или после смерти? Ушедшие спина к спине узнают друг друга хоть в раю, хоть в преисподней, не могут не узнать!

Еще трое? Четверо? Берете в кольцо? Ну-ну...

– Лопе!.. Обернись! Лопе!!!

Упал. Лицом вниз. Мертв? Ранен? Не подойти, не узнать, только увести от тела этих, не дать добить... Если есть кого добивать!

– Вы... Дьявольское отродье, сюда! Хотели де Ригаско? Это я!

К дереву! Оно не упадет и не отступит. Только б не зацепиться за корень! Ринулись следом, а Лопе лежит, не шевелится. Ты почти неистовый Александр... Почти, потому что один с сотней справится только в песне... А как насчет четверых? Хруст, топот, странный звонкий крик... Птица? Вопль лоассца, белые от бешенства глаза, метнувшаяся наискось тень, двоянный выпад.

– Убирайся к дьяволу!.. И ты тоже, каналья!

– Сеньор!.. Держитесь... Мы тут!

Горцы с дубинами... Пробивают проход. Трое на трое, ты больше не Александр и опять жив! Кинжал застрял в груди «белолобого», не вытащить... Уцелевший лоассец отскакивает, уворачивается от дубин, мчится к своим.

– Сеньор, у вас кровь.

– Чужая... Надеюсь!

На другом конце поляны, в кустах орудуют двое местных. «Белолобые» опасаются лезть на рогадины... Слуги Господа, черти б их взяли! Так вниз или вверх? Лошади ждут за гребнем. Лошади, Иньита, жизнь...

Сколько их осталось? С дюжину, не больше. Люди падали один за другим... Более слабые погибли первыми, так было, так будет. Неплохая охота, шли на зверя, а нарвались на хаммериан. Нужно пробиться к загонщикам, а дальше? Лошади готовы, а к де Гуальдо все равно не прорваться. И к Маноло с Себастьяном... Хайме с Лиханой тоже внизу. Еще дерутся или уже мертвы? Им не вырваться, но те, кто здесь? Хитано, уцелевшие охотники, стоящий на коленях Пабло... Их еще можно вывести. Это не бегство! Они вернутся вместе с солдатами и разорвут «белолобых» на куски. Сегодня же вернутся!

Свист бича, щелчок, похожий на выстрел, низкий яростный вой. Мигелито жив и лупит наотмашь. По глазам, рукам, шеем, рассекая кожу, разрывая мышцы, валя с ног. Лоассец с кинжалом отшатывается, чтобы нарваться на шпагу. Отправляйся в ад!

– Сеньор...

– Что на дороге?! Ты видел?

– Камни...

Баррикада еще не разобрана! Альфорка оставит «белолобых» в покое лишь мертвым. Значит, нужно идти вниз. Вниз, к де Гуальдо, Маноло, Лихане. Покончить с этими и идти...

2

В первый раз за свои сорок шесть лет Матье Лабри мог лишь молиться. Он не мог отозвать Мату, Бустона, Гийома, Крапу, потому что сбесившиеся паписты вцепились в завал, как дьявол в грешную душу. Не перерезав этих сумасшедших, дорогу не расчистишь, а в обход идти поздно. Нельзя было и встать плечом к плечу с товарищами, так как полковник отвечал перед маршалом и Господом за проклятый монастырь, до которого еще нужно было добраться. Оставалось сжимать кулаки и шептать святые слова, готовые оборваться богохульством, потому что еретики убивали. Без жалости, без смысла, не щадя себя.

Дрались по всему склону. Того, что творилось в верхних зарослях, было не разобрать, просто из желто-зеленой стены проступали и вновь исчезали смутные силуэты, да ползли поодиночке вниз выбравшиеся из ада раненые. Те, кто мог ползти. Роже пытался их расспрашивать, но солдаты мало что знали. Папистов оказалось больше, чем думалось поначалу. Рядом с охотниками дерутся нечестивцы из адуара. Бустона не видели. Мату четверть часа назад был жив, а Гийома Лабри раз за разом замечал в гуще схватки. Великан не струсил перед бронированными монстрами. Он делал что мог, стягивая вокруг безликих сверкающих фигур живое кольцо. Лабри отдал бы все на свете, чтобы встать рядом со старым другом, но его место было здесь.

Только теперь полковник понял, что выпало маршалу Танти у Сальса и Сан-Марио. Посылать в бой товарищей. Тех, кого ты знаешь в лицо и по именам, и ждать, зная, что вернутся не все. Это страшнейшее из испытаний, ниспосланных Господом, горшей муки нет и в аду!

А может, все-таки рискнуть? Господь не допустит его смерти, ведь от него зависит исход всего дела! Обойти заросли слева, отправить Гийома вниз, собрать растерявшихся... Нечестивцев надо разделить. Пока они вместе, они непобедимы, но стоит повалить хоть одного, и железный строй будет сломан. Останется разметать еретиков в разные стороны и добивать поодиночке. Если броситься закованному в железо убийце в ноги и опрокинуть, он не поднимется!

– Роже!

– Мой полковник?

– Я... Дай флягу.

Гийом не глупей тебя, на голову выше и вдвое сильнее. Смирись и делай, что должно. Это гордыня толкает под руку и шепчет, что ты справишься лучше. Не слушай! Верь Гийому, верь своим солдатам, ты их подбирал по одному, ты знаешь их не первый год, они не подведут.

– Упал! Мой полковник, один упал!..

Так и есть, хвала Господу! Сверкающая фигура рухнула в пыль, подняться ей не дали, навалились, сели верхом, мелькнула занесенная для последнего удара рука... В железном строю образовалась брешь, ее не успели закрыть! Сатанинский меч треснул и развалился на два осколка, между которыми набивались все новые и новые солдаты. Вновь мелькнул Гийом. Старина и без лат и шлема не уступал папистам ни в росте, ни в силе!

Матье Лабри шумно выдохнул воздух. Это малыш Роже может кричать и размахивать

пистолетом, но какие же молодцы! Как быстро перегруппировались и окружили бронированные тройки со всех сторон. Проклятых еретиков не спасут ни доспехи, ни тяжелые мечи!

3

Они вместе! Между молотом и наковальней, но вместе, а хаммериане все еще топчутся у завала. Солдаты не опоздают, просто не смогут опоздать. Главное сделано, теперь собраться в кулак и вырваться, обманув еще и смерть. Сколько минут они уже отыграли? Сколько жизней?

Карлос де Ригаско попробовал шевельнуть плечом, едва не взвыл от боли и обернулся, выискивая Доблехо или Мигелито. Как раз вовремя, чтобы встретить двоих «белолобых» лицом к лицу. Некстати, но уж как есть, а поодиночке твари не нападают... Даже на раненых... Тот, что впереди, отвлекает внимание, второй пытается зайти слева. Кружат вокруг, берегут шкуру. Опытные ребята, но не мастера клинка. Утром в пять минут стали покойниками, час назад и то было бы проще. Дьявол бы побрал великана со шпагой, хотя он его и побрал... А вот рука висит как плеть...

Выстрел за спиной. Предсмертный крик? Неужели Лихана? Как же жаль! Бросок слева... Нашел время, сволочь! Звон клинков, «белолобый» отскакивает. Недалеко, чувствует кровь... Не отстанет, значит, нужно убить.

Длинная тень рассекает прогалину. Охотник вепрем мчится вперед, два длинных кинжала словно клыки. Наперерез кидаются трое, горец падает наземь, перекачивается, вскакивает, вспарывает налетчику брюхо и исчезает из виду. Из ниоткуда возникает Доблехо с залитым кровью лицом. Жив! А вот двое «белолобых» – нет! Кто сказал, что нельзя бить в спину? Сейчас можно все...

– Где Маноло? Хайме?

– Маноло был жив.

Был...

– Что с тобой?

– Плечо. И спина... Собирай всех... Уводи... Через гребень...

– Давай... Ты...

– Убирайся!

Дobleхо кивнул, резко повернулся, бросился к камням, за которыми кипела свалка. Просвистел кинжал, оцарапал шею. Этого еще не хватало! А вот и хозяин кинжала, невысокий, юркий... Уж лучше бы великан! Хаммерианин приближается, заходит от солнца – черный, окруженный сиянием силуэт... И второй, тяжелее, шире, с дубиной. Свой. Из людей де Гуальдо. На него кидаются толпой, не давая размахнуться. Помощи не будет, но шпага у тебя в руках, жаль, что за спиной всего лишь шиповник.

– Подлый папист! – Не крик – визг, дикие глаза, перекошенная морда. – Умри!

– После тебя! – Откачнуться в сторону, пропустить разогнавшееся тело, вогнать шпагу в спину... Как просто... Как медленно он падает! А коршуны все кружат и кружат.

– Сеньор, давайте вверх! – Мигелито, нашелся... Какой он все-таки огромный! – Сеньор...

Птицы в пронизанном светом небе. Алые пятна на черных крыльях... Лихана рассказывал... Или де Гуальдо? Оба мертвы, а земля стремительно уходит из-под ног. Склон, заросли, лента дороги – все словно в тумане... Какой высокий холм. Как много пыли, ничего не разобрать.

– Мой сеньор!..

– Выведи Хайме!.. Он где-то здесь!

Земля стремительно отдаляется, но мечущиеся фигуры обретают четкость. Проклятье, как же больно глазам!

– Я оседлала коня...

Белесый склон, сухие, мертвые травы, камни и трупы... Как много... На ногах только двое де Гуальдо, они в плотном кольце, но бой еще идет. Длинный меч поднимается и сносит голову в белом колпаке. Голова падает на грудь другого покойника. Сверкающая фигура вновь заносит клинок... Пистолетная вспышка, шарик дыма... Может, доспехи и выдержали, но человека шатнуло назад, он споткнулся о чей-то труп и упал, оставив родича с неприкрытой спиной. Одного.

– У твоего сына будут твои глаза.

Дорога... Почему она так близко? Где де Гуальдо и мертвецы? Маноло?! Откуда?..

Альфорка, шатаясь, поднимает пистолет... Целится в кого-то высокого у обочины. Меж стрелком и целью бросается темноволосый мальчишка. Падает в пыль. Падает и Маноло. Сердце стрелка остановилось до выстрела, но он все же нажал на спуск.

Свет и лицо Лолы. Алый цветок у виска, мертвый Маноло, запекшаяся рана, слипшиеся от крови волосы, малиновый шиповник над головой, солнечный свет, тени и дорога. Она уходит все дальше вниз, становится лентой, перетянутой жгутом веной, тонкой серой нитью, сливается с бурым холмистым морем.

– У твоего сына будут твои глаза...

Глава 9

1

Знакомая фигура мелькнула в гуще вспыхнувшей с новой силой схватки. Хайме застыл, веря и не веря глазам. Карлос?! Назло «белолобым», набившимся между отрядами де Ригаско и Лиханы? Юноша вытянул шею, пытаясь разглядеть, что происходит. Сомнений не осталось. Карлос в окровавленной рубашке, шатаясь, отступал к кустам, потом его загрозила высокая фигура... Мигелито! Взметнулся бич, на подмогу хитано бросился горец... Фарабундо. Ему наперерез ринулась чуть ли не целая толпа. «Белолобые» загрозили и Карлоса, и хитано, но юноша успел заметить, как упал один лоассец, как схватился за голову другой, и тут что-то полоснуло по бедру. От неожиданности Хайме пошатнулся и торопливо огляделся – рубанувший его на бегу «белолобый» был уже в нескольких шагах, спешил присоединиться к большой свалке.

Любоваться первой раной пришлось недолго – хаммериане чуяли кровь не хуже гиен. Хайме оперся на здоровую ногу, готовясь огрызаться до последнего. Штанина набухла кровью, но больно не было. Подоспевшие налетчики переглянулись и засмеялись. Их было двое, и они все еще смеялись, когда свистнувшая рогатина вонзилась в живот тому, кто был ближе. «Белолобый» с бычьим мычаньем свалился под ноги товарищу, сбив того с ног. Юноша шагнул, достав упавшего клинком. Нога действовала, а за плечом был друг.

Охотник, метнувший рогатину, словно копье, сморщился и рванул древко – массивный наконечник с чавканьем вырвался из живого тела. Хайме схватился за горло.

– Идти сможешь?

– Да... Там у шиповника... Надо посмотреть!

– Нет.

– Там Карлос!

– Нет.

Передышка кончилась: хаммериане не собирались упускать добычу. Вместе с охотниками и хитано Хайме отступал к роще, а «белолобые» шли следом. Они падали, но меньше их не становилось. Фигуры в белых колпаках казались одинаковыми и отвратительными, словно в кошмаре. Они были всюду: появлялись, лезли на шпаги и рогатины и сами кололи и рубили, сливаясь в живое безликое нечто, от которого не оторваться.

На траву упала призрачная сетка. Тень... Прогалина кончилась, уступив место зарослям. Тут не пофехтуешь и не попрыгаешь. Хайме торопливо сунул шпагу в ножны и выхватил второй кинжал.

Стало прохладнее. Под ногу угодил узловатый корень, резкая боль напомнила о ране, но кровь вроде остановилась. Странно, бедро болело меньше, чем плечи. Сбоку затрещало – «белолобые» перли напролом. Охотник, оттолкнув Хайме, выставил рогатину, ее лезвие было красно-бурым. Первый из хаммериан отшатнулся и зацепился за низко торчащую ветку. Горец не мешкал – предназначенное для кабана широкое отточенное перо с легкостью вошло неудачнику под челюсть.

– Бежим! Быстрее!

Они вывалились на очередную прогалину, почти налетев на троих дерущихся хитано, и Хайме едва не взвыл, узнав Мигелито. Карлоса рядом не было, его не было нигде!

– Где он, Мигелито?! – Юноша заорал прежде, чем понял, что творит. – Где Карлос?!

Рука хитано слегка дрогнула. Этого хватило – стремительный рубящий удар, и от кнута осталась половина. Мигелито отшвырнул кнутаовище, перебросив в правую руку наваху, но против двух шпаг...

Хайме ринулся вперед. Сверкнула сталь, один из хитано закрыл жоака грудью. Высвободить клинок убийца не успел: Хайме, не удержав разбега, врезался в «белолобого», сбил с ног и рухнул рядом. Захотелось прижаться щекой к траве и остаться лежать, но юноша вскочил, а солдат – нет. Наваха оказалась быстрее. Уцелевший лоассец торопливо отшатнулся, давая дорогу, и все стихло. В который раз за этот бесконечный день.

– Ранен?

– Нет...

Где Карлос? Он же был с Мигелито там, внизу! Неужели почудилось? Шаг влево. Туда, где сквозь просвет в зарослях виднеется склон. Камни, куст шиповника и тела, но чьи? Далеко, не разобрать. Фарабундо яростно машет, нужно идти, но отвести взгляд нет сил. Что-то прошуршало, краем глаза Хайме уловил холодный блеск. Уклоняться было поздно – боль, резкая, настоящая, страшная, обожгла бок. Выплывший из тумана хаммерианин занес кинжал, но Хайме как-то увернулся. Сверкнула шпага, юноша парировал и ее, следующий удар пришелся в руку, выбив оружие из враз онемевших пальцев, и тут же на голову, ослепляя, обрушилось солнце вместе с сухим горячим небом.

Он еще пятился, бестолково отмахиваясь кинжалом, ничего толком не видя и не соображая. Потом раздалось отвратительное хаканье и хрип. Земля понеслась навстречу, но упасть Хайме не удалось. Кто-то безжалостно подхватил обмякшее тело под руки и поволок вверх по склону...

2

Схватка, по сути, закончена, путь свободен. Люди Клеро, не таясь, растаскивают валуны, а проклятые заросли молчат. Безумец, застреливший Роже, был последним. Если б не он, на обочине лежал бы полковник Лабри, но Господь не допустил его смерти. Теперь малыш расскажет отцу и о том, что осенью начнется война, и о своем подвиге. Старик будет горд за сына, и никто его не посмеет за это упрекнуть. Даже ангелы.

– Сержант!

– Господин полковник!

– Пошлите на холм. Пусть бросают, кого не добились, и возвращаются.

– Слушаюсь!

Чуть промедлил, совсем немного, и ушел. Вояку можно понять. Уйти, не отомстив, не швырнув последнего паписта стервятникам, не похоронив своих, это испытание. Страшное испытание, но его нужно пройти, слишком высоки ставки и слишком много времени потеряно. Теперь боя в монастыре не миновать. Ночного боя в окружении, и как же будет не хватать Гийома. Почему его забрали именно сейчас? Почему, Господи, ведь он нужен здесь!

Он служил тебе всей душой. Или это знак прощения? Капитан Пивоне искупил папистскую юность и теперь чист.

– Господин Лабри, я не понимаю!

– Вам это и не обязательно.

– Полчаса, нам нужно еще полчаса!

– У нас нет ни минуты.

– Именем короля! – Глаза Крапу становятся бешеными, как у того ублюдка с пистолетом. – Я приказываю!

– Именем Господа и по приказу маршала. – Пальцы Лабри уверенно ложатся на костяную рукоять. – Еще слово, и я вас расстреляю за неподчинение.

– Вы не можете их отпустить!

– Я исполняю приказ.

– Но они уйдут... Не меньше двадцати человек!

– Неважно.

Мату и Бустон живы, а Гийом погиб. Нелепо, несправедливо, не вовремя. Удар шпагой, и нет друга, а убийца, возможно, уходит безнаказанным. У Крапу в полку друзей не было.

– Вам дали тридцать человек. Сколькими вы располагаете теперь?

– В строю – девятнадцать.

Все-таки посчитал. Неплохо для первого боя, но потери чудовищны, и только Господь знает, сколько осталось от прочих отрядов. Поход уже обошелся недешево, а ведь они даже не начали.

– Господин полковник, что будет с ранеными и убитыми?

– Те, кто ранен тяжело, останутся ждать, остальные догонят колонну. Вы можете выбирать.

– Я иду!

Хороший признак. К концу войны Крапу станет полковником. Если научится подчиняться и уцелеет.

– Останетесь со мной. Что-то еще?

– Я спрашивал об убитых.

– Погибшие за святое дело будут спасены.

– Но, может быть, лейтенант Шетэ...

Лейтенант Лабри тоже спорил с полковником Танти, потом понял. Поймет и граф или так и останется другом короля в шитых перчатках.

– Господин полковник! – На щеке Клеро красовалась ссадина, и он не говорил, а хрипел. – Проход расчищен, но проезжать нужно по одному.

– Хорошо.

Вот теперь уже точно все. Ждать нечего, нужно трогаться, оставив малыша Роже на дороге. Хоронить некогда, нести с собой мертвых... всех мертвых – невозможно. Бедная Берта, в один год потерять мужа и сына, а граф дожидается ответа. Настырности ему не занимать, Гийом тоже был настырным.

– Господин Крапу, павшие во славу Господа в Его глазах равны. Да будут они равны и в брэнном мире. Потрудитесь передать приказ сигнальщику. «К выступлению!»

3

Это был чужой язык, звонкий и непонятный. Не лоасская каша и не тяжелый говор Миттельрайха. Кто-то раздраженно и хрипло приказывал, кто-то, задыхаясь, отвечал. Разглядеть говоривших Хайме не мог – глаза заливала кровь. Юноша понимал, что его куда-то тащат. Так было нужно, ведь сам он идти не мог. Наверное, он упал с коня... Точно! Пикаро провалился в трещину и сломал ногу, а он разбился, и его подобрали хитано. Это они его несут и говорят на своем языке, которого сам дьявол не разберет...

Вновь что-то приказал старший. Хайме его знал, но имени было не вспомнить. Вокруг

что-то шуршало и трещало, наверное, осыпались камешки, дыхание хитано становилось чаще и громче, потом один споткнулся и едва не упал, по боку наискось словно хлестанули раскаленной цепью, и все исчезло, даже боль.

Из темной ямы Хайме вызволил отдаленный зов трубы. Голова гудела, глаза не открывались, но главное он вспомнил. С Пикаро упал молодой де Гуальдо, а его ранили. Был бой с «белолобыми», они прорывались к вершине...

– Где Карлос? – выкрикнул Хайме. – И сеньор Лихана?

– Их нет. – Кто бы его ни тащил, он говорит по-онсийски. – Молчи.

Их нет. Нет в живых или нет здесь? Хайме пытался сосредоточиться, но ничего не получалось. Мешанина из лиц, звона, бликов и боли кружилась каруселью, дразня и ускользая. Вежливо улыбался дон Луис, заряжал пистолет Альфорка, малиновым огоньком горел шиповник, что-то приказывал Карлос, и сужали круги черные птицы...

– Все. Они не гонятся. Положи его и сотри кровь, а то засохнет.

– Воды бы!..

– В седельных сумках будет.

– До них еще идти и идти.

– Здесь вино с водой.

Что-то касается лба, щеки, глаз. Боли нет, значит, рана не в лицо. Глаза открываются, но вокруг туман. Ничего не разобрать.

– Где мы?

– На холме. – Из тумана вырастает хмурое лицо. Светлые волосы, светлые глаза, на лбу капельки пота. – Бесноватые отстали...

Фарабундо... Этого горца зовут Фарабундо, и он даже не ранен.

– Фарабундо, кто здесь?

– Мы, кто живы...

– А остальные?

– На все Божья воля. Глядишь, и отыщутся.

Пожилой охотник с рассеченной бровью, круглолицый хитано, почти ровесник, в залитой кровью рубахе, Фарабундо, его приятель и огромный Мигелито. Дальше не разглядеть.

– Сеньор Карлос погиб, – отчетливо произносит вожак, – сеньор Лихана тоже. Лучше знать, чем надеяться.

Это правда. Наверное... Карлос умер, Инья стала вдовой, а труба вновь приказывает и зовет. Чужая труба – в Онсии другие сигналы. Хитано поднимается во весь рост, смотрит вдаль, приложив к глазам руку. Фарабундо встает рядом, у его ног что-то темнеет... Мертвый коршун. Неужели они умирают в небе?

– Двинулись, будь они прокляты, – шепчет горец, – по одному. А мы здесь!

– Что там? – Он не потеряет сознание, прежде чем поймет, что творится внизу. Не потеряет! – Во имя Пречистой, что на дороге?

– Бесноватые пошли дальше. – Черная птица у черных сапог, красные пятна на блестящих перьях. Это еще правда или уже бред? – Бросили своих мертвых и идут убивать...

Часть вторая Папский голубь

*Доньидо
1587 год*

Глава 1

1

Прохлада после раскаленных улиц и тишина, благословенная тишина, озерными водами смывающая головную боль. Есть вещи, с которыми можно жить, но привыкнуть к ним невозможно. Человек силен, он заставляет тело работать, и человек слаб, так как не может не слышать боль.

– Как ты себя чувствуешь?

Лучше, чем могло быть, и хуже, чем скоро будет, но зачем это знать другим и тем более Инье?

– Все в порядке, не беспокойся.

– Я не беспокоюсь, – словно бы извинилась Инес, – разве только чуть-чуть. Хайме, ты так редко приходишь...

В этом доме на площади Аурелио он по-прежнему Хайме. Это единственное место в мире, где звучит голос прошлого. Тут живет сестра и до недавнего времени жил племянник. Карлос-младший мечтал пойти по следам отца, и Инес его отпустила. Решила, что погибший муж хотел бы именно этого. Теперь племянник в Сальса, а Инес улыбается.

– У тебя есть время?

Есть улыбки-плачи, только не всякий их разгадает. О чем думает вдова одинокими ночами? Инья могла бы жить с родителями или в Ригаско, но затворилась в столичном особняке. Этого Хайме не понимал. Замуж Инья не собиралась, дворцовых интриг не любила, бывая в Олье лишь по обязанности, и все равно оставалась, словно кого-то ждала.

– Для тебя время у меня есть всегда! – Хайме, он же брат Хуан, привычно покосился на устроившегося на подоконнике белого голубя. Тот напыжился, словно при виде голубки, и заурчал. – Видишь, Коломбо подтверждает.

– Вижу. – Инья казалась немного виноватой. – Приехала малышка де Хенилья. Она просит ее принять. Ты ее помнишь?

– Видел на свадьбе и после пару раз.

Кукла в тяжелом платье. Точеное личико, пустые глаза, бархат, кружево и драгоценности, драгоценности, драгоценности... Маркиз де Хенилья не поскупился, он вообще не жалел для молодой жены ничего. И для солдат тоже.

– Ты вроде бы ездила с ней в Муэну? – Инес знает, что брат недолюбливает гостей, вот и волнуется. Зря, вдову Гонсало он как-нибудь переживет, особенно если та будет молчать.

– Бедная Мария совсем одна. – Инес грустно покачала головой, в юности она

напоминала лесную нимфу, теперь походила на Пречистую, как ее рисовал великий Васкес. – Мне было легче. Господь даровал мне Карлоса, и у меня остались мама с отцом и ты.

– Вернее, то, что от меня осталось!

Сестра слишком много говорит. Она не знает Коломбо, а импарсиал¹¹ не имеет ни права, ни возможности рассказать про белокрылого красавца правду. Оставалось прерывать опасные откровения на полуслове. Другая бы обижалась, но Инья прощала близким все и улыбалась. Улыбнулась она и сейчас.

– От тебя осталось главное. Стать инкверентом¹² трудней, чем полковником, а ведь ты... Ты все еще младше Карлоса. На два года, но младше.

– А на сколько брат Хуан старше Хайме де Ревалья? – в свою очередь улыбнулся Хайме. – Но ты права, служить Господу и ее величеству можно не только шпагой.

Завтра кардинал-инкверент Торрихос услышит, что брат Хуан горд своей службой и ни о чем не сожалеет, вернее, не услышит ничего: Коломбо доносит лишь о прегрешениях, к коим верность тиаре и короне не относятся.

– Мы так за тебя боялись.

Инес не смотрела на окно. Для нее фидусьяр¹³ был не более чем знаком святости и служения Господу. Коломбо же полагал «вдову де Ригаско» глупой, как и положено женщине, хоть и отдавал должное ее добродетели. Когда сестра отказывала очередному жениху, голубь удовлетворенно махал крыльями, но стоило Инье обзавестись следующим воздыхателем, и Коломбо принимался клеймить женское непостоянство и зов плоти. Большого негодования удостаивались лишь упорствующие в своих заблуждениях суадиты и голубки, спаривавшиеся с грязными сизарями прямо на крышах.

– О чем ты думаешь? – Голос Иньи разбил тишину, словно ледок треснул.

– Так, ни о чем.

Он и в самом деле не думает, просто смотрит и дышит. Иногда это наслаждение.

– Ты думаешь о делах, – уверенно объявила Инья. – Зря я тебе напомнила о Хенилье. Скоро два года прошло, а все равно не верится.

– Лоасские шпионы охотились за стариком не один год, – напомнил Хайме, – но в мирное время дон Гонсало был осторожен. Не то что на войне.

– И все-таки его убили, – с каким-то удивлением произнесла герцогиня, – никто ничего не смог сделать.

– На все воля Господа, – торопливо ввернул Хайме, припоминая чеканный профиль погибшего полководца. Схватка с рвущимися к монастырю хаммерианами словно бы разбудила Хенилью, превратив начальника провинциального гарнизона в нового Адалида. Блистательный взлет и такая несправедливая смерть! И такая несвоевременная. Инес права, убийца, хоть и озабоченный оставить кровавую роспись, оказался короне не по зубам.

«Это сделал дон Диего де Муэна...» Намек? Или ложный след, и никакого дона Диего в природе не существует, а Хенилью прикончил кто-то из недовольных возвышением «этого плебея» грандов?

– Хайме, кто такой дон Диего? – Соображай Коломбо не хуже Иньиты, стало бы весело. – Он в самом деле из Муэны?

¹¹ Судья-следователь Святой Импарции, судебно-следственного органа Мундиалитской церкви, созданного для борьбы с противниками папской власти и еретиками.

¹² Инкверент исполняет особые поручения кардинала-инкверента (главы действующего в мундиалитском государстве Постоянного Трибунала Святой Импарции) и подотчетен лишь ему, находящемуся в Рэме генералу Импарции и Папе. Кардинал-инкверент обладает правом в случае необходимости создавать на вверенной ему территории чрезвычайные трибуналы и назначать их глав из числа своих инкверентов.

¹³ «Доверенный». Папский голубь. Пожизненный спутник члена Святой Импарции.

– Скорее лоассец. Инес, убийство дон Гонсало расследует Протекта¹⁴. Святая Импарция может лишь предполагать участие в нем еретиков.

– *Ересь есть корень всех зол*, – раздавшийся в мозгу высокий чистый голос был привычным, как хлеб и боль, – *ересь и похоть. Хенилья был добрым мундиалитом и мечом карающим для мерзостных хаммериан и отринувших спасение суадитов.*

– Тебе плохо? – В глазах сестры страх сплетался с сочувствием. – В этом году такая жаркая весна... У тебя все лекарства с собой?

– Господь не допустит приступа. – Слова были сказаны сестре, но предназначались разболтавшемуся фидусьяру. – Особенно в твоём доме. А сеньор Хенилья мешал многим, но личных врагов у него не было. Только враги веры и Онсии.

– *Суадиты*, – стоял на своем Коломбо, – *и синаиты. Лицемеры, преклонившие колена перед Святым Распятием, но отправляющие тайно свои мерзкие обряды.*

– Есть тайны, известные лишь посвященным! – Инкверент внимательно посмотрел сначала на белую птицу, затем на сестру. Инья не поняла, Коломбо нахохлился. Вспомнил, что вести мысленные беседы в присутствии непричастных профанов¹⁵ запрещено.

– И все равно тебе лучше прилечь. До ужина. В чем дело, Гьомар?

– Ох, сеньорита... Прибыл посыльный. Сеньора Хайме вызывает Супериора¹⁶. Срочно.

2

Брат ушел. В окно Инес видела, как конные носилки с зеленым крестом пересекают безлюдную площадь и исчезают в ущелье улицы Велльор. Солнечный зайчик спрыгнул с кирасы альгвазила, махнула хвостом лошадь, и раскаленная площадь вновь пуста – нищие и те перебрались поближе к площади Сан-Пабло. Приходящие на свершение Акта Веры купцы и вельможи не скупятся на милостыню, но герцогиня де Ригаско редко выходит из дома и еще реже принимает гостей.

За без малого семнадцать лет к ее затворничеству привыкли. Королева Хуана ставит вдову Льва Альконьи в пример своим дамам, а великий Фарагуандо время от времени удостаивает беседы. Все уверены, что Инес де Ригаско дождется женитьбы сына и удалится к Пречистой оплакивать свою потерю. Откуда чужим знать, что горе давно ушло, осталась лишь грусть. Их с Карлосом любовь оказалась даже не сказкой – песней, а песни так коротки... Лицо, улыбка, голос мужа истаяли, став призрачной сна с белыми цветами, на которые она так и не ступила. Тысячи белых цветов и один, красный, на плече Карлоса. Предзнаменованием смерти.

– Бедный дон Хайме. – Выплывшая из коридора Гьомар укоризненно покачала головой. – Он так и не попробовал вина из Реваля. А камбала! Как раз такая, как он любит...

– Потом попробует, – торопливо сказала Инес. – Сама знаешь, люди с голубями себе не принадлежат, а Супериора не ждет.

– Знаю! – Камеристка недовольно поджала губы. – И кому теперь дон Антонио оставит виноградники? Единственный сын – монах! Господь что сказал? Плодитесь и размножайтесь! А дон Хайме? Подумаешь, воевать не может, так не каждому быку на аренедохнуть, кому-то и теляток делать надо...

¹⁴ Закрытый трибунал (Протекта) – тайная королевская служба Онсии. Подчиняется Государственному Совету и королю.

¹⁵ Лицо, не посвященное в тайны мундиалитской церкви и не причастное к делам Святой Импарции.

¹⁶ Созданный в 1571 году королем Онсии Альфонсом Девятым высший судебный орган при особе монарха, в который с благословения Папы и по просьбе короля вошла и Святая Импарция. Главой Супериоры является король или лицо, им уполномоченное. Решение Супериоры обязательно для всех подданных Онсии, но не для подотчетной Рэме Святой Импарции.

– Гьомар! – Герцогиня лишь слегка повысила голос, но служанка умолкла, хоть и не ушла. Ну и пусть стоит. Инес отвернулась, провела рукой по спинке кресла, в котором недавно сидел брат, затем медленно побрела по комнате, перебирая бирюзовые четки. Карлос купил их у Сами Абдедина перед поездкой в Муэну. Тогда ювелиры-синаиты не скрывали ни собственных имен, ни собственной веры, а иметь с ними дело не считалось греховным. Муэнская резня унесла не только Карлоса, она покончила с прежней Онсией. Да, какое-то время люди жили, как прежде, но и листья опадают не сразу. Кого-то осень хватает раньше, кого-то позже, но не уцелеть никому.

– Гьомар, вынеси цветы. Они завяли!

– Сейчас, сеньорита!

Если бы не Хайме, она бы уехала в Ригаско ждать сына, шить шелками и слушать южный ветер. Брат, тот все еще воюет с хаммерианами, а ей просто хочется все позабыть и жить, сбежав от сумрачной роскоши королевского замка, высочайшего покровительства, навязчивого внимания придворных. В рощах Ригаско она бы вновь стала женщиной по имени Инес...

– Маркиза де Хенилья, графиня де Альконья де Аламонедро! – равнодушно возгласил слуга.

Инья поправила выбившуюся из прически прядку и разгладила складки вуали. Вдова Льва Альконьи встречает вдову Орла Онсии. Завтра об этом узнают во дворце и сочтут трогательным. Послезавтра под окнами зазвучат романсы в честь двух сиротливых голубок.

– Донья Инес! – Мария замерла на пороге. Она стала еще красивей и еще беспомощней, чем во время их последнего свидания.

– Входи. – Чтобы поцеловать маркизу в лоб, пришлось привстать на цыпочки. Герцогиня невольно улыбнулась и, чуть поколебавшись, добавила: – Дитя мое!

Гостья была младше хозяйки на двенадцать лет и выше почти на голову. Судьба одарила дочь незначительного идадьго высокой грудью, белой кожей и прекраснейшими в мире глазами цвета моря. Великий Хенилья был сражен наповал без единого выстрела; о том, что чувствовала шестнадцатилетняя Мария, не думал никто.

Супруги казались счастливыми, но брак оставался бездетным. На четвертый год маркиза отправилась к Пречистой Деве Муэнской в надежде вымолить ребенка, а вернулась вдовой. Дона Гонсало убили прямо в собственном доме. Никто ничего не слышал, собаки и те не залаяли. Мария горевала, очень горевала, в этом Инес не сомневалась, но любая боль проходит. Если ее не поить по ночам своей кровью.

– Моя сеньора, – гостья удивленно оглянулась, – ваш брат... Он не пришел? Это из-за меня?

– Хайме ушел, – торопливо произнесла Инес, – его куда-то вызвали.

3

Секретарь еще не распахнул дверь, а Коломбо уже нежно ворковал. Значит, Хайме желает видеть Торрихос. Так и оказалось. Кардинал-инкверент возвышался за дубовым столом убеленной сединами горой. Напротив его высокопреосвященства тонул в кресле герцог Пленилуния. Глава Протекты собственной персоной. Неплохо для воскресенья! Хайме поклонился и застыл, опустив глаза, как и положено смиренному служителю Господа. Коломбо незамедлительно перепорхнул на окно поближе к голубю кардинала. Тот слегка шевельнул крылом и нахохлился – выказал равнодушие. Коломбо с фидусьярами низших вел себя не лучше.

Торрихос что-то шепнул герцогу, и тот кивнул лысой, утонувшей в складках шеи головой. Внешне клирик и вельможа рознились как лев и черепаха, по сути же оба были драконами, мечтавшими пожрать друг друга. Хайме надеялся, что повезет Торрихосу.

– Мир тебе, брат Хуан, – объявил Торрихос, и Хайме понял: ему снова придется

огорчить Пленилуню. Что ж, не в первый раз и, если повезет, не в последний.

– Во имя Господа! – Инкверент почтительно поцеловал благословляющую руку. Теперь главное – уразуметь, что нужно делать и чего делать ни в коем случае нельзя.

– День воскресный создан для благочестивых размышлений и отдыха, но долг призывает нас в любое время. – Кардинал обратил взор на вельможу и отечески качнул сединой. – Герцог де Пленилуня, не желая отвлекать нас от молитв, совершил ошибку, хоть и руководствовался лучшими побуждениями. Тем не менее счастливый случай разрешил недоразумение. Как твои раны, брат Хуан? В силе ли ты приступить к работе во славу Господа?

– Я здоров, – коротко произнес Хайме, понимая, что драконы снова сцепились. Прошлая схватка завершилась победой Протекты и преждевременной кончиной троих благородных дворян и одного монаха. Похоже, Торрихос вознамерился отыграться, а его высокопреосвященство бьет наверняка.

– Тем не менее тебе не следует уподобляться нашему доброму герцогу, – губы Торрихоса раздвинула теплейшая из улыбок, – а сеньор Пленилуня не жалеет себя... Именно так, сеньор, не спорьте со мной! Вы уподобляетесь тому коню, что, понукаемый долгом и гордыней, тянет все больший груз и бежит все быстрее, рискуя рухнуть под тяжестью невозможного.

– Ваше высокопреосвященство преувеличивает. – Будь улыбки клинками, какой бы сейчас поднялся звон! – Я всего лишь исполняю свой долг.

– Ваш долг – отыскать убийц славного Хенильи, – кротко возразил кардинал-инкверент, – этого ждут ее величество и все добрые мундиалиты. Милосердие – удел Господа и Церкви, вы же – меч карающий, так карайте, а спасение заблудших душ предоставьте Святой Импарции. Взяв на себя разбор донесений, в коих говорится о заподозренных в ереси, вы, без сомнения из лучших побуждений, посягнули на Божие и пренебрегли кесаревым.

Некогда всесильный герцог чуть заметно шевельнулся в огромном кресле. Надо полагать, внутри его все клокотало, но Пленилуня терпел. С тех пор как покойный король с благословения его святейшества учредил Супериору, Протекте пришлось потесниться.

– Брат Хуан, – заволновался Торрихос, – мы надеемся на твою скромность. Узнав о нашем... небольшом разногласии, злые языки не замедлят объяснить добрые поступки нашего славного герцога дурными помыслами.

Ответа не требовалось, и Хайме промолчал. Свидетели бесед Пленилуни и Торрихоса и так ходили по краю бездны.

– Брат Хуан заслуживает полного доверия, – успокоил кардинала глава Протекты. – Нет никаких сомнений, что он с легкостью разберется с делом, столь живо заинтересовавшим ваше высокопреосвященство.

– Брат Хуан еще ни разу не ошибся в своих выводах, – доверительно сообщил Торрихос. – Господь сохранил жизнь этому достойному юноше и привел его к моим дверям, дабы его таланты послужили святому делу.

– Я счастлив, что брат Хуан обрел себя в борьбе с ересью, – поджал губы Пленилуня. Пятнадцать лет назад шурин герцога де Ригаско просил о приеме в Протекту и получил отказ. Пленилуня предпочитал аристократам незнатных провинциалов, а больным – здоровых. В чем-то он был прав, потому-то Хайме его и ненавидел.

Торрихос молчал, переводя ласковый взгляд с соперника на подчиненного и обратно. Он ждал достойного ответа, и Хайме ответил.

– Нет предела моей благодарности герцогу де Пленилуня. Ведь это он направил мои стопы к Церкви, где я обрел утешение и исцеление. Но что за дело предстоит мне расследовать? Видимо, следует поторопиться?

– Оно, как заметил мне сеньор Пленилуня, довольно заурядно, – неспешно произнес кардинал-инкверент, – к тому же излишняя спешка приносит больше вреда, чем пользы. Не следует подпускать к овцам волка, но пастухам нужны собаки, а у многих псов волчья стать.

Вам придется решить, кто перед вами – упорный еретик или же заблуждающийся, чью душу еще можно спасти.

– А также определить, является ли упомянутый суадит отравителем, – подал голос глава Протекты, – и почему он проживает отдельно от соплеменников.

– Я спрошу его.

Выходит, камнем преткновения стал какой-то отравитель, то ли лекарь, то ли виноторговец, то ли повар. Что ж, войны начинались и из-за меньшего. Повод найдется, было бы желание, а оно у Пленилунья есть.

– Йона бен-Авнер, именуемый чаще Хоньо Бенеро, сорока трех лет от роду. – Торрихос шевельнул бумагами, раздалось змеиное шуршанье. – Суадит из Гомейсы. Семнадцать лет служил маркизу де Мадругана. После смерти последнего купил дом недалеко от Бычьего рынка, где и поселился. Некий Винсенте Камоса, доктор медицины и, по мнению Протекты, добрый мундиалит, утверждает, что Бенеро, не будучи христианином, изготавливает лекарства и пользуется ими больных.

– Камоса с двумя свидетелями, подозревая бен-Авнера в том, что он режет живое тело, потребовали осмотра дома, – добавил от своих щедрот Пленилунья. – Суадит их не впустил, что является косвенным подтверждением его вины. Как известно, закон запрещает суадитам и синаитам прописывать и готовить лекарства, если они не одобрены врачом-мундиалитом. В отсутствие такового посредника изготовление лекарств карается наравне с торговлей ядами.

– Только если доказано, что суадит или же синаит пользуется христиан, – уточнил Хайме, и Торрихос медленно опустил веки, благословляя подчиненного на бой, – если же врач занимается составлением зелий и лекарств, но не продает их христианам и не прикасается к телам христиан, его не в чем обвинить. Обещаю сегодня же заняться этим делом. Если Бенеро не был крещен, он не является еретиком, но обязан открыть дверь проповеднику.

Кардинал-инкверент пошевелился:

– Его святейшество учит, что богоугодны не чрезмерная строгость к виновным, но снисходительность, мягкость и сострадание. Он желает, чтобы раскаявшихся не преследовали и дали им все права, как будто бы они и не грешили. Возьмите письмо Камосы, прочтите его, а затем расспросите лично. Не торопитесь – дом Бенеро взят под охрану. Преступник, если мы имеем дело с преступлением, больше не причинит вреда и не исчезнет, как пресловутый дон Диего.

Глава 2

1

Плотный бровастый человек с вежливым равнодушием смотрел, как на его крыльцо поднимались дознаватели. Он не казался ни возмущенным, ни удивленным, хотя последнее было бы откровенным притворством. Если в доме торчат альгвазилы, жди гостей повыше и вспоминай свои прегрешения. Или недоброжелателей.

Во дворе, почуяв чужих, лаяли собаки – в отличие от хозяина они своих чувств к незванным гостям не скрывали. Псов было много: Бенеро в точном соответствии с доносом держал чуть ли не псарню, но вот скармливал ли он собакам трупы христианских младенцев? Вряд ли...

– Вы кого-то ждете, благочестивый брат Хуан? – Знакомый уверенный голос положил конец раздумьям. – Не нас ли?

– Никоим образом. – Хайме, не оборачиваясь, шагнул за порог, захлопнув на совесть сработанную дверь перед самым носом капитана Арбусто дель Бехо. Заподозренный в отравительстве врач не повел и бровью, зато угодивший между молотом Протекты и наковальней Импарции сержант альгвазилов мучительно засопел. Хайме предпочел не

услышать. Неторопливо перекрестившись, он внимательно осмотрел обширную прихожую, напоследок заглянув в перевитое коваными железными лозами оконце. Арбусто торчал на крыльце, прожигая взглядом толстенные доски. Капитану не было дела до суадита, но брата Хуана он бы швырнул в костер с наслаждением. И кто бы мог подумать, что при первой встрече они друг другу понравились!

Оба сражались с лоассцами и были ранены, оба рвались спасти Онсию от «белолобых», оба ждали ответа всесильного герцога и дождались. Стали б Арбусто и де Реваль друзьями, возьми Пленилунья обоих, или честолубивый провинциал рано или поздно все равно возненавидел бы участника легендарной схватки и родича де Ригаско?

Брат Хуан с трудом оторвал взгляд от напряженной широкоплечей фигуры. Не пустить Арбусто на порог приятно, но хорошо смеется тот, кто смеется последним. Или тот, кто смеется редко. Пленилунья не смеялся никогда. Зачем ему понадобился суадит? Драконы не ловят мышей, а из-за Бенеро вот-вот полетят искры и головы. Что ж, если не знаешь, что к чему, будь безупречен.

– Брат Селестин, брат Доминик, займитесь книгами. Как всегда, три списка – допустимые, запрещенные и сомнительные. Сеньор Ривера, ваше присутствие как врача, на предварительном допросе не требуется. Возьмите двоих помощников и в присутствии брата Фомы проверьте, есть ли в доме лекарства в количестве достаточном, чтобы говорить о торговле. Постарайтесь установить, что это за лекарства. Брат Хоакин, обойдите дом от подвала до чердака. Вы знакомы с делом и знаете, что искать. Не забудьте о псарне и колодце. Нотариус...

– Да, сеньор! – Статный молодой красавец походил на офицера, а занимал место чернильной крысы. Болен, труслив или подослан? Что ж, пусть слушает, больше Коломбо никакой шпион не разнюхает.

– Будете со мной.

Оставаться в прихожей было незачем. Хайме кивнул сержанту и, не дожидаясь, когда тот, пока еще вежливо, возьмет обвиняемого за плечо, направился в глубь дома. Запах воска, книжных переплетов и трав напоминал о жилище Лиханы, где Хайме де Реваль провалялся несколько месяцев. Вызванные Хенильей родители не сразу узнали сына, да он и сам себя не узнал, впервые после болезни глянув в зеркало. Потом привык и к седине, и к украсившему лоб шраму, и к тому, что об армии и верховой езде лучше забыть.

– *Неправедное богатство вопиет.* – В отличие от дознавателя Коломбо с превеликим тщанием разглядывал лестницу и гостевую анфиладу. – *Богатство льнет к рукам суадитов, как грязь льнет к грязи. Только очистившись от золотой скверны, можно спастись.*

Что ж, врач Камоса явно рассчитывал на хороший кусок означенной скверны. Забавная логика. Доносчики с помощью служителей Господних и владык земных спасают заблудшие души, но губят свои...

Инкверент улыбнулся и механически поднял руку, коснувшись белых перьев. Фидусьяр может болтать сколько угодно, ответа он не дождется. Тайну папских голубей Церковь хранит строже тайны исповеди, а беседующий сам с собой похож на безумного.

2

Кабинет был там, где дознаватель и предполагал. Темное дерево, книги, синаитские ковры, ветка шиповника в хрустальном кувшине... Дома в Доньидо еще более похожи, чем их обитатели. Будь на стенах оружие и охотничьи трофеи, а в углу – Распятие, комната пришлось бы впору любому дворянину.

– Нотариус, вам хватит света?

– Да, сеньор.

Ох уж эти королевские нотариусы, сидят между двух стульев и доносят Протекте на Импарцию, Импарции – на Протекту, а королевы словно бы и нет. Жаль...

– Хоньо Бенеро, садитесь.

Хайме привычно повел плечом, и Коломбо перепорхнул на отделанные бронзой часы, где и устроился, недовольно дернув шеей. Настроение у фидусьяра было сварливым, как и всегда после встречи с собратьями высшего ранга. О чем говорят папские голуби друг с другом, Хайме не знал, но Коломбо становился невыносим, особенно во время допросов.

Уютно скрипнуло кресло – обвиняемый послушно сел. Вблизи он казался еще крупней и еще спокойней. Почти как покойный Хенилья.

– Вы – Хоньо Бенеро, хозяин этого дома и всего, что в нем находится в настоящий момент?

– Да, это я.

– Назовите своих личных врагов.

– У меня их нет.

Можно на этом и успокоиться, а можно объяснить несведущему, что своими словами он превращает донос Камосы из акта мести в акт усердного служения Господу, хотя благочестивый лекарь если кому и служит, то собственному кошельку. Нотариус старательно скрипнул пером, записав вопрос и ответ, после чего в ожидании новой порции воззрился на инкверента. Что ж, доставим Пленилунье удовольствие.

– Хоньо Бенеро, да будет вам известно, что личная вражда является обоснованной и единственной причиной для отвода свидетелей. Святая Импарция дает вам право перечислить тех, кто из соображений мести может возвести на вас ложные обвинения. Если среди названных имен окажется доносчик или же свидетель, его показания потеряют силу. Подумайте. Больше мы к этому вопросу не вернемся.

Красавец-нотариус торопливо перевернул песочные часы и уставился в окно. Любопытно, Арбусто ждет или уже ушел? Протекта не любит проигрывать, а Арбусто не любит выглядеть дураком. Топтаться перед закрытой дверью не по нему.

– *Дьявол пытается совратить всех и каждого с истинного пути, —* ясный и назидательный голос ударил в уши колокольным звоном. – *Каждый по слабости духа или злонамеренно может впасть в грех, но может быть спасен, если о его падении узнают. Врач Камоса обратил взор закона в сторону этого суадита, став, таким образом, гласом Провидения. Твой долг – не сомневаться в словах доброго мундиалита, но вынудить грешника к покаянию и примирению с Церковью...*

Коломбо передаст все, что будет спрошено и отвечено, тому, кто имеет право спросить и спросит. Добавит кое-что и от себя. Служители Святой Импарции могут поддасться искушению и из слабости или корысти покрыть еретика или преступника. Могли бы, если б в день принесения клятвы к ним на плечо не спускался белый голубь. Знак благодати и знак доверия для профанов и страж недремлющий для посвященных, а ведь было время, когда молоденький петрианец свято верил, что белокрылый спутник укажет путь в ночи, развеет дьявольские козни, изобличит одержимых и убережет от искушений. От искушений, впрочем, Коломбо уберегал. На свой лад.

– *...добиться превращения сего суадита из слуги дьявола в раба Господа!* — Фидусьяр гордо взмахнул крыльями и оправился. Закончил. Когда-то Хайме поспорил с Коломбо. Это было их пятое дело. Обвиненный в хаммерианской ереси офицер показывал не зажившие толком раны и клялся в невиновности. Хайме поверил обвиняемому, а не доносчику. Тогда еще младший дознаватель объявил, что клеветник действовал по наущению дьявола из желания погубить невиновного, уничтожив его руками братьев по вере и по оружию.

Они с обвиняемым выпили вина и пожали друг другу руки, а ночью отпущенный на поруки сбежал. В Лоасс, где и находится по сей день. Хайме спасла его откровенность. Он рассказал инкверенту Торрихосу все, не догадываясь, что Коломбо это уже сделал. Так брат Хуан узнал, что фидусьяры не только поучают, а возмущение, клятвы и даже слезы не стоят ничего.

– Святой отец, отпущенное Бенеро время истекло.

– Хорошо. Хоньо Бенеро, вы вспомнили тех, кто является вашими личными врагами?

– У меня нет личных врагов, – решительно объявил суадит, – те, кто дал на меня

показания, сделали это не из мести, а из выгоды. Они показали бы на любого.

– Кого вы имеете в виду? – сухо уточнил Хайме. Похоже, он влип в одно из тех дел, что длятся годами и неизвестно почему стягивают к себе несопоставимые со своей значимостью силы.

– Последователей того, кто мечтал о сребрениках и получил их. Таковых слишком много, чтобы знать их всех, но первого звали Иуда.

– *Это новая секта?* – встрепнулся Коломбо. – *Новая, подлежащая осуждению секта, поклоняющаяся предателю и корыстолюбцу? Пусть говорит, он будет прощен... Скажи ему об этом!*

– Вас преследуют поклоняющиеся Иуде? – Мозги у Коломбо оставались птичьими, но спросить проще, чем не спросить, а потом объясняться.

– Я не знаю таких. – На лице врача проступило нечто похожее на удивление. Раньше Хайме тоже бы удивился.

– Мы вернемся к этому вопросу позже, – увильнул инкверент, утыкаясь в уже знакомые бумаги. Маркиз де Мадругана дожил до восьмидесяти девяти лет и умер своей смертью. Состояние у старика было немалое, соответственно, и завешание вышло длинней осенней ночи. Бенеро упоминался ближе к концу под суадитским именем. Сведений о том, что врач когда-либо крестился, не имелось, следовательно, обвинения в ереси отпадают, равно как и обязательная присяга. Необращенный не может клясться на Распятии «преследовать, раскрывать, разоблачать, способствовать аресту и доставке в Святую Импарцию всех, о которых я знаю или думаю, что они скрылись и проповедуют ересь».

– Хоньо Бенеро, вы скармливали собакам по субботам человеческое мясо? – Спрашивать так уж спрашивать! – Среди ваших книг есть запрещенные Церковью?

– Я кормлю собак мясными обрезками с рынка во все дни недели, – как ни в чем не бывало ответил Бенеро, – и я не знаю, какие книги запретила мундиалитская Церковь. Я суадит.

– Где вы отправляете свои обряды?

– Я их не отправляю.

– Но вы суадит?

– Да.

Что ж, спешить некуда...

– Почему вы приобрели дом в христианском квартале?

– Мне он понравился.

– Вы встречаетесь с другими суадитами?

– Если им требуется моя помощь.

А вот это умно! Если Ривера отыщет зелья, Бенеро скажет, что они не предназначались для христиан.

– Как давно и где вы исполняли суадитские обряды?

– Это имеет значение? – слегка удивился суадит, живущий в доме, купленном на завещанные христианином реалы.

– Отвечайте.

– В Гомейсе, перед тем как поступить на службу к маркизу де Мадругана.

– Вас изгнала община?

– Я суадит.

– Почему вы покинули Гомейсу?

– Я отправился в путешествие.

– Почему вас взял к себе маркиз де Мадругана?

– Он счел меня хорошим врачом.

– Вы говорили с ним о вашей вере?

– Нет.

– Как вы с ним познакомились?

– На постоялом дворе. Я оказывал помощь конюху. Ему разбила голову лошадь.

Мадругана мог позволить себе и не такое. Уж не в старом ли греховоднике причина интереса к Бенеро? Врач мог знать то, что не знал никто, а мог не только знать. Богатства маркиза наводили на мысль о философском камне, а долголетие – об эликсире если не бессмертия, то здоровья.

– Отчего умер де Мадругана? Почему вы остались в Доньидо? Есть ли у вас родственники? Сколько у вас собак, книг, рукописей, ковров? Кто вас посещает? Кого посещаете вы? Символом чего является эта ветка?

Вопросы, вопросы, вопросы... Десятки вопросов, чтобы сбить с толку, запутать, поймать на противоречиях. Невинные бывают, те, кого нельзя обвинить, – нет. Простая мысль, но Хайме пришел к ней не сразу.

– *Суадиты высмеивают нашу веру, – чем мог, помог Коломбо, – они убивают христиан, особенно детей, с целью получения невинной крови для своих обрядов.*

– Вам случалось резать живое тело? Мертвое? Вы составляли снадобья для маркиза де Мадругана? Какие? Присутствовал ли при этом врач-мундиалит? Не предлагал ли вам маркиз де Мадругана или кто-то из его домочадцев принять христианство?

Шорох крыльев, теплая тяжесть на плече. Коломбо. Возмущен, что его советов не слушают, ведь он лучше всех знает, как вести допрос.

– *Суадиты притворно принимают христианство, в душе оставаясь его врагами. — Чистая, звонкая, правильная речь, люди так не говорят, а ангелы? Ангелы могут так говорить и так думать? – Притворно обращенные, они стремятся занять высокие государственные и церковные должности и используют богатство и положение, чтобы разрушить Мундиалитскую церковь и поколебать трон. Онсия становится перед выбором: оставаться ли ей христианским государством или передать власть в стране суадитам. Мы стоим на краю пропасти!..*

– Встречаетесь ли вы с новыми христианами из числа соплеменников? – Пальцы гладят тонкую шейку, очень тонкую, но папские голуби бессмертны. Коломбо пережил троих импарсиалов, переживет и четвертого, и пятого, и десятого. – С кем вы встречаетесь? О чем говорите?

– Нет, я со своими соплеменниками не встречаюсь.

– С синаитами? С хаммерианами? Асмидисками?¹⁷ Иными еретиками?

– Не знаю.

– Как это понимать?

– Я не веду богословских бесед с торговцами.

– А с пациентами? Есть ли среди них христиане? Сколько из них излечилось? Сколько умерло? Всегда ли ваши предписания проверял врач-мундиалит? Какую плату вы взимаете?

– *Суадиты взимают проценты за даваемые займы, что христианам запрещается, – прожурчал Коломбо, вспархивая с плеча, чтобы оправиться. Бедняга мечтал гадить на подоконник если не Папы, то генерала Импарции или, на худой конец, главы хоть какого-нибудь трибунала, а приходилось довольствоваться инкверентом. Одна радость, предыдущие спутники не достигли и этого...*

– Я не беру денег, – монотонным голосом произнес врач, – я живу на оставленные мне средства. Я уже говорил об этом.

– Вы лечили христиан?

– Я оказывал неотложную помощь тем, кто ко мне приходил. Я не обсуждаю с больными людьми и их родственниками вопросы веры. Я предупреждаю, что я суадит и что мои предписания следует согласовывать с врачом-христианином.

– *Камоса утверждает противное, – напомнил Коломбо, – обвиняемый виновен в попытках отравления, проведении богопротивных ритуалов и...*

¹⁷ Еретическая секта.

– Во имя Господа, – появившийся в дверях брат Доминик был в бурой книжной пыли, – мы закончили. Найдено девять запрещенных книг и сорок четыре сомнительных, в том числе на дурных языках.

Что ж, на первый раз довольно. Выдвинутых обвинений хватит, чтобы увести Бенеро из-под носа Протекты, вывезти книги и опечатать дом.

– Проследите, чтобы найденное было должным образом упаковано. Передайте Ривере, пусть возьмет образцы лекарств и прочих зелий. Хоньо Бенеро, вы уличены по крайней мере в одном из преступлений, в которых были заподозрены. Впредь до завершения следствия вы заключаетесь под стражу в монастыре Святого Федерико. Вам следует знать, что, если вы обратитесь к христианству, вас будет судить церковный трибунал. Святая Церковь милостива к новообращенным, а ремесло лекаря угодно Господу. Благотворительная работа в городской больнице на определенный трибуналом срок будет способствовать спасению вашей души и тела. В противном случае вы будете переданы в руки Протекты по обвинению в попытках отравления, тайной торговле ядами и утаивании доходов. Вы меня поняли?

– Да, я вас понял.

Глава 3

1

Чьи глаза злее – поджигателя или Арбусто? Пожалуй, все же собрата по вере. Схваченный с поличным лоассец слишком ненавидит всех мундиалитов, чтобы кого-то выделять. Дай «белолобому» нож, он саданет первого попавшегося и бросится наутек, чтобы, отлежавшись, взяться за старое. Капитан Арбусто не ушел бы, не уверившись, что с братом Хуаном покончено, а сегодняшняя «услуга» бросила в кошелек вражды еще один реал. Дай Господи, не последний.

Инкверент учтиво поклонился капитану Протекты и лишь потом в очередной раз вспомнил, что духовной особе дворянские манеры не пристали. В ответ на неуместную изысканность яростно сверкнули черные глаза – Арбусто увидел в поклоне очередную издевку, ну и пусть его.

– Надеюсь, наша скромная помощь пришлась кстати. – Хайме поклонился снова, на сей раз осознанно. Лицо капитана перекосила гримаса, напомнившая о зубной боли. В Миттельрайхе говорят, что ненависть подобна дубу, ибо вырастает из маленького желудя и закрывает небо. Правильно говорят.

– Благодарю, благочестивый брат. – Старый враг уже овладел собой. – Разоблачив лоасского негодяя, вы нам очень помогли. Я надеюсь в самом ближайшем будущем вернуть долг вместе с процентами. Разумеется, суадитскими¹⁸. Во сколько необращенных отравителей вы оцениваете этого хаммерианина?

– Видимо, следует исходить из количества жертв. – Хайме протянул руку придержать Коломбо, но тот отшатнулся, и петрианец понял, что на его руках пороховая гарь. – На совести этого ублюдка четверо солдат, девушка-заложница, в которую так неудачно попали ваши люди, и все сгоревшие живьем на постоянных дворах. У вас есть на примете суадит, отправивший к праотцам столько добрых христиан?

– Жертвы отравителей и чернокнижников трудней сосчитать, соответственно, и разоблачение преступников требует не только удачливости, но и размышлений. Волка выследить легче, чем змею. – Арбусто оскалился, простите, улыбнулся и поправил шляпу.

¹⁸ Суадиты снабдили Адалида деньгами, отказавшись от долговых расписок, в то время как купцы-мундиалиты ему отказали. После победы над султаном Адалид хотел вернуть долг, но суадиты не приняли золота. Став королем, Адалид запретил кому бы то ни было, кроме суадитов, давать деньги в рост.

Он все еще сдерживался, но разговор следовало заканчивать. Инкверент и капитан Протекты не дворянские недоросли, приехавшие в столицу, дабы вдоволь напетушиться.

– Без сомнения, сын мой, – проявил голубиную кротость Хайме. – Желаю вам успеха в борьбе с врагами короны вообще и в поисках дона Диего в частности. Поскольку данный преступник не змея, но волк, вряд ли вам потребуется много размышлять. Я же со своей стороны приложу все усилия, чтобы облегчить вам и эту задачу. Сержант Гомес, благодарю вас и ваших людей. Святая Импарция ценит ум и мужество.

А теперь повернуться и уйти, не дожидаясь ответа. Криков не будет – Арбусто слишком умен, чтобы позволить над собой смеяться каким-то алыгвазилам. Он затаит еще немного зла, но ударит лишь наверняка, а ждать в Протекте умеют.

– *Этого профана обуревают гордыня. Он также подвержен гневу и зависти.* – Что-то, а подливать масло в огонь Коломбо умел. – *На данного капитана следует наложить епитимью.*

– Арбусто – хороший офицер, – не поддался искушению Хайме, – его заслуги искупают его... недостатки.

– *Протекта прогнила, начиная с головы. Пленилунья забыл, что в глазах Господа он червь, и возомнил себя равным слугам Господа. Он лелеет дурные замыслы.*

Коломбо взмыл вверх, дабы свершить свои голубиные дела, но возвращаться не спешил. Белая птица в лучах солнца, пышные облака, омытая ночной грозой зелень, – как же это было красиво! Господь напоминал всем, в том числе и калеке-инкверенту, что мир прекрасен, а жизнь есть величайший дар и величайшая радость.

– Протекту пора поставить на место, – Коломбо плюхнулся на привычное место всё с той же мыслью в клюве, – властители земные да склонятся пред Церковью!

– Амен! – заключил Хайме. О Протекте думать не хотелось. Дело сделано, поджигатель попался, можно отпустить поводья. Ненадолго, на один вечер. Брат Хуан слишком долго не видел сестру и не пил отцовского вина. Площадь Аурелио сразу за рынком, это почти по дороге, а бросаться с докладом о неудачах соперника присуще лишь провинциальным бахвалам.

– Брат Доминик, отправляйтесь в Сан-Федерико. Доложите его высокопреосвященству, как все произошло. У меня имеется неотложное дело, оно займет около полутора часов.

– Я с радостью доложу о вашем успехе. – Собрат по ордену и сыску умело вскочил на коня.

В Святой Импарции многие ездят верхом не хуже военных. Многие, но не брат Хуан. Инкверент угрюмо взглянул на конные носилки. Он их возненавидел, когда понял, что в седле ему больше не сидеть. Хайме де Реваль тогда многое возненавидел, в том числе и врачей, толпами осаждавших особняк де Ригаско.

– Важнее доклада старшему лишь молитва! – Смешно, но фидусьяр доносить об успехах любит чуть ли не больше, чем наушничать.

– Дело важнее докладов!

Коломбо спрятал голову под крыло – выразил неодобрение, о каковом не замедлит донести. Ничего, полтора месяца охоты дают право на отдых любой гончей. На отдых, на родное лицо и мягкую постель, в конце концов! Решено, он заночует у Инес. Сейчас он ее предупредит, затем, так и быть, осчастливит Коломбо и Торрихоса докладом и вернется. Хорошо бы уговорить Инью навестить родителей и нагряться в Реваль! Как же давно они там не были! Семнадцать лет утекли, как вода меж пальцев. Из дому удрал охочий до подвигов мальчишка, вернется полуседой монах, а старый флюгер по-прежнему крутится на своей башне. Все так же плывут облака над высокими тополями, зреет виноград, а девушки вечерами поют об Адалиде и синаитской принцессе...

Она развязала пояс, и это заря видала,
Она развязала пояс из шелка цвета коралла...

– Сеньоры, купите розы! Алые, как любовь! Белые, как невинность! Золотые, как поцелуи! Розовые, как мечта! Розы! Купите розы!..

Как же он сам не догадался! Он купит Инье розы, а Гьомар их переберет и превратит в волшебную сказку. Она всегда это умела, розы, лилии, гвоздики подчинялись старой ворчунье, как самой Королеве Цветов.

– Продаешь розы?

– Да, святой отец! – Черные кудри, черные глаза, алые губы. Юность всегда прекрасна.

– Сколько просишь?

– Немного, святой отец! Совсем немного!

– Женщина есть сосуд греха, – Коломбо был полон праведного гнева, – глядящий на блудницу грешен глазами, думающий о ней грешен мыслями.

– Лично я смотрю на розы, сотворенные Господом, – шепнул Хайме. – А чем грешен тот, кто напоминает о блуднице тому, кому до нее нет дела?

Фидусьяр гордо взмыл ввысь. В небесах кружила голубиная стайка, но Коломбо и не подумал к ней присоединиться. Хайме как-то предложил спутнику полетать с пернатыми собратьями и едва не утонул в голубиной ярости. Тогда еще младший дознаватель так и не понял, в чем дело. То ли Коломбо презирал не сподобившихся благодати соплеменников, то ли был ими обижен. Говорить об этом брат Хуан закалялся, но фидусьяр раз за разом возвращался к своей ненависти.

– Святой отец возьмет дюжину?

– Корзину.

Хайме бросил девушке реал. Столько она не заработает и за неделю, но сегодня он нашел мансанильского поджигателя и заслужил праздник! Инья удивится, Гьомар примется ахать и ворчать, потом бросится за вазами...

– Вам белые?

Белые? Алые лучше, но Инес – вдова, а он – монах. Не следует дразнить себя несбывшимся.

– Да, пусть будут белые.

– Как крыло божьего голубя! Помолитесь за меня, святой отец.

– Разумеется, дитя мое.

– Помыслы этой женщины полны корысти и похоти, – возвестил божий голубь, цепляясь коготками за плечо, – иначе бы блудница не выставляла напоказ грудь и убирала волосы.

– Ты меня убедил. – Не согласишься – дорога превратится в поучающий ад! – И с девицей, и с докладом. Отдам сестре розы, белые, как крыло божьего голубя, – и к его высокопреосвященству.

– Донья Инес помнит свою потерю и ведет себя достойно! – оживился Коломбо. – Маркиз де Лэдема просил ее руки и получил отказ. Герцогиня де Ригаско получит розы цвета моего крыла заслуженно.

– Я скажу ей об этом! Брат Пабло, в Сан-Федерико через площадь Аурелио.

Бедный Лэдема! Пятый отказ за два года. Если так пойдет и дальше, он возненавидит дам, как Коломбо голубок, а Торрихос хорош! Узнавать о неудаче жениха раньше брата предполагаемой невесты – это и есть власть, ну а фидусьяры есть фидусьяры. Голубь кардинала-инкверента не мог не унижить голубя инкверента своей осведомленностью.

Жаль, у Протекты птички не в ходу, голубю Арбусто сегодня б не поздоровилось, хотя Пленилунье больше пристали вороны или чайки. Закрытый трибунал откровенен и прет напролом. Дай ему волю, в Онсии живо бы перерезали всех суадитов и синаитов к вящей финансовой выгоде, всех импарсиалов – для удовольствия и собственной безопасности, всех ученых – на всякий случай, и половину дворян, чтоб оставшиеся боялись... Только страх плохой защитник и легко вышибается большим страхом. Или, того хуже, надеждой, что пришлый враг окажется добрей своих. Протекта, как может, укрепляет трон, но победы Хенильи сделали много больше. Победы Хенильи и смерть де Ригаско. Королевский родич,

закрыв собой паломниц, напомнил о временах, когда король и гранды защищали свои земли, а не обирали.

– Брат Хуан, – в пологе носилок образовалось отверстие, в котором не замедлила появиться усердная физиономия, – навстречу едет карета с гербом де Ригаско. Вы велели на площадь Аурелио. Я подумал...

– Правильно подумал! – Хайме с претензией на почти позабытую лихость соскочил на мостовую. Серая в яблоках шестерка уже остановилась – кучер сестры был не глупее помощника брата. Инья во вдовьей вуали отдернула занавеску и высунулась в окошко кареты. Издали она все еще казалась девочкой.

– Передумала огорчать Лэдему? – подмигнул сестре инкверент. – Мчишься с утешениями?

– Ты знаешь? – Тонкие брови недоуменно поползли вверх, к выбившимся из-под покрывала светлым завиткам. – Откуда?

– Святая Импарция знает все, – важно произнес Хайме, – кроме одного. Куда ты собралась и надолго ли?

– К Марии. Девочка больна и хочет меня видеть. Она очень просила, а делать мне, как ты понимаешь, нечего. – Инес вздохнула и тут же по своему обыкновению улыбнулась. – Зачем тебе знать, когда я вернусь? Что-то случилось?

– Ничего, если не считать того, что я поймал поджигателя, купил розы и собираюсь переночевать в твоём доме.

– И тебя никуда не погонят? Не верю.

– Клянусь провести эту ночь под твоей кровлей! Если ты, разумеется, вернешься.

– Я не вернусь, потому что никуда не поеду. – Сестра на мгновение нахмурилась. – Давай сюда розы и бумагу. Я напишу Марии, что буду у нее завтра. У тебя должны быть чернильница и бумага!

– Увы, – Хайме невольно усмехнулся, – на охоту я беру не перья, а пистолеты, но ты успеешь осчастливить и Марию, и меня. Мне нужно доложить о своей победе Торрихосу, так что раньше шести я у тебя не появлюсь.

– Раз так, ты не появишься вообще, – припечатала Инес. – Тебе подsunут нового поджигателя.

– Нового пока нет, – замотал головой Хайме и осекся, заслышав хлопанье крыльев. Коломбо решил засвидетельствовать почтение благочестивой вдове лично. – Я не могу пренебрегать своим долгом даже ради тебя, но я обязательно вернусь. Обещаю. Отправляйся к маркизе де Хенилья, но помни: дома тебя ждут брат, розы и... Господень голубь.

2

Хайме вернулся даже раньше, чем рассчитывал, а вот Инес запаздывала – вдова Хенильи вцепилась в сестру мертвой хваткой. Те, кто плачет, то и дело пьют кровь у тех, кто улыбается. Инес улыбалась, отпуская сына, встречая и провожая брата, отказывая женихам. Для сестры слезы – знак непереносимой боли, она просто не понимает, что можно обливать слезами уколотый палец или обычную скуку.

– Может, отужинаете, сеньор Хайме, а то когда еще сеньорита вернется. Совсем ее эта немочь бледная заморочила! – Гьомар смотрела с собачьей преданностью, не забывая при этом ворчать. – Хоть бы вы ей сказали, что нечего герцогине к дворняжке эдакой бегать!

– Она не дворняжка, а маркиза, – поправил Хайме, стараясь быть справедливым, – да и мы с Инес не знатнее Марии.

– Скажете еще! – вскинулась служанка. – Ревали никогда не побирались и невестами не торговали! Дон Антонио хоть и не маркиз скороспелый, а предки его с Адалидом знали. И вино у него лучшее во всей Саррахе! Сеньорита замуж за красавца по любви шла, а не за старую дубину по отцовскому приказу.

– И все-то ты знаешь! – Хайме покосился на дремавшего Коломбо. Еще проснется и

примется за блудниц и прочих грешниц.

– Знаю! – поджала губы Гьомар. – Съездили б вы, дон Хайме, к этой курице щипаной да забрали бы сеньориту.

– Все-то Инья у тебя сеньорита, никак до сеньоры не дорастет. – Подниматься и снова куда-то ехать не хотелось до боли. Вернее, из-за боли и не хотелось. Нахмурившееся к вечеру небо обещало дождь, а дождь никогда не забывал напомнить о ране и о том, почему Хайме де Реваль стал братом Хуаном.

– А чего она ко всяким как девчонка скачет, – выпустила когти служанка, – еще б не сеньорита...

– Хватит, – отмахнулся Хайме. – Ты, кажется, говорила об ужине?

– Давно все готово! – Расчет оказался верным, женщина сразу позабыла и об обидах, и о Марии, и о покойном Гонсало. – Сейчас подадут!

Гьомар ринулась в комнаты, Коломбо сунул голову под крыло – уснул окончательно. Хайме потер виски и уселся в кресло, которое считал своим. Мерно щелкали часы, белели в полумраке розы, отец и мать в парадных одеждах глядели со своих портретов на занявшего противоположную стену зятя, а тот горячил неправдоподобно вздыбившегося коня.

Над Карлосом парил пухлый ангел с лавровым венком и голубиными крыльями. В жизни де Ригаско белых лошадей недолюбливал, а одам предпочитал романсы и сазты. Понравилось бы ему быть Львом Альконьи, ходячим памятником самому себе? Что бы он сказал, увидев этот портрет, статую в полтора человеческих роста в дворцовом храме, колонну на площади, которую уже прозвали Львиной? Наверняка б ругнулся или рассмеялся, а вот Хенилья, тот от славы не бегал, хотя главным в его жизни были армия и война. Солдаты старика обожали, а вот любила ли жена? Гьомар твердит, что нет, но служанка вечно ревновала Инес – к мужу, к сыну, а теперь и к появившейся наконец подруге, хотя Мария и в самом деле не лучший выбор, неважно, овца она или лисица...

– Письмо для брата Хуана! – Занявший позицию в прихожей брат Пабло просочился-таки в гостиную. – От герцогини де Ригаско. Срочное.

– Спасибо! – Инья просит ее забрать под благовидным предлогом или, наоборот, собралась слушать до ночи чужие плачи? Как бы не так!

Хайме раздраженно сорвал печать. Письмо было совсем коротким.

«Хайме, не волнуйся, все обойдется. Я уверена, что все обойдется. Один дворянин, назвавшийся доном Диего, вынудил меня последовать за ним. Я не знаю, куда, но он очень вежлив. Ты только не волнуйся, он обещает меня отпустить сегодня же ночью, если ты к нему приведешь того суадита, про которого мне рассказывал. Я не помню его имени, но ты знаешь, кто это. Он лечил маркиза Мадругану. Вы должны быть в девятом часу на площади Панголы возле таверны „Золотой щит“. К тебе подойдут. Дон Диего ничего мне не сделает, только не пытайся его обмануть. Я обещала ему, что ты никому ничего не скажешь.

Твоя Инья.

Со мной ничего не случится, клянусь тебе!»

3

– Я хотел бы лично поблагодарить брата Хуана. – Герцог Пленилунья был сама доброжелательность. – Великолепная работа! Ваше высокопреосвященство, примите мои поздравления, ваш подчиненный действовал выше любых похвал!

– Так было угодно Господу. – Торрихос был спокоен. Он не спрашивал подчиненного о причине столь скоропалительного возвращения. Хайме тоже вел себя так, словно прибыл по вызову. Старался вести, потому что глава Протекты не должен ничего заподозрить. Ни похищения, если Пленилунья о нем не знает, ни растерянности и боли, если Инья исчезла с благословения герцога.

– Я был бы весьма признателен брату Хуану, если б он поделился своим секретом. Хаммериане опасны и скрытны, как никто, однако брат Хуан находит их, как бы тщательно они ни прятались.

Находит, однако защитить единственную сестру не сумел, но почему Пленилунья явился именно сейчас?! Совпадение или он пришел, потому что знает?

– У меня нет никаких секретов, сеньор. – Ничего не случилось! У тебя все хорошо, ты просто пришел по вызову и готов отвечать на любые вопросы. С разрешения кардинала, разумеется.

– У любого успеха есть причины, – прошелестел Пленилунья, – и у дела мансанильского поджигателя тоже. Как вы его отыскиали?

– Поставил себя на его место. У меня нет доступа к поступающим в Закрытый трибунал доносам, следовательно, я не могу знать, кто замечен в том, что в пост ест ветчину. Поскольку данный, наиболее надежный, способ изобличения еретиков мне недоступен, я исходил из того, что поджигатель прячется в столице. Я пришел к этому выводу потому, что сожженные постоялые дворы располагаются в одном дне пути от Доньидо, но на разных дорогах.

– Разумно, – согласился герцог, – весьма разумно, но Доньидо велик.

– Я обратил внимание, что преступник наносит удар в канун праздников онсийских святых, и предположил, что следующий поджог случится в канун дня святой Химены. Для поджога нужны сено и солома, везти их с собой глупо. Сено проще всего взять на конюшне, но для этого нужно оглядеться. Поджигатель должен был остановиться на постоялом дворе и под благовидным предлогом сам позаботиться о своей лошади.

Я выехал в местечко Санта-Химена и осмотрел все постоялые дворы. Мое внимание привлекли два, и я поставил там своих людей. Им следовало искать одинокого мужчину средних лет, по внешнему виду дворянина, который бы переходил с одного двора на другой.

– Вам, видимо, был голос свыше, – предположил Пленилунья.

– Я всего лишь исходил из того, что дворянина и слугу Господа не могут задержать без предъявления обвинений. – Сколько здесь будет торчать этот сморчок?! Пречистая Дева, сколько?! Еще немного, и он выскочит из комнаты и заставит Коломбо заговорить с фидусьяром Торрихоса.

– Вы сочли, что еретик не осмелится надеть сутану?

– Хаммерианин, если сочтет это полезным, наденет и сутану, и женское платье, но обычно монахи не ездят на лошадях. Осел же или мул не покроет за день нужное расстояние.

– Тем более мои люди знают в лицо святых братьев, едущих верхом, – улыбнулся глава Протекты. – Незнакомец на коне вызвал бы законный интерес. Итак, кого же увидели ваши люди, брат Хуан?

– Господь услышал наши молитвы, – пришел на помощь глава Святой Импарции, – человек, отвечающий всем предполагаемым приметам, в один и тот же день побывал на обоих постоялых дворах. Его удалось проследить до самого Доньидо. К сожалению, не обошлось без пролития крови. Надеюсь, капитан Арбусто внесет вклад на помин души погибшей по его неосторожности девушки.

– Не сомневаюсь. – Пленилунья наконец соизволил подняться. – Арбусто дель Бехо – очень набожный человек. Не смею далее злоупотреблять вашим терпением, святой отец. Позвольте еще раз выразить восхищение догадливостью брата Хуана.

– Брат Хуан высоко ценит ваше восхищение. Ступайте с миром, сын мой, и да ниспошлет вам Господь просветление и удачу в борьбе с врагами ее величества.

– Пусть знает свое место, профан! — Обычно бесстрастный голосок Коломбо дрожал от восторга. – Пусть знает!

Пришел бы он к Торрихосу, если б мог отделаться от фидусьяра хотя бы на ночь? Не пришел бы. Есть вещи, которые делаешь сам. Дон Диего бил наверняка, но он не принял в расчет Коломбо. Фидусьяр несовместен с тайной от Импарции. И фидусьяр, в отличие от

человека, бессмертен.

– Итак? – свел брови кардинал-инкверент.

– Прочтите. – Распечатанное письмо легло на темные доски. – Это письмо моей сестры, герцогини де Ригаско. Она навещала маркизу де Хенилья по ее просьбе. Назад Инес выехала около пяти, маркиза проводила ее до кареты. Сейчас карета стоит у церкви Святого Карлоса. Герцогиня вошла внутрь, больше ее не видели.

Торрихос прочитал письмо дважды или трижды, он всегда так делал. Хайме тоже раз за разом перечитывал записку в дурацкой надежде рассмотреть нечто важное, но буквы складывались в одни и те же слова.

– Это ее почерк? – Торрихос за закрытыми дверями не утешал никого и никогда.

– Да, это писала Инес. Дело не в почерке, я знаю сестру. Ей не диктовали.

– Хоть что-то. – Кардинал тщательно разгладил тонкий лист. – Маркиза де Хенилья, разумеется, ничего не знает. Об убийстве мужа она тоже не знала. Впрочем, тогда она была в Муэне. С твоей сестрой.

– Маркиза слишком глупа, чтобы сделать хоть что-то.

– Глупец – хорошее орудие, – негромко произнес Торрихос, – вполне возможно, невольное. Чье? Кому нужен твой суадит? Где он, кстати?

– Здесь, в Сан-Федерико. Я был занят поджигателем и отложил дело Бенеро. Возможно, те, кому по долгу службы надлежало искать поджигателей, занимались суадитом.

– Или тобой...

– Или мной.

– Ты веришь в существование дон Диго?

– Для этого я должен его увидеть.

– Хенилья, вдова Карлоса де Ригаско, ее брат, выживший в муэнской резне и отплативший хаммерианам сторицей... Ты чуешь этих еретиков, как никто. Скольких из них ты отправил на суд Божий, помнишь? Не считая родичей и укрывателей.

– Помню. – Если им нужен брат, брат готов на все, но спасет ли это Инес? И при чем тогда Бенеро?

– Хорошо, что помнишь. – Длинные пальцы выстукивали по столу синаитскую песню. Фарагуандо счел бы это ересью, но кто ему донесет, кроме фидусьяра, а фидусьяры понимают только слова. – Дон Диго – хаммерианин?

– Если и так, то это личная ненависть. Иначе над трупом Хенильи был бы только виорнский крест¹⁹.

– Ты так и не ответил, кому нужен этот суадит?

– Живым – не представляю. Мертвым – разве что тем, кто был связан с Мадруганой.

– Кто-нибудь пытался расспросить тебя о деле Бенеро?

– Нет, но капитан Арбусто о нем сегодня вспоминал. Он обещал вернуть мне долг.

– Это походило на угрозу?

– Это было угрозой, и поэтому я Арбусто не подозреваю. Знай он о похищении, у него хватило бы выдержки смолчать.

– Ты умней, чем это показалось при знакомстве Пленилунье. – Торрихос принялся складывать письмо с той же основательностью, с какой его только что разглаживал. – Арбусто тоже может казаться не тем, что он есть на самом деле. Что бы ты стал делать, не будь клятвы?

Что бы он сделал, не виси у него на шее Коломбо, от которого не сбежать? Фидусьяры не читают мысли, а кардинал-инкверент?

– Я бы пошел на площадь Панголы.

– Ты и пойдешь, но не один. Дон Диго хочет видеть Бенеро? Ты его приведешь.

¹⁹ Обведенный белым контур креста. Символ хаммериан наряду с белой полосой.

Глава 4

1

Бенеро ничего не спросил. Спокойно расправив одежду, он столь же спокойно забрался в носилки, ничем не выказав ни страха, ни хотя бы интереса. За без малого два месяца Хайме успел убедиться, что врач неразговорчив. Свои чувства суадит скрывал не хуже святых братьев или гончих Пленилуньи. Возможно, Бенеро и боялся. Скорее всего, боялся, хотя его и держали отдельно от тех, кого Святая Импарция не считала нужным расспрашивать подоброму. Что делать с упрямым, Хайме не знал, так как принимать христианство тот не желал, а передача врача Протекте означала двойной проигрыш. Потом случился поджог в Мансанилье и стало не до суадита, а теперь он потребовался дону Диего или тому, кто спрятался за убийцу Хенильи. Это было бы любопытно, если б не Инес. А ведь она собиралась вернуться домой! Он толкнул сестру к похитителям точно так же, как сама Инес оказалась невольной причиной роковой охоты. Карлос всего лишь не хотел скучать, пока жена молится. Сколько же невинных поступков оборачиваются бедой! Мы переживаем дождь – и на нас падает дерево. Мы переходим реку – и наступаем на водяную змею...

– Суадиты верят в судьбу? – зачем-то спросил Хайме. – Синаиты считают, что судьба висит у них на шее.

– А что есть судьба? – Суадит есть суадит, на вопрос он отвечает вопросом. – Не обозначив предмет спора, не следует вступать в разговор.

– *Суадиты хитры и лживы, как и их вера,* — изрек молчавший целый вечер Коломбо. Врач спокойно смотрел на собеседника, и Хайме захотелось его придушить на пару с Коломбо, но папскую птицу убить невозможно.

– Что вы знаете про дона Диего де Муэна?

– Так назвался человек, убивший маркиза де Хенильи.

– Кто он?

– Я не знаю.

– Однако вы знаете его имя.

– Это знают все.

Смерть дона Гонсало и впрямь наделала много шума. Протекта сбилась с ног, Фарагуандо рвал и метал, королева плакала и подписывала указы, на которых настаивал Пленилунья. Убийцу ищут второй год, и тут среди бела дня похищают Инес. Что это – месть мертвому мужу или живому брату? Ловушка? И, во имя Господа, при чем здесь Бенеро?

– Я не сказал, куда мы направляемся. Вам это безразлично?

Молчание. Руки так и чешутся схватить равнодушную тварь за горло, только это не выход.

– Дон Диего хочет видеть именно вас. Почему?

– Это абсурд. Я его не знаю.

– Значит, узнаете. Мы направляемся на встречу с этим господином.

– *Не следует доверять тайну суадиту,* – отрезал Коломбо и тут же уточнил: – *Равно как любому другому, кто действует по наущению дьявола и во вред святому делу, какой бы ложью он ни прикрывался.*

– От того, как вы себя поведете, зависит ваша жизнь. – И жизнь Инес, за которую он скормит Сатане хоть Торрихоса, хоть себя самого. – Разумеется, если вы хотите жить.

– Я не хочу умирать, но я не боюсь смерти.

Смерти многие не боятся, это палачей боятся все, но сейчас не время грозить, да и не подействуют на Бенеро угрозы. Вот Камоса, тот бы трясся, как загнанная кляча.

– Скоро мы выйдем. – Хорошо, что за шестнадцать лет он выучился говорить спокойно, как бы ни хотелось заорать. – К нам подойдет человек, и мы пойдем за ним. Вы будете делать то, что скажу я. Наш успех облегчит вашу участь. Вы меня поняли?

– Что значит успех?

Это значит, что Инес вернется на площадь Аурелио живой и невредимой, а дон Диего, кем бы он ни оказался, отправится в ад. Но не сразу.

– Это значит, что мы найдем убийцу маркиза де Хенилья, а вы нам поможете.

– Нет. – Бенеро повернулся так, чтобы смотреть в глаза собеседнику, и еще раз повторил: – Нет.

– *Это сговор!* – Умей голуби шипеть, фидусьяр бы зашипел. Чтобы занять начинавшие дрожать руки, Хайме приподнял занавеску: в конце улицы виднелась площадь Панголы. Было восемь часов пополудни.

– Вы предпочитаете умереть как отравитель? Или вам больше нравится костер чернокнижника?

– Мне больше нравится жизнь, – ровным голосом произнес врач, – но не любой ценой. Вы спрашивали, верят ли суадиты в судьбу. Судьба слепа, но нам дарована свобода воли. Я не уподоблюсь ни Иуде, ни тому из ваших апостолов, кто трижды услышал петуха. Смерть не самое отвратительное, что может случиться с человеком.

– *Ты слышишь?! Суадит чернит святого Петра! Он равняет убийцу Орла Онсии с Сыном Божьим!* – У Коломбо нет сестры, какие у фидусьяров сестры?! – *Врач Камоса недаром избличил этого врага веры и Церкви!*

– Смерть смерти рознь. – Если суадит упрется, он отправится на встречу один, но Диего с Бенеро на свет лучше бы не родиться. – Ваша легкой не будет.

– Я знаю.

– Что вас связывает с Диего де Муэной?

– Я не знаю его.

– Лжете!

– Нет.

– Тогда что значит ваш отказ?

– Я не знаю этого человека, но ради меня он рискует головой. Я не могу предать его и остаться собой. Остаться человеком.

– Рискнул ради вас, говорите? – И кто только придумал, что суадиты хитры? Хотя в семье не без уроды! – А если он вас прикончит как свидетеля его преступлений? Потащит в Протекту? Будет пытать секреты Мадруганы?

– Все может быть, но нельзя оправдывать предательство, предполагая зло в том, кого предаешь. Я не знаю за доном Диего зла. Я верю, что им движет добро.

– Убийцей Хенилья? – Будем если не считать так, то говорить.

– Дон Диего нарушил заповедь и убил. Он ответит за это, но не мне его судить. Я слышал о маркизе де Хенилья. Он бывал жесток.

– *Суадиты ненавидят тех, кто составляет славу Церкви! Наш враг для них – друг!*

– Хорошо. – Руки больше не дрожали, зато виски сжало словно невидимой веревкой. – Вы согласны на костер, лишь бы спасти того, кого не знаете. А кто спасет женщину, которую захватил дон Диего?

– Женщину? – Бенеро был не из тех, кто отводит взгляд. – Я не знал об этом.

– Он захватил вдову герцога де Ригаско. Того самого, спасшего сотни паломниц, хотя какое дело вам до мундиалиток? Мы для вас не люди, ведь это вы избраны вашим богом!

– *Ересь! Отвратительная ересь! Ставющие себя высоко да унижатся!*

– Помолчи! – Фидусьяра нельзя убить, но прижать, чтоб замолчал, можно. – Так как быть с женщиной, суадит? Ей тоже лучше умереть, чтобы жил убийца?!

– Я пойду с вами. – Ни спора, ни объяснений, просто согласие. Передумал, испугался или решил во что бы то ни стало добраться до сообщника?

– Хорошо. Но принесите клятву выполнять мои распоряжения. Суадитскую клятву.

– Я могу поклясться в том, что помогу спасти женщину.

– Хорошо. Клянись, и выходим.

– *Он солжет!* – Коломбо как-то выкрутился из сжимавшей его руки и забил крыльями. – *Его высокопреосвященство узнает все. И о сговоре с суадитом, и о насилии...*

– У меня нет тайн от Святой Импарции. – У Хайме де Реваля были свои тайны, свои друзья, свое будущее. У брата Хуана нет ничего и никого, кроме Иньи и родителей, сегодня он наконец это понял. – Хоньо Бенеро, я жду вашей клятвы.

– Клянусь именем Его, – суадит только что плечами не пожал, – я помогу вам освободить герцогиню де Ригаско. Закройте глаза и не открывайте их хотя бы несколько минут. Вам станет легче.

– *Это не клятва!* – возмутился Коломбо. – *Она ничего не значит! Сплошное пустословие и хитрость, но мы знаем им цену! Он должен поклясться еще раз.*

– Нет времени. – Это ответ обоим, а клятвы нарушали, нарушают и будут нарушать, так с какой стати верить именно этой? – Я не упаду. Этой боли скоро семнадцать лет.

Суадит не ответил. Хайме выпрыгнул из носилок, и зря – лучше было сойти, опираясь на руку Пабло, но федериканец слишком наблюдателен. Ничего, голова пройдет.

– Брат Пабло, возвращайтесь в Сан-Федерико. Немедленно.

– Да поможет вам Господь!

– Аминь!

По площади бродили первые вечерние гуляки, торопились по своим делам степенные горожане, стайка студентов дразнила пьяного нищего. Кто-то из этой толпы пойдет за ними следом, но вертеть головой нельзя, ведь брат Хуан сохранил секрет. Он пришел сам и привел врача. Условие выполнено, следующий ход за доном Диего.

– *Суадиты лживы и лицемерны,* – сообщил ангельский голос, – *будь осторожен. Я не желаю возвращаться в Рэму.*

Еще бы! Обидно вновь оказаться на плече младшего дознавателя и страдать об одном из чрезвычайных трибуналов, который чуть не возглавил брат Хуан. Увы, покойный.

– Благословите, святой отец!

Мальчишка-оборванец. Лет десять, не больше. Щербатый, черномазый, глаза как бусинки.

– Мир тебе!

– Это вам, святой отец.

Записка. Узкая мягкая полоска бумаги, знакомый почерк. Слава Господу, жива!..

«Мальчик вас отведет, куда нужно, но только двоих. Это недалеко. Не волнуйся, мне ничего не грозит, но без Бенеро ты в дом не войдешь. Будь осторожен, никто не должен знать, куда вы идете».

2

Кем надо быть, чтобы доверить тайну мальчишке? Или дон Диего проверяет, не потащит ли инкверент чертенка в Сан-Федерико? Не потащит, но какая жалкая ловушка. На первый взгляд – ведь в любом пироге может оказаться камень или яд. К тройному дну на службе у Святой Импарции привыкаешь быстро.

Мальчишка сосредоточенно почесал шею и, приоткрыв рот, уставился на Коломбо. Что думают в Протекте о фидусьярах? Церковь умеет хранить тайны, но лучше бы Пленилунья знал, что одного смиренного брата от других не оторвать, а играть с Торрихосом герцог сейчас не в состоянии. Хайме благословил вынырнувшую из толпы старуху в черном и решил:

– Идем за мальчиком.

Оживленная площадь, кривая улица Маленькой Рыбы, паутина переулков... Совсем недавно здесь жили синаиты, теперь их из Доньидо изгнали, и дома с глухими белыми стенами опустели. Шум толпы становится глуше, за оградами тоскуют тополя, ползет по камням разросшийся от одиночества плющ. Здесь не спят даже бродяги – запрещено.

Скоро белые кварталы снесут и построят казармы и, возможно, цирк. Фарагуандо

осуждает бой быков, а королева любит. Коррида – единственное, в чем кроткая Хуана расходится со своим духовником. Карлос был бы на стороне королевы, а Инес, когда доходило до крови, закрывала глаза. Если Хайме вытащит из передраги Инес и вернется сам, они до осени уедут в Реваль. Торрихос отпустит, он понимает многое, если не все.

Поворот направо. Третий. Они движутся вокруг Панголы по спирали, сползая к Альбало. В синаитских кварталах впору заблудиться, а поджигателя взяли совсем близко в таком же доме. Пустом, запыленном, с забытыми окнами. Сухо скрипит каменная крошка, не поймешь, то ли под твоими ногами, то ли кто-то идет сзади. Шпионы Торрихоса их не потеряют, но успеет ли помощь?

Мальчик не оборачивается. Ничего не боится или он просто ведет, а следят другие? Похитители либо знают о невозможности сохранить тайну, либо нет. С Протектой не угадаешь, но другим слишком далеко до рэмских тайн. В Миттельрайх Святая Импарция до сих пор не допущена, да что там Импарция! Волки, хоть и надели кресты, зовут мундиалитов латинянами и косятся на прежних богов. Они не верят Рэме, и та платит им полной взаимностью. Хаммер никак не мог узнать секрета фидусьяров, а его последователи – тем более. Выходит, хаммериане? Пойманный поджигатель стал последней каплей, и «белолобые» собрались единым махом покончить и с проклятым папистом, и с его сестрой? С них станется, но слишком уж быстро.

– Святой отец, сюда!

Темная калитка, облепивший стену плющ, огромный потемневший ключ в маленькой руке.

– Бенеро, идите за мной.

Взвизгнули ржавые петли, шарахнулась из-под ног бурая ящерица. Мальчишка внутрь не пошел, но их ждали. Юноша лет пятнадцати, такой же глазастый. Брат? Благословения оборванец не просил, просто оглядел с головы до ног и протянул письмо.

«У меня все хорошо. Спасибо, что пришел один. Никто ничего не узнает. Дон Диего не опасен. Скоро я буду дома. Пусть Бенеро идет с предьявителем этого письма, а ты возвращайся на площадь Аурелио и успокой Гьомар».

Отпустить суадита, вернуться и ждать? Было бы смешно, не иди речь о жизни Инес. Кем бы ни были похитители – хаммерианами, суадитами, людьми Пленилуньи, – они разбудили дракона. Святая Импарция не сойдет со следа, а Хайме де Реваль не выпустит из рук суадита, пока не увидит Инес живой и здоровой. Импарсиал тщательно, не хуже Торрихоса, сложил письмо.

– Идемте.

Конечно, его могут ждать с ножами по ту сторону калитки, но это вряд ли. Убивать удобней здесь, во дворах, а на улице могут и увидеть – алыгвазилам велено вечерами обходить пустые кварталы.

– Святой отец, – замялся юноша, – вы... вы должны вернуться.

– Сын мой, не говори о том, чего не понимаешь. – Перехватить тощую руку и завести за спину он еще в состоянии. – Мы не расстанемся. Либо мы идем к дону Диего, либо к святому Федерико. Третьего не дано!

Если суадит нападет, он справится и с ним. Эти двое для него не соперники даже сейчас. Хуже, если врач кинется наутек, ищи его в этих лабиринтах. Если б фидусьяры хоть что-то соображали, Коломбо взлетел бы и огляделся. Раз в жизни может по-настоящему помочь, так ведь нет! Вцепился в плечо и молчит. Чучело!

– Мы пойдем к дону Диего втроем или не пойдем вообще, – невозмутимо объявил Бенеро. Он не собирался бежать. Юноша хмуро шмыгнул орлиным носом:

– Как скажете, сеньоры, только лучше б вам, святой отец, вернуться!

Все глупее и глупее. Малолетки-проводники, блуждание среди заколоченных домов, а из-за тополей торчит колокольня Святой Моники де Пангола, что в двух шагах от особняка Хенильи. Дорогу только слепой не найдет. Начать и закончить в одном и том же доме? В этом есть свой смысл. После смерти Гонсало особняк перевернули вверх дном и ничего не

нашли. Конечно, Пленилунья может знать больше, чем говорит, но Инья исчезла в другом месте. Слуги клянутся, что сеньора из церкви не выходила. Они все из Ригаско, если кому и верить, то им, и все же...

– Идем.

– Святой отец...

– Идемте, Бенеро. Нам направо.

Быстрый взгляд, поникшие плечи. Значит, угадал! Врать и молчать не одно и то же: если не умеешь врать, смысла в молчании нет.

– Святой отец, вам нельзя туда!

– Предпочитаешь Сан-Федерико? Ты там будешь. А мы пойдем в особняк Хенильи. С альгвазилами.

– Я... я покажу дорогу.

Значит, особняк лучшей подруги, откуда Инес вышла и куда ее вернули, причем те, кому она сразу поверила. В самом деле, не схватили же герцогиню прямо в церкви и не сунули в мешок. Никто ничего не заметил, потому что сестра вышла сама, но кто ее вызвал? Слуга? Знакомый? В любом случае хаммерианам такое не по зубам, а будь по зубам, они схватили бы «проклятого паписта» за горло гораздо раньше и не выпустили. Значит, остаются те, кому нужен суадит. Или те, кому он очень не нужен.

– Бенеро, маркиз де Мадругана бывал в доме маркиза де Хенильи?

– Я об этом не знаю.

– А вы?

– Я – нет.

Еще одна калитка и еще один переулочек. Радостно звонит Святая Моника, наливается вечерней синевой небо, на нем проступает подкова месяца. Тополя рвутся к небу, как минареты Аль-Кауката. Особняк Хенильи возвели на фундаменте синаитской мескиты. Дон Гонсало дорожил уединением и боялся убийц, в его доме наверняка есть тайники. Вот с чего следовало начать – с архитектора и подрядчиков! Дурочка Мария может и не знать секретов дома, а Протекта?

– *Здесь все пропитано скверной! Остановись!* – Фидусьяр не походил сам на себя. Коломбо случалось злиться, но страха в его воплях еще не бывало.

– Стой! – велел Хайме понуро трусившему рядом юнцу. Сонный, разрисованный вечерними тенями тупик был пуст, впереди маячила чуть ли не крепостная стена.

– Святой отец дальше не пойдет? – В глазах проводника мелькнуло облегчение.

– *Не ходи туда!* – Коломбо шумно сорвался с плеча. – *Назад! Скорей! Здесь нечисто! Я чувствую зло! Страшное зло!*

Выходит, папские голуби умеют бояться? Век живи, век учись. Фидусьяр, отчаянно вопя, кружил над головой. Расспрашивать его возможности не было. Хайме еще раз огляделся – ничего хоть сколько-нибудь тревожного. Может, дело в синаитской меските?

– Ключ!

– Я... Святой отец, у меня нет ключа.

– Тогда стучи!

– Да, сеньор.

Эта калитка была смазана на совесть, она распахнулась, даже не подумав скрипнуть. Хайме, отстранив проводника, шагнул внутрь и столкнулся с сержантом Гомесом! Альгвазил неловко отступил и с выражением благоговения на обветренной физиономии стукнул о камень древком алебарды.

– Святой отец, – доложил страж порядка, – в доме, прошу простить, все спокойно. Герцогиня де Ригаско в спальне хозяйки. Она, прошу простить, велела нам выйти вон.

– Докладывайте подробно. С самого начала. – Пусть плетет, что хочет. Инес, слава Господу, вне опасности. Еретики, суадиты, дон Диего – какая это, в сущности, ерунда. Пусть идут, куда хотят, с него хватит, а с Иньи тем более.

– Святой отец! – выпятил кирасу Гомес. Он тоже был счастлив, и счастье это требовало

выхода. – По приказу Святой Импарции я взял этот дом, прошу простить, под охрану... Всех впускал, никого не выпускал. Чужих нет, слуг нет, только герцогиня де Ригаско. Она с хозяйкой, со вдовой... Та, прошу простить, сомлела. Упала, то есть.

– Где она сейчас? – Никуда не денешься, вдову придется навестить. – Кто с ней?

– Прошу простить, герцогиня, а больше никто... Даже дверь не открыли. Боятся, прошу простить, потому и слуг прогнали.

Похититель связан с кем-то в доме, даже до Гомеса дошло.

– Вы обыскали дом?

– Как есть все, святой отец, – отбарабанил альгвазил. – Никаких беззаконий. Этого, прошу простить, дона Диего и близко нет. Мы уж не знали, что и делать... Герцогиня нам, прошу простить, на дверь указала, а у нас – приказ. От самого кардинал-инкверента. Пока не сменят – никуда!

– Все хорошо, Гомес! – А могло быть и плохо, окажись Диего хаммерианином. «Белолобый» бы не удрал, а если б и удрал, то оставив за собой лишь трупы. – Заприте где-нибудь этого малого и никого к нему не пускайте. Бенеро, останетесь с сержантом. Или нет, идемте со мной. Маркиза де Хенилья упала в обморок.

3

Дверь розового дерева была изукрашена гирляндами и сердцами – Хенилья не жалел золота для своего гнезда. Бедняга... Уцелеть в трех войнах и погибнуть в обретенном на старости лет доме.

– Вот она, спальня, – объявил Гомес. – С, прошу простить, будуюром. Тут они и закрылись.

– Спасибо, сержант. Продолжайте охранять дом. Бенеро, вы довольны?

– Доволен? – позволил себе удивиться врач.

– Дона Диего схватят без вашего участия. Ваше согласие ничего не изменило.

– Это облегчает мне совесть, – соизволил признать суадит. Кажется, он хотел что-то добавить, но Хайме уже стучал в розовые доски. Два быстрых удара, перерыв, снова два быстрых удара. Так стучали в Ревале.

– Инья, это я. Открой! В доме чужих нет.

– Кто с тобой? – Это на самом деле она! Обошлось...

– Со мной Бенеро. Он нужен маркизе? Если нет, я его отошлю.

– Нет! – почти вскрикнули из спальни. – То есть да... Он нужен.

Хайме едва увернулся от тяжелой створки – с такой силой Инес распахнула дверь. Сестра стояла на пороге, осунувшаяся и очень решительная.

– Все в порядке! – Хайме обхватил Инью за плечи и притянул к себе. – Все хорошо...

– Еще нет. – Голубые, окруженные кругами глаза что-то искали за спиной Хайме. – Прогони альгвазилов. Они не нужны... больше.

– Будь ты еретичка, я б поймал тебя на противоречии. – Надо же, ему даже удалось рассмеяться! – Еще не все хорошо, а альгвазилы не нужны? Я их отошлю, а тебя снова похитят.

– Отошли. – Теперь она смотрела в глаза. – Пожалуйста! Нам ничего не грозит.

– Не могу, Инья. Их прислал не я, и потом, это же просто глупо!

– Но ты можешь их прогнать?

– Не могу и не прогоню. Может, прекрасным дамам и нравится прощать разбойников, но этот Диего заигрался. Я его из-под земли добуду.

– Не надо... Нет!

– Надо. Что с маркизой?

– Она больна. Очень серьезно.

– Вот и хорошо... То есть весьма печально. Бенеро, именем Святой Импарции прошу вас осмотреть маркизу де Хенилья. Вас никто не обвинит в том, что вы нарушили закон.

Идемте, я предупрежу больную.

– Я сама, – вскинулась Инес. – То есть сначала я ей объясню. Марии плохо... Она... почти ослепла. И этот припадок!

– Яд?

– Не знаю.

– Инес, Бенеро – суадит. Он не может лечить мундиалитов, а мундиалит не может принять его помощь. Я беру ответственность на себя. Врача я предупредил в твоём присутствии, ты свидетель, но я должен предупредить и маркизу де Хенилья.

– Хорошо, – сдалась Инес. – Она в алькове. Подождите, я ей скажу, кто пришел.

– Как хочешь. – Что-то здесь не так, хотя где так? – Бенеро, вся ответственность на мне. Делайте все, что сочтете нужным.

– Боюсь, я могу лишь осмотреть больную. – Взгляд врача стал сосредоточенным, словно у офицера перед боем. – У меня при себе нет ни инструментов, ни лекарств. При необходимости я смогу с вашей помощью пустить кровь, но это все.

– Я пошлю за необходимым Гомеса.

– Хайме, сеньор Бенеро! – Рука сестры резко дернула полог. Тоже розовый с золотом. – Идите сюда!

Пепельные волосы, водопад волос и бледное отечное лицо. Некрасивое, жалкое, с прокушенной губой, и запах... Тошнотворный запах подгнивших яблок. Не так страшны раны, как яд или чума. Не так страшны и не так грязны.

– Мария, – Инес без всякой брезгливости нагнулась над подругой, – пришел врач. Он тебе поможет.

– Диего! – зеленоватые глаза слепо шарили по стенам. – Я больше не могу... Где...

– Перед тобой Бенеро! – Сестра с силой сжала тряпичную руку. – Доктор Диего... Гомес уехал. Бенеро – хороший врач. Его привел Хайме. Мой брат Хайме. Он служит в Святой Импарции. Это он привел врача. Ты поняла?

– Да... Мне плохо! Я умру... Как мама... как Анна и Роса...

– Не говори ерунды. Сейчас станет лучше. Хайме, ты что-то хотел...

– Маркиза, – в одном сомнений нет, она больна по-настоящему, – предупреждаю вас, что Бенеро – суадит. По закону он не может лечить вас без надзора со стороны врача-христианина, но ввиду серьезности вашей болезни я именем Святой Импарции разрешаю ему осмотреть вас, а вам – принять его помощь. Вы меня поняли?

– Мария, ты поняла?

– Да... Где Диего? Почему его нет... Уже ночь!

– Твоего врача здесь нет! Хайме, ты уже все сказал? Отойди!

– Вместе с тобой. Бенеро как-нибудь справится. Идем!

Инес кивнула, и мир стал отвратительно и окончательно пустым. Ошибись он в своих подозрениях, сестра бы огрызнулась и осталась с больной, но Инья подчинилась. Потому что лгала с самого начала! Нет, она не была глупа, но кому знать сестру, если не брату.

– Где дон Диего, Инес?

– Дон Диего? – Когда врут, часто переспрашивают. Святая Импарция к этому привыкла.

– Дон Диего де Муэна. Любовник маркизы де Хенилья и убийца бедняги Гонсало!

– Ты сошел с ума! – с расстановкой произнесла чужая светловолосая женщина, за которую он минуту назад был готов умереть. – Ты сошел с ума среди своих еретиков и монахов.

– Ты права: я лишился рассудка, поверив, что тебя похитили прямо в церкви. Сейчас я здоров. – Какая простая разгадка, глупая до невозможности и простая! Лоассцы, хаммериане, завистники... Как бы не так! Хенилью убил любовник жены.

– Я сейчас тебе все объясню...

– Нет, это я тебе все объясню. Ты в заговоре с убийцей Гонсало и его любовницей. Вы решили сыграть на моей привязанности к тебе, и у вас почти получилось, поздравляю!

Хочешь, я скажу тебе, зачем вам Бенеро и почему в доме нет слуг? Вы боитесь, что станет известно нечто постыдное, а чего может стыдиться вдова, если не беременности? Я угадал?

– Угадал. – Инес смотрела удивленно и настороженно, словно видела его в первый раз. – У Марии будет ребенок. Она совсем одна среди цепных псов. Слугам она не верит, они ее никогда не любили. Это люди Хенильи. У нее нет никого, как я могла ее бросить?

– Эти «цепные псы» верны хозяину, которого убили по милости этой дряни и на радость нашим врагам! Ты помнишь, кто тебя спас, сестра?

– Меня спас Карлос. – Инес вскинула голову. – Карлос и Бласко.

– Да, ТЕБЯ спасли они. – Еще немного, и он ударит эту лживую дрянь. Не как импарсиал и не как брат. Как уцелевший в альконийской резне. – Даже доберись «белолобые» до обители, герцогини де Ригаско они бы не получили, но там были другие. Их закрыл собой Хенилья!

– Не кричи на меня! Я не оспариваю заслуг донна Гонсало, но Марии было с ним плохо.

– Нищенка хотела золота, она его получила, а за розовые спальни нужно платить! – Он не желает слышать про маркизу де Хенилья и не желает знать свою сестру. – Хватит, Инес. Сейчас Бенеро покончит с осмотром, и ты отправишься в Сан-Федерико. Родственники не имеют права допрашивать родственников. Полагаю, тобой займется Торрихос.

– Тебе дали в ордене не то имя, – прошипела Инес, – надо было назвать тебя Иродом.

– Вам, сеньора, вряд ли представится возможность называть меня хоть как-нибудь. Что бы с вами ни случилось, я умываю руки.

– Ты всегда слушал только себя. – Инес подошла совсем близко. Она не понимала, чем рискует: в рукаве инкверент всегда носил стилет! – Думай ты о нас, ты не добил бы отца своим монашеством... Ты не хочешь меня видеть? Но ты меня выслушаешь! Напоследок... Это я все придумала. Я, не Мария! Когда я к ней ехала, я ничего не знала, но ей стало плохо прямо здесь. Помнишь, как тебя било после раны? Ей было хуже! Я хотела позвать слуг, их не было. Так я все и узнала. Ты рассказывал мне про этого суадита. Мадругана не стал бы держать плохого врача... Мы не могли рисковать. Мундиалит мог нас выдать, а Бенеро вне закона. Он бы помог Марии и куда-нибудь уехал... Я дала б ему денег, его бы не нашли. Я не знаю, кто такой Диего, но они встретились после смерти Гонсало. После! Я была с ней на богомолье, Мариита не изменяла мужу и хотела ребенка... Ты меня слышишь?

– Разумеется. Продолжай, но я должен тебя предупредить. То, что ты говоришь мне, ты говоришь Святой Импарции.

– Это будет на твоей совести... И смерть Марии тоже. Я написала письма, взяла мантилью дуэньи...

– Взяла?

– Украла, если тебе так больше нравится!

– Сеньор! Я должен с вами переговорить! – Бенеро с каменным лицом оттеснил Инес. – Немедленно.

– Я слушаю.

– Вы уже знаете главное?

– Знаю.

– Тем лучше. Состояние женщины крайне тяжелое. Если не принять срочных мер, и она, и ребенок погибнут в течение суток. На это указывают все симптомы и обстоятельства смерти ее матери и двух сестер. С вашего разрешения я опущу подробности.

– Надежды нет? – Господь порой бывает справедлив. Убийцу убивает собственный грех. И поделом.

– Надежда уходит последней. Я исполню свой долг, но решать будет Он. Я вызову преждевременные роды. Для этого нужен порошок *Populus balsamifera* и еще кое-что. Вы обещали послать за необходимым.

– Говорите, что нужно и где это можно найти.

– Все, что нужно, было в моем доме.

– Все, кроме запрещенных книг, осталось на своих местах.

– И лекарственные снадобья?
– Были взяты образцы. Большая часть зелий до суда остается в опечатанном доме, чтобы исключить подделку доказательств.
– Вы можете затребовать нужное?
– Я все заберу сам. Объясните, что и где, или, еще лучше, напишите. В гостиной есть перо и бумага.
– Больную нельзя оставлять надолго, – буркнул врач, – припадок может повториться.
– С ней останется герцогиня де Ригаско. Позже я пришлю нескольких женщин. Идемте.
– Я справлюсь и одна! – Инес загородила дверь. – Сюда войдет только Бенеро! Если в тебе осталось хоть что-то... от мужчины и дворянина, не пускай сюда слуг!
И из-за этой лгуньи он настолько забылся, что заспорил при суадите с фидусьяром и был готов схватиться со всей Протектой?
– Будь по-твоему. Копайся в чужой блевотине сама! – Посторонним и в самом деле лучше остаться в неведении. – Но без присмотра вы не останетесь. Не надейся.

Глава 5

1

Инес подняла голову и обернулась на шум у дверей, хоть и поклялась не слушать и не смотреть. Не выдержала, а отворачиваться под спокойным взглядом суадита было глупо. Герцогиня поправила простыни и поднялась навстречу втащившим переносной сундук альгвазилам. Они с Бенеро ждут лекарства, и неважно, кто их принес.

– Бенеро, посмотрите, все ли верно? – Появившийся следом за сундуком Хайме видел только суадита. Брат и раньше выдерживал характер, потому и побеждал в их полудетских ссорах. Она была старше, Хайме – упрямей, но Мария – ее подруга, а у врача слишком широкая спина. Из-за нее ничего не видно, но она должна взглянуть Хайме в лицо.

– Сеньор, мне понадобится кипяток. Сейчас немного, затем – больше. – Бенеро тоже умел не замечать ничего лишнего. Например, альгвазилов.

– Вы все еще надеетесь?

– Я могу лишь повторить сказанное.

– В таком случае, прежде чем вы исполните свой долг, я исполню свой. Приму исповедь этой женщины.

– Нет, – отрезал Бенеро, пока Инес отчаянно пыталась протолкнуть застрявший в горле комок, – ей понадобятся все ее силы. И вся решимость.

– Лучше займитесь вашими склянками, – сверкнул глазами Хайме, – они вам пригодятся. Гомес, выйди, но будь поблизости! Не забудь про кипяток.

– Я отвечаю перед Ним за две жизни! – Тень Бенеро достигала потолка. – Вы к больной не подойдете. Я знаю вашу веру, если будет нужно, вы вправе сотворить «глухую» исповедь.

– Тебе нет дела до души Марииты! – Инес не собиралась ударить, просто махнула рукой, но пальцы врача тисками сжали запястья. – Пустите, сеньор! Тебе нужен убийца Хенильи, но его нет здесь. Нет! Ты понял?

– Тише, сеньора! Мы теряем время. Сеньор, вам лучше выйти и положиться на волю Его.

– Что вы станете делать?

– Дам ей лекарство, которое поддержит сердце, а затем введу вытяжку *Populus balsamifera*, чтобы вызвать спазм сосудов и схватки. Ребенок родится недоношенным, но может выжить и он. А теперь идите.

– Я читал, император Барка рассек чрево роженицы мечом и извлек ребенка.

– Летописец лукавил. Это средство применимо к умирающим, чтобы спасти хотя бы ребенка. Женщину в сознании оно убьет почти наверняка, а снять боль маковым отваром

нельзя – ребенок не будет дышать. Сеньор, мы теряем время! Здесь вам делать нечего, а вы не в лучшем состоянии. Возьмите синюю склянку. Это настойка мяты с валерианой. Отмерьте тридцать капель, разбавьте водой, выпейте и выйдите на воздух. По-хорошему вам следовало бы пустить кровь.

– Хватит и мяты. Если вдруг понадобится... монах, позовите. – Хайме толчком распахнул дверь. – Гомес, зайди!

– Я позову, – пообещал Бенеро и, легко подняв сундучок, потащил его в альков. Инес задержалась, пытаясь поймать взгляд Хайме, но брат был занят альгвазилами. Сестру он не замечал.

– Один – у алькова, остальные – к двери. Если врач попросит помочь, помогите. Никого не выпускайте, никого не впускайте, кроме меня. – Хайме шагнул за порог и внезапно оглянулся. – Я послал на площадь Аурелио за Гьомар. От нее будет больше толку.

Дверь захлопнулась, прежде чем Инес сообразила, что сказать. Альгвазилы, благоухая луком и потом, скрестили алебарды, загородив проход. Ну и пусть! Ее место рядом с подругой, а Хайме пусть пьет свою мяту, может, кончит беситься... Инес вымученно улыбнулась здоровенному сержанту:

– Надеюсь, вы защитите нас от мышей?

– Сеньора, – замялся тот, – прошу простить...

– Прощаю, – бросила Инес. Верзила не сделал ей ничего плохого, просто пришел, куда его послали, и стоит, а вот Хайме... Откуда эта ненависть к Марии? Он ведь ее ненавидит, и давно. Женщина еще может не сойти с ума, оставаясь одинокой; одинокий мужчина всегда жесток и очень редко справедлив. Спаси Господи Марииту от Фарагуандо – этот не простит! И ее бы не простил, прими она хоть чье-то предложение. Вдовы великих должны только молиться и плакать, но почему?!

2

Мариита дрожала на смятых простынях. Котенок, замученный несчастный котенок!.. Она вряд ли понимает, что происходит. Бенеро разглядывал на свет какое-то зелье, голые, поросшие волосами руки врача сделали бы честь молотобойцу. Инес тронула разметавшиеся волосы. Нужно заплести, иначе придется обрезать.

– Сеньор Бенеро, куда вы дели гребни?

Бенеро осторожно поставил склянку на стол.

– На кресле, – коротко сообщил он. – Вы были неправы, сеньора. Нельзя предавать чужое доверие, а брат вам верил.

– Это наше дело! – Хороша б она была, предложив инкверенту выкрасть преступника. Хайме бы на нее наорал, и этим бы все и кончилось.

– Сеньора! – Да кто он такой, этот Бенеро, чтобы лезть к ним со своими советами?! – Сеньора, дайте вашей подруге это питье. Его нужно выпить маленькими глотками. До дна. Господин сержант, вы здесь?

– Да, сеньор, – громовым шепотом возвестил альгвазил, – кипяток, прошу простить, куда ставить?

– На стол. Вы мне скоро снова понадобится.

– В вашем распоряжении, сеньор. – Господи, он же идет на цыпочках!

– Мариита, очнись. Это надо выпить. Мариита!..

– Я не буду...

– Ты должна.

– Нет. – Она вряд ли соображает, что говорит. – Не буду... Не хочу. Где Диего? Уже темно, где он?!

– Мариита! – Хоть бы альгвазилы не расслышали про Диего! – Ты должна выпить. Иначе нельзя.

– Я ничего не стану пить. – Больная села так внезапно, что Инес едва не расплескала

питье. – Это яд! Я все слышала! Монах... Это он тебе велел! Он приходил меня убить...
Чтобы запереть меня с мужем в могиле! Я не пойду к дону Гонсало!

– Прекрати! – Дать пощечину? Пожалуй! – Прекрати! Если не выпьешь – умрешь!

– Не буду! Где Диего? Почему его прячут? Пустите его... Приведите ко мне Диего!

– Замолчи!

– Диего!..

Пречистая Дева, как же она кричит! На дворе и то слышно!

– Сеньора, если вы не будете слушаться, к утру вы умрете в мучениях. Вместе с ребенком.

– Нет! – Мария куда-то рванулась, Бенеро ухватил бьющуюся дурищу за плечи и прижал к подушкам.

– Сеньор, – за спиной врача возник озабоченный алыгвазил, – вам, прошу прощения, помочь?

– Возможно. – Бенеро продолжал удерживать роженицу, но теперь он смотрел на Инес. – Вы сможете влить ей снадобье? Да или нет?

– Смогу, – кивнула Инес.

– Сержант, можете идти. Пока.

Алыгвазил с готовностью исчез. Мария замерла, исподлобья глядя сквозь Инес на перечеркнутую тенями стену. На лбу врача выступила испарина. Господи, сделай так, чтоб Гьомар пришла побыстрее!

– Я хочу видеть Диего! – Влажные пальцы отдирали руки Бенеро. Маркиза так и не рассталась с обручальным кольцом. – Почему вы его не пускаете? Кто вы такой?!

– Риб'оно шель аолам, – выдохнул Бенеро. – Сеньора, успокойтесь.

– Господи, Мариита, какая же ты дура!

– Она не в себе, – утешил врач. – Это бывает.

– Наверное... Я не звала Карлоса, когда рожала. Я помнила, что его нет.

Она все помнила, даже кружившую под потолком муху, но она была здорова.

– Сеньор Бенеро, вы ее удержите? Я сейчас...

– У вас дрожат руки. Сосредоточьтесь. Закройте глаза и просчитайте до десяти.

Альков, алыгвазилы у двери, свечи, склянки – все исчезает. Перед глазами не тьма – темно-рыжий шелк. Один... Два...

– Диего! Пустите...

Нужно взять себя в руки. Дрожать она будет потом, дрожать, объясняться с Хайме, молиться, плакать. Два... Три... Резкий даже не скрип – визг.

– Раз я так нужен, я здесь.

Мужчина. Темноволосый, стройный. Рядом с врачом кажется юношей. Значит, Мария соврала...

– Где это зелье? Она сейчас выпьет, а дальше – ваше дело.

– Диего! Ты...

– Пей, нинья!

– Эй, сеньор!.. Кто вы? Откуда!

– Тихо! Она пьет.

Мечется желтый свет, по ногам тянет холодом... Сквозняк. Потайная дверь? Как же долго Мария пьет. У Диего длинные волосы, на подбородке – шрам. Не побоялся – пришел. Прямо в змеиную пасть! Сержант мнется с ноги на ногу, врач молча смотрит. Гаснет одна свеча... Нужно зажечь.

– Умница, нинья! Сеньора, возьмите чашку.

– Ваше имя!..

Наваждение прошло. Гончие вновь стали гончими, а волк – волком.

– Диего! Ты куда?

– Не волнуйся, нинья. Я сейчас вернусь. Слушай врача!

Один против шести! Карлос смог бы...

- Ваше имя, сеньор. Вы арестованы!
- Помолчите. Нинья, ты поняла?
- Диего...
- Ты поняла? Ты будешь слушать врача?
- Буду...
- Умница... Сержант, потерпите еще минуту!

Если закрывать глаза, то теперь, но они словно приклеились к непонятному чужаку. Руки Диего скрещены на груди, на губах – улыбка. Убийца? Неужели все-таки убийца?

Человек у постели что-то шепнул Бенеро и отступил на шаг. Альгвазил послушно ждал, больная тоже притихла. Еще один шаг от постели, второй, третий, прыжок в глубь комнаты, и рев сержанта:

- Парни, вперед! Живым! Только живым.
- Окно в дальнем конце... Оно открыто!
- Я вернусь, нинья!
- За ним! Во двор!

Альгвазилы быками несутся к двери. Падает сбитая ваза, толстый ковер глушит звон. Окно ведет во внутренний дворик. Ему не уйти...

- Сеньора желает любоваться на корриду или собирается заняться делом?

3

Топот на лестнице молотом саданул по едва переставшей болеть голове. Гомес, как всегда, перестарался – бегать на кухню можно и с меньшей страстью. Хайме раздраженно потер виски и вышел на галерею подышать. Он успел как раз вовремя, чтобы увидеть, как из распахнувшейся двери, толкаясь, вываливается куча альгвазилов. Что они забыли во дворике, в полумраке было не разобрать. Топанье, шарканье, раздраженные голоса, плеск фонтана слились в нелепую какофонию, к которой не замедлила подключиться надсадно орущая птица.

Хайме сощурился и перегнулся через перила. Ночь не была темной, а белый мрамор, на который не поскупился Хенилья, словно бы притягивал лунный свет. Импарсиал без труда разглядел фонтан и застывшую спиной к мерцающему бассейну мужскую фигуру, которую по всем правилам полукругом обкладывал бравый Гомес. Алебарды альгвазилы держали наготове, но атаковать не спешили – в руке незнакомца выразительно поблескивал клинок.

– Сеньор! – вопль Гомеса перекрыл и плеск воды, и крики козодоя. – Сложите оружие. Именем закона!

Ночной гость пожал плечами, неожиданно напомнив Карлоса – та же выжидающая стойка, те же рост и сложение. Бежать незнакомец, похоже, не собирался, но и нападать не спешил. Стоял и смотрел на суесящихся альгвазилов. Хайме готов был поклясться, что наглец улыбается.

- Сеньор! – Громче прежнего возопил сержант. – Прош... Сложить оружие!

Уверенности в голосе сержанта могло быть и побольше, но кто этот красавчик, черт бы его побрал?! Неужели дон Диего собственной персоной? Считали ворон, а поймали волка?

- Гомес! Что здесь происходит?

– Выскочил, прошу простить! – На задранной кверху физиономии проступило немыслимое облегчение. – То есть прямо в спальне... Сеньора упрячилась, зелье не пила. Ну никак просто... Мы, прошу простить, держать хотели, а этот выскочил, напоил и в окно! Вернуться обещал!..

Вот и говори после этого, что любви не бывает. То-то Инес рехнулась. Сестра слишком много читала и слишком долго была одна, но жизнь – не новелла Ламаса.

- Стойте все, где стоите. Я сейчас спущусь.

Гомес радостно закивал, незнакомец... Диего не шелохнулся. Взять такого непросто, но ошейник отыщется и на него. Мария! Диего выдал себя, чтоб напоить любовницу

лекарством, он ее не оставит, а роженицу с места не сдвинешь.

Из-за розовой двери не доносилось ни звука, что там, проверять было некогда. Только б Мария выжила... А хоть бы и умерла – за язык никто не тянет. Для дон Диего она будет жива столько, сколько потребуется.

Великий Хенилья – роконосец... Как же гадко! Двуногих тварей хлебом не корми, дай покопаться в чужом белье. И чем ярче, сильнее, знаменитей человек, тем охотней про него болтают.

На лестнице никого не было: Гомес потащил за собой всех, кого мог, а Диего, похоже, явился один. Как и в ночь смерти Хенилья. Узнай враги Онсии о причине убийства, грязь польется рекой, но этого не будет. Диего придется стать лоасским шпионом, и он им станет, чтобы спасти любовницу, а Инес подтвердит. И отправится вместе с подругой... в монастырь.

Дверь, в которую выбежали альгвазилы, была распахнута настежь, лунные лучи змеями лезли внутрь дома. Какие чистые плиты. Не стоит пачкать их кровью.

– Что случилось, Гомес? Еще раз и подробно.

– Сеньора кричала, – с готовностью затарахтел сержант, – а сеньор вылез из дыры. Я велел ему назвать имя, а врач, прошу простить, велел подождать, пока сеньора лекарство не выпьет. Мы подождали. Я снова велел назваться и следовать за нами, он вроде согласился, а сам – в окно и сюда.

– Этот человек оказывал сопротивление? Пытался напасть на вас, на врача, на герцогиню де Ригаско?

– Нет, – для пущей убедительности Гомес замотал головой, – как есть нет. Он в окно прыгнул.

– Очень хорошо. – Главное – не сфальшивить. Ты еще не знаешь, кто перед тобой, но хочешь узнать. Законное желание, хотя, если дон Диего слышал их с Инес перепалку... Может, потому она так и кричала? – Сеньор, как ваше имя?

– Прошу простить... Сеньора звала Диего, а он, прошу простить, как выскочит...

– Значит, дон Диего? Уже что-то. Меня называйте брат Хуан. Я – монах ордена Святого Петра и инкверент Постоянного Трибунала Святой Импарции.

Управится ли Диего с шестеркой Гомеса? Покойный Хенилья разбросал бы недотеп с алебардами шутя, а про Карлоса и говорить не приходится.

– Добрым мундиалитам не пристало проливать кровь друг друга! – произнес Хайме с безмятежностью, сделавшей бы честь самому Торрихосу. – Вы ведь мундиалит, дон Диего?

– Да, – мужчина, не скрывая любопытства, разглядывал монаха, – я мундиалит. Прочсть вам Credo?

– Не сейчас. Итак, вы мундиалит, и вы не совершили никакого преступления, если не считать неподчинения приказам сержанта. Это случается, особенно с дворянами, которые весьма подвержены греху гордыни. Вы ведь ему подвержены, дон Диего?

– Безусловно, – подтвердил убийца, – и не только ему.

– Так смирите жестокость в сердце своем и не стремитесь прервать жизнь ближних своих. Гомес, это и к вам относится. Кстати, вам следовало внимательней осмотреть второй этаж.

– Виноват, – с готовностью закивал альгвазил, у которого увещевание встретило полное понимание. Проливать кровь ближнего со шпагой альгвазил не стремился. К чему стремился дон Диего, оставалось тайной. Любовник Марии был неразговорчив.

– Учтите на будущее. – Брат Хуан вновь смотрел на убийцу Хенилья. Даже если они дрались, Диего был виновен. В адюльтере и гибели человека, раз за разом спасавшего Онсию.

– Сеньор Диего... Пока я буду называть вас этим именем. Предлагаю вам прекратить сопротивление и проследовать с сержантом и его людьми в Алькальдию. Вам ничего не грозит, кроме небольшого штрафа за сопротивление закону. Даже обвинение в адюльтере, ведь маркиза де Хенилья свободна.

Человек со шпагой отвесил вежливый поклон. Дескать, слышал и понял.

Гомес еще раз кивнул, хотя его никто не спрашивал. Альгвазилы не любят рисковать здоровьем, да и лишние сложности с родовитыми сеньорами им, простолюдинам, ни к чему. Царапнешь такого, а у него родственники, хлопот не оберешься. Сто раз пожалеешь, что благородного задел, а уж если, не дай боже, увечье нанесешь... Хотя тут увечьями и не пахнет. Как и родственниками.

Вновь надсадно заорал козодой. В отличие от Коломбо, синаитское капище его не пугало. Ну же, дон Диего, решайся. Или ты повинуюешься, сбегаешь по дороге и тебя начинают искать как лоасского шпиона, или принимаешь бой. Соперники несерьезные, их можно запросто разогнать, но сбежать с роженицей ты не сможешь.

– Вы отдадите шпагу?

– Увы, нет. – Слова и улыбка были вежливыми и чуть ли не дурашливыми, но вот глаза... – Мое инкогнито и честь дамы... Их следует защищать. Сами понимаете.

Хайме понял, альгвазилы тоже, тем паче дон Диего не собирался вступать в пререкания. Он просто атаковал.

4

Приглушенные голоса, плеск фонтана и звон! Внизу, во дворе...

– Сеньора, не отвлекайтесь. Сложите полотно в четыре раза и процедите настой. Он готов. Какая прохладная ночь...

Врач мог бы и сам процедить свое зелье, но предпочел неторопливо пересечь комнату и захлопнуть окно. Вниз он даже не глянул, словно там не человека убивают, а коты сцепились.

– Да будет вам известно, сеньора, что самое большое количество нужного нам вещества находится в почках дерева, а потом – в коре. Тот порошок, что я заварил, представляет собой растолченную кору.

– Это надо выпить? – с сомнением произнесла Инес, глядя на золотисто-бурую, горько пахнущую жидкость.

– Выпить тоже можно, – безмятежно подтвердил Бенеро, – но лучше ввести внутрь, во влагалище, тампон, пропитанный этой жидкостью. Именно так мы и поступим.

– Диего! – раздалось сзади. Мария пыталась приподняться, бестолково шаря руками по простыням. – Диего...

– Я велел дону Диего выйти. Он вернется позже.

Врач возвышался между окном и кроватью каменной глыбой. Чтобы выглянуть во двор, пришлось бы его оттолкнуть.

– Диего вернется позже, – подхватила Инес, ставя плошку с зельем на стол и бросаясь к постели, – он велел тебе быть умницей и слушаться доктора. Ты ведь будешь умницей?

Мариита кивнула. В прозрачных глазах стояли слезы. Вернее, в одном глазу. Вторая слеза не удержалась и покатилась по щеке.

– Я умру, – негромко объявила дурочка, – зачем все это? Я умру. Приведите ко мне Диего, я хочу с ним проститься... А ты возьми себе мои гребни с изумрудами...

– Глупости! – почти взвизгнула Инес. – Мне твои гребни не нужны, а ты будешь жить!

– Нет, – заупрямилась больная. – Меня сейчас заберут... Муж заберет, он ждет... Он не простит! Тут был монах... Позовите монаха, я хочу покаяться... Моя вина, моя большая вина...

Позвать Хайме? После всего?! Нет, котенку нужен другой священник. Тот, который простит и утешит, а не станет тянуть из несчастной дурочки чужую смерть.

– Мариита, монах ушел.

– Он здесь, – прорыдала роженица. – Он сказал... Позови его... Я не хочу умирать без покаяния! Я не хочу в ад...

– Сеньора, идите сюда! – рывкнул от стола Бенеро. – А вы, маркиза, ложитесь и

извольте успокоиться! Дон Диего войдет сюда не раньше, чем я ему позволю, а монаху здесь делать нечего.

– Я умираю, – всхлипнула Мария, – я хочу исповедаться!

– Вы рожаете, – отрезал врач, – хоть вы и этого еще толком не начали. Ложитесь, я сказал!

Мария вздрогнула всем телом и опустилась, почти упала на скомканные подушки. Бенеро громко втянул воздух и как ни в чем не бывало уткнулся в свои инструменты. Инес воровато глянула на уставившуюся в потолок подругу и шмыгнула к столу.

– Возьмите в сундуке платок и завяжите голову так, чтоб не выбивались волосы, – не глядя, велел врач.

Инес повиновалась. Белая ткань пахла странно и приятно. Как давно она не надевала белого... Тоненько звякнул о стекло металл – врач ловко подхватил щипчиками белый комок и опустил в плошку с отваром. Станный инструмент в огромной руке казался игрушечным.

– Сеньор, посмотрите, что там, внизу, – торопливо шепнула Инес, косясь на закрытое окно, – я ее отвлеку.

– Внизу фонтан, украшенный мраморным орлом, – и не подумал прервать свое занятие Бенеро. – У нас больше не будет времени для разговора, сеньора. Схватки начнутся практически сразу и будут сильными и крайне болезненными. Очень быстро – в течение часа-двух – они станут ежеминутными. Вы помните, как рожали?

– Да! – Инес со злостью засунула под косынку очередной завиток.

– Вашей подруге придется хуже, чем вам.

– Ей уже хуже! – Инес непроизвольно шагнула к постели, словно намереваясь заслонить Марию. – Она выживет?

– Никогда не задавайте таких вопросов, – прикрикнул Бенеро, – просто делайте, что нужно. Готовы? Берите плошку. Будете подавать тампоны.

5

Окно наверху замигало. Погасла свеча? Что там? Только бы обошлось. Он согласен на все, только бы с ниньей обошлось!

– Педро, уснул?!

– Справа заходи! Справа!..

Сопящие, белые от луны рожи... Не гончие – трактирные коты, топнешь, разбегутся. Как бы было весело, будь он один, как раньше. Но он не хочет больше одиночества! Его и так было через край.

Крайний слева наудачу ткнул алебардой. Быстро ткнул, то есть для альгвазила быстро, и тут же двое сунулись вперед. По старинке действуют: одни отвлекают, другие пытаются зацепить. За ногу, руку, на худой конец – за шею... Для подвыпивших дебоширов сгодится, но дебоширы не танцуют фламенко, а окошко горит... Мерцает желтым. Звезды и те доступней!

– Сдавайтесь, сеньор!

Как же, сейчас!.. Вежливый поклон, атака, ложный финт... Ловите! Ловят. Двое несутся наперерез, врезаются друг в друга. С грохотом. А вот и сержант. Давно пора! Размахнулся от души и едва не вломил алебардой по шлему соседа.

– Браво, сержант! Браво!

Монах, луна, черные тени, шестеро увальней, бывало и больше! Десять минут, и здесь может быть семь трупов, а что дальше? Куда девать тех, что на улице? Куда нести нинью? Нести... Ее сейчас и тронуть-то нельзя.

Чья-то алебарда суется вперед. На острие – лунный блик. Опять сержант, вот ведь усердие! Остальные прут следом. Это не бой. Это коррида какая-то! Круг дорожки, круг фонтана, круг луны. Круг за кругом по кромке бассейна вместе со звездами. А альгвазилы совсем растерялись. Дрыгаются кто во что горазд, раньше хоть друг на друга смотрели...

Если б не Мариита! Не надо было ее слушать, просто взять и увести... А дверь, вот она, нараспашку, дальше через дом – и на улицу.

Караул у калитки ничего не поймет – не успеет, а вокруг – пустые кварталы. В них черт затеряется, но бежать нельзя. И сдаться нельзя, и убивать... Ничего нельзя, только дурить тупые головы и искать выход. Не для себя, для ниньи и ребенка.

Пара быстрых шагов, резкая остановка, смена направления... Трое, поддавшись на очередной обман, летят вправо, один – влево. Экий ты недоверчивый, а зря! Вот и остались мы с тобой наедине, друг. В очень опасной близости. Для тебя опасной.

Недоверчивый тряхнул алебардой. Решил отогнать прыткого сеньора, да куда там!

– Ты б еще ближе подошел! – Перехватить не успевшее разогнаться древко, хлестануть шпагой по толстым пальцам. Плашмя. Пальцы рубят только мерзавцам.

Нечленораздельный вой, ругань, чужое оружие в руке. Тяжелое, непривычное. Вопящий альгвазил исчезает за спинами товарищей. Этому хватило.

– Вы забыли алебарду! – Замах, сержант с хрюканьем приседает, но ненужный трофей летит на галерею. Там тихо – в доме только Мариита с подругой и врач. Только б он смог...

Пятеро альгвазилов переглядываются, топчутся на месте. Не хотят драться и не могут остановиться. Смешно, но он в той же западне, а монах молчит. Стоит, смотрит и молчит. Не удрал, но и не понукает... Почему?

Некогда думать. Пятерка под вой недоверчивого лезет вперед. С оглядкой, неохотно, но лезет. Впереди сержант. Служебный долг, чтоб его!

– Осторожней, Гомес. Без пролития крови.

Надо же, заговорил! Монах не хочет крови, а чего хочет? Разговора? При альгвазилах не поговоришь, значит...

– Сержант, вы мне надоели!

Это даже не выпад, взмах, но бедняга Гомес поспешно пятится. Ничего, сейчас побежишь!

Шагнуть вперед и застыть, задрав голову. Не к окну, от него будет не оторваться, к луне. Ну, лезете вы или нет? Вот же я, перед вами, зазевался. Такой случай! Есть! Две алебарды нерешительно тянутся к добыче... Ну же! Еще немного... Молодцы! Уход назад и вниз, железные крючья цепляют друг друга. Чтоб расцепиться, оба должны сделать движение вперед, а дурни тянут оружие к себе. Ну, Бог вам в помощь, тащите!

И ведь тащат! Топчутся на месте, сопят, ничего не видят... Особенно один. Педро? Здоровенный кулак сжимает древко. Просто замечательно сжимает, так и стой... Простенький финт, прыжок, удивленные рожи. А теперь наотмашь по чужой лапе. Звучный шлепок, еще более звучный рев. Вот и второй без пальцев. По крайней мере, до вечера! А алебарду – в фонтан.

– Проклятье! – Опомнившийся Гомес летит наперерез, пытаясь подсечь ноги. Ерунда... Перескочим. Но сержант тоже не так прост. Неожиданный перехват, и алебарда в колющем ударе устремляется обратно, целя в бедро. Тело само взвивается вверх, успевая еще и развернуться в воздухе, поджатая нога с силой распрямляется, бьет по древку сверху. Была алебарда, и нету.

Несчастный сержант тарашится на обломки. Можно три раза убить... Нет, нельзя, и дело не в Мариите. Альгвазилов убивает только отребье!

До Гомеса наконец дошло, что он в опасной близости от чужой шпаги, да еще с пустыми руками. Прыгает назад, куда там зайцу!

Двое без пальцев, один без оружия... И все равно не бегут. Уцелевшие хоть и пятятся, а алебардами размахивают. И смех и грех!

– Гомес, отправляйтесь за подмогой. – Раздавшийся голос ровен и равнодушен. – Раненых – к врачу, уцелевших – на улицу, к калитке. Чтоб мышь и та не выскочила.

– А вы? – В грубом голосе сразу и облегчение, и тревога. – А вы, прошу простить? С этим, прошу простить...

– Господь хранит слуг своих. Дворянин не тронет монаха.

Мария сжалась в комочек, всхлипнула и притихла. Инес утерла лоб и почти свалилась в кресло, можно подумать, это она рожает, а все ведь только начинается. Неужели когда-нибудь будет утро или хотя бы тишина?

– Еще пара часов, сеньора. – Бенеро не садился уже целую вечность. Стоял над постелью и хмурился.

– Что-то не так?

– Все идет как идет. – Врач взял безвольную руку. Роженица слабо охнула, но ничего не сказала. Она боялась Бенеро, а Инес была рада, что рядом именно он, хотя с Хайме вышло хуже не придумать. Теперь Инья сама не понимала, как решилась на такую чудовищную глупость. Нужно было послать Гьомар за врачом и не выпускать его до прихода Диго. Она бы так и сделала, люби Гьомар Марию и скажи та правду. Дурочка клялась, что она совсем одна до осени. Зачем? Лжи в этом мире и так невпроворот, и одна тянет другую...

– Сеньора, кто такая Гьомар?

– Моя камеристка. Она всегда со мной.

– Ей верите вы или ваш брат?

– Она любит Хайме и не любит Марииту.

– До какой степени не любит? – Взгляд врача стал жестким. Даже жестче, чем у Хайме.

– Не знаю. – Какой глупый ответ, но она в самом деле не знает. Поджатые губы, ворчанье про выскочек и побирušек, что за этим стоит? – Я не думала об этом. Я вообще слишком мало думала... Сеньор, я должна попросить у вас прощения. Моя выдумка подвергла вас опасности.

– Пустое, сеньора. – Врач неожиданно улыбнулся. – Если что меня ей и подвергло, то это рождение в несчастливой стране в несчастливое время. Когда вы ели?

– Не помню, – опешила Инес, – утром...

– Гьомар придется вас накормить. – Брови врача сошлись в одну линию. На кровати слабо вскрикнула и завозилась Мариита. Передышка кончилась. Инес поймала затравленный взгляд. Захотелось закрыть глаза, заткнуть уши и выбежать вон.

– Тебе удобно?

– Нет! – Дрожащий голос, капли пота на висках, ей же больно. Ей очень больно, почему на смену жалости пришло раздражение?

– Поправить подушки?

– Нет!.. Не трогай!.. Ай!.. Я не могу... Инес, я больше не могу.

– Можешь!

– Сеньора права. Вы можете. Закройте глаза, представьте море... Вы видели море?

– Мне больно!.. Дайте мне... Дайте что-нибудь!

– Закройте глаза! Перед вами волны. Они вас поднимают и опускают. Поднимают и опускают... Когда опустят – спите. Слышите? Не кричать, а спать! До следующей волны.

– Но мне больно!..

– Больно. Закройте глаза! Волна пошла вниз.

Закрывает, но из-под ресниц текут слезы. И на лбу испарина... А схватки и впрямь похожи на волны, как она сама не поняла.

– Все равно больно...

– Успокойся.

– Не трогай меня!

– Тебе надо обтереть лицо. Потерпи.

Все монахини ходят за больными, значит, ей монахиней не бывать, лучше в реку вниз головой.

– Тебе легче?

– Нет...

– Ей легче. Видите? У вас есть минут пять. Отдыхайте.

Инес бросилась к окну, и Бенеро ее не остановил. Врач ничего не сказал даже тогда, когда она распахнула створки, впустив в комнату ветер и плеск фонтана. Во дворе никого не было. Ни живых, ни убитых. Белые плиты в лунных лучах, казалось, светились, на них не было ни единого пятнышка.

– Все живы, – тихо сказала Инья. – Бенеро, они все живы...

Стало очень тихо. Инес прижалась лбом к оконной раме и прикрыла глаза. Где-то в доме хлопали двери и топали сапоги – мужчины занимались своими делами. Они казались им такими важными...

Глава 6

1

Убить прилипшего к двери спальни Диего казалось нетрудным. Он бы вряд ли заметил мелькнувший стилет, но в этой смерти не было смысла. Может, раньше, по горячим следам, Хайме и поставил бы месть впереди пользы, но прошло больше года. Сейчас важнее защитить честь Хенильи и в очередной раз обойти Протекту, а для этого нужен не просто преступник, а преступник, говорящий то, что следует. Решать, кто подослал к Орлу Онсии убийц, – Торрихосу, а тот, скорее всего, выберет кого-нибудь из Государственного Совета. Возможно, даже Пленилунью. Новая война с Лоассом обойдется королевству слишком дорого.

Созерцание дверей грозило затянуться, и Хайме уронил на пол огниво. Это подействовало – дон Диего стремительно обернулся, и импарсиал смог наконец как следует разглядеть убийцу, оказавшегося редким красавцем. Гомес строго следовал приказу зажигать во время обыска как можно больше свечей, и приемная сияла, словно во время бала. Только балов в этом доме так и не случилось...

– Вы хотели со мной переговорить, – сделал пробный выпад Диего, – о чем?

– Вы так думаете? – Марию можно понять. Марию, но не дворянина, поднявшего руку на защитника Онсии.

– А разве это не так? Тогда почему здесь нет альгвазилов?

– Они производили слишком много шума и добились слишком ничтожных результатов. Как давно вы знаете маркизу де Хенильи?

– Я увидел ее во время венчания. Ее венчания. Вы понимаете, что я могу вас убить?

– Можете, но не убьете. – Инья или врет, или сама обманута. Скорее второе, с сестры станется покровительствовать влюбленным, но не убийцам. – Пролитая в этом доме кровь ляжет на хозяйку. Скрыть ее... близкое знакомство с вами невозможно. И еще менее возможно ее увезти. Это вы убили Гонсало де Хенилью?

– Я отвечу, – пообещал дон Диего, – но сперва я должен увериться в том, что не ошибся. Я правильно понял, вы – брат герцогини де Ригаско и участник альконийской резни?

– Да, это я. Вам это неприятно?

– Напротив. Я в самом деле убил командора Сургоса, но Мария не имела к этому никакого касательства. Более того, тогда она меня не знала.

Что и требовалось доказать. Красавец думает не о себе, а о любовнице, иначе здесь был бы не он, а трупы шести альгвазилов и одного монаха. Чтобы защитить Марию, он пойдет на все. Станет лоасским шпионом, еретиком, заговорщиком...

– Вы полагаете, я вам поверю?

– Вы поверите, – Диего шагнул вперед, – именно вы, но... Дьявол!

Хайме еще ничего не понял, а Диего уже распахивал дверь на главную лестницу, по которой поднималось шестеро. Еще двое спешили по боковому коридору со стороны двора,

и это были отнюдь не альгвазилы! На дороге неожиданные гости сошли бы за разбойников, в таверне – за солдат, в пустом доме они походили на наемных убийц, впопыхах позабывших о масках. Сообщники убийцы? Дон Диего хотел что-то сказать, но передумал и, шагнув за порог, замер спиной к гостиной, спальне и монаху со стилетом в рукаве. Пришедшие со двора тоже остановились. Те, что поднимались из прихожей, раздались в стороны, застыв вдоль перил, словно в ожидании сиятельной особы. Это было нелепо, и эта нелепость подсказала ответ. Хайме отнюдь не удивился, когда по предназначенным для великого полководца ступеням с каменной физиономией промаршировал капитан Арбусто дель Бехо.

– Мы тоже кое-что умеем, брат Хуан, – торжественно объявил он, – сейчас вы увидите, как следует ловить убийц.

Дьявола брат Хуан не помянул лишь чудом.

2

– Сейчас вы увидите, как следует ловить убийц...

Двое у выхода во двор и семеро на главной лестнице. Не с алебардами – со шпагами и кинжалами. Вояки, и, похоже, не последнего разбора. Не смертельно, но многовато.

– Не думаю, что вы покажете мне нечто выдающееся, – донеслось из-за спины, – по крайней мере, как искать убийц, от вас мне точно не узнать. Даже жаль.

Монах гостей не ждал. Уже легче. С братом Хуаном говорить можно, с этими – вряд ли. Их так просто не прогонишь... А непросто? Бедная Мариита, в ее доме...

– Именем ее величества! Назовитесь! – потребовал с лестницы статный красавец. Вожак? Сейчас проверим.

– Только после вас. Я не говорю с незнакомцами.

Кто они, черт их побери? Как их сюда занесло? Пришли, и повезло – или знали, кого ловят?

– Капитан Протекты Арбусто дель Бехо. – Красавец и не думал скромничать. – Известный вам брат Хуан подтвердит и мое звание, и мои полномочия.

– Благодарю за совет. – К таким лучше спиной не поворачиваться, но он должен видеть лицо монаха! – Святой отец, этот человек тот, за кого себя выдает?

– Я подтверждаю его имя. – Брат Хуан, чуть сутулясь, стоял возле двери. Он был слегка раздосадован, но не более. – Это в самом деле капитан Арбусто дель Бехо. В прошлом он немного повоевал с Лоассом, но обрел себя в Протекте. Что до полномочий, то у меня нет уверенности. Офицеров, когда они исполняют служебный долг, сопровождают альгвазилы или солдаты. Конечно, у капитана может быть приказ, предписывающий ему действовать тайно. Я ответил на ваш вопрос?

Значит, свой брат, вояка, только голодный. И при нем такие же волки. Тут не договориться, разве что вернется Гомес.

– Благодарю вас, брат Хуан. У вас есть приказ, сеньор Арбусто?

Приказа у капитана не имелось, у него были подручные, недвусмысленно выстроившиеся полуколом. Будем надеяться, они не бывали ни в Ромулье, ни в Аббенине, ни в этом доме.

– Дон Диего де Муэна, – отчеканил Арбусто, – именем ее величества вы арестованы по обвинению в убийстве маркиза де Хенилья при пособничестве маркизы де Хенилья! Сложите оружие и следуйте за нами.

Проклятье, они знают все. Или почти все.

– Приказ, капитан! – Выхватить шпагу он успеет, но виноват тот, кто обнажил клинок первым. – Приказ и доказательства, что короне нужен именно я.

– Их предъявят ее величеству и кардиналу-инкверенту, – пообещал Арбусто. Он смотрел в сторону. То ли на монаха, то ли на дверь Марии, но туда ему не войти! – Брат Хуан, советую вам покинуть дом или же дать утешение маркизе. Ею мы займемся позже.

– Благодарю вас, – вежливо поблагодарил монах, – но вы только что обещали мне что-

то показать. Я весь внимание.

– В таком случае я снимаю с себя ответственность за вашу безопасность. – Арбусто начинал закипать, но держался. – Друзья, взять этого сеньора. По возможности живым!

«По возможности...» Красиво сказано!

Шестерка полукольцом двинулась вперед, оттесняя от хода на галерею. Черта с два они б его оттеснили, если б не Мариита!

– Я тоже снимаю с себя ответственность за вашу безопасность. – Последнее слово совпало с первым ударом, нанесенным худым седоголовым воякой.

– Взять его! – повторил капитан, упирая руку в бок, но Диего уже стало не до него. Руки у седого были вставлены тем концом, а у второго? Тоже неплох, хоть и попроще. Удар удержал, но и только... А теперь – пучеглазый. Хотят прижать к стене, но хотеть еще не все... Пара быстрых шагов, разворот, угрожающий замах – смотри-ка, отпрянули! А теперь – в верхний вестибюль, подальше от спальни, да и места там побольше. Двое справа бросаются наперехват, что ж, обойдем на повороте и ударим того, кто ближе, плашмя. Пока плашмя.

– Считайте это предупреждением, сеньоры! Последним.

Не отвечают. Не злятся. Делают дело. В Ромулье таких хватает... Не задешево, но хватает...

Вот и вестибюль, теперь можно и станцевать. Чужая шпага рассекает пустой воздух, вояка клюет носом, а теперь – вперед! Отскочили, берегут свои шкурки. Будем пугать друг друга и дальше? Будем! Ну, кто кого перетанцует? Камин, два кресла, статуя Адалида, дверь, из которой позапрошлым летом вышел Хенилья. Теперь она заколочена. Жаль!

Сорвать портьеру? Рано... Портьеры и свечи пойдут в ход, когда дойдет до дела, а оно будет. Этот... Арбусто – малый решительный, да и люди у него неплохи... Такие наобум не полезут, сперва на зуб попробуют. Ага! Второй потеснился, пропускает седого, похоже, он здесь лучший... Что ж, проверим! И погодим с кровопролитием. Вдруг да появится бравый сержант. Никогда не мечтал о встрече с алыгвазилом, и на тебе...

3

Так вот с кем Арбусто обдeldывает свои делишки. Воистину, у каждого свои... голуби. Заступившие лестницу вояки и соизволивший подняться в вестибюль капитан не отрывали взгляда от круживших по залу фигур, и Хайме быстро стукнул в розовую дверь. Если сестра не откроет...

Открыли. Не Инес – Бенеро.

– Запритесь и ждите. – Объяснять некогда, но где этот чертов Гомес и не менее чертов фидусьяр?! – Не открывайте никому, кого Инья не узнает. Никому! Мне тоже не открывайте, если не назову вас по-суадитски.

– Нам понадобится горячая вода.

– Закройтесь, иначе вам ничего не понадобится. И роженице тоже.

Захлопнувшаяся дверь. Глухой стук засова, а семеро, судя по звукам, уже пляшут вовсю. Что ж, Святая Импарция не должна упускать из вида такие события.

– Брат Хуан, вы куда?

– Из приемной маркизы плохо видно, сын мой.

Те, кто впустил Арбусто в дом, еще пожалеют, но капитан не дурак, просто так рисковать не станет. И показывать своих «голубков» тоже.

– Я вас предупредил...

– На все воля Господа.

А он отменно быстр на ногу и точен в движениях, этот дон Диего Муэнский. «Голубки» Арбусто все еще не могут прижать прыгу к стене – то ли скорости и ловкости не хватает, то ли предпочитают побережться. Шпаги, хоть и обнажены, всерьез в ход пока не пошли. «Дичь» тоже сдерживается. Не хочет крови? На этот раз зря.

– От этой статуи прекрасный вид, капитан. Я постою здесь.

Жаль, нельзя видеть еще и Арбусто, но стена за спиной как-то надежней. А противники так и пугают друг друга – выказывают готовность нанести удар, но не сближаются. И не сближались, разве что когда Диего увел свору от розовой двери.

Очередной обмен ударами. Наконец-то серьезный, и тут же передышка. Диего застыл спиной к камину. То ли скалится, то ли улыбается. Дышит вроде ровно, «голубки» тоже свежи, разве что крайний слева подзапыхался.

Арбусто знает про маркизу, сломай он дверь, и Диего сдастся. Или бросится убивать... Конечно, там Инес, но капитан уже сжег мосты. Вломиться с наемниками в дом Орла Онсии!.. Такое простят лишь победителю.

Снова топот, звяканье, шарканье. Шестерка Арбусто понемногу оживает, особенно седой. С таким лучше не связываться, неплох и второй, левша, остальные так себе. Вояки как вояки.

– Хиль! – Короткий приказ разрывает уже привычный шум. Один из шестерки отступает назад, выходя из боя. Тот, кто задыхался... Зато левша и седой надели с двух сторон. Диего держится, и не только держится! Атака, внезапный разворот, крайний слева, получив удар эфесом, отлетает на седого, едва не сбив того с ног. Диего отрывается от левши, насаждает сразу на двоих. Град ударов, и вояка с располосованной рукой вываливается из свалки. Первая кровь пятнает ковер, но седой уже опомнился. И взялся за дело по-настоящему. Диего пятится, отступая от камина, и драку закрывает чужая спина. Задохнувшийся... Отдышался? Дьявол, у него пистолет! Теперь ясно... Вот теперь ясно все!

Труп убийцы, труп герцогини де Ригаско, труп брата Хуана и доблестный капитан Арбусто... Он пришел один, и преступник не оставил ему выбора...

Рука стрелка двигалась, ловя цель, но Диего с седым и левшой сцепились намертво. Нужно быть Альфоркой, чтоб стрелять в такую кучу и попасть, но Маноло мертв. Почти семнадцать лет.

– Дон Диего, с этой минуты вы вне закона! – С какой минуты? А... Еще один раненый пятится, выходя из схватки. Плохо! Четверо закрывали цель лучше троих. Стрелок снова поднял руку, шагнул вбок, опять загородив дерущихся.

Альгвазилы носят кирасы, «голубки» железом побрезговали. Стиллет вошел точно под лопатку. Налетчик по имени Хиль ничком рухнул на ковер, выронив пистолет в заботливо подставленную руку. Ты ждешь выстрела, капитан? Выстрел будет! Прежде чем бить в чужую спину, подумай, кто за твоей!

Диего... седой... левша... Диего... Промедление покойника можно понять – попробуй не промажь в такой карусели. Седой с силой отводит удар, отскакивает вправо, Диего кидается следом, а вот левша чуть промешкал... В последний в своей жизни раз. Маноло был бы доволен...

Глава 7

1

Только стрелков для полного счастья и не хватало! Со злости Диего отбил чужой клинок с такой силой, что столкнувшиеся шпаги даже не зазвенели – заорали. Налетчик подался назад, Диего ринулся следом, укрываясь за противником от свалившегося на голову стрелка, и едва не наступил на чью-то руку... Левша... Дьявол, это еще что такое?!

Седой не упустил случая атаковать заглядевшегося на неожиданный труп противника, Диего кошкой отпрыгнул к Адалиду.

– Святоша проклятый! – прорычало от дверей. – Я за Хиля... Я тебя за парней своими руками удавлю! Бернардо!.. Живым бери, живым!..

Пучеглазый вояка торопливо попятился, выходя из схватки. Мелькнули кусок постамента, неподвижное тело, поднимавший с пола шпагу монах, но любоваться на него

было некогда. Уцелевшие налетчики поперли вперед с удвоенным рвением. Невзирая на потери. Троица действовала до отвращения слаженно: двое – оцарапанный и раненый – пытались лишить маневра и подогнать к седому. Гончаки, чтоб их, ну да трое не шестеро! Диего налетел на чудом увернувшегося оцарапанного, проскочил к истукану и, укрывшись за мраморными ляжками, глянул на монаха. Тот ждал Бернардо, нелепо присев и зажав в кулаке эфес, словно палку... Да, такому бойцу либо сбежать, либо на чужой клинок напороться. Проклятье, должен же он помнить хоть что-то! Он же был дворянином.

Из-за Адалида выскочил оцарапанный, сделал резкий выпад, Диего не ответил, отпрянув влево, и вовремя! Седой с раненым уже выкатывались с другой стороны постамента. Шпага отвела клинок седого, его напарника пришлось просто отпихнуть.

Диего не целил локтем в рану, это вышло само собой. Грязная брань, раненый отлетает к покойнику, спотыкается, едва не падает. Оцарапанный прикрывает приятеля, а седой уже очутился с другой стороны и целит в открытый бок. Его придется прикончить, иначе не выбраться. Канальство, прикончить придется всех...

2

На рожу Бернардо легла тень сомнений, и Хайме чуть ли не услышал мысли своего убийцы – прикончить святошу было просто, но Арбусто велел брать живым. Противно, но что поделать...

«Голубок» с досадой покосился на дерущуюся четверку и занялся делом. Своих намерений он не скрывал, все равно монах в драке ни черта не смыслит. Вояка резко атаковал, заноса клинок, и Хайме ответил. Рука сама рванулась вперед, повторяя знакомый прием. Так было на тренировках, так было в Альконье.

Четкая защита перешла в удар, отбросивший шпагу врага в сторону. Перед чужими выпученными глазами блеснуло острие, отбить его Бернардо не успевал, как некогда не успел «белолобый». *На клинке вспыхнуло солнце, хрустнул под сапогами гравий, запахло пылью и кровью...* Кистевым ударом на обратном движении Хайме рассек кожу на лбу противника, хлынувшая потоком кровь залила глаза. Ослепленный отшатнулся, но больше ничего сделать не успел: прямой удар пришелся «голубку» в грудь, и пол вновь стал полом, а ночь – ночью.

Приходилось спешить. Хайме с силой рванул шпагу, кровавый фонтан превратил монашескую рясу в фартук мясника. Диего и трое противников скакали вокруг белого идола камлающими язычниками, Арбусто, утратив дар речи, сжимал и разжимал кулаки. Передышкой инкверент воспользовался в полной мере, умудрившись сорвать окровавленную рясу и вырвав из тела Хиля стилет. Хайме почти хотел, чтоб Арбусто озверел окончательно и схватился за шпагу. Почти, потому что не уснувший до конца разум услужливо напоминал о ранах и о том, что нечастых тренировок для такой зверюги не хватит. Недооценивать врага опасно, иногда смертельно. Что и доказал Бернардо, да смилостивится над ним Господь.

На полу что-то шевельнулось... Левша! Пытается подняться. Выстрел не был смертельным. Пули все-таки дуры, клинок надежней, а упавший может встать и ударить. Незачем рисковать...

– Наранхо, Фелипе! Монах... Ваше дело – монах!

Шпага Хиля пригвоздила недостреленного к полу. Что ж. Не всем дано быть Альфоркой. Хайме поднял шпагу Бернардо, и вовремя – Наранхо и Фелипе не мешкали. Арбусто тоже, но капитан выбрал Диего.

– Вы меня обижаете, сын мой!

– Дьявол! – взвыл дель Бехо, врезаясь в свалку. – Убирайся к дьяволу... Убийца!

3

Да, святой отец убивает, как благословения раздает... А вот и капитан собственной персоной. Красный как рак и лезет на рожон. Жаль будет, если опомнится. Налетчики против монаха не свидетели, убрал главного, и Протекта подавится...

– Сеньор не убийца? Тогда, может быть, дуэль?

– Много чести!

– Ну, была б она предложена...

Налетчики своей шкуркой дорожат, не то что де Ригаско, но как же мешает седой! Пока тут он и эти шавки, остается только плясать. От Адалида к камину, заколоченной двери, окну и назад... Лжеатака, поворот, подпустить, увернуться и снова обманка. Раз за разом. Ухмыляются и ждут честного удара. Его не будет! Только б не сообразили и не спутали порядок. Седой, шавки, капитан... Как на параде, а монах держится. Молодец!.. Вперед, Альконья!

Вот и альков – стол, кресла, тяжелая портьера...

– Капитан, вы так бледны...

Не отвечает, парирует низкий выпад, прет вперед, оттеснив поцарапанного. Пора! Широкое полотнище с треском срывается вниз и валится на седого, грозя захлестнуть и спеленать. Вояка не подкачал – прыгнул назад, что твой козел, сохранив свободу, но оторвавшись от стаи. Теперь – шавки!

– А, каналы! – Диего быком понесся вперед, целясь сразу в обоих, и парочка брызнула в разные стороны, открывая дорогу к вожаку. Тот еще мог отступить, увернуться, уйти в сторону, выгадывая время. Не захотел.

– Ублюдок!

Вряд ли он соображает, что творит, вряд ли он вообще соображает... Сильный встречный удар отшибает шпагу в сторону, но сам Арбусто летит вперед. На холодное острие: Диего успел отдернуть шпагу и направить ее в широкую грудь. Ты не был трусом, капитан. Но и мастером клинка – тоже.

– Дель Бехо убили! – Оцарапанный, какой же он громкий. Замирает на месте седой, хватается за голову раненый, один из противников монаха не выдерживает, оборачивается. И тут же валится на пол с кинжалом в спине.

– Убейте, – хрипит Арбусто, стоя на четвереньках, – убейте их!.. Его...

Рука слепо тычет в сторону монаха и падает. Следом утыкается лицом в пол сам капитан.

– Рауль! – воет оцарапанный. – Рауль!.. Ну их... К... дьяволу.

Раненый молча кивает, его бьет дрожь. Приятель подхватывает его под здоровую руку, волочет прочь.

– Рракалы! – выплевывает седой. Этот не уйдет! Теперь двое на двое. Теперь честно, теперь наконец все честно...

Не захотели ребята стоять до конца, что ж, это их дело. А твое – вот этот мастер. И ведь нипочем не скажешь, что он кого-то потерял. Движения уверенные, глаза не отрываясь следят за кончиком шпаги. И манера двигаться, да уж, видали... В Онсии учителей не так много, похоже, приятель, у нас есть общие знакомые. Жаль, узнать не придется, по крайней мере, на этом свете. Пошел по кругу, правая рука высоко, острие уставилось прямо в глаза. Вот и проверим, кто чего стоит!

Двое закружили по залу, обмениваясь выверенными ударами. Внимание и четкость, все решают они. Нельзя расслабляться, хоть бы и на секунду, нельзя отвлекаться на шум второй схватки. В этом мире есть только ты и противник, и вы в этом кружении равны. Усталость гасит быстроту, быстрота сдерживает опыт. Диего все еще быстрее, седой – опытнее. Кто ошибется первым? Или оступится? А может, дело решит победитель второй схватки или последний козырь – знания, которые есть лишь у одного.

Переход вправо, укол, хорошая у тебя защита... Моя не хуже! Похоже, просто так с тобой не справиться. Что ж, придется тебя удивить. Ты один из лучших в Онсии, налетчик, но бывал ли ты в Ромулье? В тамошних фехтовальных залах онсийцы в диковинку. Слишком

уж мы гордые, чтобы учиться у чужеземцев, а зря. У Басотто и Монте-Орро есть что перенять... Вот, смотри, я больше не двигаюсь, я устал... Что сделаешь? Не торопишься, молодец! Что ж, продолжаем танец.

Атака в лицо, потом в левый бок, мой ответ, отвод... Отступаю и снова встаю, даже руку опускаю, шпага уже не смотрит тебе в лицо. Ты наступаешь, я отхожу, пачусь все дальше и дальше. Ты забыл про кружение, ты гонишь меня в угол. Ну же... Наконец! Второй удар чуть длиннее, чем нужно, рука вытянулась, ноги отстали. Та самая «потеря дистанции», за которую Монте-Орро мне всю душу вымотал. Я не парирую, я просто колю навстречу, и ты ничего не успеваешь сделать.

На враз побледневшем лице – удивление и досада. Сколько раз ты любовался на чужие трупы, но всему приходит конец, приятель! Вот ты и столкнулся с неожиданностью, которая тебе не по зубам. Длиннорукий ромульянец был бы в восторге... Как же, торопыга-ученик наконец-то усвоил урок. А как там святой отец? Дерется...

Господи, ну и дела: государственный преступник убил двоих, а «слуга Божий» – четверых. Воистину Церковь наша есть воплощение кротости и милосердия.

– Дон Диего, вижу, вы освободились? Тогда будьте любезны закончить...

Часть третья Срок милосердия

*Доньидо
1587 год*

Глава 1

1

Ночь колыхалась мертвой зыбью, Мария то затихала, послушно закрыв глаза, то начинала извиваться и стонать, Бенеро подходил, смотрел, что-то говорил, брался за руку, считал удары сердца.

Инес не помнила, сколько раз смачивала губку и проводила ей по лицу, шее, рукам корчащегося существа, из-за которого она потеряла брата и может потерять сына. В перерывах между схватками Инья прислушивалась, но двери не пропускали ни звука, а Бенеро молчал. Он даже не удосужился передать слова Хайме, а ведь брат хотел переговорить именно с ней, иначе не стучал бы условным стуком.

– Сеньора, прошу вас. – Врач отошел к столу, и Инес послушно занялась притихшей Марией, с трудом сдерживая злые слезы. Еще вчера она была вольна выйти замуж, уйти в

монастырь, уехать в Ригаско, остаться в столице, это был ее выбор, теперь за нее решат другие. Брат, Торрихос, королева, то есть Фарагуандо. Для всемогущего духовника, при жизни прозванного «святым Мартином», разврат и ложь хуже убийств. Потерять все из-за изовравшейся дурочки и ее любовника – это ли не глупость?!

Кое-как взяв себя в руки, Инья поправила подушки и смочила губы Марии каким-то зельем. Роженица больше не отбивалась. И Диего она тоже не звала, и монаха, словно не было ни любви, ни души, только боль, что вычерпывает до дна, не оставляя сил ни на что другое. Даже на жалобы. Это Инес хотелось кричать, бросаться упреками, вспоминать, что в жизни пошло не так.

– Сеньора, можно вас на минуту?

Инес оглянулась. Врач стоял у камина, сосредоточенно разглядывая бронзовую вазу. Инес, не говоря ни слова, отложила губку. Бенеро угодил в эту комнату по ее милости, он был единственным, на кого она не имела права злиться. И все-таки злилась.

– У нас сложности, – объявил врач. Инес промолчала, хотя могла бы сказать много. Все-таки она не разучилась собой владеть – Бенеро ничего не заметил, хотя, возможно, он просто не любил капризов. Как и Карлос. – Самое большее через час, сеньора, нам понадобится горячая вода.

– Сообщите об этом моему братцу. Он подумает. Часа ему как раз хватит.

– Сеньор инкверент не велел открывать дверь, – предпочел не понять Бенеро, – мне кажется, у него были основания. Как я успел заметить, дон Диего вел бой, и отнюдь не с альгвазилами. Тем не менее вода нам нужна.

– И что? – глупо пробормотала Инья. – Я не понимаю...

– Я тоже, – потер лоб суадит, – но отпирать нельзя. Воду придется греть в камине, к счастью, здесь есть две подходящие вазы. Я разорву простыни, через окно спущусь во двор и наберу воды в фонтане. Вы сможете втянуть ее наверх и заменить меня, пока я ломаю кресла?

– Конечно. – Инес с сомнением оглядела внушительную фигуру собеседника. – Но за водой пойду я. Вас простыни могут не выдержать, и потом... Лучше схватят меня, чем вас. Для всех лучше.

– Вы умеете лазать по окнам? – Бенеро хотел быть уверен, что она сделает то, за что берется.

– Сумею! – Инес вздернула подбородок. – А вот рвать простыни придется вам.

– Сеньорита!.. Сеньорита, откройте... Это я! Да откройте же!

– Гьомар! – взвизгнула Инес и прикрыла рот ладошкой. Колотила в дверь камеристка, но кто стоял за ее спиной?

– Погодите, сударыня. – Бенеро что-то взял со стола и неторопливо направился к двери. – Кто вы и зачем...

– Меня прислал дон Хайме, – прошипело из-за розовых створок, – помочь велел. От сеньориты толку, что от кошки.

– Когда вы видели дон Хайме? – «Нечто» в руке врача оказалось чем-то вроде стилета.

– Да сейчас и видела, – донеслось из приемной. – С сеньором одним... Велел к вам с сеньоритой бежать.

– Вы уверены, что ко мне? Сеньор назвал вам имя?

– Да к вам... Ой, что ж это я?! Запаятовала из-за покойников этих... Валяются тут, а дон Хайме мне перво-наперво имя велел назвать. Иначе, говорит, не пустят. Вы Хон... Хо... Хонабена...

– Можете называть меня Бенеро.

Врач отодвинул засов. Разумеется, неспешно.

после боя. Сонно зашелестели тополя, пролетела летучая мышь. Ночь пахла народом и поздним жасмином. Неужели в Доньидо бывает так тихо?

– Никого! – Монах на летучих мышей не заглядывался. – Посмотрим, что на улице.

Брат Хуан искал своих альгвазилов, а Диего шел следом. Он честно пытался думать о том, что должен сказать, но мысли намертво прилипли к розовой двери, за которой осталась Мариита. Не во власти мужчины помочь женщине в ее главном труде. Можно только ждать и молиться, только много ли проку от твоих молитв? Не прошло и часа, как ты отправил к праотцам пару себе подобных, а сколько их было всего? Лоассцев, онсийцев, ромульянцев, хаммериан, мундиалитов, тех, кого ты знал, и тех, кого видел первый и последний раз? Донья Смерть танцует фламенко, и ты танцевал вместе с ней... Как ты посмел втянуть в эту пляску другую женщину? Слабую, одинокую, не способную себя защитить?

Если обойдется, он пойдет на все, чтобы Марииту не тронули... Ее? Их! Он опять забыл о ребенке, а ведь не будь его, нинье ничего бы не грозило.

– Дон Диего, – окликнул ушедший вперед брат Хуан, – посмотрите!

Еще один мертвец. Луна гладит надраенную кирасу, на усатой физиономии – непонимание.

– Бедный Гомес! – Монах опустился на колени и умело закрыл мертвые глаза. Лицо альгвазила сразу стало спокойным и значительным. – Вот что делает честность...

– Его убили? – Нет, ты решительно отупел. Такие дыры в горле сами собой не появляются.

– Гомес решил вернуться. – Импарсиалы глупых вопросов не задают и на них не отвечают. – Не сразу. Сначала поверил. Гомес знает... знал Арбусто, наверняка доложил все, как есть, а наш друг выслушал и спровадил альгвазилов в ближайшую таверну. И денег дал – смотрите...

Кошелек с мелочью и три новеньких реала... Для сержанта неплохие деньги.

– У него есть семья?

– Откуда мне знать?! – огрызнулся брат Хуан. – Хотя... Была у него семья! Видите кольцо?

Громко сказано. Не кольцо – колечко, но его не нужно скрывать. Почему Мариита упрямылась? Что ее держало в Доньидо? Ясно, что не богатство и не титул, она их боялась, она вообще всего боялась.

– Его убили совсем недавно. – Монах поднялся и теперь вытирал руки платком. – Остальные наверняка в какой-нибудь таверне у Панголы, а Гомес что-то вспомнил и решил вернуться. Он не был глупцом и трусом не был...

– Вас не затруднит передать кошелек вдове? Мне он вряд ли понадобится.

– Вы собираетесь умереть или уйти в аскезу? – холодно уточнил монах. Вот мы и начали разговор, брат Хуан. Или все-таки Хайме де Реваль?

– Я собираюсь предложить вам сделку. Я скажу все, что вам нужно.

– В обмен на защиту вашей любовницы?

– И вашей сестры.

– У импарсиала нет родичей, а судьба маркизы де Хенилья волнует меня лишь в той мере, в какой бросает тень на имя дона Гонсало. Чтобы ее спасти, одного вас мало.

– Хенилью убил я, Мариита ничего не знала.

– Допустим, но Орла Онсии не может убить любовник его жены. Это оскорбление для всех онсийцев. К несчастью, не считая меня и... герцогини де Ригаско, вас видел врач, четверо здравствующих альгвазилов и, самое малое, трое людей Арбусто. Я не знаю, куда они делись и что и кому успели разболтать, но здесь не место для разговора. Помогите мне отнести Гомеса в дом. Берите за плечи...

– Хорошо.

Тяжелое тело было теплым и гибким. Кажется, только сейчас бравый сержант пытался схватить преступника и остался без алебарды. Больше алебарда бедняге не понадобится. Как и деньги, кольцо, жена... Альгвазилов убивает отребье. И доблестные сеньоры из Протекты.

Монах, держа мертвеца за ноги, пятился назад. Замечательно, должно быть, они выглядят, хоть и не так, как в приемной Хенильи. Альгвазил мог быть еще жив, когда, переводя дыхание, они стояли друг перед другом.

Врагов больше не было, только тела на полу. Потом зашевелился капитан. Он пытался встать, выталкивая из горла какое-то проклятие, но слова сливались в непонятный, хриплый лай.

– Это ваши мертвец, – ледяным голосом произнес брат Хуан. Арбусто-дель-Бехо вновь захрипел. Он мог умереть через несколько часов или дней, а мог выжить. Врач сказал бы точнее. Диего поймал взгляд монаха, кивнул и потянулся за кинжалом...

Гомес дернулся, вырываясь из рук. Не стоит думать, когда несешь труп, и тем более не стоит вспоминать.

– Прошу простить, – извинился монах, перехватывая поудобней обтянутые вытертым сукном колени, – оступился... Проклятье!

– Я держу, – начал Диего и вдруг вспомнил это самое «прошу простить» и чашку со снадобьем у губ Марииты. Тень тополя упала на лицо монаха, закрыла темным плащом покойника. Они были возле самого дома.

– Кладите на ступеньки. Я открою дверь.

Это не первый мертвец в твоей жизни, дон Диего, и не главная твоя потеря, отчего же так муторно и так стыдно? Не перед монахом, перед альгвазилом.

– Я его внесу, только дверь придержите.

Гулкий вестибюль, еще не прогоревшие свечи, доспехи и гербы. У Гомеса нет герба, но он умер честно. Как и жил.

– Сеньор де Реваль, – глупо затевать такой разговор с убитым альгвазилом на руках, – я так и не объяснил, за что убил командора Сургоса и почему ждал пятнадцать лет.

3

Он ждал пятнадцать лет и только потом убил... Восхитительное начало, впрочем, и место подходящее. Уж лучше сейчас, чем в Сан-Федерико с Торрихосом и фидусьярами, да и свидетель из мертвого Гомеса хоть куда...

– Подождите. – Хайме с силой рванул очередную портьеру, разоряя еще и нижний вестибюль. Дон Диего спокойно принялся помогать; вдвоем они справились быстро. На алом бархате сержант в своей кирасе казался особой королевской крови. – Я вас слушаю.

– Сеньор де Реваль, – Диего подошел почти вплотную, – вы не хотите меня узнать?

– Вас? – Импарсиал честно взгляделся в чужое лицо. – Увы, желания не всегда совпадают с возможностями. Я вас не знаю.

– Вы ошибаетесь. – Убийца Хенильи замолк, словно подбирая слова, но пауза вышла недолгой. – Я – Леон-Диего де Гуальдо. Мы с вами встречались в Туторе-де-ла-Серроха почти семнадцать лет назад. Я был с отцом и дядей, вы – с герцогом де Ригаско. На следующий день вы одолжили мне коня. Это был гнедой трехлетка по кличке Пикаро.

– Вынужден вам поверить, – признал Хайме, не узнавая собственного голоса. Диего усмехнулся, шагнул назад, и все сомнения исчезли. Младший де Гуальдо не так уж и изменился, просто его появление было слишком невероятным, чтобы вспомнить.

– Теперь мы в равных условиях, – заметил убийца, словно не поставил только что весь мир с ног на голову. – Вы будете спрашивать или я буду говорить?

– Что означают ваши слова? – Привычка не выдавать удивления выручила и на этот раз. – Я имею в виду те пятнадцать лет, которые вы якобы ждали.

– Шла война... – Воскресший пожал плечами и присел на корточки спиной к мертвецу.

– И где же вы ждали мира? В Альконье или, судя по вашим вывертам, в Ромулье?

– Я неудачно выразился, – извинился де Гуальдо, – и не до конца представился. Капитан Диего Монтес к вашим услугам.

– «Пятеро из Байгеле»? – Узел стягивался все туже и все опасней, но грош цена

инкверенту, не желающему докопаться до истины.

– Представьте, – взгляд дона Диего стал жестким, – я мог убить Хенилью, когда он обнимал меня на глазах всей армии.

– Тогда вам не удалось бы сбежать.

– Вы всерьез так полагаете?

– Нет, черт вас побери! Вы – наглец, но не трус. Так почему вы отступились?

– Хенилья бил лоассцев, – ровным голосом объявил тот, кто был когда-то Леоном. – Что бы командор ни сделал со всеми нами, он был нужен Онсии живым. Я решил дождаться конца войны, ведь судьба могла распорядиться нами по-своему. Мог погибнуть я, – уверяю вас, я от смерти не бегал. Мог погибнуть командор. Смерть могла забрать и обоих, не забрала... У меня не осталось выбора, де Реваль.

– Я – брат Хуан, – зло поправил кто-то чужой голосом Хайме.

– Значит, дальнейшее вас не касается, – не стал спорить де Гуальдо. – Пока Мария не может подняться, я в вашем распоряжении, но память Альконьи принадлежит тем, кто дрался и выжил.

Больше он не скажет ничего. Инкверент повидал достаточно, чтобы это понять. Спасая любовницу, Диего возьмет на себя убийство и повторит любую чушь, но правду от него услышит только Хайме де Реваль и только сейчас. Другое дело, нужна ли она, эта правда, даже через годы обернувшаяся смертью.

Дон Диего молчал, его родичи тоже были неразговорчивы. Забавно, сдавшийся Святой Импарции преступник так и не отдал ни шпагу, ни кинжал. Когда сюда придут, будет не разобрать, кто у кого в плену. Когда сюда придут, спрашивать станет поздно... Что ж, многие знания есть многие печали, этим и успокоимся. Нужно думать о другом. О схватке с Протектой, в которой кто-то да останется без головы. Уцелевшие альгвазилы скажут правду, дон Диего солжет, а Пленилунья? Бросит на чашу весов все или откажется от Арбусто и его головорезов?

А может, сделать убийцей покойника? Капитан Арбусто-дель-Бехо по приказу вышестоящих убил слишком высоко взлетевшего Орла Онсии, а затем опять же по приказу усиленно ловил себя самого. Затем вдова растеряла добродетель, убийца об этом узнал и решил спрятаться за любовников. То, что успели заметить Коломбо и альгвазилы, этого не опровергнет. Леон – герой войны, лично обласканный Хенильей. Он мог нанести визит маркизе, это не преступление. Тогда вся вина Диего в неповиновении властям, сговоре с Инес и дурацкой записке, о которой знают только Торрихос и врач.

На таких позициях Импарция может дать бой Протекте, вернее, могла бы, потому что будут допросы. Диего выдержит, суадит скорее всего тоже. Остаются Инес и Мария, а Фарагуандо ненавидит зов плоти не меньше Коломбо. Насколько он благоволил к праведным вдовам, настолько он обрушится на грешниц. Инес еще можно представить жертвой, но Марию не спрячешь. Дурочка не из тех, кто способен молчать или врать, а Фарагуандо от личного допроса не откажется. Они все в западне, разве что Мария умрет родами, но тогда Диего будет свободен, и один дьявол знает, что он выкинет. Сбежит, скорее всего...

– Сеньор де Гуальдо.

– Я вас слушаю, святой отец!

Коломбо так и пропал, вряд ли надолго, но это надо использовать.

– Я хочу знать правду. Не как инкверент, как родич Карлоса. В конце концов, они с доном Гонсало лежат в одной церкви...

– Место дона Карлоса в Альконье.

– Так решил покойный король. Дон... – сейчас лучше звать его Леоном, – Леон, я не знаю, сколько у нас времени. Может, несколько часов, а может, и несколько минут. Если я без видимой причины вас перебую, не удивляйтесь.

– Я не буду брать с тебя клятву, – де Гуальдо зачем-то вытащил кинжал, – ты давно присягнул, хотя вряд ли об этом знаешь. Ты хорошо помнишь тот день? То, что было до

схватки?

– Да, – он и в самом деле помнит все: лопнувшую перчатку, испятнанную камнями дорогу, сужающих круги птиц, отцветающий шиповник...

– Вы приняли бой, потому что солдаты не успевали, а не успевали они из-за гонца. То есть из-за меня.

– Каждый может упасть с лошади, – Хайме уже ничего не понимал, – но при чем здесь Хенилья?

– Не знаю, – свел брови Леон, – я до сих пор ничего не знаю, потому что доехал до Сургоса и передал письмо. Из рук в руки. Мы сидели с командором в его кабинете, он угощал меня вином, потом предложил вступить в армию. Я отказался – де Гуальдо не покидают Альконью, вернее, не покидали до меня. Предложение Хенильи и вкус вина – последнее, что я помню. Я очнулся в холмах, со мной была хитана, рядом бился покалеченный конь...

– Ты бывал раньше у Хенильи? – Нужно убить в себе выжившего в бойне мальчишку и дать волю инкверенту. Тогда можно будет хоть что-то понять.

– Один раз, – без колебаний признал де Гуальдо. – Думаешь, я не пытался сложить черепки иначе? Они не складывались, как я их ни вертел. Я мог потерять память, мог на время сойти с ума, но я не мог выдумать лицо, которое никогда не видел. В бреду, если это был бред, был слуга. Он взялся поводить Пикаро. На вторую ночь после боя он пробрался в гостиницу, где меня положили, и попытался меня убить. Тогда я и подумал, вернее, не я, Мигелито. Помнишь его?

– Конечно. – Если б не высокий хитано, вместо брата Хуана было бы надгробие в Ревальской церкви. – Что с ним случилось? Я хотел найти тех, кто дрался, но адуар исчез.

– Из-за меня, – уточнил Леон. – Мигелито сходил туда, где меня нашли. Он искал следы. Там было несколько лошадей с королевскими подковами. Они пришли со стороны Сургоса, потоптались на месте и вернулись назад. Один конь до разворота был навьючен, его подковы отпечатались глубже, потом он освободился от груза. Скорее всего, от меня.

– Ты думаешь, что тебя опоили и бросили в холмах, не забыв покалечить лошадь, а потом на всякий случай решили убить?

– Так выходит. – Леон легко поднялся и, не выпуская кинжала, прошел к лестнице. Он не мог думать только о прошлом. Хайме тоже б не смог, будь у него женщина и окажись она в беде. Из страха за Инес он едва не потерял голову, а возлюбленные дорожке сестер. Должны быть дорожки! – Извини! – Де Гуальдо резко отвернулся от всё еще залитых светом ступеней. Сколько продлятся роды? Инья мучилась больше суток, но с ней ничего не вытворяли... – Я не узнал, чего добивался командор, – вернулся в прошлое Леон, – и я пришел к нему, чтобы спросить. Он опять меня не узнал. Сперва не узнал.

– Хенилья не мог быть в сговоре с «белолобыми», – пробормотал Хайме, – иначе это бы всплыло. Лоасс измен не прощает.

– Я тоже так думаю, – согласился де Гуальдо, – я видел командора в деле. Он воевал за Онсию, и он себя не жалел.

– И все-таки ты его убил.

– Это вышло случайно, но хитано назвали эту смерть судьбой.

– Как он умер? – Проклятая привычка вникать в мелочи, но если знать, то знать все.

– Командор не стал звать слуг, – Леон, словно вспоминая, прикрыл глаза, – он хотел меня убить, а я хотел знать, почему меня бросили в холмах. В том, что это сделал Хенилья, я больше не сомневался.

– Похоже на то, – кивнул импарсиал, – я бы тоже хотел знать, но мертвые не говорят даже в Сан-Федерико. Гонсало не сказал совсем ничего?

– Он обещал меня убить, а я хотел его ранить, но он споткнулся... На прощанье послал меня к дьяволу.

А чего ты ждал? Романса на двенадцать строф? Это не песня, это жизнь.

– Верно говорят, пошлют к дьяволу, найдешь женщину, – попробовал пошутить

Хайме. – Зачем ты совратил вдову? Хотел отомстить?

Дурацкая история без начала и конца, но выбираться из нее как-то надо. Командор давно мертв, Карлос тоже, а что делать с этим живым камнем? С Инес? С суадитом, наконец...

– Я готов поверить, – уточнил Хайме, глядя в бешеные глаза, – что затем ты влюбился.

– Я люблю ее, – невпопад ответил Диего, Леон или черт знает как эту каналью называть, – а так мстить... Мне бы это и в голову не пришло, но, конечно, я не монах.

– В таком случае ты недоговариваешь. Ты видел Марию до убийства. Если ты ее любил, то, расправляясь с мужем, не мог не думать о жене. О том, что она станет свободна.

– Хайме, – негромко произнес Леон, – а ты успел?

– Успел? – переспросил импарсиал, потирая виски – бессонная ночь и безумные откровения брали свое. – Что я должен был успеть?

– Полюбить. – Леон де Гуальдо вновь опустил на корточки у холодного камина. – Если нет, я тебе ничего не объясню... И никто не объяснит.

Глава 2

1

Гьомар, едва не опрокинув подвернувшуюся под ноги герцогиню, приволокла кипятилок, водрузила чан между креслом и постелью и чуть ли не вырвала из рук Инес чистое полотенце.

– Шли бы вы к дону Хайме, сеньорита, – объявила камеристка, – нечего вам на эту, прости Господи, глядеть. Мы с сеньором Бенеро управимся.

– Конечно, сеньора, – рассеянно пробормотал врач, протирая что-то похожее на две поварские ложки для переворачивания мяса в подливке. – Объяснитесь с сеньором инкверентом. Он этого заслуживает.

– Не собираюсь! – огрызнулась герцогиня, отступая от исходящего паром чана. Всем завладела Гьомар. Она и впрямь все делала лучше, не забывая при этом ворчать и причитать. Бенеро новую помощницу принял со всегдашним спокойствием, Мария вряд ли что-то соображала, и Инья стала никому не нужна. Оставалось не мешать, и она не мешала, но выйти к Хайме ее не заставят. Пусть братец сто раз прав, а Мария с любовником кругом виноваты, Хайме повел себя мерзко, хотя она тоже хороша! Нашла, ради кого рисковать будущим Карлоса... Это при покойном Альфонсе смотрели на человека, сейчас видят имя и добродетель, будь она неладна. Хенилья был последним, кто поднялся благодаря делам и славе, теперь не поднимаются, теперь падают, а она споткнулась, и сильно...

Взвизгнули дверные петли, и женщина невольно вздрогнула, но это всего лишь появился юнец. Тот самый, которому Мария отдала письмо. Надо было оттащить его к окну и расспросить о том, что творится в прихожей, но Инес отчего-то этого не сделала, и парень выскочил вон, держа на вытянутых руках ком грязного белья. Роженица вновь закричала, Бенеро раздраженно повел плечами, Гьомар плеснула горячей воды в откуда-то взявшийся кухонный таз.

Стоя у окна, Инья слышала стоны, бурчание служанки и редкие слова Бенеро. Сколько это продолжалось и сколько еще продлится, женщина не знала, но ночь все еще тянулась. Когда-то Карлос показывал ей созвездия и объяснял, когда они восходят, но годы вымели из памяти небесную науку. Ушло слишком многое, зато набившимся в туфли песком остались мелочи, они заносили память, хороня то, что и было жизнью. Мария коротко вскрикнула – не так, как раньше, что-то по-своему буркнул Бенеро. Он говорил, что часа через полтора начнется. Неужели они истекли? Наконец-то... Инес не звали, но она бросилась к алькову навстречу растущему крику.

Простыни были сброшены на пол. Гьомар придерживала Марии ноги, та корчилась и

вопила. Аквамариновые глаза стали красными и круглыми, словно у кролика. Неужели она была такой же? Но она почти не кричала. Не могла из-за Фарагуандо.

«Господь услышал наши молитвы. Род де Ригаско не будет прерван...» Так сказал духовник тогда еще инфанты, едва ли не сутки просидевший в углу комнаты. Она рожала, и все это время Фарагуандо был рядом. Он нес утешение, так потом говорили все. Инес тоже так говорила, но темная фигура под распятием пугала. Как же она хотела, чтоб павлианец вышел, она даже попросила об этом сначала врача, потом мать. Но врач не услышал, а мать испуганно замотала головой. Карлос бы ее понял, и Бенеро. Этот выставит хоть святого, хоть короля, впрочем, у суадитов нет ни тех, ни других.

Инья могла сто раз выйти или отвести взгляд, но зачем-то смотрела, вспоминая то, что шестнадцать лет назад творилось с ней самой. Волны боли, врача-ромульянца, расписанный нюнюфарами потолок, который то опускался, то уходил ввысь, и неожиданный кошачий писк. Она так и не поверила, что это закричал ее сын. Потом Карлос ни разу так не плакал, хотя спокойным его назвать было трудно...

– Ох ты! – вздохнуло рядом. Инес увидела закусившего губу парня и вдруг вспомнила его имя – Пепе. Пепе, уставясь в пол, забормотал молитву, Инес хотела последовать его примеру, но не могла оторвать взгляда от разворошенной постели.

– Тужьтесь, сеньора! Тужьтесь!

– Нет! – У нее не только глаза кролика, у нее кроличий взгляд!

– Тужьтесь!

– Тужься, кому говорят! – визжит Гьомар. Роженица мотает головой, она ничего не слышит и не понимает. Ничего! «Dominus tecum: benedicta tu in mulieribus», – звенит под ухом, и губы сами собой повторяют: «Et benedictus fructus ventris tui...» Неважно, что Мария врала, неважно, кто убил Гонсало, неважно, что думает Хайме, только бы обошлось!

Господи, сделай так, чтобы все обошлось с обоими – и с Мариитой, и с маленьким! Ты же дал мне Карлоса, помоги и этой несчастной дурочке... Она полюбила, а любовь не может быть грехом! Маленький неповинен ни в чем, так подари ему жизнь, Господи, и спаси от Сан-Федерико мать и врача...

– Идет, сеньор! Идет!

Бенеро молчит, но Инес видит измазанный слизью шарик... Шарик поднимается наверх и замирает, можно разглядеть слипшиеся волоски.

– Тужьтесь сеньора. Да тужьтесь же!

– Тужься! Слышишь, что сеньор говорит?! Святая Дева, ну и овца!

– Сеньора, старайтесь!

Не понимает... Даже кричать перестала, и глаза закатились. Неужели конец? После всего?! После того, что для нее сделали?!

– Мария! Да очнись ты! Вспомни Диего! Он ждет... Он же из-за тебя, и Бенеро...

– Диего, – в кроличьих глазах зажигается какая-то искра, – я хочу... Это из-за него!.. Все из-за него! Ай!

– Мария!

– Отставьте, сеньора, – сводит брови врач, – она больше не может. Утомилась.

– Утомилась?!

Не слышит. Смотрит на роженицу, а они с Гьомар смотрят на него.

– Гьомар! – Голос Бенеро был громким и резким. – Давите. Сверху! Вот так, поняли?

– Да, сеньор, – сквозь крик роженицы откликнулась служанка, нажимая обеими руками на верх живота.

Шарик чуть приближается и замирает, как застрявший в печной трубе котенок. По лбу Гьомар течет пот, губы роженицы искусаны в кровь, Бенеро что-то делает, но разве разглядишь...

– Не выродит, – пророчит служанка, – куда ей! Грешница слабосильная...

– Держи ноги, – рывкает Бенеро. – Щипцы, сеньора!

Инес сдувает к раскрытому сундуку. Никаких щипцов там и близко нет, но зачем-то

врач разглядывал эти ложки. Инес хватает обе, бросается назад. Бенеро вырывает одну из рук. Значит, она угадала, но кто додумался назвать этот ужас щипцами?!

– Держи! – это не ей, это Гьомар.

Инес замирает, сжимая вторую «ложку». Пепе под ухом в который раз бубнит «Pater noster». Гьомар держит задыхающуюся Марию, что творит Бенеро, можно лишь догадываться. Шаг вправо, и она увидит все, но ноги словно приклеились к ковру, а глаза – к напряженной шее врача. Лучше б Васкес написал разрушающего храм Самсона вот так же, со спины...

– Вторую! – не оборачиваясь, потребовал «Самсон». Инес торопливо сунула в окровавленные пальцы вторую железку. Ковер под ногами качнулся, перед глазами замерцало и тут же погасло, зато по затекшей спине побежали мурашки. Схватившись за горло, Инес следила за чужими руками, копающимися в женском теле, из-под которого расплывалось кровавое пятно. Такое не смоешь...

– ...ата, Адонай Элокейну, борэ аолам! – отчетливо произнес врач, на алое выпали темные сгустки, и Инес все-таки зажмурилась, пытаясь молиться, но знакомые с детства слова рассыпались порванными четками, а потом раздался тоненький писк, утонувший в крике Гьомар.

– Сеньор! – служанка таращилась на врача и на то, что он яростно тряс. – Что вы...

Писк повторился. Гьомар осеклась на полуслове и всплеснула руками.

– Возьми, – коротко велел Бенеро, сунув служанке то, что только что тряс, – обмой. Ей нужно тепло.

– Сейчас, сеньор. – Гьомар ринулась вперед, она еще никого так не слушалась. – Пепе, воду давай!

«Надо помочь, – приказала себе Инес, – я должна помочь. Поддержать, полить... Карлос кричал громче, но так же...»

– Гьомар, – герцогиня шагнула к суевающейся у таза камеристке, – я...

– Спорынью! – рыкнуло сзади. – Желтая склянка.

Инес в который раз за эту ночь отшвырнуло назад. Слава Господу, желтая склянка сразу бросилась в глаза. Женщина выхватила ее, едва не опрокинув две другие.

– Спасибо, – не забыл поблагодарить Бенеро, в руках которого что-то блеснуло, – теперь тампон. Помните?

Она помнила. Руки были заняты, ковер больше не качался. За спиной снова мяукнуло, на сей раз громче. Стукнуло железо о железо, налетела на помощника Гьомар, но все это было до безумия далеко. Настоящим были только раскрытый сундук, голос, требующий то одно, то другое, и жадные руки. Инес носилась от стола к постели, сама не понимая, как узнает все эти склянки и инструменты. Тошнота и дрожь прошли, остался лишь страх не понять, напутать, но она раз за разом угадывала. Сунув врачу очередной флакон, женщина замерла, боясь пропустить новый приказ, но Бенеро молчал, и Инес не выдержала.

– Сеньор, – окликнула герцогиня, – что я должна делать?

– Здесь – ничего. – Врач тяжело опустился на чистый край постели. – Вы вольны не говорить с братом, но там дон Диего. Он ждет. Скажите ему, что у него дочь... И что сеньоре лучше второй раз не рожать.

2

Монах как уселся вечность назад под портретом Марииты и командора, так и сидел, уставившись в пол. Называть седого человека в кресле Хайме де Ревалем у Диего не получалось даже про себя. Меняются все, не все умирают и рождаются заново в том же теле. Хайме не стал бы угрожать сестре Импарцией и не ударил бы в спину даже врага, а брат Хуан расхаживает со стилетом в рукаве и меняет ложь про мужчин на жизнь женщины. Спасибо, хоть отстал с расспросами о том, почему Леон де Гуальдо ушел с хитано, а не

побежал под хвост к де Ригаско и Альфоркам и каким образом Хенилья его не узнал... Можно подумать, сеньор инкверент узнал молоденького горца, которому одолжил коня, хотя импарсиал есть импарсиал. Туда идут не все, и идут, чтобы спрашивать...

– Дон Диего... Дон Диего, вы здесь?

Женщина в атласном платье и странной белой косынке держалась за дверной косяк, словно боялась упасть. Герцогиня де Ригаско... Обещала помочь и помогла, теперь его черед спасти сестру от брата, чем бы все ни кончилось, но почему она молчит? Цепляется за дверь и молчит... Ребенок родился мертвым, это ясно, а Мариита?!

– Сеньора, я понимаю, что... – Первые три слова прозвучали внятно, но дальше горло перехватило. – Кто из них? Скажите... Кто?..

– Девочка. – Женщина широко раскрыла обведенные темными кругами глаза.

– Значит... это была девочка? – Не все ли равно, кем он был, этот ребенок, если его... ее нет и не будет.

– Господи, какая же я глупая! – всплеснула руками вдова Карлоса. – Простите, я немного не в себе. Ваша дочь жива. Недоношена, но жива и будет жить. И с Марией все хорошо. Бенеро – волшебник или святой...

– Бенеро – суадит, герцогиня, – брат Хуан уже стоял рядом, – он не может быть святым. Роженица в сознании?

– Да, святой отец, – Инес де Ригаско и не думала скрывать отвращения, – но вряд ли вашими молитвами.

– Вы правы, – подтвердил монах, направляясь в спальню, – у меня были другие дела.

– Роженице нужен покой, – крикнула в сутуловатую спину герцогиня, – Бенеро говорит...

Брат Хуан, не снизойдя до ответа, скрылся в спальне, герцогиня рванулась следом. Мелькнуло платье, взвизгнула, захлопываясь, дверь, а Диего не мог сделать и шага. Он помнил, что у него дочь, а Мариита жива, знал, что из этого дома у него одна дорога – в Сан-Федерико, но даже это было не главным. Навалившаяся усталость заволокла прошлое и будущее тошнотворным чадом, мир стал смутным и неверным, словно покойный алыгвазил таки врезал нахальному сеньору по голове.

– Дон Диего, – кто-то тронул за рукав... Пепе! – Дон Диего, что с вами?

– Ничего. Пепе, я тебя прошу, что бы я ни сделал, не удивляйся. Понял?

– Понял, – сверкнул глазами внук Мигелито. – Пожалуйста реал, сеньор. У вас дочь!

– Лови! – Диего заставил себя усмехнуться и войти в спальню. Монах уже стоял у постели. Ничего, подождет.

– Мариита... Нинья, ты меня слышишь? Нинья!!!

На полу простыни, и сколько же на них крови... Когда Хесуса свалил бык, крови было меньше!

– Что с ней сделали? – Последний из де Гуальдо тупо смотрел на ставшее вдруг незнакомым лицо, пытаясь унять дрожь, которой у него отродясь не случалось.

– Вы не должны тревожить роженицу, – потребовал высокий человек с густыми бровями – врач, тот самый... – Отойдите. И вы, сеньор инкверент, тоже.

– Вы предпочитаете, чтоб ее потревожили в Сан-Федерико, – огрызнулся импарсиал, – и не только ее?

– Оставь ее в покое! – Де Гуальдо выкинул бы монаха в окно, но руку сжало, точно клещами. Суадит, черт бы его побрал, был крепким орешком!

– Хайме, – Инес, раскинув руки, уже стояла между братом и врачом, – уходи!

– Бенеро, – монах предпочитал не видеть сестры, – успокойте герцогиню и, если потребуется, дона Диего. Здесь не... сельская ярмарка.

– Хайме...

– Сеньора, покажите дону Диего его дочь. – Врач взял Марииту за руку, подержал и отпустил. – Сеньор инкверент, ее нельзя трогать самое малое до вечера.

– Вечера может не быть. – Хайме нагнулся над измученной ниньей, и Диего его не

отшвырнул. – Сеньора, один вопрос. Помните: солгав мне, вы солжете Господу и будете вовеки прокляты. Это ваш любовник убил вашего мужа?

– Диего не хотел, – прошептала Мариита, – он хотел узнать... почему дон Гонсало его отравил... Это было в Муэне. Давно...

– Довольно, сеньора. Вам в самом деле лучше отдохнуть. Дон Диего, герцогиня де Ригаско, нам нужно кое-что обсудить. Сеньор Бенеро, ваше присутствие тоже потребуется. Гьомар, ты справишься?

– Да, дон Хайме, но этот Пепе...

– Дон Диего, Пепе ваш человек?

– Пепе! – Они исполняют все, чего бы ни потребовал монах, но Марииту в Сан-Федерико не запретят! – Слушай Гьомар. Понял?

– Ага...

– Что за этой дверью, – осведомился брат Хуан, – будуар?

– Да, – вздернула подбородок Инес, – монаху здесь не место.

– Импарсиал видит лишь то, что требует его долг, – отрезал инкверент, подтвердив, что Хайме де Реваль мертв, и мертв безнадежно. – Прошу вас, сеньоры.

Когда он впервые переступил этот порог, была осень. Нинья сидела у зеркала с гребнем в руке, но не смотрела на свое отражение и не трогала волос. Незванный гость не сразу понял, что женщина плачет. Тихо, безнадежно, устало...

– Если угодно, я впервые говорил с маркизой де Хенилья в этой комнате. Это было через два месяца после смерти ее... супруга.

– Это больше не важно. – Монах, поморщившись, опустился на бархатный пуф. – Сеньора де Ригаско, вы совершили очень большую ошибку, разыграв похищение. Вам следовало или не вмешиваться, или написать мне обо всем.

– Чтобы ты нас выдал или оказался моим сообщником? Неужели ты не понимаешь: я должна была помочь, и я не могла тебя втягивать...

– Последнее вам удалось с блеском, – усмехнулся брат Хуан, – увы, сеньора, вам предстоит побыть жертвой несколько больше, чем вы рассчитывали. Дон Диего – я предпочитаю вас и дальше называть этим именем, – вы помните, о чем мы договорились?

– Да, – губы не хотели шевелиться, но Диего их все-таки заставил, – я дам те показания, которые вам нужны, но нинью... маркизу де Хенилья никто не тронет.

– И маленькую, – с укором добавила герцогиня. Странно, у брата глаза черные, а у нее голубые. – Я позабочусь о девочке, Хайме.

– Как вам будет угодно, – равнодушно согласился брат Хуан. – Спасти маркизу можно лишь одним способом. Она должна исчезнуть. Немедленно и навсегда.

Если б импарсиал вытащил из кармана хаммерианский колпак и водрузил бы на голову, Диего удивился бы меньше. Впрочем, удивиться больше после побоища у ног Адалида тоже не вышло. А вот герцогиня онемела. В отличие от врача.

– Женщина потеряла много крови, – озабоченно объявил суадит, – ее нельзя трогать еще несколько дней.

– У нас нет времени, – жестко сказал брат Хуан, – или Мария де Хенилья исчезает вместе с похищенной герцогиней де Ригаско и похитителями, или она остается в Доньидо, а я умываю руки. Сейчас, если верить звездам, не больше трех утра. Дон Диего, у вас есть четыре часа и, надеюсь, сообщники посерьезней Пепе и его братца.

– Сеньор, – имя суадита, как назло, выскочило из головы, – Мария переживет дорогу?

– Она пережила большее, – недовольно произнес врач, – я опасаюсь горячки, но Он милостив. Если роженицу нельзя оставить здесь, ее следует перенести в безопасное место.

– Хайме, – герцогиня не выходила дальше приемной и не видела могильника, в который превратился особняк командора, – неужели нельзя оставить девочку в покое?

– Нет, – устало повторил монах. – То, что мы сейчас одни, было бы чудом, не будь оно преступлением. Капитан Арбусто решил перехватить добычу и отослал альгвазилов, но в семь утра придет смена.

– Их можно отослать или не пустить.

– Как вы себе это представляете? – пожал плечами брат Хуан. – Святая Импарция знает о похищении герцогини де Ригаско. Альгвазилы видели дона Диего и смогут присягнуть, что он – любовник маркизы. Боюсь вас огорчить, но слуги Хенильи не были слепы. Кто-то из них наверняка «исповедовался» покойному Арбусто дель Бехо. Разогнав камеристок, вы, по сути, подали сигнал. Ныне покойный капитан Протекты решил, что пришел его час. В известном смысле он оказался прав, час его действительно пробил, но свое дело Арбусто сделал. Этот костер не затоптать, Инес, даже не думай. Смерть альгвазила, смерть капитана Протекты и его сообщников, похищение герцогини де Ригаско, похищение из Сан-Федерико врача-суадита, грех маркизы де Хенильи... Этого слишком много, даже если забыть про убийство Гонсало.

– Зачем же о нем забывать, – напомнил о себе Диего, – это сделал я...

– И про это знала ваша любовница, вдова Орла Онсии...

– Об этом никто не узнает.

– Об этом узнает любой, кто станет допрашивать маркизу. Мария не из тех, кто может молчать.

– Она же больна! – Инес почти кричала, сжав кулаки. – Пусть спрашивают меня, я выдержу.

– Ты не выдержишь, – лицо брата Хуана стало безжалостным, – возможно, выдержит дон Диего и почти наверняка – Бенеро. Если сочтет нужным рисковать ради вас головой, но не ты, не Гьомар и не Пепе. Только ваши показания ничего не изменят. Начнут с маркизы, и она расскажет все, что знает, и больше.

– Ты не должен этого допустить, – потребовала Инес. Она все же была потрясающей женщиной, эта герцогиня. Ею нельзя было не восхищаться, но полюбить такую трудно.

– Импарция еще может сказать «нет» Протекте, но не ее величеству, – инкверент наконец-то посмотрел на сестру, – маркизу осмотрит королевский врач, и все станет ясно. Не хочу тебя пугать, но вдова Хенильи, как и вдова де Ригаско, кстати сказать, должна быть добродетельна...

– Прошу меня простить, сеньора. – Все уже сказано, спорить не о чем, нужно уходить. – Брат Хуан прав. Мы уйдем.

– Я не желаю знать, где вы будете, – де Реваль с видимым усилием поднялся. Если б Диего не видел, как монах уложил четверых налетчиков, он бы счел его безобидным, – но если кому-то придет блестящая мысль про площадь Аурелио, имейте в виду: Пленилунья не упустит случая порыться в чулках герцогини де Ригаско и порасспросить слуг. Ваше присутствие окажется для него приятным сюрпризом.

– Слуги ничего не знают, – торопливо сказала Инес. – Только Гьомар...

– Гьомар домой не вернется, – отрезал Хайме, – когда все стихнет, отправишь ее в Реваль.

– А что станешь делать ты? – Голубой взгляд столкнулся с черным. Брат-инкверент глубоко вздохнул и потер висок.

– Дождусь альгвазилов и отправлюсь с докладом к Торрихосу. Если вас не найдут, убийцей Хенильи станет капитан Арбусто и его сообщники. Маркиза де Хенильи останется добродетельной вдовой, а герцогиня де Ригаско – невинной жертвой.

Сеньор Бенеро, не думаю, что вам хочется возвращаться в Сан-Федерико, особенно сейчас. Я бы посоветовал вам Миттельрайх. Насколько мне известно, Герхарда Ротбарта волнует лишь одно – насколько ему полезен тот или иной гость. К тому же по имперским законам доносчик обязан дать подписку и представить ручательство, что в случае недоказанности обвинения сам будет наказан и возместит обвиняемому убытки, а судья, начав дело, под угрозой штрафа должен его окончить в течение лунного месяца.

– Я понимаю язык Миттельрайха, – объявил суадит, – но я еще не готов оставить роженицу и ребенка на произвол судьбы.

– Это ваше дело, – поморщился монах. – Дон Диего, вы обещали одно, но предстоит

вам другое. Уберечь славу Онсии.

– Хорошо, – это слишком дешево и слишком дорого. Сохранить жизнь и Марииту и заплатить даже не совестью – памятью. В Альконье выжило двое, один спросил и не получил ответа, второй приказывает забыть. Де Реваль прав, Хенилья – слава Онсии, а славы с пятнами не бывает.

– Хорошо, – повторил последний де Гуальдо, – я не позволю бросить тень на славу Онсии. Слово чести.

3

Они уходили долго, но наконец-то ушли. Превратившийся в дона Диего Леон де Гуальдо, невозмутимый суадит с роженицей на руках, две женщины в одинаковых мантильях и внук Мигелито, о котором Хайме так и не удосужился расспросить. С сестрой он тоже не попрощался. Инья прижимала к себе сверток с ребенком и оглядываться не желала, оно и к лучшему.

Хайме зачем-то проводил уходящих до дверей, велел приотставшей Гьомар приглядывать за сеньоритой и чуть ли не на четвереньках потащился назад. Возмущенное ночными издевательствами тело предъявило ультиматум, но брат Хуан не собирался падать на оскверненное супружеское ложе и стонать, тем паче что оно было не в лучшем состоянии. Закусив от боли губу, инкверент опустился на колени рядом с невозмутимым Гомесом и прочел положенную молитву. Капитан Арбусто и его приятели отправились к дьяволу без напутствий Святой Импарции, но без поклонов не обошлось и здесь.

При капитане обнаружились ключи. Пришлось проверить, ключи, как и следовало ожидать, были от дома. Выходить на улицу и отпирать еще и калитку брат Хуан, памятуя о Коломбо, не рискнул. Если фидусьяр заметил их с Диего во время ночной «прогулки», никуда не денешься, но в доме Коломбо делать сейчас нечего. Хайме вернул ключи на место, добавив от себя изъятую у Гомеса печать Алькальдии и предусмотрительно прихваченную в доме Бенеро скляницу, часть содержимого которой перекочевала в стакан. Покинув снаряженного в последний путь Арбусто, Хайме позаимствовал у его приятеля синаитский кинжал и всадил в тело стрелка, скрывая след от стилета. Осталось избавиться от окровавленной рясы и кучи грязного белья, и брат Хуан поплелся в тайник, из которого выскочил де Гуальдо.

Узкая крутая лесенка переходила в низкий, облицованный камнями ход: роженицу не пронести, но тюк с грязными тряпками – вполне. В левый висок кто-то раз за разом тыкал тупым стилетом, легким не хватало воздуха, но Хайме как-то выбрался в тот самый двор, где они пререкались с Пепе. Паршивец не врал – ключей от особняка у него и в самом деле не было, суадита должны были провести напрямик в спальню, но не раскрывать же тайну страшному импарсиалу!

На всякий случай Хайме до рези в глазах вгляделся в небесную бездну. Луна, звезды, пара летучих мышей – и все! Обычные голуби ночами спят, но для фидусьяра нет ни ночи, ни дня. Фидусьяр не боится. Фидусьяр не лжет. Фидусьяр не покидает импарсиала, пока тот жив... Как же! Очередная сказка для неофитов вроде распознанного зла и разбитых наваждений. Разумеется, дьявольских... Белокрылый распознаватель, надо полагать, уже в Сан-Федерико с очередным доносом о великом зле и сговоре с суадитом. Ну и пусть его, тут уже ничего не поделать, а вот где сбежавшие «голубки»? В Протекте или у городской заставы? Хайме поставил бы на заставу. Без Арбусто вломившимся в дом Хенилья головорезам не выкрутиться, разве что среди них затесался доверенный шпион Пленилуньи, но это вряд ли.

Заброшенный двор сверкнул кошачьими глазами, сухо зашелестела перезревшая трава. Дом заперт, но синаиты не живут без земляных печей для своих лепешек... Печь отыскалась сразу, темное жерло послушно поглотило дурно пахнущий ком, и Хайме побрел назад. Лестница за время его отсутствия выросла раз в десять и стала еще круче, но импарсиал как-

то выбрался наверх и задвинул панель. Если альгвазилам не придет в голову простукивать стены, не найдут, хотя Торрихосу придет наверняка.

Окно было приоткрыто, но в спальне все еще пахло лекарствами и хлебом, пришлось спускаться во двор за лилиями. Мясистые стебли с хрустом ломались, и без того разламывающуюся голову кружил сладкий аромат. Запах цветов забьет смрад болезни... Какой образ, жаль он не Ламас и не Бласко де Парра.

Охапка лилий и свежие простыни до неузнаваемости преобразили опустевшую комнату. Если б не кровавые пятна на перинах, можно подумать, что ты в обители чистоты и невинности, хотя кровь не всегда означает грех. Даже в женской спальне. Белые живые звезды заволакивали, искушая не хуже десятка бесов, но брат Хуан не поддавался, как не поддавался никогда. Инес считала его упрямым, мать – жестоким, а он просто делал то, без чего не обойтись, даже если мучительно хочется все бросить и уйти.

Розовая дверь негромко хлопнула, в свете почти прогоревших свечей блеснула позолота. Кажется, он ничего не упустил, разве что Гомес... Как он здесь оказался, понятно – убийцы опасались патруля, вот и убрали покойника с глаз долой, но сложенные на груди руки и закрытые глаза? А, ладно!.. В конце концов, налетчики тоже мундиалиты, могли сделать это по привычке, а вот перебитых в драке обихаживать некому.

Мертвецы смиренно лежали у ног Адалида, стакан с суадитским зельем тоже стоял, где поставили, – ждал. И дождался.

На вкус настойка была терпкой и чуть вяжущей, наверное, она должна была лечить, но кто сказал, что смерть одного не бывает лекарством для многих? Хайме разжал пальцы. Стакан с остатками зелья покатился по полу, налетел на цоколь статуи и замер. Импарсиал вынул стилет, провел пальцем по безупречному лезвию и с силой отбросил к камину. Он пытался защищаться, но ему выкрутили руки и заставили выпить отраву, а дальше – дело Торрихоса. Кардинал пригнал сюда альгвазилов, он опередит Пленилунью. Должен опередить, иначе слишком многое пойдет прахом.

Свечи догорали и гасли одна за другой, темнота исподволь заполняла зал, в окно с оборванной портьерой глядели девять звезд Большой Волчицы, в Миттельрайхе их называют Оборотнем... Не человеком и не зверем, лунными ночами разрывающим горло тем, кто днем был соседом, другом, родичем... Дон Гонсало тоже оказался оборотнем, но почему?!

Голова больше не болела, только кружилась, уцелевшие огоньки расплывались звездами на воде, важно мерцал белый мрамор. И как он сразу не заметил, это же не Адалид! Крест в окружении роз²⁰ ничего не значит! Это Хенилья в чужих доспехах стоит и смотрит. На измену жены, на чужую смерть, на свою... Человек умер, остались статуя и слава. Не краденая, о нет, но замаранная.

– Почему ты позволил нас убить? – вслух произнес Хайме. – Ты не хаммерианин, не лоассец, так почему?! Именем Господа, отвечай!

Глупо, но умирающий не обязан быть умным. Умирающий вправе требовать ответа у мертвеца, у камня, у самого Сатаны!

– Гонсало де Хенилья, – бросил Хайме в надменное мраморное лицо, – я, брат Хуан, смиренный монах ордена Святого Петра и инкверент Постоянного Трибунала Святой Импарции, опираясь на показания доброго мундиалита и верного подданного ее величества, обвиняю тебя в покушении на жизнь Леона де Гуальдо и государственной измене, повлекшей за собой гибель герцога де Ригаско, маркиза Альфорки, капитана Доблехо, сеньора Лиханы, семейства де Гуальдо, а также до двух десятков добрых онсийцев и хитано. Именем Святой Импарции приказываю тебе явиться в распоряжение трибунала и оправдаться, если у тебя есть оправдания. Назначаю тебе срок милосердия в пятнадцать дней от момента прибытия судей. Нет... Назначаю тебе явиться в день Пречистой Девы Муэнской. Ты вправе назвать своих личных врагов и отвести их показания. Отвечай!..

²⁰ Герб Адалида – крест в окружении роз.

Мрамор остался мрамором, он молчал, а вокруг звенела жаркая темнота, становясь невыносимой. Ноги отказывались держать, глаза – видеть, во рту пересохло, а пришпоренное отравой сердце споткнулось, пропустив удар, и вновь принялось бешено колотиться...

– В день Пречистой Девы Муэнской, – громко повторил Хайме и потащился прочь, не желая упасть к ногам оборотня.

Глава 3

1

Над звездной водой наискось метнулась птица. Не Коломбо – много больше... Хайме попытался проследить полет, но нестерпимый свет вынудил опустить глаза. Сапоги для верховой езды покрывала белая пыль, чудовищный зной разогнал все живое, но ждать было нечего, а прятаться – негде. Хайме смахнул со лба пот, зачем-то вытащил шпагу и побрел вверх по выгоревшему склону, обходя раскаленные камни. Его била дрожь, ноги подкашивались, сердце то отбивало бешеный ритм, то замирало, словно танцор фламенко, но инкверент упрямо поднимался туда, где малиновым костром полыхал одинокий шиповник. Отчего-то было очень важно до него дойти; что будет потом, Хайме не загадывал, просто переставлял налитые свинцом ноги. Путались в засохших вьюнках шпоры, сжимавшая эфес рука горела огнем, но бросить шпагу было столь же невозможно, как остановиться или повернуть.

Хайме поднимался, обходя камни, и камни эти за его спиной становились мертвецами в белых колпаках. Он видел и себя, одиноко ползущего от валуна к валуну, и раскаленные холмы, меж которыми желтоголовицами струились пустые тропы, и застывшее в вековом бреду озеро... Тот, кто смотрел, знал, что это и есть смерть, тот, кто шел, помнил одно – дойти, и он дошел. Его ждали. Из пропыленных зарослей выступили смутные фигуры. Семеро рыцарей в тяжелых латах замерли на склоне, устало опустив руки. Еще трое спустились к доцветающему кусту. Эти были без доспехов: худой пожилой сеньор с острой седой бородкой и двое знатных охотников. Первый слегка хромал и опирался на древко рогатины, второй сжимал в руке пистолет...

– Ну наконец-то, – фыркнул Доблехо. Он был мертв почти семнадцать лет, как и Альфорка, и сеньор Лихана, – вспомнил... С тебя причитается.

– Да, заставил ты себя ждать, – согласился Маноло, – а Карлоса куда дел?

– Карлоса? – не понял Хайме. – Он же... Он должен быть с вами.

– Вот именно, – брюзгливо протянул Доблехо, – но его нет. Так мы идем?

– Вы можете убрать шпагу, – вмешался доселе молчавший Лихана, – за рекой все спокойно, и мы вольны отлучиться. Разумеется, если ваше приглашение остается в силе. Я понимаю, что могли возникнуть определенные обстоятельства...

– Да какие там обстоятельства, – начал Альфорка и внезапно свел брови. – Что это на тебе? С ума сошел?

– Монах! – дернул щекой Доблехо. – Какой уж тут праздник...

– Значит, вы не вступили в полк? – вежливо осведомился дон Луис. – Печально...

– Не смог. – Хайме попробовал вложить шпагу в ножны, но ножен не оказалось.

– Положи ее, – посоветовал Маноло, – и скажи наконец, что на вас с Карлосом нашло? Один пропал, другой в рясе шляется.

Если это рай, что здесь делать самоубийце? А в аду не место спасителям обители. Значит, это предсмертный бред, но шпагу он не положит.

– Я стал монахом, потому что не могу воевать, но это не повод бросать оружие. К сожалению, я умираю и потому не смогу сдержать свое обещание...

– Отговорки, – отмахнулся Доблехо, – причем глупые.

– Смерть – еще бо́льшая глупость, чем монашество, – сверкнул глазами Маноло, – шел

бы ты, братец, назад и занялся делом.

– Да, сеньор де Реваль, – согласился Лихана, – умирать следует, лишь когда нет другого выхода, иначе это слабость.

– Если нет другого выхода, это не смерть. – Маноло знакомым жестом погладил пистолет. – У тебя есть другой выход?

– У меня – возможно, у других – нет.

– Решать за других очень опасно, – вздохнул дон Луис, – но, увы, иногда необходимо. Вы уверены, что предусмотрели всё?

– Тебе пора, – вмешался Доблехо, – мы заболтались, а возвращаться всегда труднее. Оставь шпагу, монах.

– Да, дон Хайме, – заторопился и Лихана, – поторопитесь, но не в ущерб осторожности.

– Хорошо, – коротко произнес Хайме, пытаясь повернуться, но клинок путался в ветвях, то ли норовя вырваться, то ли желая задержать хозяина. Несколько малиновых лепестков слетело к ногам спорящих, сверкнуло на стали солнце, вдали, там, где холмы переходят в равнину, проехало двое всадников на мулах. Ночью будет гроза. Тот, кто смотрит, это знал, он многое помнил и еще больше предвидел, но только не исход странной встречи.

– Крест равен мечу, – вздохнул пожилой сеньор, – он не может уйти... И он не может остаться.

– Пока не решит. – Охотник с пистолетом положил руку на плечо полуседого человека в монашеском балахоне. – Кто ты? Хайме де Реваль или уже нет?

– Монах уйдет, – добавил второй охотник, – воин останется.

– Я – это я, – откликнулся тот, кого спрашивали. Чтобы обойти кусты, ему пришлось поднять шпагу. Рука дрожала, но человек шел, переступая через мертвецов, становящихся камнями. Цвел шиповник, болела рука. Он натер ее, когда сбрасывал валуны, чтоб загородить дорогу. Зачем он это делал? Белесый небосклон прорезала черная тень. Коршуны... Они видели, как идут «белолобые», и видели бой. Карлос принял бой, потому что Хенилья опоздал... Нет, не опоздал, он нарочно промедлил, потому и убил де Гуальдо, хотел убить!

Хайме де Реваль бросился назад. На этот раз ноги сами его несли, а вьюны не цеплялись за шпагу.

– Хенилья тут?!

– Нет, он не приходил.

– Но он мертв, как... – как же им сказать, что они мертвы, лежат у той самой дороги, по которой не прошли хаммериане?

– Мы не мертвы, – усмехнулся Альфорка. – Зачем тебе Хенилья?

– Он не пришел, потому что не хотел. Де Гуальдо... Младший де Гуальдо довез письмо, но командор сделал вид, что ничего не было. Он попытался убить гонца, но не вышло. Спустя много лет Леон его нашел. Они дрались, Хенилья налетел на шпагу, но так и не ответил.

– Ответит, – чужой голос и вместе с тем знакомый. Высокая, закованная в сталь фигура выступает вперед. Забрало опущено, латная перчатка сжимает меч, на щите белое солнце и черная птица с алыми отметинами.

– Ответит, – эхом откликается девичий голос. – Найди и спроси. Мы ждем, мы должны знать!

– Спрошу, – обещает Хайме де Реваль друзьям, невидимой девушке, вьющемуся над головой коршуну, и знойное марево оборачивается рябью на воде, шуршат тростники, на серый камень присаживается глазастая стрекоза.

– Скажи Карлосу, – доносится издалека голос Маноло. – Пусть тоже знает...

– Скажу, – обещает Хайме. Он скажет, как бы глупо это ни выглядело. Если успеет. Если позволят... Поднимается ветер, озерные волны мерно бьют в берега и шумят, шумят, шумят...

Плеск воды неустанный и монотонный... Это не волны, это не могут быть волны, больше похоже на родник или на фонтан. Откуда в Альконье фонтан? Откуда в Альконье лилии, ветер и вода? А струи все журчат, негромко, но навязчиво... Если рядом ручей, почему так хочется пить?

– Потому что сухость во рту – следствие совершенной вами глупости, – недовольно объявил фонтан. – Лежите. Особенности вашей раны не позволяют слишком быстро подниматься.

– Зачем вы вернулись? – Хорошо, что можно не вставать, и плохо, что ничего не вышло. Добрыми намерениями выслан путь в ад, и не только в свой собственный.

– Выпейте. – Вместо ответа Бенеро протянул знакомый стакан с незнакомой жидкостью. – Это тоже яд, но в вашем случае он ослабит действие атлинии. Если б Трацибула отравили не ею, а цикутой, вы бы приняли цикуту?

– Я бы принял то, в чем уверен. – Плеск фонтана и запах лилий усыпляли, но времени на сон не было. Времени не было ни на что – ночь безнадежно кончалась. – Вы здесь один?

– Разумеется, – холодно подтвердил врач. – Насколько я помню, христиане, вне зависимости от того, какой Церкви они принадлежат, почитают самоубийство грехом величайшим и непростижимым?

– Как и суадиты, – попробовал усмехнуться инкверент. Бенеро нужно прогнать и сосредоточиться на деле, но если он замолчит, то упадет и уснет. – Если вы тут, то дайте что-нибудь, чтоб я не засыпал.

– Вы приняли все, что нужно, – осчастливил врач, – возбуждающие средства в неумеренных дозах вредны для сердца.

– Я должен прийти в себя, – потребовал Хайме, – а больше, чем мне навредили вы, мне не навредит даже Пленилунья.

– Сонливость скоро пройдет, – пообещал Бенеро. – Можете сесть, только прислонитесь к бассейну.

Хайме сел, голова казалась тяжелой и горячей, словно в нее налили кипящей смолы, сердце продолжало пляску, но мысли начинали потихоньку проясняться. Бенеро пристроился рядом у розового куста, он вряд ли соображал, что натворил. Будь Бенеро христианином, его можно было бы назвать блаженным.

Хайме запрокинул лицо к бледнеющим звездам. Если б не суадит, он бы их не увидел. Если б не суадит, волос, на котором висят слава Хенильи и жизнь Инес, был бы толще.

– Оборотень ушел, зато Колесница в зените. – Кому он это говорит, себе или врачу? – Вы сделали свое дело, а теперь уходите. Мне, в отличие от маркизы де Хенильи, родильная горячка не грозит.

– Несомненно, – не пожелал принять шутку суадит. – Но я хочу увериться, что вам не грозит цикута, мышьяк и иные заболевания подобного рода. Вчера вы взяли с меня клятву, теперь ваша очередь.

– Вчера вы предпочли отправиться на костер, лишь бы не делать того, о чем вас просили, – огрызнулся Хайме, – почему вы отказываете в этом праве другим?

– Потому что жизнь – величайшая из ценностей и величайший из долгов, – отрезал врач. – Нам не дано знать, для чего мы пришли и когда уйдем. Можно предпочесть смерть тому, что еще более неприемлемо, но не оборвать нить жизни, ведь на ней подвешены и другие судьбы.

– Вот именно, – поморщился Хайме. Времени для бегства в смерть или на чужбину почти не осталось, но де Реваль не собирался ни умирать, ни бежать. Есть замыслы, которые осуществляют или сразу, или никогда, у него не вышло. Что ж, примем это как данность и пойдем до конца.

– Я думал о настойке мака, – внезапно произнес Бенеро, – стоял у окна, ждал

альгвазилов и думал о синем пузырьке с резной крышкой. Один раз я взял его в руки. Вчера я сожалел, что выплеснул свою смерть в золу, положившись на волю Его. Сегодня я в ужасе от того, что, убив себя, убил бы роженицу и ребенка. Не сочтите за хвастовство, сеньор, но врач-мундиалит был бы бессилён.

А ведь окажись Бенеро не столь упрям, ничего бы не случилось, кроме смерти родами позабывшей свой долг вдовы. Инес спокойно спала бы в своей постели, а он бы негодовал на опозорившую Орла Онсии мерзавку и бегал наперегонки с Арбусто... Хотел бы Хайме де Реваль вновь стать братом Хуаном и ничего не знать ни о Хенилье, ни о собственной сестре? Нет, не хотел бы.

– Вы забыли вашего покорного слугу, без вас я бы тоже отправился к праотцам.

– Я помог вам быстрее прийти в сознание, и только, – свел густые брови суадит. – Не знаю, почему вы не умерли: принятого вами яда хватило бы на троих.

– Предпочитаю действовать наверняка, – усмехнулся Хайме, заставляя себя подняться. Как ни странно, это удалось с первой попытки.

– Врачи и солдаты чаще всех сталкиваются с невозможным. – Суадит внимательно смотрел на собеседника. – Но что есть невозможное, если не высшая воля? Кто из нас вправе ее подменять, определяя, кому жить, а кому – нет? Мне известны случаи, которые я почитал безнадежными, но вопреки моей науке у больных наступало улучшение. Вы страдали припадками падучей после удара по голове?

– Да, – не вдаваясь в подробности, бросил Хайме.

– Вам сказали, что это навсегда, но через два или три года приступы прошли.

– Да, – и после этого он сунулся к Пленилунье, а оказался в Импарции с Коломбо на плече.

– Болезнь не вернется, вернее, она проявляется иначе. Я могу дать вам несколько советов...

Не понимает или не желает понимать, что советы врача ему вряд ли пригодятся?

– Вы лучший врач, чем я монах. – Пора кончать разговор, первый разговор за семнадцать лет, который хочется вести вечно. – Впрочем, я стал импарсиалом потому, что не мог быть солдатом. Мне сломали крылья, я пустил в ход клюв и лапы, но остался коршуном... Сеньор Бенеро, я прошу вас уйти и даю... даю вам слово чести не покушаться на собственную жизнь.

– Нам лучше уйти вместе. – А ты думал, тебе удастся избавиться от блаженного, собиравшегося на костер ради неведомого Диего? – Вы говорили о Миттельрайхе, это достаточно далеко от... от Супериоры.

После искушения смертью – искушение жизнью, и сумасшедший суадит в роли искушителя... Святому Антонию такое и в страшном сне не привиделось бы.

– Миттельрайх хорош для тех, у кого нет своей земли, Бенеро. Я не смогу служить чужим королям и не смогу просто жить. Ваше ремесло пригодится хоть в Витте, хоть в Аль-Дхибе, а я только и умею, что защищать Онсию. В меру сил и здоровья, к сожалению, так что идите к де... к дону Диего и не спорьте с ним. Он знает, что делать.

– Надеюсь, вы тоже знаете. – В голосе врача впервые послышалась неуверенность. – Я смогу передать вашей сестре, что вы ее простили? Не сейчас, позже, когда она уже не сможет вернуться?

Инес... Как же плохо он ее знал, как плохо знал самого себя. Думал, все погасло, а хватило одной искры, и вроде бы налаженная жизнь полыхнула сухой травой. Хайме усмехнулся и покачал головой.

– Почему люди, зная, что хорошо, делают плохо? Так спрашивал один древний мудрец, но почему мы, думая, что делаем хорошо, приносим зло? И как выходит, что, неся зло, мы творим добро? Конечно, скажите Инес все, что хотите. Она вас послушает. Прощайте.

– Как выходит, что, неся зло, мы творим добро? – повторил врач. – Но является ли такое зло злом? Врач не должен говорить о некоторых вещах. Как правило, не должен, но вам я скажу. Ваша воля сильнее вашего тела. Не бойтесь того, чего боялся я. Если случится

худшее, вы потеряете сознание раньше терпения, а если... ваши собеседники станут упорствовать, вы просто умрете. Быстро и достаточно безболезненно.

– А знаете, вы меня убедили. – Хайме сел на край бассейна и с наслаждением опустил руку в прохладную воду. – По крайней мере, теперь в моей болезни появился смысл. Вы уйдете или нет?

– Я уйду. – Врач поднялся и быстро пошел прочь по белым мраморным плитам, но на пороге все же обернулся. – Б'ацлаха, дон Хайме... До встречи.

Глава 4

1

Торрихос был суров, чтобы не сказать гневен, Пленилунья сочился сочувствием, как хорошее жаркое – подливой, а Фарагуандо, отрешившись от земного, предоставил поле битвы герцогу и кардиналу. Так бы решил всякий, кто не знал ни первого, ни второго, ни третьего. Хайме знал. Даже окажись у инкверента легендарный Андроктонов²¹ щит, он не увидел бы больше. Драконы изготовились к схватке, более того, схватка эта уже началась. Инья, сама того не подозревая, стронула лавину, и одному Господу ведомо, кого та под собой похоронит.

– Отец мой, вы слишком суровы к своим людям, – с легкой укоризной произнес Пленилунья, – брат Хуан пережил страшную ночь, он нездоров и нуждается во враче и отдыхе. Давайте отбросим формальности, выслушаем его первым и отпустим.

– Дух не должен потакать плоти, – отрезал кардинал, осуждающе глядя на смиренного, как надеялся Хайме, монаха. – Брат Хуан, вступая в Святую Импарцию, принял обет и исполнит его.

– Это жестоко, – не согласился герцог. Он бы дорого дал за то, чтобы брат Хуан не слышал чужих показаний прежде, чем даст свои, но инкверент, если он не отстранен от дела, сообщает свои выводы после допроса свидетелей.

– Сын мой, – черные глаза Фарагуандо вперились в лицо Хайме, – ты нуждаешься во враче?

– Я способен исполнить свой долг. – Какая-нибудь из отрав Бенеро сейчас бы пришлась как нельзя кстати, но чего нет, того нет. – Отец мой, речь идет о моей родной сестре... О герцогине де Ригаско.

Духовник Хуаны не признает кровного родства и земных привязанностей, но лучше напомнить ему об Инес самому, чем ждать, когда улучит подходящий момент Пленилунья.

– Мы молимся за вдову Льва Альконьи, – сообщил Фарагуандо. «Святой Мартин» не лжет, как не лжет фидусьяр. Он и впрямь просил Господа за Инью – не за Марию. Маркиза для всемогущего павлианца уже блудница, Инес пока нет, и это хорошо, но где же Коломбо? На окне восседало два папских голубя: первый, с мохнатыми ногами, сопровождает Торрихоса, но откуда взялся второй и зачем? Изображает Коломбо? Может ли кардинал-инкверент заставить чужого фидусьяра подменить отсутствующего или папские голуби не подвластны никому?

– Брату Хуану нужно сесть. – Пленилунья не собирался прекращать заботу о ближних. – Он очень бледен, у него может случиться обморок.

– Садись, сын мой, – процедил сквозь зубы Торрихос, и Хайме с облегчением сел. Глава Протекты был недалеко от истины, не хватало и вправду свалиться, подтвердив как

²¹ Легендарный щит, принадлежащий древнеаббенингскому богу войны и смерти Андроктону. Отполированный до зеркального блеска, щит этот отражал вещи такими, каковы они есть, разоблачая как наведенные чары, так и обычное, человеческое притворство.

свою болезнь, так и необходимость заменить больного здоровым. Говоря по правде, Торрихосу следовало отстранить брата герцогини де Ригаско от следствия если не вчера, то сегодня. Кардинал так бы и поступил, не столкнусь в особняке Хенильи Святая Импарция и Протекта.

– Скольких свидетелей мы услышим? – хмуро осведомился Фарагуандо. Духовник Хуаны, по воле королевы замещавший ее в Супериоре, редко вникал в частные дела, хоть и не терпел вмешательств власти светской в процессы еретиков и чернокнижников. За единственным исключением – Фарагуандо ненавидел разврат едва ли не больше Коломбо, и надо же было «Святому Мартину» вернуться из Рэмы именно сегодня...

– Показания альгвазилов не противоречат друг другу, – обрадовал Пленилунья. – Отец мой, я полагал бы правильным заслушать четверых свидетелей, после чего обратиться за разъяснениями к брату Хуану.

– Приступайте во имя Господа, – разрешил Фарагуандо, глядя в окно. Может ли он отличить одного фидусьяра от другого? Если б не глупость с атлинией, Хайме успел бы переговорить с Торрихосом наедине.

Пленилунья глянул в список, который, без сомнения, помнил наизусть.

– Сержант Алькальдии Мигель Санчес.

Помощник Гомеса, которому де Гуальдо первому отбил пальцы. Этот не знает ничего непоправимого и слишком прост, чтобы угождать начальству.

– Святой отец! – При виде Фарагуандо у альгвазила разве что ноги не подкосились, хотя ему бояться как раз нечего. В отличие от брата Хуана и сонма нечестивцев, прелюбодеев и богохульников.

– Повтори свой рассказ, – прервал священный трепет глава Протекты, – говори коротко, если будет нужно, тебя переспросят.

– Слушаюсь, сеньор, – выпалил Санчес, не сводя глаз с живого святого, но лучше бы Хенилей и его женой занялись грешники. И Пленилунья, и Торрихос понимают, что значит для Онсии слава Хенильи, Фарагуандо этого не понять, он видит только грехи и, иногда, добродетель.

– Так что, осмелюсь доложить, – собрался с мыслями Санчес, – сержант Гомес привел нас в особняк, а там – пусто, хоть шаром кати, только и живых, что две сеньоры... В спальне хозяйки закрылись и не отпирали, пока святой отец не пришел.

– Кого он привел? – заботливо спросил Пленилунья.

– Двоих. Парнишку, вроде как хитано, и лекаря. Хитано святой отец велел караулить, видно, натворил паршивец что-то. Мы его заперли, а святой отец с лекарем к хозяйке поднялись. Им-то отворили.

– Брат Хуан и врач долго пробыли в спальне?

– Не шибко. Святой отец вышел и велел двоим идти с ним, а остальным караулить, мы с Алваресом и пошли.

– Куда?

– К Бычьему рынку, в дом один... Хороший, большой... Святой отец снял печати и вошел.

– Дом принадлежал суадиту Йоне бен-Авнеру, – пояснил глава Протекты, хотя его никто не спрашивал. – Бен-Авнер был заподозрен в ереси и отравительстве, взят под стражу и по настоянию Святой Импарции препровожден в монастырь Святого Федерико, хотя есть повод полагать его более отравителем, нежели еретиком.

Если Пленилунья рассчитывал, что Торрихос попадет в ловушку, то он ошибся. Кардинал и не думал опровергать слова герцога, привлекая тем самым внимание к персоне суадита. Фарагуандо тоже промолчал. Казалось, «святого Мартина» больше занимают папские голуби. Неужели он их слышит?!

– Ну, вернулись мы, – покорно продолжил Санчес, – втащили, значит, сундук...

– Какой сундук? – без сомнения, Торрихос снял вопрос с языка герцога.

– Что святой отец велел. Там снадобья всякие были... Тяжелый.

– А книги?

– Не было, – честно сказал альгвазил, – да и на кой они ночью, книги-то... Сеньора-то помирала. Святой отец ее исповедовать хотел, а лекарь заспорил. Дескать, лечить надо, а нам выйти велели.

– А вы?

– Вышли, чего уж там... Алварес с Лопесом сходили глянуть, как хитано. Он смирно сидел. Да, лекарю кипяток был нужен, так Лопес на кухне печь разжег.

– Сколько времени вы ждали?

– Всего ничего. С кухни еще ничего не принесли, а нас позвали. Святой отец велел Гомесу у алькова стать, остальным – у дверей, никого не впускать и не выпускать, а лекарю, если что, помочь. Ну, мы и остались, сержант Гомес в альков пошел, а мы у двери, только не заладилось у них там... Сеньора никак зелье пить не хотела, а уж орала, – Пленилунья кашлянул, и альгвазил осекся на полуслове, – то есть отказывалась она... И всё своего сеньора звала... Диего да Диего, прямо заходилась...

– Ты уверен, что она его именно звала, а не, допустим, опасалась или проклинала?

– Еще бы не уверен, если он возьми да и выскочи. Сержант Гомес велел ему назваться, а он... Он вроде как и не против был, только сперва сеньору свою снадобьем напоил. Мы подождали, иначе б не по-людски было, а он вдруг – в окно. Во двор, значит. Мы за ним, а святой отец, он на галерее был, велел его подождать, ну, мы подождали, только сеньор этот, Диего, все равно не сдался. Говоря по правде, побил он нас, как щенят. Гомесу алебарду сломал, мне и Алваресу пальцы отшиб. Никак мы его взять не могли, тогда святой отец велел дом караулить и подмогу привести.

– Брат Хуан предлагал означенному Диего сдать? – На лице кардинала читалась с трудом скрываемая скука.

– А то как же... Разобъяснил, что тому ничего не будет, пусть только в Алькальдию придет да назовется, только куда там...

– Почему? – подбросил дров Пленилунья.

– Из-за сеньоры своей. – Альгвазил казался удивленным. – Известное дело... Да и благородный он, с чего ему слушаться? Поносно им шпагу отдавать.

– Оставим пока дону Диего, – мягко сказал Торрихос. – Скажи, сын мой, что случилось потом?

– Ну, Гомес, сержант наш, велел двоим дом караулить, а нам с Алваресом с ним идти, потому как толку от нас никакого. С пальцами-то с отбитыми. Мы только дверь открыли, а там – сеньор Арбусто дель Бехо и с ним одиннадцать человек.

– Одиннадцать? – удивился Торрихос. – Не девять?

– Одиннадцать, – в голосе Санчеса послышалась обида, – я считал, и Гомес тоже. Двое у дверей сразу стали, а сеньор Арбусто велел докладывать, Гомес и доложил. Тогда сеньор капитан сказал, что снимает нас с дежурства и мы можем идти...

– И еще он дал вам денег, – подсказал Торрихос, – и послал вас в таверну.

– Да, отец мой, – уныло согласился сержант, – только он не просто дал, велел выпить за здоровье ее величества и брата Хуана, а один из его людей обещал хорошую таверну нам показать. Ну и показал.

– Вы там до утра оставались?

– Мы – да, а сержант, тот кружку выпил да назад... Этот дон Диего так нас заморочил, что Гомес забыл приказ у капитана взять. Ну, что снял он нас...

– Гомес возвращался? – чуть ли не через силу спросил Торрихос.

– Нет, – Санчес явно не знал, что бедняга-сержант никогда не вернется, – он сказал, что потом домой пойдет... Он не любитель, ну... По тавернам сидеть.

– Ваше высокопреосвященство, вы больше ничего не хотите спросить? – Глава Протекты обращался к Торрихосу, но ответил Фарагуандо.

– Сын мой, – взор «святого Мартина», казалось, прожег беднягу-альгвазила насквозь, – каким недугом страдала маркиза де Хенилья?

– Ваше... Отец мой, – сержант смотрел на духовника Хуаны как на самого Папу, – она... эта.. не болела.. Она... ну... рожать собралась.

– Что говорила герцогиня де Ригаско?

– Да ничего, – захолопал глазами Санчес, – молчала сперва, похоже, на сеньору злилась, что та такое учудила, а потом стала лекарю помогать... Святой отец за служанкой послал, только той еще добраться надо было.

– Ты помнишь, что говорила герцогиня де Ригаско? – прогремел Фарагуандо, словно перед ним был не честный сержант, а сам князь ереси.

– Да мало она говорила, – пробормотал съжившийся альгвазил, – все больше по делу с лекарем. Ох и злилась же она на другую сеньору, хоть и держалась... Только все одно, не выдержала, назвала ее, хозяйку то есть... Плохо назвала, правда, застыдилась потом, молиться стала.

– Впасть в гнев – грех, – веско объявил Фарагуандо, – но грех этот будет отпущен, ибо грехи маркизы де Хенилья вопиют. Господь наш простил блудницу и укорил людей с камнями. Инес де Ригаско вспомнила об этом и устыдилась гнева своего, облегчив душу молитвой...

2

– Дон Хайме, как и собирался, готовится к разговору в Святой Импарции. – Бенеро неторопливо сбросил плащ и уселся на массивный табурет черного дерева, как нельзя более ему подходящий. – Он просил о нем не беспокоиться и положиться на здравый смысл дона Диего.

– Спасибо, – поблагодарила Инес, надеясь, что ей удалось сделать это вежливо и равнодушно, но не испытывая в этом никакой уверенности. Легче скрыть в тяжелых платьях восьмимесячную беременность, чем упрятать в вежливость обиду на весь свет. Теперь герцогиня и сама не понимала, с чего вообразила, что с Хайме что-то произошло. С такими, как брат, случается только то, что они считают нужным. Будь они трижды родичи, Хайме бы их не отпустил, не трясись он над честью Гонсало. Сеньор импарсиал мог отправить единственную сестру в Сан-Федерико, но не выставить рогоносцем позарившегося на девчонку старого пня. Еще бы, ведь пень – Орел Онсии, его нельзя ошипывать, да еще у всех на глазах!

Инес со злостью поправила мантилью, позабыв, что та еле дышит. Разумеется, ветхая тряпка не выдержала, герцогиня досадливо отбросила внушительных размеров лоскут и поняла, что суадит все еще здесь и, мало того, смотрит прямо на нее.

– Куда вы нас привели? – Возвращаться к разговору о Хайме, к которому Бенеро относился слишком уж трепетно, Инес не желала.

– Это дом одного врача, – Бенеро слегка улыбнулся, – он добрый мундиалит и верный подданный ее величества.

– Мне он не нравится, – сказала чистую правду Инес, вспомнив красные пухлые губы и сладкий, как дыня, голос, – не хотела бы я, чтоб он меня лечил.

– Вы здоровы, сеньора, вам не нужны услуги врача, тем более того, который вам неприятен. – Ей кажется или глаза Бенеро смеются? – Что до предмета вашего неодобрения, то мы к нему обратились по совету вашего брата.

Ну еще бы! Объявить о нежелании знать, где они, и втихаря отправить к своему доносчику, в этом весь Хайме!

– Где дон Диего? – Бенеро может думать что угодно, но в разговор о Хайме он ее не втянет. – Он когда-нибудь появится?

– О нем спрашивала сеньора Мария? – ответил вопросом на вопрос врач. – Ей лучше дать успокаивающее.

– О нем спрашиваю я! – огрызнулась Инья и тут же поняла, как это глупо. – Мария спит, а Гьомар, похоже, решила зажариться сама и зажарить ребенка.

– Так нужно, – безмятежно объяснил Бенеро, – девочка родилась раньше срока, ей нужно тепло, а матери – сон. И вам тоже. Не волнуйтесь, если дон Хайме не ошибся, дон Диего скоро появится.

– Но вы хоть знаете, куда он пошел?

– Он неподалеку. Сеньора, я вынужден взять свои слова назад. Возможно, вы предпочли бы другого врача, но я вам предписываю настой валерианы и отдых.

– Спать в этом доме я не стану, – отрезала Инес и тут же пожалела о сказанном, потому что глаза и в самом деле слипались, а бояться было нечего. Хайме вел себя омерзительно, но он не хочет, чтоб их нашли, значит, их не найдут.

– Любое вещество может быть как ядом, так и лекарством, – задумчиво произнес Бенеро, – то же может быть отнесено и к чувствам. Упорство весьма полезно, если его применять вовремя и со смыслом. Вы очень похожи на своего брата, сеньора.

– Глупости! – Чуть поколебавшись, Инес содрала остатки мантильи. Бенеро ее простоволосой уже видел, а хозяин слишком мерзок, чтобы обращать на него внимание. – Я похожа на бабку по матери, а Хайме – вылитый отец.

– Я не имел в виду схожесть внешних черт, – рассеянно откликнулся врач. – Ваши сердца отлиты из одного металла, и металл этот назывался бы золотом, не будь он столь тверд.

– Вы еще и поэт? – хмыкнула герцогиня, не зная, как выбраться из дурацкого разговора.

– Я – суадит, сеньора, – напомнил Бенеро, – а это часто одно и то же. Постойте, кажется, сюда идут... Вы спрашивали о доне Диего, он вернулся.

– Вижу! – буркнула Инес. Кутаться в мантилью было поздно. Диего уже был в комнате, причем не один. Любовник Марии крепко держал за локоть гостеприимного хозяина, и тому это явно не нравилось.

– Вы уже вернулись, Бенеро? Очень кстати. – Диего швырнул хозяина на пол, где тот и остался. – Сеньора, вам лучше выйти. Ангелам не следует дышать одним воздухом с Иудой.

Обладатель дынного голоса их предал. Хайме ошибся, она – нет. Осознание собственной правоты грело душу, хотя ошибка могла дорого обойтись.

– Этот добрый мундиалит вас выдал? – Инес была совершенно спокойна. – Я так и думала.

– Только в помыслах и намерениях, сеньора. – Дон Диего сорвал перчатки и бросил в камин. – Ничего не имею против прокаженных, но это... Соберись с мыслями, мразь! Сейчас сеньора выйдет, и поговорим.

– Я не уйду, – объявила Инес и в подтверждение собственных слов уселась поглубже в кресло, – то, что сделал этот человек, касается и меня.

– Дон Карлос вами бы гордился, – заверил Диего и повернулся к так и сидевшему на полу хозяину. – У тебя был выбор, Камоса. Ты мог принять трех женщин и ребенка, а мог прогнать. Ты принял, больше у тебя выбора нет. Дамы и врач останутся у тебя, пока сеньора не оправится, а потом ты нас вывезешь туда, куда мы скажем.

– Как будет угодно сеньорам, – на круглое лицо медленно возвращался румянец, – как будет угодно... Мой дом в вашем распоряжении, но вы пришли так неожиданно... Я даже не знаю, сколько у меня гостей. По просьбе сеньора Бенеро я принял... Не знаю, с кем имею честь...

– Чести ты как раз не имеешь! – перебил Диего. – Меня можешь называть сеньор де Муэна. Я не собирался ночевать в этом доме, но, заметив, как ты выбираешься черным ходом и сворачиваешь в сторону Протекты, изменил свое решение.

– Сеньор ошибается, – голос Камосы по-прежнему был дынным, только дыня изрядно прокисла, – я шел к ранней мессе... молить Господа о здоровье роженицы... Я не хотел никого беспокоить...

– Кроме капитана Арбусто дель Бехо? – усмехнулся «де Муэна». – Не исключено, что ты с ним встретишься, и очень скоро... Сеньора, мне кажется, этот человек – богохульник.

Назвать Протекту храмом... Это отвратительно.

3

Инес обвинить не в чем. Слава Господу, слуг Мария отпустила, проводив Инес до кареты, и откуда только силы взялись? Воистину, страх и бесстрашие творят чудеса. Назад Инья вернулась потайным ходом, ее никто не заметил. И Диего никто не видел, пока тот не выскочил из своей норы. Дело не в нем, а в глупости Марии, вбившей в голову, что ее тайны никто не знает. Камеристки же давным-давно обо всем догадались, и две из них, не сговариваясь, осчастливили великой тайной капитана Арбусто.

Узнав, что маркиза спровадила слуг, покойник, пришпоренный неудачей с поджигателем, закусил удила; но кого он ловил, прелюбодеев или убийцу? Как Диего пришло в голову похитить герцогиню де Ригаско и потребовать никому неведомого суадита? Кто втаскивал покойного Гомеса в дом? Святой дух в сапогах брата Хуана или он сам? Как означенный брат подпустил к вдове Хенильи, пусть и согрешившей, врача-суадита с его зельями? Куда брат Хуан дел свою рясу? Почему послал за камеристкой герцогини де Ригаско, а не за врачом-мундиалитом?

Голова болела не переставая, но Хайме заставил себя слушать свидетеля за свидетелем. Слушать и думать, представляя себя то волком, то гончей, то охотником, задавая себе вопросы и выискивая ответы.

О чем ты говорил с преступником между уходом альгвазилов и появлением Арбусто? Зачем вообще остался с ним наедине? Как выжил в заваленном трупами доме? Почему не позвал на помощь? Куда исчез суадитский врач, чьи следы у фонтана перекрывают следы дерущихся? Кто привел в порядок спальню?

Да, сеньор инкверент, нелегко тебе придется, когда капитан Протекты Рикардо Гальо и сержант Алькальдии Горрион закончат расписывать следы и трупы. Торрихосу можно было рассказать чуть ли не всю правду, Пленилунья и тот мог внять доводам о славе Онсии, но не Фарагуандо.

Для «святого Мартина» мирская слава – тлен и суета, а прелюбодеевство – грех непростимый, хуже коего лишь отступничество. И еще Коломбо... Видел голубь немного, но про сговор с суадитом донесет. И неважно, что не было никакого сговора, то есть ТОГДА не было. Если Фарагуандо слышит фидусьяров, ему хватит и намека...

– Капитан Гальо, вы опознали неизвестных, обнаруженных в особняке маркиза де Хенильи убитыми? За исключением капитана Арбусто дель Бехо и сержанта Алькальдии Гомеса, разумеется, – спокойно осведомился Торрихос.

– Нет, отец мой, – то ли соврал, то ли сказал истинную правду капитан Протекты, – я этих людей никогда не видел.

– Сержант Санчес показал, что капитан Арбусто дель Бехо явился в сопровождении одиннадцати человек, – напомнил кардинал, – кто это мог быть?

– Не знаю, отец мой. – Умный Гальо и не думал объясняться за убиенного товарища. Это сделал Пленилунья.

– Капитан Арбусто дель Бехо покрыл себя славой в войне с хаммерианским Лоассом, – со значением произнес герцог, – у него, как и у всех воевавших, сохранилось немало друзей, готовых прийти ему на помощь в трудную минуту. Однако мы не можем утверждать, что люди, пришедшие с Арбусто дель Бехо, и люди, найденные убитыми в доме, одни и те же лица. Альгвазилы видели спутников Арбусто дель Бехо мельком в темноте и не смогли опознать никого за исключением капитана. Единственный, кто, возможно, развеет сомнения, это брат Хуан. Он находился в доме, когда туда вошел Арбусто дель Бехо, и у него была возможность и время внимательно осмотреть трупы.

О том, что брат Хуан имел возможность замести следы и подсунуть убитым улики, глава Протекты не сказал. Он просто попросил перечислить то, что обнаружили у покойного,

и Гальо перечислил.

– Кроме того, – добавил он уже по собственному почину, – у подножия статуи Адалида был найден стилет. Все убитые были вооружены шпагами и кинжалами. К тому же они вряд ли имели при себе столь дорогое оружие. Я взял на себя смелость принести его сюда.

Атлия все же отняла если не жизнь, то память. Умереть, оставив на виду знакомую Торрихосу вещь, было разумно, но живой брат Хуан первым делом бы подобрал оружие или, если бы не нашел, прихватил чужой кинжал...

– Брат Хуан, – с простодушным удивлением воскликнул Пленилунья, – что я вижу?! На стилете – герб де Ревалей! Эта вещь, видимо, отобрана у вашей сестры?

Как заманчиво уцепиться за предложенную возможность; почти так же, как укрыться от грозы в логове тигра. Кто-кто, а Пленилунья знает, что некоторые импарсиалы носят в рукаве.

– Этот стилет принадлежит мне, – радостно объявил Хайме, – должно быть, я его выронил. Сожалеть о вещах мирских – грех, но этот стилет мне очень дорог...

– Сын мой, – прикрикнул Торрихос, – эта радость неуместна! Кроме того, ты забыл о протоколе. Ты можешь говорить лишь по окончании допроса свидетелей.

До каких пределов кардинал готов защищать своего инкверента? На что готов Пленилунья ради чести Протекты и чести Онсии? Сколько лжи сможет проглотить «святой Мартин»? Скоро узнаешь...

– Свидетели допрошены, – возвысил голос герцог. – Остальное знают лишь брат Хуан и убийцы. Или убийца.

– Все ведает лишь Господь, – утомленный затянувшимся допросом Фарагуандо был готов метать громы и молнии, и, говоря по чести, было с чего, – и да не даст Он нам ошибиться.

– Амен! – эхом отозвались притихшие враги, и Хайме почувствовал, как дернулась его щека. Ему стало страшно, как еще никогда не бывало. Страшно лжи и страшно правды, страшно за де Гуальдо и Бенеро, которые могли не понять, за Инес, за ее сына, за себя. Правда, суадит обещал, что брат Хуан не успеет никого предать...

– Сын мой, – прервал молчание Торрихос, – мы ждем твоего рассказа. Начни с разговора, который состоялся у вас с капитаном Арбусто дель Бехо, после того, как ты отыскал для него еретика-поджигателя.

Еретик мог бы отвлечь Фарагуандо. Наверняка отвлек бы, но, когда горели заживо запертые на постоянных дворах мундиалиты, духовник королевы был в Рэме. Он просто не знал.

– Мы слушаем. – Пленилунья с самым доброжелательным видом подался вперед, Фарагуандо не сказал ничего, и Хайме поднялся. Он твердо знал, с чего начнет и чего не скажет никому и никогда, остальное виделось смутно, но времени на размышления больше не было.

– Да поможет мне Бог, – словно бы про себя прошептал инкверент, глядя на Распятие в углу.

В этот миг все и произошло. Захлопали крылья, и в окно ворвался белый голубь. Даже не глянув на затрепыхавшихся собратьев, он бросился к королевскому духовнику, опустился на обтянутое небеленым полотном плечо, и Хайме узнал Коломбо.

Глаза Фарагуандо вспыхнули и тут же погасли, а на лице проступило то самое отрешенное выражение, которое Хайме сотни раз наблюдал у Торрихоса. «Святой Мартин» все-таки понимал фидусьяров, и лишь один Господь ведал, что наплетет отыскавшийся Коломбо всесильному старцу и как тот распорядится услышанным.

сопровождении толстенького старичка и полуседого гиганта, рядом с которым Бенеро казался человеком среднего роста. Будь Инья в состоянии бояться, она бы испугалась, но страх куда-то делся. Объявись сейчас в комнате дракон, Фарагуандо или мышь, герцогиня и бровью бы не повела, а вот Камоса испугался. Не великана – старичка!

– Это последний, – седой нехорошо усмехнулся, – и самый разговорчивый.

– Видишь, Камоса, – усмешка Диего походила на усмешку гиганта, как клинок на клинок, – твоему слуге тоже не удалось привести подмогу.

– Четверым слугам, – уточнил великан, – и все крысы. Хозяин доносил ради денег, они собирали объедки. Этот хочет жить.

– Я бы на его месте не хотел, – скривился Диего. – Ты покажешь на хозяина? Разумеется, за положенную по закону долю. Да или нет?

– Да, сеньор, – затрепыхался старикашка, – покажу... Еще бы не показать, если отравитель он и еретик. Чего только я не нагляделся, одних демониц по пятницам сюда таскалось, не сосчитать. А в снадобья свои во время поста он кровь добавляет, чтоб больной оскормился.

– Фу, – скривился Диего, – не при даме. Мигелито, заberi эту... ценность. Камоса, ты понял, как тебя встретят... нет, не в Протекте, зачем Протекте демонский угодник, в Сан-Федерико? Я уж молчу о том, что ты – тайный хаммерианин и сообщник поджигателя, неопровержимые доказательства чего находятся в твоём доме.

– Зачем вы так? – взвыл Камоса. – Я же обещал... Клянусь Господом, все будет, как хочет сеньор!

– Донося из корысти, ты уже лгал под присягой, – отмахнулся Диего, – клятвой больше, клятвой меньше, Господу все равно, Сатане – лишняя радость, но нас ты не обманешь. Жизнь жизнью, но тебе ведь и домик свой жалко, и денежки?

– Сеньор!

– Дон Диего, – поправил любовник Марии, – дон Диего де Муэна, и именно туда ты нас и проводишь, но это еще не все. Потом ты получишь назад своего верного слугу и вернешь герцогиню де Ригаско, которая вынуждена путешествовать с нами, в столицу. Как ни печально, тебя за это наградят. Впрочем, меня это уже не касается...

– Вдова де Ригаско?! – Страх на омерзительном круглом лице в мгновение ока сменился удивлением и восторгом. – Сеньора?!

– Я здесь не по своей воле, – быстро сказала Инес, – как и вы, сеньор.

Камоса молчал, он был красен, как гранат. Теперь мерзавец в узел завяжется, лишь бы довести гостей до Муэны и вернуться с добычей, за которую королева и дворянства не пожалеет. Теперь они связаны, Инес де Ригаско и добрый мундиалит Камоса, непредвзятый свидетель того, что вдова Льва Альконьи – заложница и жертва.

– Сеньора, – Диего де Муэна галантно подал «жертве» руку, – теперь вы знаете, что вас ждет, и можете отдыхать. Я вас провожу.

Инес поднялась, в последний момент догадавшись отдернуть руку, и гордо вышла первой. Они миновали длинный коридор, по которому бродил Пепе, и выбрались во дворик, куда более скромный, чем в особняке Хенильи, но вода бежала и здесь.

– Уф, – мотнул головой Диего, – ну и перетрусил же я, когда вы остались. Пойми этот подонок, что вы на нашей стороне, вам было бы не вернуться...

– Я слишком устала, – невпопад ответила Инес. Все обойдется, она вернется в Доньидо, а когда улягутся слухи, уедет в Ригаско. Хватит с нее столицы, двора, чужой любви и собственной глупости. – Вы хорошо придумали с этим негодяем. Теперь он вас не предаст.

– Это не я придумал, – улыбнулся Диего, – а ваш брат. Я делать из грязи хлеб, а из крыс – голубков не умею.

дворцовом храме. Коломбо взмахнул крыльями и горделиво перепорхнул к потеснившимся собратьям. Торрихос неподвижно застыл в кресле, Пленилунья тоже молчал, вперив взгляд в белокрылых птиц – не двух, трех! Решившись на подлог, кардинал почти подписал себе приговор, главе Протекты осталось пережить падение соперника и не упасть при этом самому. Что оставалось брату Хуану, лучше было не думать. Конечно, Фарагуандо всего лишь королевский духовник, а импарсиалы держат ответ только перед Рэмой, но лгать «святому Мартину» опасней, чем самой Хуане. Для ее величества слово духовника равносильно слову Господа, а его святейшество прислушается к владычице сильнейшего из мундиалитских королевств. Из страха перед сожравшей Лоасс ересью и оскалом Ротбаров.

– Молчание брата Хуана понятно, – пророкотал Фарагуандо, – хоть и недопустимо. Нет оправдания тому, кто покрывает омерзительное преступление. Более виновен лишь скрывший чудо или же знамение Божие. Брат Хуан сегодня же начнет искупать содеянное, но сперва закончим с собравшим нас делом. Все вы, здесь присутствующие, знаете лишь часть правды, и двое из вас скрывают свое знание, но сколь тщетны эти усилия перед лицом Господа.

«Часть правды»... Хайме знал все, это Коломбо что-то проглядел, и не «что-то», а случившееся в доме. Голубь мог заметить их с де Гуальдо над трупом Гомеса, подслушать разговоры у фонтана, проследить за уходящими, но тайну Хенильи фидусьяр не знал и смерти Арбусто не видел, а покойник не был дураком. Из доклада Гомеса он понял все или почти все. О том, что истину можно установить через фидусьяра, капитан, к своему несчастью, не знал. А брат Хуан, опять-таки к своему несчастью, не знал, что фидусьяр может следить за спутником не только с его плеча.

– Моя вина. – Хайме стремительно опустился на колени, но не рассчитал, вернее, не учел старую рану, бессонную ночь и яд. Окно с голубями подернулось рябью, и рябь эта понеслась по кругу, словно Хайме оказался на ярмарочной карусели, все кружилось глухо урчащим мутным колесом, и только взгляд лысеющего апостола продолжал буравить душу. – Моя вина! – Суадит более чем прав, с такой головой не выдержать не то что допроса с пристрастием – долгого разговора. – Я хотел скрыть чужой грех... Он пятнал... честь... Онсии...

– Брату Хуану нужен врач! – Пленилунья. Тоже хочет скрыть грех, правда, другой, вот и тянет время, а Торрихос молчит... Он ничего не знал. Он и вправду ничего не знал! Господи, неужели эта тварь теперь говорит только со святыми?

– Святой отец, я могу... Я здоров и должен понести наказание.

– Ты его понесешь! – пообещал Фарагуандо. – Но Господь не для того исцелил тебя, чтобы ты наносил себе вред, изнуряя свое тело. Ты предназначен для иного. Поднимись и сядь.

Подняться было еще трудней, чем упасть, но Хайме это как-то удалось. Альгвазил принес воды, врач-мундиалит, словно карауливший за дверью, вцепился в руку.

– Ты угоден Господу, – струной прозвучало в мозгу, – и Он послал ангела, чтобы исцелить тебя и открыть тебе истину, но ты убоялся людского недоверия и скрыл услышанное.

Ангел, открывший истину... Суадит, пообещавший легкую смерть? Если б Хайме стоял, он бы свалился еще раз. Импарсиал покосился на окно – Коломбо, раздуваясь от гордости, восседал между голубем Торрихоса и чужаком. Если это был бред, то на удивление четкий, хотя альконийский холм Хайме тоже видел как наяву.

– Святой отец, – врач, как и Санчес, смотрел только на великого Фарагуандо, – я подозреваю худшее... Необходимы срочные меры...

– Ангел Господень уже исцелил меня, – прервал лекарское блеянье Хайме. Если происходящее не сон, Фарагуандо ответит. Неважно что, главное, будет ясно, на каком они свете. И Торрихос что-то да поймет.

– Ты признаешь, что по малодушию скрыл случившееся с тобой и отрекся, как отрекался Петр?

– Моя вина, – пробормотал Хайме, с трудом разбирая собственный голос.

– Ему можно говорить? – забеспокоился Пленилунья.

– Весьма нежелательно.

– *Капитан Арбусто*, – холодно прозвенело в голове, – был «новым христианином», тайно отправлявшим суадитские обряды. Исполненный гордыни и злобы, он проник в Закрытый трибунал, чтобы вредить Мундиалистской церкви. Подстрекаемый суадитами, синаитами и хаммерианами, он убил великого Хенилью и в насмешку над ним развернул его вдову.

– Маркиза не была любовницей Арбусто, – выдохнул Хайме, прежде чем сообразил, что говорит. – Этого не могло быть...

– *Подобранную в грязи славнейшим из полководцев блудницу совратил сообщник убийцы, тоже новый христианин*, — отчетливо произнес знакомый чистый голос. – *Соблазнителью были обещаны тридцать тысяч дукатов, но Арбусто, суадит душой и телом, не захотел платить...*

– Ты был отравлен и не видел, как убийца разоблачил себя и как зло пожрало зло, – снизошел до объяснения Фарагуандо, и Хайме понял, что если и сошел с ума, то не в одиночестве. На плече что-то привычно шевельнулось. Коломбо... А он и не заметил, как фидусьяр занял свое место, но что же здесь творится?! Папские голуби не лгут, а в доме Коломбо не было! Не было, но этого не доказать, даже если он рехнется окончательно и вступится уже за честь Протекты...

– Я поклялся защитить... честь Хенильи! – Если фидусьяры способны врать, как об этом до сих пор не узнали?! Или это тайна лишь для несведущих? – Святой отец, хаммериане, узнав о падении Марии, возликуют.

– Ложь да не станет орудием Господа! Ты согрешил, хоть и движимый благими намерениями.

Хайме не ответил, отстраненно глядя на исповедника Хуаны снизу вверх. Возвышающийся над столом и целым миром Фарагуандо напоминал разгневанного апостола не только взором, но и лицом. Расписавший дворцовую церковь художник был не просто добрым мундиалитом, он был мундиалитом умным.

– И все же честь Хенильи – это честь Онсии, – развернул знамя Пленилунья, – а честь Онсии – это честь ее величества. Ее поругание приведет в восторг врагов нашей веры, ведь Онсия – ее оплот и ее надежда.

– Да, это так, – согласился с извечным врагом Торрихос, – Мария де Хенилья была обласкана ее величеством. Весть о том, что Мария недостойна оказанной ей чести, опечалит и оскорбит государыню.

– Даже сотня блудниц не унижит одного праведника, – отрезал Фарагуандо, – как не унижил Господа поцелуй Иудин. Моя духовная дочь узнает все сегодня же.

– Судьбу вдовы Орла Онсии решит ее величество, – отступил, но не сдался Пленилунья, – но сейчас важнее всего поймать сбежавших преступников и освободить герцогиню де Ригаско. Для этого следует сохранить тайну...

Пленилунья говорил долго и убедительно, но Хайме почти не слушал – просто не мог. Суадитские дукаты, ангелы, убийцы, прелюбодеи, фидусьяры смешались в один невероятный ком, куда кто-то сунул отравленную иглу. Ее нужно было найти, но инкверент был слишком измотан и растерян.

– ...трудно не согласиться, – это уже не Пленилунья, это Торрихос, – поймать преступников необходимо, но меня безмерно удивила легкость, с которой глава Закрытого трибунала признал вину своего капитана. Я хочу знать, что за этим стоит. Капитан Арбусто дель Бехо возбуждал подозрение или дело в чем-то другом? Только ли один он проник в Протекту или у него есть сообщники?

– Сообщников у Арбусто дель Бехо нет и не могло быть, – устало вздохнул Пленилунья, – иначе ему не потребовались бы люди со стороны.

– Помнится, вы только что называли их доблестными воинами и борцами с

хаммерианской ересью.

– Я полагал их таковыми, но человеку свойственно ошибаться. Перед лицом неопровержимых доказательств...

Вот оно! Пленилунья отказался от борьбы, когда влетел Коломбо. Это означает одно – герцог знает о фидусьярах!

– Сеньор Пленилунья, – подался вперед Торрихос, – вы изменили свое мнение после возвращения голубя брата Хуана? Другого объяснения я не нахожу.

– Слово духовника ее величества истинно, как Евангелие, – огрызнулся глава Протекты. – Разумеется, я проведу тщательнейшее расследование, но сперва следует спасти вдову Карлоса де Ригаско. Я настаиваю на соблюдении тайны.

– Это разумно, – нехотя признал Торрихос. – Супериора будет просить ее величество сохранить тайну...

– Господь сохранит благочестивую Инес, как сохранил ее брата, – отрезал Фарагуандо. – И да не найдут ересь и разврат покоя и приюта во владениях нашей духовной дочери. Завтра преступников будут искать все добрые мундиалиты и все верные подданные Хуаны Онсийской!

– Святой отец, это недопустимо. – Надо отдать должное Пленилунье, он стоял до конца. – Речь идет о жизни любимой подруги ее величества и вдовы человека, закрывшего собой сотни паломниц.

– Я молюсь за добродетельную Инес. – Посеять сомнение в королевском духовнике еще никому не удавалось. – Карлос де Ригаско спасен и счастлив, и жена его да будет спасена для жизни вечной. Ее земные страдания ей зачтутся, а теперь отвечай, сын мой, что тебе известно о фидусьярах и от кого?

– Очень мало, святой отец, – герцог спокойно посмотрел на Фарагуандо.

– Что именно?

– Папские голуби сопровождают импарсиалов со дня принятия ими обета. После смерти спутника они исчезают.

– Ты лжешь! – прогремел Фарагуандо. – Смена твоего поведения разоблачила тебя. Либо ты состоишь в сговоре с лицемерами, ложно принявшими христианство, либо ты уверился в вине своего подчиненного здесь, в этой комнате, увидев фидусьяра. Третьего не дано, и ты выйдешь отсюда либо обвиняемым в покровительстве еретикам, либо послушником ордена Святого Павла.

– Вы превысили свои полномочия, святой отец. – Пленилунья все еще был спокоен. – Я как глава Закрытого трибунала воспользуюсь своим правом обратиться непосредственно к ее величеству.

– У тебя нет права обращаться к кому бы то ни было! – Мартин де Фарагуандо один за другим развернул два лежащих перед ним свитка. – Мы, брат Мартин Фарагуандо, монах ордена Святого Павла, приор монастыря Святого Причастия в Олье, духовник королевы, нашей государыни, отныне являемся единственным и единоличным главой Священного Трибунала Онсии, полномочного правопреемника учрежденной Альфонсом Девятым Супериоры. Священный Трибунал, также именуемый Саграда, действует с сего дня во всех владениях ее мундиалитского величества.

Данною нам святым апостольским престолом и ее мундиалитским величеством властью мы распускаем Закрытый трибунал и начинаем расследование его деятельности, дабы изобличить проникших в его ряды тайных еретиков и лицемеров. Осуществлять расследование будет Святая Импарция, подчиненная нам его святейшеством, и она же продолжит следствие по делу так называемого дона Диего де Муэна.

О грехе маркизы де Хенилья следует оповестить немедленно. За сведения о блуднице и ее сообщниках будет назначена награда, которую следует выплатить из имущества Хенильи, поступившего в совместное управление Священного Трибунала и короны. Из того же источника будет выплачена награда тому, кто поможет в розысках герцогини де Ригаско, о спасении которой мы все усердно молим Господа.

Что до брата Хуана, то он отстраняется от дела, в котором замешана его кровная родственница, и во искупление прегрешений и для поправки здоровья отправится в паломничество к Пречистой Деве Муэнской, после чего примет должность главы Священного Трибунала Муэны. И да поможет ему Господь искоренить в пограничных провинциях хаммерианскую ересь и избличить лоасских шпионов.

Фарагуандо поднял руку, и к нему на плечо опустился белый голубь. Тот, которого Хайме по недомыслию принял за подсадного. Так вот с чем прибыл «святой Мартин» из Рэмы. Папа наконец решился...

Торрихос уже стоял на коленях, желтый от ярости Пленилунья отстал от кардинала-инкверента на долю мгновенья, а Хайме так и остался сидеть, сжав ладонями виски. На свежеиспеченного главу трибунала Муэны никто не смотрел, даже бьющий в восторге крыльями Коломбо.

Часть четвертая Мрамор и бронза

*Альконья
1587 год*

Глава 1

1

Прозрачный поток весело неся по разноцветным камням к обрыву, над которым изгибалась вечная радуга. В детстве Леон видел, как по утрам сквозь нее пролетают птицы, потом узнал, что пробежать под семицветной дугой невозможно, как невозможно дважды войти в одну и ту же воду. Последнее, впрочем, не казалось таким уж очевидным, по крайней мере в Альконье. Утром сравнялось семнадцать лет с того дня, как младший внук тогдашнего хозяина Гуальдо оставил за спиной поющую воду и вместе с отцом и дядей свернул на Тугор-де-ла-Серроха. Отец собирался провести в пыльном городке пару дней, а встретил свою судьбу. Они все ее встретили... На рассвете третьего дня Леон-Диего узнал, что стал главой рода, а ночью его попытались убить.

Дон Диего де Муэна спустился к самой воде и легко вспрыгнул на отшлифованный веками и потоком валун; перескочил на следующий, похожий на спящую корову, а оттуда было рукой подать до сдвоенного островка, заросшего барбарисом, конскими ирисами и похжей на женские волосы травой. В детстве Леон часто приходил сюда за лягушками и рогатыми жуками, а чего он ищет сейчас? Странно было бы ждать, что на островке что-то

изменится, если в замке все осталось по-прежнему. Не считая заколоченных дверей в комнаты тех, кто не вернулся.

Его дверь тоже была заколочена, а внутри на брошенном поперек покрывала плаще чутко спало прошлое. Стоило войти, и оно очнулось. Глупо было думать, что Альконья отпустит де Гуальдо, тем более последнего...

Диего провел рукой по лицу и присел на прячущийся в по-весеннему зеленой траве пегий валун. Точно так же он сидел здесь мальчишкой, грезя о далеких странах и городах. Теперь он их знал: утонувший в сиреневых садах Витте, вечная и великая Рэма с ее храмами, роскошная, знаменитая зеркалами и убийцами Рисанья, белый Аль-Каукат, настороженный, но все равно прекрасный Люстьеж... Неужели они в самом деле существовали и он бродил по их улицам, заходил в таверны, хватался за шпагу, целовал женщин? Казалось, это будет длиться вечно, но блудные сыновья должны возвращаться. На этом держится мир, и он вернулся, потому что перестал принадлежать себе.

Дон Диего при желании мог обернуться хоть ромульянским наемником, хоть хитано или тореро, и его бы не узнали все доносчики Протекты, но Марии нужны безопасность и покой, а что может быть надежней Альконьи? В замок чужому не войти, другое дело, что похождениям дона Диего конец – второй раз из фамильной клетки не вырваться.

В кустах завозилась какая-то зверушка, покачнулись усыпанные длинными ягодками ветви. Изящные темно-красные грозди походили на синаитские серьги... «Судьба человека висит на его шее», – говорят в Аль-Каукате и добавляют, что все проходит, а хитано зовут жизнь – дорогой, а смерть – всего лишь поворотом в ночи, за которым начнется новый путь.

Ночь уже в дороге...
Проступает в небе
Месяц белорогий.

Разве оценишь покой, не повидав бури, но не каждый уцелевший согласится стать деревом или цепным псом. В Гадаре Леон слышал о рехнувшихся моряках с разбитого корабля. Бедняг выбросило на остров, похожий на земной рай. Там было все, кроме свободы вернуться. Альконья тоже остров. Не для всех – суадит и герцогиня вольны уйти, и они уйдут. В замке останется хозяин с семьей, слуги и осень. Счастливый конец или конец счастья?

Сон мой странный, конь усталый,
Запевает песню ветер одичалый

Жаль, нинья боится песен хитано, предпочитая серенады и романсы. Они могут сказать о любви, наверное, могут... О любви понятной и светлой, как утро, как сама Мариита. Теперь она счастлива, только хочет окрестить дочь и пойти с любимым к алтарю, но в Альконье нет ни храма, ни священников...

Путь мой дальний, вечер алый,
Не увидит утра путник запоздалый

А ведь ему снилась Альконья все эти семнадцать лет, нечасто, но снилась, и всегда пыльная, выжженная, страшная. Брошенный дом был честен – он не манил, не обещал, не умолял, а пугал. Почему Леону снились раскаленные холмы и безжалостное белое солнце, не потому ли, что наяву он был счастлив, хоть и не думал об этом?

Ночь уже в дороге...
Поднимают руки
Тополя в тревоге.

Сон мой странный, конь усталый,
Запевает песню ветер одичалый.

Хайме де Реваль должен был воевать, а Леон де Гуальдо – торчать в горах Альконьи, но Хенилья решил убить гонца, и все изменилось. Неслучившаяся смерть разорвала цепь, так, по крайней мере, казалось. Леон-Диего умер в захолустной гостинице, просто прикончил его не безымянный конюх, а Мигелито. «Ты не можешь вернуться, – сказал вожак, – и ты не можешь остаться. Это не твоя смерть, отдай ее хозяину. Отдай ее командору. Когда сможешь...»

Землю злобно роет
Черный бык с мычаньем
Возле водопоя.

Путь мой дальний, вечер алый...
Не увидит утра путник запоздалый.

Теперь зашуршало в траве. Диего пригляделся и увидел лягушонка, изумрудного, как молодая листва. Крохотное создание ловко пробиралось между отцветших ирисов к укромной заводи, в глубине которой страусовыми перьями колыхались водоросли. В Рисанье он носил шляпу с такими перьями и назывался сеньором Маэтти, потом это не то чтобы надоело, просто заезжий бездельник, бросая кости, со смешком рассказал: знаменитый Хенилья собрался на старости лет жениться. Кто же знал, что девочка с аквамариновыми глазами затянет в омут и командора, и его будущего убийцу?

Какую бы пьесу о мести и роке сочинил плешивый хозяин театра в Витте, узнай он их историю, но мести не было, просто Альконья взяла свое, как брала всегда. Что ж, дон Диего, живи и будь счастлив в старом замке у водопада. Счастлива же, в конце концов, эта лягушка, пляшущие над заводью стрекозы и Мариита...

Ты мечтал, чтобы нинья принадлежала лишь тебе, хотел защитить ее от всех бед, подхватить на руки, унести за край света, туда, где будете только вы? Мечта исполнилась, вы вместе. Одни. Навсегда.

Ночь уже в дороге...
Девушка слепая
Плачет на пороге...

Сон мой странный, конь усталый...

2

– Вот он, Гуальдо, сеньор. Замок то есть... Нашелся! – сообщил обалдевший от собственного успеха тьюторский проводник. Хайме кивнул, разглядывая оседлавшую двуглавую гору крепость, чем-то напоминавшую замок петрианцев на Сцилlose. Та же мощь и вместе с тем легкость, то же единение с окрестными горами, словно эти стены и башни не возведены смертными, а созданы тем, кто творил землю и небо, жизнь и смерть...

– Мост опущен, – пробормотал проводник, опасливо глядя вверх, – в замке они, значит... Хозяева которые.

– Едем! – велел главный импарсиал Муэны, с трудом отрывая взгляд от странной крепости. Каракотый Нуэс охотно зашагал вперед. Он предвидел отдых и ничуть не боялся, да и что дурного могло таиться в затерянном в горах замке? Это в столицах жди подлости

от собственной тени, а чем дальше от корон и крестов, тем легче дышится.

– Вы только, сеньор, если что, скажите, что я говорил, – заныл тuteur. Корусть все же великая вещь, она способна победить страх так же, как и любовь, но, урвав вожденный кусок, становится осторожной оленя.

– Мне нужно в замок, – отрезал Хайме, вспоминая странные взгляды и намеки на то, что замка де Гуальдо на самом деле, может, и нет. А если и есть, то он пустует лет сто... То есть не сто, конечно, но как последнего сеньора с сыновьями «белолобые» убили, так и не живут там, а слуги бывшие врут, что из замка они. Не хотят налоги за себя платить, вот и твердят про сеньоров, а откуда им взяться, сеньорам-то, если семеро в холмах полегло, а восьмой как сквозь землю провалился... Ну, не сам, конечно, провалился, помог кто-то, а кто, откуда нам знать, мы люди маленькие, да и давно это было. А про хозяек лучше не спрашивайте, потому как не видел их никто и никогда. Сеньоры, те раньше в город наезжали, было дело, да только без женщин... Кто знает, на ком эти де Гуальдо женились... Да не и женились они вовсе! Жили во грехе с мужичками да хитанами, им-то что, к ним ходу нет, будь ты хоть монах, хоть король. Что хотят, то и воруют, то бишь воротили, потому как, сеньор, нет их больше, сгинули, а замок искать – только время зря тратить и душу губить.

Пытались тут такие, из Сургоса. Раз пять, не меньше – бывший командор присылал. Неделями по горам блуждали, ни с чем возвращались. Да не неделями, месяцами, а потом кто-то или ногу ломает, или голову разобьет, а может, и вовсе утонет или сгинет, ровно и не бывало... Альконья, она такая, лучше с торной дороги не сворачивать, а всего умней вовсе туда не соваться!

Тропа заканчивалась, переходя в казавшийся надежным мост, в свою очередь упирившийся в распахнутые настежь ворота. Похоже, в Гуальдо никого не боялись. Нуэс мотнул головой и попытался перейти на рысь. Хайме оглянулся на тuteur, тот угрюмо сдерживал порывавшуюся бежать к замку лошадку.

– Что такое? – нахмурился Хайме. – Ты едешь или нет?

– Нет, сеньор. Не было такого уговору, чтобы внутрь на ночь глядя соваться.

– Твое дело. – Если замок пуст, он как-нибудь переночует, а если Диего укрылся в родовом гнезде, лишний свидетель им ни к чему. – Деньги ты получил, мы в расчете.

– Оно так, – подтвердил проводник, – только непростое это место, может, и не дурное, только мало ли... Голова у всех одна, а душа тем более. Поглядели да повернули, пока светло. Реку перейдем да заночуем у новых крестов, все безопасней...

– Моей душе ничего не грозит, – усмехнулся Хайме, – а ты поезжай. Я за себя как-нибудь отвечу.

– Как сеньору угодно. Мое дело сторона.

Тuteur хлестнул явно недовольную таким оборотом кобылку и исчез в сумерках. Знал бы он, что седой сеньор со шрамом, которого он за два реала подрядился довести до Гуальдо, не кто иной, как глава Муэнского трибунала, удравший из Сургоса как раз в день Пречистой Девы Муэнской! Означенный глава усмехнулся и поправил седельную сумку, в которой засел соизволивший скрыть свое присутствие Коломбо.

Хайме так и не понял, что накатило на фидусьяра и где его носило в ночь убийства Арбусто. Папский голубь вел себя на удивление смирно, а в ответ на все расспросы нес тоскливую чушь про падший мир и зло, в котором кто-то погряз. Хайме не вытерпел и отступился, а на подъезде к Муэне Коломбо забрался импарсиалу за пазуху. Вечером, с отвращением обзрев изгаженную рясу, святой отец признал, что мир таки погряз, и потребовал холщовую сумку, в которую Коломбо и забился. Голубь выбирался наружу только на церемониях, и то под угрозой вытряхивания. Когда первое удивление миновало, Хайме от всей души возблагодарил неведомое зло и замыслил бегство, благо слова Бенеро подтвердились. Припадки не вернулись, ни когда Хайме рискнул сесть на коня, ни когда, ссылаясь на спешку, преодолел весь путь от Доньидо до Сургоса верхом. Отвыкшее от седла тело побунтовало и подчинилось, и в жизнь импарсиала вернулись цокот подков и ветер в лицо. И еще к нему вернулась радость, тем более неуместная, что ничего хорошего в Онсии

не происходило.

– Хайме! – Де Гуальдо выскочил навстречу гостю раньше слуг. – Здесь?! Браво!

– Прости, не предупредил. – Де Реваль прижал палец к губам, и Леон быстро кивнул. – Куда поставить лошадь?

– Куда хочешь, – засмеялся хозяин, – места хватит. Фарабундо!

– Тут я! – Белоголовый великан уже возвышался в проеме ворот. Он мало изменился, до странности мало.

– Смотри, кто приехал! Узнаешь?

– Сеньор де Реваль, – с ходу решил слуга, – больше некому.

– Возьми жеребца, – велел Диего. – Как его зовут?

– Нуэс. – Хайме поколебался и протянул Фарабундо мешок. – Отнеси в мою комнату, только не развязывай. Там... птица. Я так тебя и не поблагодарил...

– Не за что, сеньор. – Гигант улыбнулся не как слуга, как друг. – Кто-то ведь должен был уцелеть, как же иначе? Давайте мешок. Не бойтесь, не улетит.

3

Диего с ужасно озабоченным видом увел Бенеро к Мариите, которая внезапно почувствовала странную слабость и головокружение. Как бы не так! Если Мария что и чувствовала, так это боязнь показаться на глаза мужчине, который видел ее без корсета. Застигнутая появлением брата у подруги Инес знала это твердо, но ничего более умного Диего сочинить не успел. Бенеро с безмятежным видом, за который хотелось придушить, выслушал сбивчивое описание коварного недуга и неторопливо вышел вслед за озабоченным любовником. Брат и сестра остались вдвоем.

– Где твой голубь? – холодно спросила Инес. – Ты оставил Святую Импарцию?

– Напротив, – пожал плечами Хайме, – я назначен главой Священного Трибунала Муэны, а Коломбо в моей комнате. Он устал.

– Священный Трибунал? – с вежливым любопытством переспросила Инья. – Никогда не слышала. Что это такое?

– Священный Трибунал Онсии во главе с Верховным Импарсиалом создан его святейшеством по представлению онсийской короны, – охотно объяснил брат. – Но, будучи учрежден Папой, во всех своих действиях подотчетен лишь ее величеству. Иными словами, никому.

– И Фарагуандо на это согласился? – Господи, как же далеки все эти трибуналы от старого замка у реки, далеки, никому не нужны и не страшны.

– Разумеется, согласился, – пожал плечами Хайме, – ведь он и есть Верховный Импарсиал и в таковом качестве назначает провинциальных судей из числа импарсиалов. Мне досталась Муэна со всеми ее «белолобыми», теперь я засяду в Сургосе, отслеживая истинных хаммериан и не давая гонять мнимых. Кстати, да будет тебе известно, за тебя молится вся Онсия со «святым Мартином» во главе. И она же ловит развратницу Марию с любовником и отравителем.

– Когда я смогу вернуться? – не сочла нужным вдаваться в подробности Инес. Она никогда не любила слушать о неприятном, Хайме, впрочем, тоже.

– Не раньше чем донна Диего с маркизой или хотя бы Бенеро увидят в Миттельрайхе или Аббенине. Камоса знает, что ты не заложница?

– Нет, – с непонятным удовлетворением произнесла сестра, – видел бы ты, как он трясся, когда Диего его схватил, зато потом... Он мечтает вернуть меня королеве и получить дворянство.

– Разумеется, – усмехнулся Хайме, – ведь деньги у него уже есть. Донос на Бенеро не первый его подвиг во славу веры.

– А что этот Камоса узнал про сеньора Бенеро? – Инес равнодушно поправила позабывшие о мантилье волосы. – Они ведь едва кланялись.

– Ты можешь спросить у него самого, – сощурился братец, – я ознакомил сеньора Бенеро со всеми обвинениями.

– Не хочу быть любопытной, – отрезала Инес.

– Разве? – удивился Хайме. – Не подумал бы. Бенеро был виновен в одном – у него водились деньги. Деньги, книги и знатные пациенты, на которых точили зубы как доносчики, так и Пленилунья. Не сам, разумеется, но Государственный Совет желал наследовать еретикам и чернокнижникам, а Импарция мешала. Впрочем, Бенеро я бы Пленилунье отдал, сей достойный суадит слишком упрям, чтобы прислушаться к моим советам, а ломать из-за него шею я не собирался.

– Ты ее собрался ломать из-за Хенильи. – Как непривычно видеть брата без петрианского балахона и голубя, но это ничего не значит. Импарсиал остается импарсиалом даже во сне. – Из-за мерзавца, пославшего всех вас на смерть!

– А, так ты уже знаешь? Я был лучшего мнения, скажем так, о доне Диего.

– Он должен был сказать! Мария так мучилась, что все вышло из-за нее. Мы с Диего едва ее убедили, что она не виновата. Хенилью убила его собственная подлость, жаль, не только его! Девочка выходила замуж за Орла Онсии, а не за стервятника...

– Любопытная точка зрения. – Взгляд Хайме стал еще пристальней. – Готов поклясться, что первый тезис принадлежит Бенеро, а второй – тебе.

– Да, – вздернула подбородок Инья, – ты можешь сколько угодно носиться с честью Онсии, Гонсало от этого лучше не станет. В конце концов, Карлос погиб из-за этой мрази!

– Теперь ты вспомнила Карлоса... Мило.

– Что?

– Нет, ничего, продолжай. Ты говорила о доне Гонсало, о подвигах нашего Диего и твоих заодно. Надо отдать тебе должное, со времен Хасинты ни одна дама не поднимала такой бури.

Хасинта... Невеста Педро Хитроумного, сбежавшая из-под венца и последовавшая за изгнанным Адалидом. Кто же думал, что осужденный вернется королем? Уж во всяком случае не влюбленная в чужого мужа красотка! Хасинта вообще не думала, как и Мария, и она сама. Родичи Хасинты заплатились за ее любовь головой, а за любовь Марии могли заплатить сын и Хайме...

– Мы не о том говорим. – Как бы они ни ссорились, Хайме – ее единственный брат. Карлос будет воевать, Мария с Диего останутся в своем замке, Бенеро уедет в Миттельрайх. Все кончится, и она останется одна. – Сеньор Бенеро считает, что я тебя предала. Нужно было сказать тебе правду с самого начала, но я не могла. Ты бы защищал память Хенильи, а если нет, стал бы преступником... Лучше было тебя обмануть. Какой с обманутого спрос, если во всем виновата я.

– Нет, – затряс головой Хайме, – Бенеро все-таки чернокнижник! Не спорю, вернуть с того света и наставить на путь истинный может и ангел, но заставить тебя извиняться... Инья, послушай, я на тебя и впрямь был зол, я и теперь зол, но буду честен – скажи ты мне правду, Марию уже ничто бы не спасло. Дело не во мне – импарсиалы не имеют тайн от Импарции. Не могут иметь. Прости, я и так сказал тебе слишком много.

– Много?! – Инья аж задохнулась от возмущения. – Да ты мне ничего не сказал!

– Хочешь знать больше? – неожиданно мягко произнес Хайме. – Поверь мне, не стоит.

Ответить Инес не успела. Через порог шагнул худой дворянин с седой бородкой.

– Сеньора, примите мои извинения. – Незнакомец поклонился со старомодной учтивостью. У него было приятное усталое лицо и очень спокойные глаза. – Дон Хайме, я вынужден напомнить вам о ваших же словах. Вас ждут.

Глава 2

Нельзя сказать, что Хайме вовсе не испугался, но не спрашивать же Лихану при Инье, не мертв ли он. Хватит с сестры... странного.

– К вашим услугам, дон Луис. Простите, не ожидал вас здесь встретить.

– Это вы простите нашу настойчивость. – Лихана, покойный ли, живой ли, не утратил ни вежливости, ни спокойствия. – Новости, которые вы сообщили в прошлый раз, нельзя оставить без последствий.

Прошлый раз? Что он имеет в виду – бой у дороги или так и не перешедший в смерть бред?

– Прости, Инес, я должен идти.

– Мы не договорили. Сеньор...

– Дон Луис, – в ответ на вопросительный взгляд подсказал Хайме, и гость вновь церемонно поклонился. Он помнил свое имя, у него была тень, он не шарахался от монахов, и импарсиал почти поверил, что муэнец жив. Увы, за семнадцать лет нельзя не измениться, а дон Луис не только не постарел, но даже не сменил платья. Если он семнадцать лет назад был человеком, то он умер, а если не был?

– Сеньора, мне, право, жаль. – Седоватая бородка виновато качнулась. – Но я не знаю, когда мы покончим с делами.

– Если ты удержишься, я проведу Марию и лягу спать, – объявила Инес. Сестре и в голову не приходило, что она говорит с покойным, на надгробии которого уже семнадцать лет как греются желтоголовицы. Знает ли про Лихану Диего или странности родового гнезда для него остаются тайной? Беглецы здесь вторую неделю, и ничего с ними не случилось. Нуэс на въезде не упрявился, Коломбо тоже молчал, а ведь как вопил у дома Хенильи...

– Нужно спешить, – озабоченно объявил дон Луис. Точно так же он хмурился, считая на переправе «белолобых».

– Значит, поспешим. – Хайме поцеловал Инес в щеку, и сестра удивленно распахнула глаза – не ожидала от него подобной выходки. Да уж, отучил он родственников за эти годы от нежностей. Возможно, зря. Выходя, Хайме чувствовал спиной встревоженный взгляд, но оборачиваться было поздно во всех смыслах.

Пожилой муэнец молча шагал рядом, косые вечерние лучи падали из древних стрельчатых окон, и рядом с импарсиалом и мертвецом равнодушно брели их тени. У лестницы мертвец остановился.

– Сеньор де Реваль, – произнес он извиняющимся тоном, – боюсь, я должен просить вас снять крест.

– Значит, вы все же мертвы? – с непонятным облегчением уточнил Хайме.

– Нет, – не согласился с очевидным дон Луис, – но сейчас важно не это. Обычный путь верхом слишком долог.

– Неужели вы предложите мне метлу или черного козла? – Неисповедим путь мысли человеческой. Появление покойного сеньора Хайме воспринял почти спокойно, но сама мысль о том, что колдовские полеты, о которых твердят охотники за ведьмами, – правда, была импарсиалу отвратительна.

– Что вы! – Лихана досадливо поморщился. – Все гораздо проще и естественней. Позвольте вас позвать, и вы все поймете.

– Действительно, очень просто. – Ночуя в странном замке, не удивляйся ничему и тем паче не выказывай удивления. – Где я должен оставить крест?

– Все равно, – пожал плечами дон Луис. – Хотите зайти к себе?

– Не имеет смысла. – Как бы ни присмирел Коломбо, показаться ему без креста и в обществе то ли призрака, то ли чего-то еще более противоестественного – это слишком. – Вам повезло, что я приехал в светском платье, но каким образом крест мешает расслышать зов? Он может защитить от порождений зла, по крайней мере, об этом немало сказано, но сделать глухим?

– Разве слышен ветер и шум листвы, когда играет гитара? – покачал головой Лихана. –

Вы не спрашиваете, но я должен вам сказать. Мы все испытываем к вам самые теплые чувства, и тем не менее эта ночь может быть для вас опасна.

– Я догадался, – улыбнулся Хайме, – а для вас?

– Весьма вероятно, – со своим всегдашним спокойствием ответил дон Луис. – У войны не одно эхо, сеньор де Реваль, и не одна тень. Мы говорили о чем-то похожем, но вы были тогда слишком молоды...

– Это прошло, – с каким-то удивлением откликнулся Хайме и вдруг замер, как громом пораженный собственным легкомыслием. – Дон Луис, я вынужден остаться. – Лучше прослыть трусом, чем стать невольным убийцей. – Я уехал, сославшись на обет провести день Пречистой Девы Муэнской в одинокой молитве на месте гибели Карлоса де Ригаско. Если я не вернусь, начнутся поиски виноватых, а в Муэне слишком многие имеют родичей по ту сторону гор и толстые кошельки.

– Вы и впрямь повзрослели, дон Хайме. – Глаза Лиханы стали еще грустнее. – Отвечать за других всегда трудней, чем за себя, но не бойтесь. В вашем исчезновении увидят знак вашей святости. В Альконье поставят храм, только и всего.

– Откуда вы можете это знать?

– Это – могу. Ваш... вечный спутник однажды уже сказал то, чего не было. Он сделает это снова. Эта ночь опасна лишь для вас.

– Вы меня успокоили. – Мертвый сеньор что-то знает о фидусьярах. Что-то, неведомое живым, даже знает, что Коломбо наврал. Похоже, они как-то связаны. В Рэме от подобных новостей лишатся чувств... Спросить? Пожалуй, но позже. Если удастся вернуться, он постарается разузнать и об этом, а мертвый и так сподобится местных тайн...

Хайме улыбнулся, дон Луис остался серьезен. Галерея сменилась лестницей, затем другой галереей, солнце ушло, а с ним исчезли и тени. Значит, они оказались в восточной части башни. Лихана неспешно открыл потайную дверь, за ней лежала полутемная лестница.

– Я счел неудобным спрашивать вас в присутствии герцогини де Ригаско. – Панели за их спинами сошлись накрепко, но муэнец все равно понизил голос. – Вы обещали рассказать дону Карлосу о поступке командора Хенильи. Вам это удалось?

Если б он знал... Перед отъездом он был допущен в дворцовый храм, где лежали оба – Лев Альконьи и Орел Онсии. Убитый и убийца, увенчанные одной славой и удостоенные одной чести. Никого не удивило, что брат герцогини де Ригаско пришел помолиться на могиле родича и отдать дань уважения великому Хенилье. Если б кто-нибудь слышал эти молитвы, свежееиспеченный глава Муэнского трибунала оказался бы в подвале Сан-Федерико, но мысли скрыты даже от фидусьяров.

– Я не знаю, что слышат мертвые, – задумчиво произнес Хайме. – Я был у гробницы Карлоса в церкви Святого Альфонса, я хотел, чтобы он знал правду, вот и все, что я могу сказать.

– Вы ничего не сказали?

– Со мной был не только, как вы выразились, вечный спутник, но и несколько монахов-павлианцев.

– Этого следовало ожидать, – кивнул головой муэнец. – Что ж, вы сделали все, что могли. Подумайте еще раз. Вы не обязаны идти со мной. Я не утверждаю, что вы не вернетесь, но вы можете не вернуться.

– Значит, не вернусь.

– Вы должны снять крест, – напомнил Лихана.

– Я оставляю его здесь, под зеркалом. – Он не обязан, но он пойдет. В том числе и потому, что может остаться. – Если что-то случится, вы сможете отдать его Инес?

– Я приведу ее сюда, и она его возьмет, – пообещал Лихана и, слегка подумав, добавил: – Если меня больше не будет, это сделает кто-то другой. У вас будут другие распоряжения?

– Нет.

Хайме шагнул к старинному стеклу и замер, потому что резная темная рама обрамляла нечто немыслимое. Себя Хайме не увидел, хотя дон Луис честно глядел из смутных глубин.

Позади пожилого сеньора виднелось распахнутое окно. Импарсиал торопливо обернулся – Лихана стоял у глухой стены, на которой в обрамлении древнего оружия висел выдавший виды щит с коршуном и солнцем.

– Зеркало видит то, что зовет, и тех, кто, по вашим меркам, не жив. – Муэнец подошел ближе и пригладил бородку. – Вы все еще согласны?

– Да. – Хайме положил теплое серебро на блестящий, ни пылинки, стол рядом с высоким кувшином. – Я готов.

Семнадцать лет назад он тоже был готов и тоже ждал. Первого в своей жизни боя, оказавшегося последним. Палило беспощадное солнце, болела натертая рука, а рядом, нахлобучив охотничью шляпу, стоял дон Луис. Другие уже сражались, а они могли лишь смотреть.

Жара, боль, неистовое желание делать хоть что-то... Казалось, это не кончится никогда, но кончилось. Хайме де Реваль выжил, а муэнский сеньор ушел в странные зеркала и порожденный атлинией бред. «Кто-то ведь должен был уцелеть», – сказал Фарабундо. Видит ли гигант себя в этих стеклах? А Диего? Что он знает о собственном доме? Странном доме, хозяином которого стал в день смерти родичей, но вернулся лишь теперь, спасая Марию...

2

– Воля ваша, сеньор, – буркнул Фарабундо, снимая запорный брус с ворот в дальнем конце полупустой конюшни. Раньше эта стена была глухой или, по крайней мере, казалась таковой. – Только не ездили бы вы. Мало ли что старый сеньор хочет, семнадцать лет ждал, еще столько подождет. У них там времени немерено, уж я-то видел...

– Ну и я увижу. – Сердце колотилось и замирало, словно в детстве, когда он впервые поднялся к водопаду и несуществующие крылья потянули к пропасти, обещая полет.

– А сеньора с сеньоритой? – зашел с другого бока бывший слуга. – Они-то как, если вы загуляетесь?

– Без меня им в Альконье торчать нечего. – Зачем он вообще притащил нинью сюда? Хотел уйти от Супериоры? Вот и ушел... – Отправь их с сеньором Бенеро. Дорогу к аббенинской границе знаешь – доведешь.

– А дальше что? – уперся Фарабундо. – Сеньора-то ваша не из бойких. Пропадет одна, хоть и с золотом, а я с ней ехать не могу. Сами видите.

– Бенеро их не бросит, – не моргнув глазом, взвалил на врача двойную обузу Диего. – А меня раньше пугать следовало. Глядишь, и испугался бы...

– Да откуда ж нам знать-то было? – вздохнул великан. – Жили же по-людски. Всего и забот, что дурных охотников гонять... Так едете?

– Еду, – мотнул головой Диего, сам не зная, жалеет он о том, что вернулся, или уже нет. Фарабундо пожал плечищами и потянул створки на себя, впуская в добрую тишину конюшни рев взбесившегося потока, неистовый невечерний свет и призывное ржанье.

Знакомый гнедой жеребец переступал с ноги на ногу и мотал гривой, он был готов пуститься в путь хоть сейчас. Он не сердился на человека, которого вез в свой смертный день, да и помнил ли он, что с ним произошло, или просто побежал по новой дороге, не заметив подмены? Диего положил руку на лошадиную холку, ощущая живую конскую плоть и не веря ни своим глазам, ни своим пальцам.

Пикаро снова заржал, и Диего, ухватившись за гриву, вскочил на ожившего жеребца. Хорошо, что, скитаясь с адуаром, он привык ездить без седла и идти навстречу любым страхам.

– Я отведу сеньору в Аббенину! – прокричал в спину Фарабундо. – И лекаря!..

Де Гуальдо обернулся, но белое полуденное солнце било в лицо, заставляя зажмуриться. Гром водопада стал еще неистовей, по лицу и рукам хлестнули брызги, словно

снизу пошел дождь. Сквозь шум воды прорвался одинокий птичий крик, дождь превратился в ливень, Диего крепче вцепился в жесткую гриву и открыл глаза. Внизу клочкотала белопенная бездна, солнечное безумие отрезало прошлое, а впереди вздымалась, уходя в прошитую звездами вечернюю синь, радужная полоса. Так близко де Гуальдо ее не видел.

Падучей звездой скатился с неба одинокий коршун, понесся рядом, кипящий котел стал белыми, пронизанными светом облаками, по которым скользили, стремясь к неведомой цели, крылатые тени. Их собиралось все больше, этих похожих на распластавшихся птиц теней, но ни одна не напоминала всадника или хотя бы лошадь, и Леон невольно покосился на свои руки. Они были на месте, как и грива и уши Пикаро. Коршун по-прежнему летел рядом, на черных крыльях алели странные пятна, а облака внизу начали таять, расплываясь вечерним туманом. Запахло водой, но не бурной, а спящей, грезящей о забытых богах, царствах и войнах...

Свет вспыхнул и погас, полдень обернулся сумерками, спутник-коршун исчез, под копытами Пикаро захрустел гравий, но конь все еще несясь вперед, вытянув шею, и вечерняя дорога становилась знакомой. Сейчас в нее вольется замковая тропа, потом будет ручей и два одинаковых валуна, затем поворот, заросли барбариса и берег. Лаго-де-лас-Онсас. Черные заросли, зеленое небо, танец ночных мотыльков над серебряной водой, первые редкие звезды... Уже не свет, еще не тьма. До полуночи далеко, он бы успел и обычной дорогой. Успел, но не увидел бы радужной арки над самой головой и не узнал, на что похож водопад с высоты птичьего полета, на что похож сам полет...

Пикаро перешел на рысь, обернулся, тихонько фыркнул. Стояла хрупкая, сумеречная тишина.

– Куда теперь? – шепотом осведомился Диего, подставляя лицо легкому ветру. – Я не знаю, а ты?

Пикаро знал. Скорее всего...

3

Сапоги Лиханы тонули в траве, Хайме глянул на свои ноги – они тоже стояли на обычной земле. Галерея пустых зеркал уступила место озеру. Тому самому, в которое он не решился войти, когда все были живы.

– Ты сказал? – Альфорка по своему обыкновению появился внезапно и спросил о чем-то, понятном лишь ему.

– Здравстуй! – кивнул Доблехо, становясь рядом с приятелем. – Собрался довести дело до конца?

– А как же иначе? – удивился Маноло. – Он же должен был вступить в наш полк, и не его вина, что не вышло.

– Он вступил, – не согласился Себастьян. – Тот, кто вместе с полком принял бой с превосходящими силами противника, зачисляется в него незамедлительно.

– В самом деле, – обрадовался Маноло, – а я и забыл!

– Как и всегда, – не преминул поддеть приятеля Себастьян. Эти двое стояли и пререкались, словно не было ни хаммериан, ни смертей.

– Проклятье! – раздалось сзади, и Хайме оглянулся. У все еще светлой воды чернело два силуэта – человек и конь.

– Брат Хуан – мой гость, – сказал человек, – неужели нельзя было оставить его в покое?

– Вы ошибаетесь, сеньор де Гуальдо, – дон Луис шагнул навстречу пришельцу, – сеньор де Реваль не только ваш гость, и он пришел сюда по доброй воле.

– Не уверен, – огрызнулся Диего. – Де Ригаско – южане.

– Я тоже с юга, – хмыкнул Альфорка. – Правда, мои родичи сочли фамильный склеп слишком благочестивым для столь паршивой овцы. Не передать, как я им за это благодарен... Они всю жизнь пытались решать за меня и наконец-то решили правильно.

– Я предпочитаю решать за себя сам, – хмуро бросил Диего, – и, полагаю, брат Хуан

тоже.

– Дон Хайме уходил и возвращался, как и вы, – примирительно произнес Лихана. – Когда-нибудь он придет навсегда. Если захочет.

– Вот именно, а сейчас, если захочет, вернется к сестре.

– Нет! – чужим голосом перебил его Маноло. – Уже нет... Слышите?

Короткое ржанье, сразу злое и испуганное. Тяжелые мерные шаги, словно целый полк вдруг слился в единое огромное тело, плеск ударившейся о берег волны и вновь тишина, разбитая мерной поступью.

– Хотелось бы мне знать, кто умрет в первый раз, а кто – во второй и последний. – Маноло быстро облизал губы. – Я, пожалуй, согласен, но в одиночку я не умираю! Те, кто жив, вам лучше отойти.

– Это не ваше дело, дон Мануэль. – Лицо Лиханы стало упрямым и пугающе жестким. – Вернее, не только ваше. Прежде всего, нам нужна правда. Всем. Только она даст покой.

– Мы ее знаем! – вскинулся Альфорка. – Хайме же говорил... Этот сукин сын решил не вмешиваться и убил гонца.

– Мы не знаем причин, – покачал головой муэнец, – мы не можем судить непредвзято.

– А «белолобых» вы тоже резали непредвзято? – хмыкнул Альфорка. – Хенилья та же падаль, только гаже...

– Вот он! – выдохнул Доблехо. – Пришел...

Огромная, в два человеческих роста, фигура медленно выступила из-за прижавшихся к берегу деревьев. Она мерно, словно на параде, поднимала и опускала ноги, и каждый шаг отдавался тяжелым монотонным эхом, будто кто-то забивал в мокрую землю сваи. За спиной пришельца черным плащом тянулась тень, гордую голову венчал старинный шлем с поднятым забралом. Бьющая в лицо ночному гостю луна высвечивала резкие благородные черты, делая белый мрамор еще белее.

Командор Хенилья соизволил покинуть свой постамент ради тех, кого он оставил без помощи ровно семнадцать лет назад.

Глава 3

1

Он был в белоснежных, богато украшенных доспехах и держался неестественно прямо – казалось, у него нестерпимо болит голова. Диего не сразу сообразил, кто перед ним. Слишком уж далек был каменистый сонный берег от залитой кровью приемной, которую украшала статуя Адалида. Теперь истукан неведомым образом ожил и еще более немыслимым образом оказался в Альконье! Де Гуальдо сам не понял, как его рука легла на эфес, словно сталь могла остановить камень, а мраморный воитель приближался неспешно и неотвратно, будто шагал в эскорте завладевающей этим миром ночи.

В густеющем сумраке раздавались лишь звуки шагов. Не бил по ногам широкий меч, не колыхались перья на шлеме, не морщилась кожа сапог, не звенели шпоры. Эта шагающая неподвижность почти что завораживала...

Белая стопа опустилась на лежавший в траве камень, раздался резкий скрежет. Пришелец застыл, все так же прямо держа голову, затем на шаг отступил. Мраморный сапог описал полукруг, сдвигая с дороги досадную помеху, и похожий на тыкву булыжник, покинув насиженное место, покатился к воде. Раздался плеск.

– Вернуться – это бывает. – Первым очнулся похожий на королевскую куницу южанин. – Сам такой. Но вернуться истуканом... Узнаю Гонсало.

– Ты не изменился, – огрызнулся другой, кажется, Себастьян, – так с чего меняться Хенилье? Скажи лучше, что делать станем?

Это не Адалид, а командор! Это и не мог быть Адалид. Победителю синаитов нечего делить с защитниками Муэны, а вот Орлу Онсии хорошо бы объясниться, но, будь оно все проклято, почему статуя? Ведь другие вернулись людьми?!

– Это я его призвал. – Хайме де Реваль был еще спокойней Лиханы. – Только сейчас вспомнил. Значит, это мое дело.

– Его позвала Альконья, – покачал головой дон Луис, – как и вас, и Диего. Сегодня семнадцать лет. Сегодня мы должны узнать...

Они перешептывались, а мраморный гость приближался все тем же парадным шагом. Вот он миновал треугольный камень, вот перешел сонный ручей, безжалостно проломив тростники. Теперь Адалид был совсем рядом. В особняке он не казался таким уж огромным, но тогда истукан смирно торчал на своем цоколе, а у его подножия умирали.

– У него на кирасе крест, – негромко сказал де Реваль, – и тем не менее он здесь... Дон Луис, выходит, это возможно?

– Как видите, – пожал плечами Лихана, – хотя этот крест вряд ли был освящен... Мы слишком мало знаем.

– Скоро узнаем больше, – пообещал южанин. – Дьявольщина, как же мне не хватает пистолетов!

– Тут нужна пушка, – уточнил Себастьян, – но ее тоже нет.

Де Реваль слегка шевельнулся, и Диего понял, что тот сейчас сделает. Воин всегда опередит монаха, и де Гуальдо опередил.

– Ты так и не ответил на мой вопрос, командор, – бросил он в мраморное лицо, – почему ты меня отравил?

Тяжелая нога, уже занесенная для шага, вернулась назад, утонув по щиколотку во влажном гравии. Статуя неспешно наклонила голову, глядя на заговорившего с ней человека. Глаза у нее, как и прежде, были выпуклыми и белыми, но в них прорезались точки слепящего света – зрачки.

– Пользуясь данным мне Святой Импарцией правом, – прогремело сверху, – я называю своих личных врагов. Главными из них являются глава Закрытого трибунала герцог де Пленилунья и восемь членов Государственного Совета, находящиеся на его стороне. Они ненавидят меня за милости, которых мои государи удостоили меня, простого идадьго по рождению, за мою завоеванную в бою славу и за любовь, которую питали ко мне мои солдаты и простонародье. В услужении у моих врагов немало людей, ставящих свое благополучие превыше блага Онсии. Их я назвать поименно не могу, равно как и тех титулованных ничтожеств и бездарных генералов, которым не дают покоя мои победы. Кроме них я должен назвать некоего Диего де Муэна, соблазнившего мою жену и предательски убившего меня в собственном доме. Все, что скажут обо мне эти люди, они скажут с целью опорочить мое честное имя.

– При жизни ты молчал, но не лгал, – почти с нежностью произнес Диего, пытаясь поймать глазами два луча, в которые превратился взгляд Хенильи. – Неужели камень трусливей куска мяса?

– Я прошу Святую Импарцию оградить меня от нападок богохульника и прелюбодея, – каменный голос был глух и ровен, – я явился сюда согласно полученному распоряжению, дабы отвести возведенную на меня напраслину, но я не согласен выслушивать оскорбления. Я честно служил Господу и моим государям, но я – дворянин. Если Святая Импарция не положит конец инсинуациям, я смогу отстоять свою честь с мечом в руке.

– У тебя была честь, когда я тебя убил. – Если истукан ответит ударом, придется прыгать и уповать на фламенко. – Теперь у тебя чести нет, причем дважды. Как у лжеца и роконосца.

– Я жду решения Святой Импарции. – Блестящая от лунного света рука медленно потянулась к мечу. Так ли медлителен он будет, когда обнажит клинок, и каков он, меч изваяния?

– Дон Диего, прошу вас отойти. – Голос де Реваля тоже был каменным. – Святая

Импарция выслушает вас, когда сочтет нужным.

2

Хорошо, что Хенилья стал каменным, иначе Хайме, чего доброго, забыл бы, что командор мертв, настолько он был самим собой. Хотя чего удивляться – Альфорку, Доблехо, Лихану смерть тоже не изменила.

– Гонсало де Хенилья, – потребовал импарсиал, словно за его спиной были нотариус с врачом, а не трое покойников и непонятный дон Диего, – против вас выдвинуты серьезные обвинения. Вы должны под присягой дать обязательство повиноваться Святой Импарции, правдиво ответить на все ее вопросы и сообщить все, что вам известно о еретиках и ереси, а также о любых иных преступлениях, совершенных против мундиалитской церкви и короны, после чего с кротостью принять любое наложенное на вас наказание. Вы готовы?

Мраморный Гонсало не колебался.

– Клянусь Господом и своей честью, – пророкотал он, глядя сверху вниз на главу Муэнского трибунала. Хайме де Реваль знал Орла Онсии пятнадцать лет, а де Гуальдо видел всего трижды. Один из двоих лгал. В ночь неслучившейся смерти Хайме поверил Диего, сейчас он не был уверен ни в чем.

– Как вам уже известно, вы обвиняетесь в государственной измене и попытке убийства. – Слова сами складывались в холодные, длинные фразы, словно допрос монументов был для инкверента обычным делом. – Будучи оповещены о вторжении в пределы Онсии значительного отряда хаммериан, вы скрыли это от вверенного вам гарнизона, для чего предприняли попытку убийства гонца. Содеянное повлекло за собой гибель герцога де Ригаско и присутствующих здесь маркиза Альфорки, капитана Доблехо и сеньора Лиханы, а также семейства де Гуальдо и значительного числа добрых онсийцев и хитано, лишь чудом не приведя к разрушению обители Пречистой Девы Муэнской и истреблению монахинь и паломниц. Что вы можете сказать в свое оправдание?

– Ничего, – упало с каменных губ, – ведь я невиновен. Мои враги и враги Онсии мстят мне и после смерти.

– Найденные следы указывают на то, что гонца привезли со стороны Сургоса и бросили в холмах.

– Ложь. Гонец до Сургоса не доехал.

– Кто может подтвердить ваши слова?

– Те, кто был со мной в тот день и не видел никакого гонца.

– Назовите их.

– Это были солдаты. Я не помню имен и не знаю, где они сейчас.

– Орел Онсии забыл тех, с кем принял первый бой? – Маноло стоял рядом с Хайме, чуть задрал голову. Он ждал ответа, ответа не было.

– Отвечайте.

– На что?

– Вы не слышали вопроса?

– Нет.

Еще одна ложь или Хенилья видит лишь их с Диего?

– Вы забыли солдат, с которыми приняли первый бой? – повторил Хайме.

– Смерть стирает многое, святой отец...

– Я найду этих людей, а также того, кто видел упомянутые следы. Он еще жив.

– Этот человек либо мой враг, либо враг Онсии.

Кто-то тронул его за плечо, и Хайме с досадой обернулся. Лихана указал взглядом в сторону. Если статуя не слышит мертвых, отходить глупо, но в этом мире всегда есть место лжи. Лучше не рисковать.

– Вы что-то хотели? – Если мрамор не обладает кошачьим слухом, их не расслышать, пусть даже Гонсало врет.

- Дон Хайме, у вас нет времени искать свидетелей. Все решает эта ночь.
- Найти спустя семнадцать лет свидетелей непросто, но за год я их найду. Где семнадцать лет, там и восемнадцать.
- Обвинитель отвечает за свои слова, а судья должен решить дело в срок, иначе он будет наказан. Вы – судья. Мы, четверо, обвинители.
- Мы не в Миттельрайхе, – нашел в себе силу улыбнуться Хайме, уже зная, что услышит в ответ.
- Это закон Альконьи, – не принял шутки дон Луис, – мы поддержали обвинение Диего, вы призвали Хенилью на суд. До рассвета мы должны доказать свою правоту, иначе нас просто не станет. Что в этом случае ждет Диего и вас, не знаю, но к живым вам не вернуться. Разве что вы примете сторону победившего. Возможно, это вас спасет.
- Что ж, – наморщил лоб Хайме, – будем исходить из этого. У донна Гонсало был доверенный слуга и конюх. Он взялся поводить Пикаро, а потом пытался убить Диего. Вы случайно не знаете, как его звали?
- Хулио Перес, – шепнул подошедший Диего, – но это все, что я знаю. К несчастью, конюх ничего не скажет. Мигелито его убил у меня на глазах.
- Дон Луис, правильно ли я понял, что этой ночью я могу спрашивать мертвых?
- Если они принадлежат Альконье...

3

Первыми появились «белолобые» – то ли вышли из тростника, то ли отделились от окутавшей озеро дымки. Хмурый высокий человек в залитом кровью камзоле и паренек лет семнадцати с цветком шиповника на груди казались существами из плоти и крови и все же чем-то неуловимо отличались от обвинителей.

– Этот был у них главным. Я не смог его убить, – с сожалением проговорил тот, кого все называли Маноло. – А паренек – мой.

– Папистский идол! – прошипел старший, глядя на белого командора. – Отправляйся назад в преисподнюю!

– Зачем вы перешли реку? – Рядом с Хенильей Хайме выглядел как стилет рядом с мечом.

– По воле Господа и маршала смести с лица земли папистское гнездо, – не стал запираяться хаммерианин. Он ненавидел тех, к кому пришел, но не желал молчать.

– Какое именно? – невозмутимо уточнил де Реваль. Воистину импарсиал допросит хоть покойника, хоть булыжник...

– Монастырь в старой Муэне, – бросил лоассец. Будь он поболее раза в два и мраморный, вышел бы истукан не хуже Хенильи.

– Что бы вы сделали с монахинями и паломницами, если б дошли?

– То же, что с проклятой ромульянкой...

– Со вдовствующей королевой Лоасса Анунциатой? – уточнил Хайме. – Или с ее дочерью?

– Со старухой.

Пятьсот опытных солдат, избивающие женщин... Кровав же их бог, но эти уже никого не убьют.

– Вы находились в сговоре с командором Сургоса?

«Белолобые» уставились на Хайме как на помешанного. Командор удовлетворенно опустил и поднял голову в старинном шлеме. Кивнул.

– Почему вы не дошли? – вернулся к допросу импарсиал.

– Нас предали.

И их тоже? Похоже, в наше веселое время все предают всех.

– Кто же?

– Луи Бутор и его шлюха. Король Лоасса – Иуда. Он думал, что замел следы, но

Господь поднял меня из могилы, чтобы я сказал: Луи Бутор послал нас на смерть. Предатель дал знать папистам, и они под видом охотников встретили нас в холмах. Мы потеряли людей и время... долг не дал нам отступить, мы смели вражеский заслон и двинулись вперед, но у монастыря нас ждала армия.

– Почему вы обвиняете своего короля?

– С нами был его друг, граф Крапу. В последнем бою он ударил меня в спину и бежал. Младшие офицеры погибли раньше. Солдаты остались одни. Уцелело семеро. Я был без сознания, но еще жив. Меня убили на месте первой схватки. Крапу знал, что уцелевшие будут отходить старой дорогой. Он нас ждал, он и два десятка...

– У каждого свои иуды, – вмешался Маноло, – но остановили вас обычные охотники.

– Ложь.

– Неужели вы меня не узнаете? Вспоминайте. Вы стояли на обочине и смотрели, как добивают бойцов в латах, я вышел из кустов. Один. Я шел вас убить...

– Сгинь! – Рука лоассца дернулась прикрыть глаза. – Наваждение Сатаны, это не можешь быть ты!

– Это он, господин полковник, – внезапно сказал младший, – я вспомнил. Жак выстрелил в него и попал, а он все равно... Я не помню, что было дальше, но это он!

– Кара, – прошептал господин полковник, – это кара за то, что я подвел маршала... Не знать, где козни Сатаны, а где – истина. Не знать вечно...

– Господин полковник! – закричал парень. – Вы сделали все, что возможно, вы не виноваты...

– Я не исполнил приказ, – безнадежно сказал офицер, – я виновен, но, Господи, за что ты караешь малыша Роже? И он, и его отец служили тебе, возьми же его к себе...

Глава 4

1

«Белолобых» никто не звал. Они явились сами, потому что не знали покоя, а может, еще почему-то. Это было бы интересно... Это и будет интересно, если у главы Муэнского трибунала наступит утро, и все равно память импарсиала губкой вбирала чужие имена и обиды. Возможно, они станут лишним грузом в его неупокоенной смерти, а возможно – уздой для Бутора, и крепкой уздой. Хайме внимательно слушал про графа Крапу, не забывая поглядывать на возвышавшегося над живыми и мертвыми Хенилью. Мраморное лицо под поднятым забралом оставалось бесстрастным, но импарсиал мог поклясться, что командор доволен и уверен в себе. Он не боялся утра, он вообще ничего не боялся.

– Дон Гонсало! О Господи... – Откуда появился человек в темной куртке, Хайме заметить не успел, но стоявший рядом Диего прошептал:

– Перес! – И Хайме разом стало не до лоасских интриг.

Альконья выпускала жертву за жертвой, чтобы с рассветом вновь пожрать. Возможно, с прибылью.

– Хулио Перес! – резко бросил импарсиал застывшему перед статуей мертвецу. – Именем Священного Трибунала Муэны ты вызван свидетелем по делу Гонсало де Хенилья. Только что ты в присутствии свидетелей подтвердил свое знакомство с упомянутым Хенильей.

– Я был ординарцем дона Гонсало. – Лоасский полковник знает, что мертв, мальчишка, похоже, нет, а Перес?

– Ты был при командоре Муэны в тот день, когда пришли хаммериане?

Увидит Гонсало бывшего подручного или нет? Не увидел, но это ничего не значит. Орел Онсии никогда не забывал, кому и что говорит, потому его и считали правдивым. Хайме тоже считал. До недавнего времени.

– Я был с командором, сеньор. Как и всегда. – Перес смотрел не на Хайме, а на статую, но в этом ничего удивительного не было, тем паче Хенилья зашевелился.

– Я явился по первому требованию Священного Трибунала, – изрек он, – но я не привык ждать. Пусть мне предъявят доказательства моей вины, настоящие доказательства, а не лживые вымыслы убийцы и распутника.

Командор знал толк в допросах и лет десять назад превратил бы Хайме из судьи в ответчика, но сейчас коса нашла на камень. Или камень на косу?

– Вашим ординарцем в Сургосе был Хулио Перес? – деловито уточнил импарсиал, пропустив мимо ушей претензию.

– Да, – сменил тон командор. – Я вспоминаю это имя и этого человека. Это был честный солдат.

– Он здесь.

– Этого не может быть. Он убит.

– Кем?

– Неизвестно. По моему приказу Перес пошел справиться о здоровье сеньора де Реваля и не вернулся. Подозрения пали на хитано, но допросить их не удалось. Адуар внезапно покинул Сургос, а я готовился к Лоасскому маршу и не мог уделить расследованию должного внимания, хоть и сожалел о Пересе. Очень сожалел.

– Что ж... – Хайме перевел взгляд на бывшего ординарца. – Кто тебя убил?

Безумное дело, безумные вопросы, безумная ночь...

– Вожак хитано, – не стал скрытничать Перес, – его зовут Мигелито.

– Почему?

– Я видел, как он выскользнул из одной комнаты в гостинице, только и всего. Я не ожидал удара, ведь хитано дрались вместе с нами.

– Ты не путаешь?

– Нет, сеньор.

– Дон Диего, вы подтверждаете, что этого человека убил Мигелито?

– Он мне так сказал.

– Что видели вы?

– Перес вошел в комнату, где лежал я, и вынул нож. Мигелито был со мной, но его скрывал полог. Он отобрал нож и вывел убийцу из комнаты. Потом вернулся за мной и сказал, что тот мертв.

– Перес, почему ты хотел убить этого человека?

– Сеньор, я никогда его не видел!

– Видел, только он был младше на семнадцать лет. Его имя Леон-Диего де Гуальдо. Теперь вспомнил?

– Я слышал, что он вез письмо командору и расшибся.

– И это все?

– Да, сеньор.

– Ты не видел, как он приехал, и не брался поводить его коня?

– Нет, сеньор. К дону Гонсало в тот день не приезжал никто.

– Ты был не только ординарцем, но и конюхом?

– Да, сеньор.

– Ты любишь лошадей?

– Да, сеньор. – Показалось или голос слегка дрогнул? Как бы то ни было, это единственная возможность загнать лжеца в угол. Если только Перес лжец...

– Что бы ты сказал о конюхе, покалечившем коня? Намеренно покалечившем. Лошадь долго бежала, конюх взялся ее обиходить, а вместо этого отвел в холмы, перебил ногу и бросил. Она пыталась встать и звала, но рядом не было никого, кроме мертвого хозяина. Его тоже убили, но сразу, а конь должен был умирать долго. Что ты думаешь об этом человеке, Хулио Перес?

– Это... Это безбожно, сеньор!

– Да, – согласился Хайме, – это безбожно. Человек грешен, конь – нет. Значит, ты любил лошадей? Так отвечай за то, что предал и их. Пикаро!

Де Реваль не был уверен, что у него получится, но Пикаро пришел. Он тоже помнил и тоже хотел знать. Оседланный конь показался из-за камней и, ковыляя на трех ногах, побрел к Пересу, а тот... Тот сперва замер, не веря своим глазам, а потом бросился к скалам, но на его пути стоял гнедой жеребец с белой отметиной. Конюх шарахнулся к озеру, вода откликнулась болезненным ржаньем. Пикаро выбрался на берег, и, не отряхиваясь, по колению в тумане потащился навстречу дрожащему человеку. Хайме узнал подаренное отцом синаитское седло, потом его вернули в Реваль, но теперь оно кое-как болталось на мертвой лошади. Конь не скалился, не прижимал ушей, просто раз за разом выступая из ночного марева, ковылял навстречу тому, кто его погубил. Кони не лгут, кони помнят... Люди тоже помнят.

Перес затравленно оглянулся и кинулся к статуе, но на пути у него вновь оказался Пикаро. Жеребец пытался поджать изувеченную ногу, а из темных блестящих глаз вытекала слеза за слезой.

– Ты признаешь свою вину, Хулио Перес? – крикнул Хайме, чувствуя, что задыхается. – Ты покалечил коня? Ты приходил убить всадника?

– Да! – заорал бывший конюх в плачущую гнедую морду. – Да! Это я... Я тебя покалечил. Я не хотел! Мне приказали... Дон Гонсало приказал... Так было надо... Уйди... Во имя Господа!

Диего не лгал и не бредил – гонец добрался до Сургоса, отдал повод конюху Хенилья и поднялся к командору. Чтобы вновь оказаться в раскаленных холмах.

– Что тебе приказал Гонсало де Хенилья? – спросил Хайме убийцу. – Я имею в виду оба приказа, ведь ты был должен убить дважды.

– Оставьте этого несчастного! – пророкотало сзади. Мраморный Хенилья стоял все в той же позе, если не считать скрещенных на груди рук. – Гонца отравил я, и я же приказал сделать так, чтобы смерть приняли за несчастный случай. Я сделал это ради блага Онсии и торжества нашей веры, и война подтвердила мой выбор. Для достижения святой цели допустимо многое, брат Хуан подтвердит мои слова от имени Святой Импарции. Не правда ли?

2

Командор сознался, но Диего и без его слов знал, что это он. Не знал – почему.

– Ради блага Онсии вы едва не впустили хаммериан в обитель Пречистой Девы Муэнской? – Лихана казался растерянным, но едва ли не сильнее всех был потрясен все еще не сгинувший «белолобый». Полковник воззрился на Хенилью как на самого Сатану. Он был прав.

– Дьявольщина, – пробормотал Альфорка, – вот ведь дьявольщина...

Доблехо молчал, сжав кулаки, Перес, опустив голову, стоял перед изувеченным Пикаро, дон Луис теребил бородку. Светила луна, и на озере лежала серебряная полоса, словно мост, по которому не пройти.

– Гонсало де Хенилья, – ровным голосом произнес де Реваль, – означает ли сказанное вами, что вы лгали, утверждая, что видите лишь меня и Диего де Гуальдо?

– Я не счел нужным видеть остальных, – гроыхнула статуя, – они того не стоят.

– Тем не менее вы в присутствии свидетелей признали, что предъявленные вам обвинения справедливы.

– Нет, – отрезал Хенилья, – я счел возможным подтвердить то, что под пыткой выдал слуга, но не считаю сделанное преступлением, хотя в то время я и сожалел о гонце, а о лошади сожалею и теперь. Тем не менее это было необходимо. Жертвуя малым во имя великой цели, мы поступаем правильно и разумно.

– Так почему ты не сказал об этом королю, своим солдатам, монахиням, наконец?! –

взорвался Альфорка, а Лихана грустно кивнул головой.

– Брат Хуан, – командор всем корпусом развернулся к Хайме, тяжело вздохнул, оседая, гравий, – я готов ответить на ваши вопросы. Я даже рад, что Святая Импарция будет знать все. Вы заслужили правду, ценой жизни скрывая то, что осчастливило бы врагов Онсии. Я поступил бы недостойно, не явившись на ваш вызов, и я прощаю вам некоторую горячность. Вы были одурманены, к тому же услышанное касалось вас лично.

– Да, – подтвердил де Реваль, – это касалось меня лично, но не вам говорить о прощении.

– Моя совесть чиста. – Два светлых луча полоснули по истоптанному берегу. Откуда в предателе этот свет? Этот свет и эта уверенность?! – Я жил во славу Господа и моего короля, слышите, вы? Ничтожества, призывавшие на помощь полудохлых ублюдочных божков! Как же я счастлив, что могу бросить вам в лицо правду...

– При жизни ты предпочитал ее скрывать. – Глаза статуи слепили, но коршуны могут смотреть на солнце, а на гербе де Гуальдо было и первое, и второе. – Ты боялся за свою славу, Хенилья. Ведь она была грязной и краденой, а тебе нужны были блистающие доспехи, титулы, земли, молодая жена...

– Дон Диего! – прикрикнул Хайме. – Замолчите. Дон Гонсало, почему вы пошли на преступление?

– Почему? – Мраморные губы медленно раздвинулись в улыбке, черные складки на лице стали жестче и безжалостней. Еще безжалостней. – Извольте, брат Хуан, я отвечу, хотя не сомневаюсь, что вы и сами догадались. Вы, в отличие от тех, кто рядом с вами, умны. Сейчас умны, но семнадцать лет назад вы подражали своему родичу и повторяли глупые шутки его офицеров. Как вы называли меня тогда?

– К чему это? – не понял Лихана, но командор говорил только с импарсиалом.

– Вы называли меня старым занудой, – проревел истукан в ночное небо, – вы не желали меня слушать! Ваши головы были заняты пирушками, охотой и женщинами, вы не видели, что на пороге война, и вы к ней не готовились! Нет, вы могли глупо и красиво сдохнуть, но не победить, а я знал, как надо! Я предупреждал, говорил, писал, бился головой об стену, а меня спланили в захолустный гарнизон командором!

Еще бы, ведь последняя глупость в устах любого пустоголового гранда заслуживает внимания, а провинциал без протекции может лишь чушь молоть! Молодые недоумки злились, когда я делал из них солдат и заставлял служить, а не шляться по девкам. Я превратил гарнизон Сургоса в образцовый, но кто это заметил?! Никто... Король верил мирному договору, гранды валяли дурака, а армия погибала без единого выстрела. Я видел, что Онсия идет ко дну, я знал, как ее спасти, но не мог ничего!

Вы слышали, что говорили «белолобые»? Им была нужна война, и они ее получили, но по моим нотам! Да, я мог выбить эту мразь еще в горах, но что бы это дало? Героем опять стал бы гранд и родич короля в придачу. Конечно, ведь это он нашел врага и полез бы впереди всех со шпагой, а я опять был бы никем... Выючным мулом!

Чтобы разбудить короля и Онсию, нужна была встряска. И такой встряской стал бы разгром монастыря, уничтожение налетчиков и бросок на Виорн. И что в сравнении с этим младший сын горного бирюка и толпа баб, которые не стоят доброго слова, что лишний раз доказала Мария! Эту цену было можно и нужно заплатить за величие Онсии, и я ее заплатил.

Кто же знал, что хитано найдут гонца раньше времени? Я как чуял, хотел избавиться от проклятого адуара, но наши дворяне не могут без хитанских шлюх и фламенко... Губернатор намекнул мне, что адуар под его защитой, и я это проглотил... Я сорок лет глотал поучения и оскорбления дураков и ничтожеств, меня соизволили услышать, только когда я швырнул к ногам короля ключи от Виорна. Мне дали армию, но посадили на шею напыщенного осла, который знал свою родословную от Газдрубала и ни дьявола не понимал в том, что ему поручено...

– И он весьма своевременно упал с лошади и разбился, – закончил за Хенилью импарсиал. – Это было большой удачей для Онсии. Еще одной большой удачей...

– К черту того, кто прикончил де Фару, – рванулся вперед Альфорка, – но мы... Мы не для того умирали, чтобы эта каналья взгромоздилась на белую лошадь.

– Как оказалось, именно для того, – поджал губы Себастьян, – и еще для того, чтобы уцелело тысячи полторы женщин.

– И возблагодарили за спасение Орла Онсии, – хохотнул Мануэль. – Стервятник ему больше подходит!

– Тем более что монастырь спас капитан Бертильо, поднявший гарнизон без приказа, – холодно уточнил Лихана. – Вы сделали то, в чем обвиняете других, Хенилья, – присвоили чужие заслуги.

– Молчать! – каменная туша подалась вперед.

Нет, Лихана не отступил, просто не всем дано в упор смотреть на солнце.

– Он одержим, – прошипел хаммерианин, – одержим сатанинской гордыней, а мы... Мы стали его орудием.

Истукан беззвучно сжал эфес древнего меча, нависая над Альфоркой. Он и при жизни был выше многих, теперь же стал огромным.

– Я знаю про вас все, – рокотал командор. – Ваша слава – случайность, везение, доставшееся балбесам. Уцелей вы, и где б вы были сейчас? По Лихане с его делишками плакала Супериора, Альфорку прикончили бы в какой-нибудь драке, Доблехо женился б на деньгах, а ваш Ригаско до сих пор бы махал шпагой, изменял жене и загоразживал своим титулом дорогу тем, кто не имел счастья родиться в короне. Ваш обожаемый гранд лез туда, куда никто не просил, и только мешал, но его слушали. Его, а не меня, хотя я понимал в сто раз больше титулованного болвана! Великий герой! Как же... Не видевший дальше своего носа полковник, сбежавший от беременной жены поохотиться. Что бы от вас всех осталось, кроме надгробий, если б не я? Если вас и вспомнят, то рядом с именем Хенильи!

– Хватит! – На самом деле, хватит. Говорите, человек не справится с камнем? Справится, если он – человек, а камень – падаль! – Тех, кто не может ответить, оскорбляют только трусы и завистники. Ты – завистливая дрянь, Хенилья, в этом твоя беда. И не только твоя. Я рад, что избавил от тебя Онсию, постараюсь избавить ее и от твоей славы. Она воняет падалью.

– Другой славы нет, – глаза командора разгорались все ярче, – и быть не может. Брат Хуан это подтвердил, скрыв твой донос. Святая Импарция и впредь заткнет пасть всем, кто поднимет руку на мою славу, а мертвым, отринувшим святой крест, дорога в золу! Я мог бы раздавить тебя, как червя, но я хочу увидеть тебя на костре. Тебя и шлюху, которую я поднял из грязи...

Бой против того, кто уступает в мастерстве, но превосходит в силе и в придачу неуязвим... А ты уязвим и знаешь, что живешь ровно столько, сколько способен сражаться... Безнадежно? Что ж, в этом даже есть своя прелесть. Бой длиною во всю оставшуюся жизнь – для этого стоило раз за разом выживать.

– Ты слишком много говоришь, – сощурился Диего. – Защищайся, тварь булыжная, я жду! – Гнев отступил, вернее, из огня стал льдом, до предела растянув оставшиеся до схватки мгновенья. Человек против изваяния – это занятно может получиться... Командор выше раза в два, но и бык сильнее матадора. Сила и тяжесть – это еще не победа. Особенно у большой воды.

Диего больше не злился. Он рассчитывал. Для схватки с противником, столь явно превосходящим в силе и весе, есть неплохой способ. Вцепиться в клинок гиганта, превратив его в точку опоры или в ось вращения, а дальше да поможет тебе фламенко, дон Диего Муэнский! Так пляшет в луче солнца пылинка. Так спляшем и мы.

Истукан тяжело развернулся и шагнул... назад.

– Наша дуэль кончена, – отрезал он, – в вашем мире мне судей нет. Если я и бросил бы кому-нибудь вызов, то лишь де Ригаско. Родич короля мог избавить меня от гарнизона, я просил его об этом, он не вмешался.

– Хайме, – вдруг спросил Альфорка, – ты правда покрывал этого ублюдка? Зачем?!

– Ради Онсии, – твердо произнес импарсиал, окончательно затоптавший в себе человека. – Все и так ползет, как гнилое полотно. Правда про Хенилью обернется враньем про других. Смотреть в грязь проще, чем на солнце. Обязательно кто-нибудь скажет: если Орел Онсии оказался таким, то и Лев Альконьи не лучше, а потом и до Адалида с Сальвадором доберутся. Дескать, не было ни подвигов, ни славы, ни совести, одна сплошная подлость, а кому подхватить, найдется, всегда находилось... Нет, Маноло, мы не можем себе позволить унижать свои победы.

– Вот ваш приговор, – в голосе истукана гремело торжество. – Я возвращаюсь со спокойной душой. Слава Онсии в надежных руках.

– Не уверен, дон Гонсало, – покачал седой головой де Реваль. – Рука де Гуальдо, увы, надежней моей, но я, как родич герцога де Ригаско, принимаю ваш вызов. Ваша слава, к несчастью, теперь и наша, но сами вы ее не стоите. Вы подлец, Хенилья, и вы оскорбили не только Карлоса...

Глава 5

1

– Глупец, – припечатал командор, в ответ Хайме де Реваль слегка пожал плечами. Банальность, что подлецом быть хуже, произнес не он, а Альфорка. Если Хенилья прав, для стрелка эта ночь – последняя, но не может же истукан быть прав во всем, и потом... Потом – остановить «белолобых» казалось столь же невозможным, но ведь они не прошли!

– Спятил? – прошипел и подоспевший Доблехо. Капитан с бывшим командором оказались на удивление единодушны, и Хайме не ответил. Зачем? Пустые разговоры уместны в таверне, до которой они так и не добрались. А жаль.

Диего тоже подошел. Этот, слава Господу, сам был достаточно сумасшедшим, вот и обошелся без дурацких вопросов. Просто топнул ногой, проверяя грунт.

– Береги дыхание, – посоветовал он, – и держись поближе к озеру. Наш красавец вряд ли умеет плавать, а скоростью он и при жизни не блистал. Зато вынослив, зараза...

– Спасибо, – поблагодарил Хайме, доставая шпагу, которая, скорее всего, окажется бесполезной. Об озере он уже думал. И о том, что, став камнем, Хенилья не стал ни быстрее, ни легче, ни глупее.

Громко, вызываясь заржал Пикаро, и словно в ответ командор потянулся за мечом. Широкий клинок сверкнул тусклой слепой белизной. Хайме с непонятной отстраненностью подумал, что скульптор при всей своей дотошности не мог вложить в мраморные ножны мраморный же лепесток длиной в рост человека. Его создала та же сила, что напекла глаза Хенилья горним светом, но рассуждать о ее природе было некогда.

– К бою! – В рыке командора сплелись восторг и торжество. – Во славу Онсии!

– За славу Онсии, – эхом откликнулся Хайме, толком не расслышав собственных слов. Что поделать: если нельзя не драться, приходится драться. Тоже банальность, но на этой банальности мир держится не первый век. И неплохо держится.

Белая громадина двинулась вперед размеренным торжественным шагом, стоять на месте становилось неприличным, и Хайме пошел навстречу, твердо зная, что не побежит и не сдастся.

Услужливая луна заливала Альконью холодным слепящим светом, превращая Лаго-делас-Онсас в зеркало, а прибрежную полосу – в причудливую раму. От воды тянуло свежестью, с темного неба, догоняя друг друга, скатывались звезды. Умирая, лето тонет в цветах и звездопадах. Это люди захлебываются кровью и ненавистью. Даже после смерти...

Командор развернулся, обходя гряду валунов, и Хайме поймал себя на том, что предугадывает движения противника. Уже неплохо! Нет, сеньоры, Хайме де Реваль не спятил. Его ноги не вязнут в земле, он не думает, как и куда ступить, и сможет подняться,

даже скатившись с обрыва, а вот мрамор не самый прочный из камней, хоть и прочнее плоти человеческой.

До схватки оставалось не больше десятка шагов, обычных, человеческих, когда за плечом Хенилья шевельнулось что-то темное и блестящее. Что именно, де Реваль не понял – глаза, как это часто бывает, оказались расторопнее разума.

– Стойте! – долетевший с ветром забытый голос заставил вздрогнуть. – Хайме, сколько раз тебе говорить: не беги впереди коня!

Белый исполин замер, словно напорвшись на невидимую стену. Тоже узнал?

– Господь не унизил меня подделкой победы, – протрубил он, поворачиваясь к Хайме спиной. Пришелец промолчал. Теперь звезды падали россыпью, будто кто-то пригоршнями швырял крупный жемчуг. В сгустившейся тишине громовыми раскатами раздавались шаги. Две фигуры, светлая и темная, сходились молча и неспешно. Хайме видел прямую белую спину одного и знакомый поджарый силуэт другого. Его величество Альфонс повелел изобразить Льва Альконьи таким, каким тот был при жизни. Не архангелом Михаилом, не Адалидом и не Сальвадором, а герцогом де Ригаско, и скульптор-ромульянец постарался на славу, не забыв даже шрам над бровью...

Первым пришел в себя Доблехо.

– Похоже, ты не будешь драться, – шепнул он. – Карлос всегда отвечал за себя сам.

2

Де Ригаско опять явился, когда его не звали, опять все стянул на себя, но на сей раз Хенилья был доволен. Еще бы, ведь Ригаско мог так и остаться рядом с ним навеки. В королевском храме, в хрониках, в песнях и молитвах, наконец... Вот с этой своей вечной ухмылочкой, которую дон Гонсало всегда ненавидел. Баловень судьбы, герцог был обласкан и после смерти. По Льву Альконьи двор носил траур, по Орлу Онсии – нет. Две выигранные войны, новая провинция, два десятка выданных Папе еретиков во главе с маршалом Танти оказались дешевле бессмысленной драки...

Подвернувшийся под ногу валун напомнил о том, что земля не просто осталась землей, она стала коварной. Нет, полководец не упал, но пошатнулся, к вящей радости карликов, все еще пребывавших под впечатлением от явления оживших исполинов.

Эти гранды цепляются друг за друга, как обезьяны. Молодой де Реваль и тот не смог перешагнуть через дурацкую спесь, а ведь не окажись здесь Альфорки с Доблехо, импарсиал остался бы на стороне разума. И останется, когда его кумир получит урок. Первый и последний, но победа не будет легкой. Только полный невежда считает, что шпага против меча бессильна, а Ригаско при жизни считался отменным бойцом... Вот кто бы прикончил этого де Гуальдо. А потом соблазнил бы твою жену и украл твои победы!

Дорогу преградил ручей. Мелкий и неширокий, он скакал по блестящим от лунного света камням. Его бы перешел и ребенок, но сапоги, и без того утопавшие в каменистом грунте, провалились в мокрый песок выше щиколоток. Мраморное тело в который раз напоминало: то, к чему ты привык при жизни, отныне невозможно, а столпившиеся на берегу глупцы желают победы Ригаско. Все, кроме болтуна Переса! Они будут разочарованы, но бронзовый, черт его побери, не прост, а этот гравий хватает за ноги не хуже трясины! Нужно найти для боя приличное место... Вон ту площадку между деревьями!

Ригаско придерживался того же мнения. Застыв выше по течению все того же ручья, он сосредоточенно огляделся и неловко выбросил вперед руку, указывая в сторону разлохмаченных дубов. Хенилья неспешно кивнул. Глядя на противника, он смотрел на себя. Те же неловкость, медлительность, тяжеловесность, но это пройдет. Нужно только помнить, что ты не человек, и трудности обернутся преимуществом. Рано или поздно бронзовый войдет в раж, зарвется, упадет и больше не встанет. Он всегда был азартным и никогда не оглядывался. Хенилья вдосталь насмотрелся на таких... Они редко доживают до тридцати и губят больше солдат, чем вражеские стратегии. И они же купаются в море славы, к которой

другим пробиваться годами. Но к дьяволу этих недоумков, не до них! Гравий и земля легко держат человека, но проседают под камнем, да и само тело не спешит повиноваться: трудно поддерживать равновесие, трудно рассчитывать силу, трудно остановиться и повернуться. Походка становится неловкой, каждый шаг требует внимания, а ведь скоро дойдет до оружия! У Ригаско шпага, к которой он привык, а к мечу еще нужно приспособиться...

Грунт стал тверже, то и дело приходилось переступать через спящие валуны. Изломанные тени накрыли тропу черной сетью, до облюбованной площадки осталось шагов двадцать, а бронзовый запаздывал, ему только предстояло перейти ручей и миновать темные заросли. Это было кстати, потому что идти в бой с незнакомым оружием – больше чем глупость.

Полководец выбросил из головы все, кроме главного, а главным было подчинить новую плоть, и у него получилось. Мраморные ноги больше не спотыкались, послушно неся огромное тело к роще. Воля и разум способны на многое. Они выиграют войну, откроют Новый Свет, но не поставят на место титулованных ублюдков и не отучат женщин от предательств!

Белый меч, описав дугу, с грохотом опустился на упавший ствол. Мертвое дерево развалилось на куски, а на широком клинке не осталось ни зазубрины. Дон Гонсало со всей мощи рубанул припавшую к земле глыбу. Всполошенными светляками брызнули искры. Голубые, словно утренняя пастушеская звезда, они льнули к породившему их мечу. Это было чудо, но уповать на чудеса Хенилья не привык. Мраморный сапог трижды ударил по горбатуму валуну, прежде чем полководец окончательно уверился: драгоценный ромульянский мрамор не уступает крепостью граниту! Небеса оказались справедливей пап и королей, даровав Орлу Онсии не только вторую жизнь, но и неуязвимость!

Последний пробный удар обрушился на вцепившееся в камни деревце. Белый клинок срезал ствол толщиной в руку, словно косой, и понесся дальше. Мраморный исполин пошатнулся и, как смог быстро, отступил в тень. Входить в образованный деревьями и берегом круг прежде Ригаско он не собирался. Гонсало де Хенилья и так слишком часто ожидал титулованных ничтожеств, теперь очередь бронзового. И неважно, что ожидание будет недолгим...

3

Инес отложила гребни и уставилась в зеркало, подперев кулаками щеки. Сотворенное Бенеро зелье смылось, как он и обещал, почти без остатка, разве что волосы теперь отливали не золотом, а пеплом, но ничего плохого в этом не было. Плохо было то, что Хайме ушел непонятно с кем и не вернулся. Инес спросила служанку, кто этот пожилой сеньор с бородкой и где он живет, та замялась, а потом сказала, что не знает. То же самое сказали и высокий белобрысый слуга, и конюх, без возражений показавший ей коня Хайме и поклявшийся, что все лошади на конюшне и из замка никто на ночь глядя не уезжал. Пришлось вернуться к себе и смотреть, как на темнеющем небе проступает лунный диск.

Семнадцать лет назад она тоже смотрела в окно и думала, что скажет Карлосу, когда тот соизволит вернуться. Это в книгах и песнях гибель близких чувствуют на расстоянии, а в жизни смерть приходит вместе с гонцом. Она уже несколько часов была вдовой, но ничего не знала и не чувствовала, только злилась на мужа за непонятный и поспешный отъезд. Бласко ничего толком не объяснил, сказал только, что герцог де Ригаско велел ехать. Она стала спорить, и аббатиса напомнила, что долг жены – повиноваться воле супруга. Она-то про лоассцев знала, но молчала, уповая на Хенилью и Пречистую Деву, а спас всех Карлос...

В приоткрывшуюся дверь просунула нос служанка, спросила, не пора ли стелить. Инья замотала головой: после отъезда сына она засыпала с трудом, а лежать, смотреть в темноту и вспоминать было больно. Женщина послушно вышла. От Гьомар так просто было бы не избавиться, но камеристка, по доброй воле превратившаяся в няньку, не отходила от малышки. Инес это устраивало – навязчивая опека Гьомар ее и раньше бесила, а в последний

год стала просто невыносимой.

Герцогиня провела пальцами по бровям и вышла, сама не зная куда. Церкви в Гуальдо не было, а горный вечерний холод отбивал охоту к прогулкам по стенам. Герцогиня немного постояла в коридоре, борясь с желанием потолковать с Бенеро, и отправилась навестить хозяйку. Та еще не спала и была одна.

Родильная горячка обошла бывшую маркизу стороной, а покой и присутствие Диего сотворили чудо. Мариита больше ничего не боялась и ничего не хотела. Замок, в который никто не приедет, и любовник, который никуда не уйдет, стали ее счастьем. При виде гостьи молодая мать улыбнулась и отложила цепочку из собственных волос, которую плела для Диего.

– Сеньор Бенеро уже ушел, – сообщила она. – Почему он хочет уехать? Скажи ему, чтоб остался, здесь так хорошо.

– Это его дело, – пожала плечами герцогиня, – если он считает тебя здоровой...

– Врач мне больше не нужен, – заверила Мария, – и маленькой тоже. Правда, что приехал твой брат?

– Да. – Приехал и сразу куда-то исчез. Нашел время!

– Как же это чудесно... Он обвенчает нас с Диего и окрестит маленькую, мы ведь не можем появляться в городе.

– Конечно, он все сделает. Мариита, кто этот высокий пожилой сеньор с седой бородкой? Он тоже гостит в замке.

– Нет. – Аквамариновые глаза широко распахнулись. – В замке нет гостей, ты же знаешь.

– А где Диего?

– Ушел. Его позвал Фарабундо.

– Давно?

– Еще светло было. Ему нужно было по делам...

– Ты не знаешь, где он?

– Нет. Инес, что с тобой?

– Мне не нравится, что его нет. – А еще меньше ей нравятся непонятный гость, белобрысый Фарабундо и куда-то умчавшийся братец.

– Не волнуйся, – безмятежно протянула бывшая маркиза, – Диего никогда меня не оставит. Если он ушел, значит, так нужно.

– Без сомнения, – согласилась Инес, целуя безмозглую голубицу в щеку, – спокойной ночи, Мариита.

– Ты уже уходишь?

– Поговорю с... Бенеро. Ты права, ему лучше остаться здесь.

– Конечно, у нас его никто не тронет.

И он сойдет с ума от скуки. Смогла бы она день за днем глядеть на Карлоса и плести для него цепочки и браслеты? Смог бы Карлос взирать целыми днями на изводящую свои волосы супругу? Будь она мужчиной, она бы точно сбежала, но куда все же делся Хайме?

Ноги сами принесли Инью к комнате брата. Двери в Гуальдо не запирались, и герцогиня шагнула за порог, едва не налетев на внушительный сундук. Внутри, как и следовало ожидать, было пусто и тихо. Мирно горела ночная масляная лампа, на огромном, впору утонуть, кресле валялся тощий холщовый мешок, второй, побольше, лежал на полу. Инес зачем-то обошла комнату и собралась еще раз расспросить белобрысого Фарабундо, но мешок на кресле зашевелился и подпрыгнул.

– *Этот замок исполнен скверны и мерзости,* – раздалось в голове, – *только одержимый или безумный мог войти сюда по доброй воле.*

Инес ошалело затрясла головой, но чистый серебряный голос продолжал вещать о скверне, ереси и карах Господних. Герцогиня заткнула уши – не помогло. Неведомый проповедник и не думал замолкать.

– *Ты глупа, как и все дочери Евы,* – сообщил он, – *но ты хотя бы добродетельна. За*

тебя молятся во всех храмах Онсии по приказу самого Фарагуандо. Нам нужна твоя помощь, иначе случится непоправимое.

– Кто ты? – взвизгнула Инес, а руки уже развязывали трепещущий мешок, из которого вывалился изрядно помятый голубь. Дохнуло курятником.

– *Мы удерживаем твоего брата на пути истинном, – прозвенело в мозгу, – на нас печать благодати, мы принадлежим Святому Престолу, и твой долг – повиноваться!*

Глава Священного Трибунала Муэны обезумел и пошел навстречу Злу. Его душа погибает вместе с его телом, но не это самое страшное. Выход из вертепа, из гнусной обители демонов, из бесовского прибежища, в которое нас ввергли, стерегут порождения Сатаны. Если ты не отыщешь обезумевшего и не вернешь его, мы не сможем вернуться в святую обитель, а ты да будешь за это проклята наравне с еретиками и богохульниками...

Глава 6

1

Диего почти бежал, и все равно мраморный истукан маячил далеко впереди. Бросившийся за командором первым Хайме безнадежно отстал, об остальных де Гуальдо не задумывался. Его словно что-то волокло к месту будущей схватки, туда, где у самой кромки воды темнели деревья и камни. Там сходились пути оживших исполинов, там решалось что-то немисливо важное, но что именно, Диего не знал. Зато эта ночь раз и навсегда решила – Хенилья заслуживал смерти, но не от шпаги. Жаль, на берегу Лаго-де-лас-Онсас не было палачей...

Последний из де Гуальдо, не отрывая ненавидящего взгляда от белой спины, перескочил ручей. Он не таился, но сводящим счеты памятникам было не до людских глаз. Бронзовый уже ждал, держа руку на эфесе, мраморный задержался, пробуя оружие, но вот появился и он. Чудовищная пара замерла, скрестив взгляды, словно клинки. Глаза бронзового горели расплавленным золотом, мраморный стоял спиной, но Диего не забыл бьющие из-под широких бровей полуденные лучи.

Враги молчали. Или говорили на языке, недоступном смертным. Наконец белый взмахнул мечом и, пригнувшись, набирающей разгон лавиной проскочил мимо отшатнувшегося темного. Он еще не остановился, когда бронзовый, тяжело развернувшись, атаковал сам, но тоже не рассчитал, с трудом удержавшись на непослушных ногах. Второй замах вышел не лучше, оружие вновь потянуло хозяев за собой. Белый клинок и темная шпага крушили ветки, чиркали по земле, задевали гранитные глыбы, но ни разу не столкнулись друг с другом. Битва не складывалась. Воскресшие воители, шатаясь, словно пьяные, топтались по площадке, то и дело спотыкаясь о валуны. Не было ни привычных атак, ни защиты. Только шараханья, неуклюжие взмахи клинками и столь же неуклюжие шаги и пробежки. Остервенело хрустел гравий, глухим стуком отзывались задетые глыбы, а грохот огромных сапог сделал бы честь забойщикам свай. Камень зло врезался в камень, застонал сбитый бронзовым плечом ствол, отпрянувший командор едва не боднул прибрежную скалу и отлетел к несчастным деревьям, где и замер в позе пьяного монаха.

Рядом кто-то тяжело задышал, и Диего оторвался от беснующихся монстров. Хайме все-таки доковылял до площадки и теперь ловил ртом воздух.

– А ты, знаешь ли, не очень и рисковал, – выдавил из себя смешок де Гуальдо, – Гонсало пока воюет с собственным мечом.

– Они... приноравливаются, – пролаял Хайме, растягивая ворот, – с их-то опытом...

Диего кивнул, он и сам видел, что первый пыл пошел на убыль. Опытные воины, не преуспев в атаках, сбавили прыть, на глазах приспособливаясь к новой плоти. Приседая поглубже и широко ставя ноги, они наново пробовали свои тела, обретая не то чтобы сноровку, но хотя бы четкость движений.

- Мрамор легче бронзы, – прошептал монах, – но по ним не скажешь...
- Покойник при жизни двигался не очень, – припомнил Диего, – силой брал, а второй?
- Ты бы с ним сразу не справился, – откликнулся Хайме. – Стой!.. сходятся!

Даже приличные булыжники под сапогами командора уходили глубоко в грунт, а там, где их не случалось, гигантские ноги вязли в земле, как в болоте. Бронзовый двигался чуть легче, а может, Диего этого очень хотелось.

– Дьявол!

Тяжеленный меч обрушился вниз в страшном рубящем ударе. Человека развалило бы на две половины вместе с конем, но человек мог увернуться, а бронзовый не успел. Нет, старые навыки не подвели, подкачало новое тело, не успевшее исполнить приказ. Белый клинок догнал темное плечо, раздался звон, словно с башни на плиты двора рухнул колокол. Де Ригаско согнулся под тяжестью удара и сразу же выпрямился, ответив точным колющим ударом. Клинок устремился в живот нависшего над герцогом монстра, глухо вскрикнул камень, в месте удара полыхнуло, и больше не случилось ничего...

Сквозь гаснущие на лету искры Диего видел, как бойцы разворачиваются, изготавливаясь к новой схватке. Хенилья опять атаковал первым, с широкого замаха. Бронзовый парировал косой удар шпагой, вернее, попытался парировать... Мощь атаки была такова, что защиту снесло напрочь, а де Ригаско отшвырнуло назад. Он бы упал, если б не подвернувшийся дуб, но вреда бронзовому герцогу чудовищная атака не нанесла. Напротив, разошедшийся исполин прыгнул на врага, целясь в лицо под шлемом. Увернуться командор не успел, но мрамор отделался отвратительным скрежетом. Мимоходом своротив очередной куст, Хенилья со всей силы обрушился на врага, Ригаско ушел в сторону, умудрившись достать белое горло. Командор, даже не покачнувшись, ответил ударом в бедро.

Атака следовала за атакой, противники в туче искр с упоением наносили друг другу удары, но мрамор не крошился, а бронза не кололась. Будь противники из плоти и крови, все давно бы закончилось, но камень и металл стояли друг друга.

2

Вряд ли Бенеро был рад неурочному визиту, но открыл он сразу. Врач еще не ложился, на столе горели свечи, рядом лежали какие-то бумаги и перо...

– Вы, наверное, удивлены, – начала Инес и осеклась, не зная, как в двух словах объяснить про Хайме, непонятного гостя, голубя...

– Врачи не удивляются, – успокоил Бенеро, – тем более если они еще и суадиты. Я вам нужен, сеньора?

– Да, – без колебания подтвердила Инес. – Хайме пропал, Диего – тоже, а Мариита... плетет цепочки.

– А слуги?

– Или не знают, или не говорят. А этот... – Как же объяснить, что за тварь у нее на плече? – Голубь Хайме говорит, что происходит что-то скверное...

– *Тайна Святой Импарции священна*, – затрепыхался Коломбо, – *не смей доверять ее суадиту... Это проклятое племя! Даже князя Церкви, даже мундиалитские владыки пребывают в неведении, а ты хочешь довериться...*

– Тебя не спрашивают, – прошипела Инес. – Сеньор, простите, это я не вам.

– Это очень приятно. – Бенеро слегка поклонился. – Сеньора, все ваши сведения почерпнуты у... данной птицы или вы что-то видели лично?

– Я видела того, кто увел Хайме, он мне понравился. Эдакий провинциальный дворянин, уже немолодой, Хайме называл его доном Луисом... Он так извинялся за навязчивость, а потом они ушли вдвоем, сказали, на всю ночь. Но все лошади на месте.

– Дон Хайме был рад? Удивлен? Встревожен?

– Не знаю... С ним никогда ничего не поймешь.

– *Хватит пустых разговоров*, – встопорщился голубь, и Инес с непривычки

вздрыгнула. – *Суадит отвлекает тебя, глупая женищина, а глава Священного Трибунала Муэны погрязает во зле! Поторопись, или будешь вовеки проклята...*

– Ну так скажи, где он, – огрызнулась Инья. – Он хочет, чтобы мы поторопились. Говорит, Хайме погрязает во зле...

– Не думаю. – Врач сосредоточенно свел брови, словно отмерял какую-нибудь настойку. – Что вам известно, сеньора? Кроме того, что связанная с вашим братом птица встревожена.

– *Суадит в нашем лице оскорбляет Святой Престол!* – Несмотря на мелодичность, раздавшийся в мозгу Инес вопль был исполнен величайшей склочности. – *Богохульник и нечестивец, да падет на него ...*

– Помолчи, – нахмурилась Инес, – не в Сан-Федерико! И что плохого в том, что сеньор назвал тебя птицей?

– Я вам потом объясню, – пообещал Бенеро, – я читал о подобных созданиях. Соломоновы змеи, кошки фараонов, возможно, зигские волки – все они имеют сходную природу. Видимо, туда же следует отнести и папских голубей.

– *Кошунник! Мы – воплощение благодати и отражение одной из ипостасей Его!*

– Ты – воплощение глупости, – не выдержала Инья. – Как мы можем что-то делать, если ты все время мешаешь?

– *Господь тебя накажет, злоязыкая женищина,* – пригрозил голубь, но с плеча не слетел.

– Постарайтесь его не слушать, – посоветовал Бенеро. – Нам и впрямь нужно отыскать дона Хайме. Вчера был день Пречистой Девы Муэнской, в который семнадцать лет назад погиб ваш супруг. Я не ошибаюсь?

– Не ошибаетесь. – Как же шумел тогда в ветвях тополя поднявшийся к утру ветер, срывая листья и умирающие звезды. Сегодня ветра нет, а звезды все равно падают. Что поделать, исход лета...

– Дон Диего и дон Хайме тогда уцелели. – Врач говорил негромко, словно с самим собою. – Рискну предположить, что годовщина гибели остальных вынудила уцелевших на какие-то действия.

– Но тогда бы они ушли вместе! – почти закричала Инес. – Сеньор Бенеро, я вспомнила! Одного из погибших звали дон Луис... дон Луис Лихана. Но не мог же он засветло прийти и увести Хайме!

– *Мог, если дух его был не слишком крепок и не исполнен отвращения к падшим и нераскаявшимся...*

– Я знаю лишь то, что ничего не знаю, – пробормотал Бенеро, – но, если лошади здесь, нам остается одно: обыскать замок. По крайней мере, вы знаете, через какую дверь они ушли.

3

Карлос уверился, что жив, в то мгновение, когда, по привычке схватившись за шпагу, обнаружил, что она отделяема, хоть и была отлита вместе с одеждой и телом. Радость смешалась с отчаянным нежеланием новой смерти, и тут же стало не до них.

Осиянная вечным светом громадина нависала чуть ли не над головой, и как же она была уверена в своем праве и в том, что кругом права. Таковую подлость за один раз не убить, а убить надо... Ты за этим и пришел, дон Карлос, так бей! Белая туша занесла сверкающий меч, Карлос шевельнул кистью, словно готовясь парировать, каменная рука пошла вниз, а дальше все просто. Шпага скользнула по мечу, как струйка воды, и вот уже она, изукрашенная крестом и розами грудь. На доспехи плевать, это то же тело, но и тело – те же доспехи. Бронзовый клинок отлетел от сияющей кирасы, огромная, с хороший ствол, мраморная рука начала подниматься для нового удара. Карлос замер, ожидая начала ее падения, и слегка отклонился. Белая полоса, встретив пустоту, понеслась к земле, увлекая за

собой руку и все тело. Хенилья клюнул носом, но удержался на ногах, замерев над скальным обломком. Этого хватило, чтоб ударить в бок, но окутавшийся искрами клинок отскочил от заговоренной твари, в который раз подведя хозяина. Что толку пробиться сквозь защиту, если у тебя в руках деревяшка, сосулька, соломинка?

Карлос выставил шпагу. На сей раз клинки столкнулись и скрылись в огненной россыпи. Будь в руке Карлоса обычная сталь, сейчас он бы сжимал обломок, а белая полоса вновь рассекает воздух, половина немалого куста валится к ногам осатаневшего Хенилья. Меч столь же бесполезен, что и шпага. Бывший командор в ярости топает ногой, увязая в щебне, вырывается, осенним кабаном ломится сквозь заросли. Искривленная гневом маска, полные света глаза, меч и крест...

– Умри! Навсегда...

– С тобой вместе!

Не бьется сердце, не стучит в висках кровь, но невозможность поразить врага тем, что для этого предназначено, приводит в бешенство. Темное золото и белизна вновь несутся друг к другу, яростный звон тонет в вое очнувшегося ветра, шуме деревьев, дальнем, тревожном рокоте.

– К дьяволу! – Хенилья отшвыривает ненужное оружие; не долетев до воды пары шагов, меч валится на гальку дохлой рыбиной. Теперь Гонсало наступает, широко расставив руки... Что ж, прощай, шпага. Золотой клинок с обиженным стоном падает на камни. Прости, ты свое отслужил.

Если клинки бессильны, остается стать оружием самому, хоть и непонятно, чем руки лучше брошенных меча и шпаги. А белая туша уже рядом. Исчезает за мраморным плечом побледневшая луна, гром в дальних горах рокочет все навязчивей, и все сильнее разгорается в душе ярость, толкая схватить, сокрушить, сломать...

– Я тебя ненавижу! – ревет белый гигант и тянется вперед. – Ненавижу! Будь ты проклят, счастливчик...

Нужно уклоняться, уходить и нападать самому. Нужно как-то свалить эту огромную тушу, и неважно, что будет потом. Главное – сразаться и выстоять столько, сколько нужно. Как у Сан-Марио, как у безымянного холма... Ты тогда думал, что сделал все, что мог, и теперь свободен, но остался вот этот, белоглазый... Ты не можешь ему уступить, не можешь устать, опустить руки, сдаться, потому что за твоей спиной те, кого, кроме тебя, прикрыть некому. Потому что перед тобой то, что должно быть уничтожено. Белая тварь не должна победить, и она не победит, а дальше – неважно, дальше пойдут другие... Те, кто жив.

Глава 7

1

Теперь враги сошлись вплотную. Неуклюже и неотвратимо мраморный надвигался на бронзового, но тот раз за разом уворачивался от разведенных каменных рук. Или уже не каменных? Камень не гнется, он трескается, но на сияющем белом теле нет ни царапины! Неуязвимый монстр в древних доспехах... Это слишком даже для импарсиала!

Слова молитвы так и рвались наружу, но Хайме сжал зубы: на груди Хенилья отчетливо проступал крест, а тело обволакивал тот самый нездешний свет, из которого вылетел Коломбо. Если небесам угодно сотворенное командором, к ним лучше не вызывать...

Карлос вновь отступил, знакомо махнув рукой, словно на что-то решившись. Хенилья остановился, по-бычьему наклонив голову в шлеме, и топнул ногой. То ли от ярости, то ли проверял надежность грунта. Де Ригаско ждал, чуть выставив вперед правую ногу.

– Ты выдохся, выскочка? – Голос Карлоса почти не изменился, разве что стал звонче, но живое лицо никогда не дышало такой ненавистью.

– Ты... Сейчас ты наконец... сдохнешь! – Хенилья с ревом понесся вперед, и Хайме

почувствовал, как дрожит под ногами земля. На этот раз Карлос не уклонялся, напротив. Раздался грохот, гигантские тела окутало двуцветное пламя, но на ногах враги удержались, вернее, удержали друг друга. Схватившись чуть ли не в обнимку, полковник и полководец застыли чудовищным изваянием. Исходящая от них ненависть захлестывала невидимыми волнами; казалось, в беззвучном реве заходится сама Альконья, и при этом было невыносимо, нестерпимо тихо: хриплое дыхание, стук сердец, слипшиеся волосы – это для людей.

Монстры давили друг друга молча и безжалостно. Белый исполин нависал над своим темным соперником, все сильнее склоняясь вперед в неистовом желании сбить с ног, расплющить, втоптать в землю. Стройный Карлос не мог сдвинуть мощного командора, но не отступал ни на шаг, медленно увязая в прибрежной гальке. Двое гигантов все сильнее сжимали друг друга. Бронзовый больше не пытался подняться, напротив, он, не разжимая рук, оседал все ниже, тянул командора на себя, пока тяжесть мраморного тела вкупе с его усилиями не сделали свое дело. Не выпуская врага, Хенилья рухнул на землю, но так и не разжал рук. Двуглавый монстр, в котором не оставалось ничего человеческого, грохоча по булыжникам, покатился к озеру, подминая кустарник и выворачивая целые пласты земли.

– Господи! – выдохнул бледный как мел Диего. Хайме не мог и этого. Мысли мешались и гасли, словно окружившие сцепившихся гигантов искры. Происходящее было чудовищным, неправильным, извращенным, и вместе с тем в нем чувствовался смысл. Смысл, который во что бы то ни стало следовало разгадать.

– А-а-а-а... – проревела бесформенная корчащаяся груда, но в выворачивающем душу реве слышались удивление и боль. – Ненавижу!..

– Дьявол!

Двуцветный ком шарахнулся от воды, распадаясь надвое, и светлое заслонило темное. Оно корчилось, пытаясь подняться, но чудовищный вес прижимал к мокрым камням. Белые пальцы скребли берег, мелкие камешки картечью летели во все стороны. Раз за разом командор пытался подняться, как пытается выбраться из лужи пьяный, и раз за разом тыкался лицом в гальку. Ниже, у самой воды барахтался Карлос. Ему удалось встать на четвереньки первому, и герцог пополз вверх по берегу, обходя рычащего полководца по широкой дуге. На потемневшей бронзе расплавленным золотом горели царапины, но и мрамор больше не был гладким. Камни Лаго-де-лас-Онсас сделали больше меча и шпаги.

2

Коломбо начал вопить, едва Бенеро приоткрыл дверь на какую-то лестницу, и вопил не переставая, пока они шли путанными переходами. Инес боялась, что голубь улетит, но тот сперва цеплялся коготками за бархат, а потом бесцеремонно полез за корсаж верхнего платья. Инья стерпела, потому что вопли и жалобы на шедшее этим путем Зло были единственным маяком в лабиринте лестниц и необитаемых галерей. Замок оказался неожиданно огромным и роскошным, просто в большей его части никто не жил. На стенах сонно мерцали зеркала в темных рамах, свеча в руках Бенеро выхватывала то развешанное на стенах оружие, то гобелены с охотниками и воинами, то причудливую резьбу. Пару раз Инес спотыкалась и наконец повисла на руке у врача. Тот словно бы и не заметил.

Возле какого-то тупика Коломбо вовсе обезумел, и Бенеро остановился. Велев Инес отойти, врач принялся водить пальцами по резной охотничьей сценке. Герцогиня следила за руками спутника, но так и не поняла, что тот нажал. Скрипнуло, и в открывшуюся щель потянуло влажным ветром, словно впереди была большая вода.

– Там Зло! – уже привычно забился в вырезе платья голубь. – *Зло и мерзость... Не туда... Не смей туда!.. Хуан отрекся от Господа, чтоб предаться бесовским игрищам и разврату. Мы покидаем его!*

– Ты, кажется, хотел, чтобы я нашла Хайме? – холодно осведомилась герцогиня, придерживая разошедшегося голубя и пригибая голову, чтобы пройти.

– *Да смилостивится над ним Господь!* – Горячий бьющийся комок на груди страшно

мешал. – *Остановись, женщина!.. Оставь его... Он канул во Зло... Но ты... На тебе благодать, за тебя молится сам Фарагуандо... Уезжаем... Немедленно... В Рэму... Мы приказываем именем святого Павла! Спасая нас, ты спасаешься для жизни вечной... Лучшие младший импарсиал... Любой... Чем... это... эти... хищники... В Рэму, пока темно... Пока их нет...*

– Сеньора, – низкий голос врача ворвался в серебристый визг, как лис в птичник, – вам не знаком этот крест? У зеркала...

– Крест Хайме. – Инес торопливо схватила серебряную вещицу, не зная, что и думать. За корсажем бушевал Коломбо, требуя отвергнуть отступника и скакать к Святейшему Престолу, а герцогиня бездумно придерживала одной рукой разошедшееся кружево и глотала слезы. Хайме оставил бы крест только мертвым... Только!

– Сеньора, – тяжелая рука легла на плечо, – придите в себя. Сеньора!

– Что?

– Посмотритесь в зеркало.

– Не все ли равно... Вы меня уже видели без мантильи.

– Риб'оно шель аолам... Сеньора, да смотрите же!

Она подчинилась, но увидела лишь голубиную голову с разинутым клювом и парящую в пустоте свечу. Державший ее врач исчез, исчезла и она сама. Едва сдержав крик, Инес обернулась. Бенеро был рядом. Снова взглянула в зеркало – там по-прежнему бился голубь, дрожал язычок пламени, рвался в распахнутое окно лунный свет...

– Окно в зеркале, – подсказал Бенеро, – смотрите в окно.

Инес посмотрела и увидела серебряную от луны воду и две застывшие друг против друга фигуры – светлую и темную. Они просто стояли, но Инье вдруг захотелось вцепиться в Бенеро и закричать от подступившего к горлу ужаса, потому что светлый был мраморным Адалидом из дома Хенилья, а темный – бронзовым Карлосом, где-то потерявшим шпагу... По лицу и рукам мужа пробежали золотистые волны, но они не могли скрыть царапин и вмятин. Карлос слегка шевельнулся, и Адалид обрушил на него удар кулака. Полыхнуло. Карлос в ореоле золотых искр отлетел к надломленному дереву, но не упал. Широко расставив ноги, он огляделся, что-то выискивая, шагнул в сторону, нагнулся и, ухватив немалый валун, швырнул его в мраморного полководца. Тот отшатнулся. Удар оказался чувствительным, по белому побежали голубоватые сполохи...

– Господи, что они не поделили?!

– *Темный одержим*, – метнулось в ушах, – *на победителе синаитов благодать...*

– Это не так, – выдохнула Инья, глядя, как Лев Альконьи доламывает какое-то дерево. – Карлос преклонялся перед Адалидом.

– *Князь Тьмы силен*, – начал голубь и вдруг вспомнил: – *В Рэму! Пока не поздно, женщина, в Рэму...*

– Мы не знали Адалида, – негромко произнес врач, – но вы знали своего мужа. Почему он дерется, сеньора?

– Не знаю!

Перехватив деревце как дубину, Карлос ринулся на врага. Удар по ноге, тычок в живот, в бок... Победитель синаитов пятится, спотыкается, снова отступает... Гирлянды роз на избитой кирасе, старинный шлем с обломанными перьями, оскаленный от ненависти рот...

– Все ясно! – с удовлетворением произносит врач, словно речь идет о каком-нибудь воспалении. – Это не Адалид, сеньора. Это Хенилья.

– *Замолчи, суади!*..

Хенилья? В самом деле... Хенилья, чудом не убивший Диего и едва не опоздавший к монастырю, просто она раньше не смотрела на лицо... Теперь все понятно... Все, кроме одного – сошла она с ума или спит и видит, как дон Гонсало принимает удар на руку, а потом прихватывает ствол второй рукой? Двое рвут бедное деревце друг у друга, оно не выдерживает и разламывается, а противники отлетают в разные стороны...

– Закрывший собой женщин не может быть злом, – твердо сказал Бенеро, – готовый

ими пожертвовать не может быть ничем иным. Наши веры рознятся во многом, сеньора, но Он не мог отринуть вашего мужа и дать силы Хенилье...

– *Адалид богоугоден*, – отражение голубя в зеркале нелепо дернулось, – *в Рэму, женщина... Время на исходе...*

– Простите, сеньора.

Рука врача метнулась к белой птице, полыхнуло полуденным светом, и Бенеро отшатнулся, прикрыв глаза рукой.

– *Так будет с каждым, кто...*

– Сеньор Бенеро, – выкрикнула Инес сквозь голубиные вопли, – что с вами?! Бенеро...

– Все хорошо, сеньора, – твердо сказал врач, – дело обстоит так, как я и предполагал, а теперь вам придется кое-что сделать, но быстро. Очень быстро. Это единственное, чем мы можем помочь вашему мужу и вашему брату. Вы готовы?

– Да.

– Возьмите эту тварь. Вот так, хорошо... А теперь швыряйте его в зеркало. Со всей силы.

Инес швырнула.

3

Звон разбитого стекла прозвучал неожиданно и нелепо, и сразу же вскрикнула женщина. Инес!

Хайме стремительно обернулся. Сквозь дождь тающих на глазах зеркальных осколков неся ослепительный комочек света. Такое де Реваль уже видел. Когда, став братом Хуаном, стоял под куполом собора Святого Павла, ожидая, примет его Святая Импарция или нет. Приняла...

– Разбилось, – издали печально сказала Инес, и кто-то ей ответил:

– Не надо жалеть.

– Не надо жалеть, – эхом откликнулся Диего. Сверкающий сгусток вырос, теряя сиянье и обретая все большее сходство с голубем, он мчался к застывшим перед новой схваткой врагам. Неужели Хенилья и впрямь избран, но почему, Господи?! Почему, ведь ты же отринул предавшего за серебро, чем же лучше предавший за мирскую славу?!

Белоснежный, как две капли воды похожий на Коломбо голубь изо всех сил неся к белому колоссу, но тот был слишком занят горбатым валуном, чтобы заметить горнего вестника. Обретя на мгновение сходство с Дамантовым «Гигантом, мечущим камень», полководец резко распрямился, метнув глыбу в отпрянувшего Карлоса. Не ожидавший этого голубь не успел отвернуть и вместо того, чтобы усесться на мраморное плечо, с маху врезался в украшенную крестом и гирляндами роз кирасу. Ослепительно полыхнуло и тут же погасло. Ошалевший от неожиданности голубь метнулся в сторону, унося на крыльях полуденные отблески. Обычная птица, получив такой удар, валялась бы под ногами озверевших исполинов, папский голубь всего лишь испугался. В отличие от Карлоса, не преминувшего броситься на чуть замешкавшегося противника.

Удар бронзовой ноги по мраморной, тычок обломком дерева в каменную грудь, чудовищный, доселе неслыханный вой и треск, словно обрушился пласт штукатурки...

– Рраздавлю! – Вправду ли это проревел Орел Онсии или Хайме только послышалось? Огромная белая фигура прыгнула вперед, заставив вздрогнуть и застонать истоптанный берег. Каменные руки облапили пустоту в какой-то ладони от откинувшегося назад бронзового. Отступив на два шага и выпрямившись, де Ригаско поудобнее перехватил свою дубину. Командор тоже выворотил оказавшееся на дороге дерево.

– Крест! – Лицо де Гуальдо кажется маской. Маской ужаса и удивления. – Где крест?!

Гонсало де Хенилья в бешенстве рвется вперед, чтобы раздавить ненавистного гранда. Луна светит ярко, ярче, чем минуту назад. Словно бы порывевший свет бьет в оскаленное

каменное лицо, липнет к шее и рукам осатаневшего командора, волной скатывается по груди... Так вот что заметил Диего! На кирасе больше нет креста, лишь выщербленные розовые гирлянды...

– *Скорее!!!* – визжит в мозгу. Хлопают крылья, в плечо вцепляются птичьи лапки. – *Покинь это место... Отринь Зло, и спасешься...*

Коломбо?! Он-то откуда здесь взялся?

– Почему ты не в мешке?!

– *Самозванец!* – верещит голубь и лезет за пазуху. – *Прикрылся именем Господа, а сам... Богохульник! Еретик... Обманищик!*

– Головой ударился? – Не узнать Коломбо – это надо суметь! Фидусьяр везде найдет своего импарсиала, но чего его понесло к Хенилье...

– *Самозванец,* – рывкает голубь и ныряет с головой за пазуху. Ладно, не до него. Дубина Карлоса попадает мраморному по руке, и Хенилья теряется. Воя от боли, командор на полусогнутых ногах словно бы пляшет нелепый крестьянский танец, тяжело размахивая дубиной, а де Ригаско... Де Ригаско прорывается в ближний бой! Бронзовый сапог вновь бьет по мраморной голени. Треск, полный смертной злобы вопль... Истукан с грохотом и воем рушится на землю, но успевает махнуть стволом. Удар не просто сбивает Карлоса с ног, но отбрасывает к самой кромке воды – с таким звоном падает с лафета и катится под гору пушка.

Коломбо высовывает клюв наружу.

– *В Рэму,* – требует он, – *бежим в Рэму, и я не скажу, что ты гостил в замке демонов и отступников, а твоя сестра грешит с судитом...*

– Мерзавец! – рычит Карлос, приподнимаясь на локте, и Коломбо прячется. Звон, грохот... Двое пытаются встать. У Хенильи обломок ноги уходит глубоко в землю. Карлос опирается на колено, потом на дубину и рывком вскакивает.

– Тебе не подняться, – твердо говорит он врагу, – ты проиграл.

– Тебе так этого хочется, герцог, – белое лицо изъедено злобой, словно проказой, но это просто крошится мрамор, – но я еще отправлю тебя к Сатане!

Белое чудовище буквально ползет на коленях к ближайшей глыбе, герцог поудобнее перехватывает свое оружие, а командор уже стоит, опершись на камень и держа дубину одной рукой. Стволы сталкиваются, как мечи, глухой деревянный стук кажется ошибкой. Карлос перекидывает дубину в левую руку. Как светятся у него глаза – так горит на солнце осенняя листва, так сияют по вечерам витражи в церкви Святой Изабеллы...

Обман, сильнейший удар по запястью, уже знакомый треск... Хенилья, ревя от ярости и незнакомой доселе беспомощности, пытается подобрать дубину уцелевшей рукой, теряет равновесие и снова валится на припорошенную белым крошевом гальку.

– Я же говорил, что ты проиграл, – де Ригаско внимательно смотрит на полускрытого валунами истукана, – по-другому быть не могло, иначе зачем бы мы все жили?

– *Пусть он покается,* – подсказывает успокоившийся Коломбо. – *Я засвидетельствую, что ты вернул на путь истинный богохульника...*

– Я не дам Хенилье отпущения. – Кому он это говорит? Фидусьяру? Диего? Ожившим статуям?

– Рад?! – орет Хенилья. Он сидит на валунах, как курица на яйцах, а перед ним разбитой скорлупой валяются осколки его тела. – Рад?! Все равно ты никто, слышишь, родич короля?! Ты – бездарь и бабник... Что ты знаешь о славе, чтоб меня судить? Что ты сделал для Онсии?! Позволил загнать ее в задницу, из которой ее вытащил я, слышишь, ты, гранд поганый?!

– Да, я мало сделал для Онсии, – кивает Карлос, – но дети, которые смогли родиться, потому что мы умерли, сделают больше... Или дети их детей. Можешь мне не верить, но слава и титул в сравнении с этим такая чушь! А теперь, Гонсало де Хенилья, защищайся. Если еще можешь...

Каменная ступня с треском отлетела в сторону... Как просто все вышло на этот раз, до несправедливости просто.

Хенилья как-то боком, помогая себе уцелевшей рукой, отползает – хочет прижаться спиной к холмику. Будь они живы, хватило бы одного удара. Дополз. То ли сидит, то ли стоит на коленях, закрываясь обломком второй руки.

Надо кончать, но ты так и не приучился добивать. Всегда находился кто-то, кто это сделает, – солдат, загонщик, мародер, наконец... Дерево в руках совсем измочалилось, вряд ли выдержит. Выломать новое? Выломать, подойти и... Про всех грандов не скажешь, но ты и впрямь слабак, бывший герцог де Ригаско. Колошматить до смерти полуживого калеку не для тебя. А что для тебя? Уйти и оставить полный ненависти обрубок нельзя, с какой стороны ни взгляни, хотя тебя Хенилья подышать бы оставил. Его счастье, что ты не так велик и не так умен...

Обломок скалы сам прыгает под ноги, словно напрашивается. Что ж, подобное подобным... Кто это сказал и по какому поводу? Неважно. Теперь неважно. Услужливый булыжник летит в грудь командора, тот закрывается, но не мрамору спорить с гранитом. С хрустом разлетается предплечье, от и так изуродованной руки остается бесполезный обрубок. Хенилья сидит на коленях у не спасшего его холмика. Ему все ясно, но пощады он не попросит. Ты бы тоже не попросил.

Что ж, теперь совсем немного... Мрамор, бронза, вторая жизнь – это всего лишь продолжение того, что было. Того главного, что вспыхнуло в твой последний день. Все началось в Альконье, здесь и закончится, а с теми, кто бросает своих на смерть, разговор один.

Это где-то рядом, у самого берега... Рядом еще шла черед валунов, словно сумасшедшая великанша рассыпала бусы. Так и есть, мраморный клинок лежит в двух шагах от бронзовой шпаги. В двух человеческих шагах, но как же трудно помнить, что ты теперь ходишь иначе и тебе не нужно дышать, есть, пить, спать... Так много изменилось, а чувствуешь себя прежним, хоть и понимаешь, что не вернешься.

Бронзовое тело послушно нагибается за брошенным Хенильей оружием. Белое лезвие кажется лунным лучом. Как же жаль, но нужно идти до конца.

– Бывший командор Сургоса Гонсало де Хенилья оставил без помощи тех, кого клялся защищать. – Сколько их, слышавших подобные слова, было в Онсии со времен Адалида? Сколько будет еще? – Да будет меч предателя сломан у него на глазах!

Мрамор ломается не сразу, меч словно пытается защищаться, но ему придется ответить за своего хозяина. Так повелось если не с первого дня творенья, то с первого предательства. Последнее усилие, и белое лезвие со стоном лопається сразу в трех местах.

Хенилья видит. Не может не видеть, разве только закроет глаза или отведет взгляд, но это вряд ли. Он тоже идет до конца. Семнадцать лет идет...

Собирать погасшие обломки Карлос не стал, зачем? Подобрал шпагу, привычная тяжесть успокаивала, придавая решимость. Нет, он не боится смотреть в глаза побежденных, просто это уже не нужно. Все сказано и выслушано, а последние проповеди и красивые напутствия оставим тем, кто живет ради хроник...

Обратная сторона холмика оказалась пологой. Десяток шагов, и Карлос очутился прямо над головой Хенильи. Даже сидящий, тот все еще казался огромным. Голова командора была повернута туда, где исчез его враг. Окликнуть? Нет!

В последний удар Карлос вложил все свои силы. Каменный шлем с треском раскололся на куски. Под ногами зарокотало, заржала откуда-то взявшаяся лошадь, плеснуло о берег очнувшееся озеро. Уцелевшая рука командора судорожно сгребла кучу гравия и замерла. Теперь уже навсегда.

– Кончено, – сказал победитель груде белого щебня у подножия и опустил шпагу. Глаза слипались, тело сделалось тяжелым, а какой-то дурак написал, что бронза не устает. Устает,

и еще как! Де Ригаско оглянулся. В темной маслянистой глубине по-прежнему цвели звезды, и к ним, словно дорвавшиеся до пастбища быки, тянулись скалы. Где-то здесь были старые друзья и старые враги, белая тварь, стершая с груди Хенильи краденый герб, повзрослевший и седой Хайме, кто-то еще...

– Мой сеньор, – окликнул пляшущий по камням ручей, – у твоего сына твои глаза... Хочешь к нему? Хочешь к своей сеньоре? Я оседлаю коня...

– Не нужно, – то ли сказал, то ли подумал тот, кого прозвали Львом Альконьи. Сон затягивал в лунное озеро, но Карлос все же заставил бронзовое тело нагнуться и поднять лежащий на мраморном крошечном цветке. Алый даже в лунном свете, он казался только что сорванным, и де Ригаско, уже засыпая, поднес алые лепестки к лицу и улыбнулся. Он наконец-то пришел туда, куда нужно. Пришел домой.

Глава 8

1

О том, что Хайме вернулся вместе с Диего, Инес узнала от служанки, имевшей глупость осведомиться, хорошо ли сеньора спала. Проглотившая под бдительным оком Бенеро какое-то зелье, разом покончившее с нерушимым решением дожидаться брата или хотя бы известий о нем, Инес зевнула и пожаловалась на странный сон.

Обитательница Гуальдо не колебалась.

– Это все звезды, – уверенно объявила она, – когда они сыплются, в головах все мешается... В полнолуние, конечно, тоже бесятся, не без того, но куда там до исхода лета! Вот и сеньор с гостем со своим до утра проколобродили.

– С каким гостем? – чужим голосом спросила Инес.

– С тем, что ввечеру появился, – охотно объяснила служанка, сгребая со стула испачканное Коломбо платье, – седой на полголовы, но вроде не старый. Сеньор, тот сразу к сеньоре шмыгнул, а второй с голубем на башне дурачился, с белым... Красавчик, хоть сейчас в паштет! И где только сеньор такого сыскал? В Гуальдо отродясь птиц не держали, не куриное это место!

Зайти и сказать сестре, что жив и здоров, Хайме, разумеется, в голову не пришло, ну и пусть воркует со своей птичкой. Белый поганец наверняка злится за вчерашнее.

Прямо спросить у брата о Карлосе было не только страшно, но и отчего-то стыдно, к тому же пожилой сеньор, голубиные вопли и разбившееся зеркало могли оказаться сном, что напештали звездные дожди. Так, по крайней мере, утверждал разум, и герцогиня отправилась к Бенеро. Если она всю ночь проспала, врач ни о чем не спросит и ничего не скажет, а если нет?

Все повторилось. Короткий стук, распахнутая дверь, человек на пороге, разбросанные по столу бумаги...

– Доброе утро, сеньора. – Удивления на лице Бенеро не было, да и умеет ли он вообще удивляться?

– Дон Диего и Хайме вернулись, – вместо приветствия сообщила Инес. – Хайме был со своим голубем.

– Видимо, сеньор голубь разочаровался в сеньоре Хенилье и вернулся к дону Хайме, – предположил Бенеро, и Инес поняла, что все случилось на самом деле.

– А Карлос? – зачем-то спросила она, хотя Бенеро видел не больше ее. – То есть вторая статуя... Бронзовая.

В окно било утреннее солнце, а перед глазами стоял темный берег и две чудовищные фигуры... Живой Карлос никогда не был страшным, а может, дело в том, что она не видела его на войне. И войны она тоже не видела. И не хочет видеть!

– Правда имеет обыкновение прорасти сквозь ложь, сеньора. Рано или поздно. – Врач

слегка выдвинул одно из кресел, и Инес послушно села, не зная, что и думать, не то что говорить. Бенеро спокойно устроился у стола и закрыл крышку чернильницы. – Здравый смысл подсказывает, что ваш супруг победил и теперь спокоен. Спросите у брата, он может сказать вам больше.

– Если он там был...

– Я видел дона Хайме рядом с доном Диего. Вы были слишком захвачены поединком, иначе бы заметили обоих.

– А сколько перьев в хвосте Коломбо, вы случайно не заметили? – От растерянности в детстве Инес грубила, потом это прошло, а сегодня почему-то вернулось.

– Папские голуби внешне не отличаются от обычных, – невозмутимо объяснил Бенеро, – о птицах можно прочесть у Марциала-младшего. Его труды одобрены Святейшим Престолом и должны быть у сеньора Камосы.

– А вы трудов о голубиных хвостах не держите? – Нужно встать, найти Хайме, и пусть братец наконец расскажет все!

– Мой Марциал остался в Доньидо, но я обязательно обзаведусь другим. В Витте все еще можно найти любые книги.

– Мария хочет, чтобы вы остались. Здесь вам ничего не грозит, а Хайме сумеет вернуть ваши вещи, – ничтоже сумняшеся пообещала Инес. – Это самое малое, что он должен для вас сделать.

– Вы недооцениваете своего брата, сеньора. Он не дает в долг и не берет сам, а дарит и иногда принимает подарки. Постарайтесь это понять, а вашей подруге передайте мою признательность.

– Вы не останетесь?

– Нет, сеньора. Жить, знать и бездействовать – уподобляться одному не самому умному юноше, положившему жизнь на любовь к собственному отражению. В Витте я смогу лечить и учить, значит, я еду в Витте.

– Один? – глухо спросила Инес, чувствуя, что мир стремительно тускнеет.

– Насколько мне известно, я еду один, – вежливо ответил врач.

Сейчас она спросит «когда», и Бенеро ответит «завтра». Или через неделю, а может, даже через месяц, какое это имеет значение. Все равно его не будет.

– Сеньор Бенеро...

– Да, сеньора?

– Я еду с вами, – внезапно произнесли губы, а ведь им было велено просто пожелать счастливого пути! – И я, в отличие от Марииты, обойдусь без церковного благословения.

– А вы умеете плести цепочки из собственных волос? – строго спросил Бенеро.

– Я умею подавать щипцы, – отрезала герцогиня, – это вас устроит?

– Вы еще умеете ставить все дыбом, – поправил Бенеро и некстати добавил: – Закон приговаривает к смерти суадита или синаита за связь с христианкой и, кажется, всех, кто способствовал этой связи...

– В самом деле? – удивилась Инес. – А разве вас еще не приговорили?

– Нет, сеньора. – Спокойствие врача оставалось непоколебимым. – Когда вы сочли уместным меня похитить, я был всего лишь обвиняемым.

– Значит, суда не будет, – сделала вывод герцогиня. – Или в Миттельрайхе действуют те же законы?

– Насколько мне известно, для этого в Миттельрайхе нет достаточного количества суадитов.

– Вот и хорошо. – Инес перестала улыбаться. – Сеньор Бенеро, если вам мешает отказаться вежливость, забудьте о ней. В конце концов, я могу вернуться... куда-нибудь.

– Нет, сеньора, – улынулся одними глазами врач, – не можете. Причем по двум причинам. Во-первых, возвращаются «куда-нибудь» только те, кому некуда идти, а во-вторых... Сеньора, спросите голубя вашего брата, и он разоблачит мои замыслы. Суадиты

намеренно подослали меня к добродетельной герцогине, удостоенной особого внимания святого Фарагуандо. Я должен вас соблазнить, тем самым поправ и осквернив чувства сеньора Коломбо, так что я вас не отпускаю.

2

– Господи, – прошептала Инес, чувствуя, как у нее отрастают крылья, – во что сеньор... паштет превратил вчера мое единственное герцогское платье!

– Что поделать, – посочувствовал с порога отыскавшийся в самый неподходящий момент братец, – по мнению Коломбо, этот мир погряз, а он привык доказывать свои убеждения словом и делом. Сеньор Бенеро, насколько я понял упомянутую птицу, его появление у озера – дело ваших рук?

– Бросила его я, – не стала скрывать Инес. – Дон Диего, я разбила ваше зеркало.

– Оно не мое, – отрекся от своего имущества вошедший за Хайме де Гуальдо. – Сеньор Бенеро, мы ничего не понимаем...

– Я могу лишь предполагать, – развел руками врач. – Я исходил из того, что папские голуби не уникальны. Соломон понимал язык самых разных тварей, а синаитские фараоны говорили с кошками и ибисами, веря, что в них вселяются души предков, однако животные не обладают органами членораздельной речи. Нам остается либо считать свидетельства древних ложью, либо признать существование созданий, сочетающих элементы животного, человеческого и сверхъестественного. Дон Диего, вы сейчас уснете.

– Бессонная ночь, – покаянно вздохнул де Гуальдо. – К вечеру я стану умнее, но, во имя Господа, как вы догадались швырнуть в Хенилью голубем?!

– Вспомнил одну синаитскую легенду, хотя теперь я считаю ее правдивость доказанной. Во время храмовой церемонии один из фараонов был похищен жрецами. Его место занял облаченный в ритуальные одежды двойник. Единогласного мнения о происхождении самозванца нет, но подмены никто не заметил. Увешанный амулетами лжефараон свято верил в свою избранность и право на престол. Ему удалось обмануть всех, кроме супруги похищенного. По всей вероятности, царица любила мужа, а не земного бога. Прислужники, воины и подруги не стали ее слушать, и тогда женщина в ярости схватила священную кошку и швырнула в лжесупруга. Едва когти животного коснулись самозванца, амулеты жрецов рассыпались в прах и двойник фараона лишился сверхъестественной поддержки.

Не спрашивайте меня, почему. Я могу лишь гадать, но стрелку не обязательно знать, как и почему горит порох. Я предположил, что соприкосновение папского голубя с Лжеадалидом разрушит его защиту, как это произошло с фальшивым фараоном. Ваш фидусьяр, дон Хайме, находился на стороне Хенильи, это давало надежду на то, что он постарается на него сесть.

– Он и постарался, – засмеялся Диего, – но не рассчитал и сбил с командора крест. Ради этого стоило пожертвовать старым зеркалом, тем паче я ничего о нем не знал.

– Разбить то, о чем знаешь всё, предпочтительней, – не согласился Бенеро. – Я бы хотел познать природу того, что за неимением более подходящего слова приходится называть зеркалом. Оно отражало папского голубя, хоть и было ему враждебно...

– Я видел в зеркале дона Луиса, – задумчиво добавил Хайме, – меня в нем не было. Знаете, Бенеро, я припоминаю одну аббенинскую балладу о красотке, к которой накануне свадьбы явился пропавший жених. Девушка согласилась с ним сбежать, но по дороге беглецам попало зеркало, в котором был виден лишь жених.

– Я найду эту балладу, – пообещал врач. Разумеется, говорить о главном он не собирался.

– Хайме, – как можно спокойней объявила Инес, – я еду в Витте.

– Изучать медицину? – осведомился братец с достойной Бенеро невозмутимостью.

– Я выхожу замуж. Ты не представляешь...

– Представляю, – перебил Хайме. – Леон, не одолжишь пистолет?

– Хайме!
– Инья, будь добра, успокойся. Вам с Бенеро я не опасен, просто я сейчас осуществляю свою мечту. Может же у импарсиала быть мечта?
– Разумеется, – усмехнулся Диего, – у меня она тоже была.
– А у меня есть уже месяца четыре. Чуть ли не с того дня, как я имел честь познакомиться со своим будущим родственником. Инес, ты уверена, что не передумаешь? Ты выходишь замуж за сеньора Бенеро и уезжаешь с ним к волкам?
– Да! – Инья с вызовом вскинула подбородок, и Хайме внезапно расхохотался, как не смеялся с шестнадцати лет.
– Сеньоры, согласитесь, какая все-таки ослица у меня сестра... Простите, оговорился. Разумеется, я хотел сказать, орлица.
– Хайме, – она и впрямь сглупила со своими страхами, но отступить надо с достоинством, – зачем тебе пистолет?
– Затем, дорогая, что мне не хочется пачкать руки, а дальнейшее пребывание добродетельного сеньора Камосы на этом свете отныне ничем не оправдано. Более того, оно недопустимо!

Глава 9

1

Нуэс перешел мост первым, и со стены на прощание махнули голубым шарфом. Мариита в бирюзовом платье и рядом – неподвижный Диего, так и не ставший для Хайме Леоном де Гуальдо. Безумная ночь в особняке Хенильи и еще более безумная на озере напрочь заслонили мимолетную давнюю встречу. Диего, тот сумел разглядеть в монахе прежнего дворянина, но ему проще – открыто поднимать шпагу на Протекту импарсиалам и впрямь несвойственно. Как и разъезжать по холмам в обществе беглого суадита и еще более беглой сестры.

Хайме остановил коня и обернулся, то ли прощаясь с замком у радуги, то ли поджидая задерживающийся караван. Стали бы они с младшим де Гуальдо друзьями, не разменяй их Хенилья на будущие титулы, или один так и остался бы глупым герцогским шурином, а второй – застрял в своей Альконье?

Тощий холщовый мешок у седла трепыхнулся, но дальше этого не пошло. Коломбо упорно отмалчивался и еще более упорно лез поближе к спутнику. Любопытно, может ли фидусьяр рехнуться со страха и на что он вообще способен? Белоперый доносчик преподнес сюрприз в самый неожиданный момент, и явно не по своей воле. Хотел спрятаться за Хенилью и лишил того креста и с ним защиты... Если Бенеро не ошибается и папские голуби сродни фараоновым кошкам, то что за силы стоят за Рэмой? За древними синаитскими владыками? За Альконьей с ее зовом и живыми мертвецами? Вопросов становилось все больше, разгадок – все меньше, и эти разгадки совсем недавно казались невозможными.

– Мы поругались с Гьомар, – сообщила подъехавшая наконец Инья. Сестра вновь стала чернобровой и черноволосой, но это ее не портило. – Она причитает по малышке, словно бросает ее не с родителями, а с волками. Я сказала ей, чтоб оставалась, так она обиделась и полезла на мула. Чуть не свалилась, хорошо, Фарабундо подсадил.

– Если бы Гьомар осталась, она б до скончания лет оплакивала бы тебя, – прощальные нежности к добру не приводят, пусть не жалеет о том, что отбросила, хотя сына ей не забыть, даже если будут другие дети, – а виноваты были бы Диего с Марией, ну и со временем твоя крестница.

– А так во всем виновата я, – вздохнула сестра. – Ну что Гьомар делать в Миттельрайхе?

– То же, что и в Гуальдо, – голосом импарсиала произнес Хайме, – не правда ли,

Бенеро?

– Глупости, – вспыхнула Инья, и глава Муэнского трибунала с чувством выполненного долга послал Нуэса вперед, предоставив то ли жениху с невестой, то ли уже супругам ворковать подальше от голубиных ушей. Спать, спасибо Бенеро, не хотелось и не захочется до Сургоса, где самые ретивые наверняка уже начали поиски. Ничего, уймутся, но часовню у озера ставить придется.

Еще бы! Спаситель обители Пречистой Девы Муэнской в праздничную ночь покидает столичный храм и объявляется в Альконье. Такое чудо придется объяснять не в Сургосе, а в Доньидо, если не в Рэме, но сперва хорошо бы разузнать, что творится в особняке Хенильи и на его могиле. Если пропал лишь Адалид, все еще может обойтись, хуже, если с гробницы исчез крест...

– *Зло!..* – отчаянно прокричало в мозгу. – *Страшное Зло!.. Оно близится... Оно ближе льва рыкающего...*

Хайме притиснул к бедру разволновавшийся мешок. Было и жалко, и противно. И еще страшно, потому что в Доньидо Коломбо бросится доносить, и ни святой, ни дьявол не предскажут, что и когда придет в голубиные мозги. Птичье вранье может как помочь, так и убить. Правда, впрочем, тоже.

– *Скорее!* – требовал обалдевший от ужаса фидусьяр. – *Отсюда... В Рэму!..*

Крупная черная птица камнем упала в сухую траву возле самой дороги и неторопливо взмыла вверх, сжимая в когтях какое-то существо. Хайме невольно придержал коня, провожая взглядом удаляющегося коршуна. Папским голубям не страшны ни звери, ни люди, ни огонь с водой, но Коломбо сам не свой от страха с той самой ночи...

– Хозяин, – сбежавший от Гьомар Фарабундо тоже глядел в небо, – наказал...

– Кого? – не понял Хайме. Великан пожал плечами.

– Кто ж знает... Дрянь какую-то вроде вашего, вчерашнего. Альконья, она не всякого отпустит, потому сюда и боятся соваться, а уж умирать или убивать и вовсе... Разве что нельзя иначе.

– Вот как? – протянул Хайме, вспоминая перекошенное от ужаса лицо Камосы. – И что ты еще знаешь?

– Ничего, – отрезал Фарабундо, с отвращением рассматривая мешок. – Вы как, сеньор, к озеру едете или раньше свернете? На Сургос в смысле?

– Раньше.

К Лаго-де-лас-Онсас он еще вернется. Заглянет в сонное зеркало, отыщет бронзового Карлоса и мраморные обломки, но сейчас нужно спешить. Кто первый доложит о чуде, тот и будет прав.

– *Мы покидаем демонские угодья, да будут они прокляты!* – В голосе Коломбо слышалось торжество. Что ж, некоторые умудряются торжествовать и сидя в мешке. – *Нас ждет серьезный разговор, импарсиал, но, разумеется, не здесь. Я готов не упоминать...*

– Дон Хайме, – глаза Фарабундо стали узкими и злыми, – я повезу вашу поклажу до поворота на Сургос.

2

Инес не понимала, медленно идут лошади или слишком быстро, и еще меньше понимала, чего же она хочет. Радость от того, что она вырвалась из казавшейся каменной скорлупы, то распускала крылья, то норовила забиться за пазуху, как голубь Хайме.

Попытайся брат ее удержать, Инес бы дралась за свою свободу, но Хайме принял выбор сестры с полным равнодушием, и пока еще не бывшей герцогине стало страшно. Издалека дом в Доньидо, дворцовые залы, монастырский полумрак казались не только склепом, но и убежищем. Там ей ничто не грозило, пока она не совершила то ли величайшую в своей жизни глупость, то ли наоборот. Инес не сразу сообразила, что она натворила своей запиской. Нужно было бежать, ублаговотворять Гьомар, успокаивать Марию, приглядывать за

Камосой, красить брови и добывать молоко, наконец. Она очнулась только в Гуальдо. В замке было спокойно и безопасно, еще спокойней, чем в столице, куда она могла вернуться. Все пошло бы по-прежнему, только Камоса получил бы свое дворянство, а Бенеро навсегда исчез в холодном Миттельрайхе.

Когда она осознала, почему ноги раз за разом несли ее к двери врача? Когда они стояли у разбитого зеркала? Наверное. А Бенеро было не до сеньоры – он рассуждал о сходстве папских голубей с какими-то тварями, гадал, что на самом деле разбило стекло, и сравнивал Альконью с каким-то Рас-Теваном. О спутнице он вспомнил, лишь захотев узнать, часто ли говорил Хайме словно бы сам с собой и где в это время был его голубь. Инес сказала и ушла. Она даже выпила зелье, которое ей с невозмутимым видом занес врач, и, пока оно не подействовало, думала, нет, не о папской твари и не о бронзовом Карлосе, а о равнодушном суадите, который должен уехать.

Благородные гранды, добивавшиеся благосклонности вдовы Льва Альконьи, присылали цветы, стихи и музыкантов, становились на колени, говоря о прекрасных очах и горящих сердцах, и как же они были не нужны! А вот нужна ли она Бенеро или врач просто не в силах оттолкнуть тех, кто на нем повисает? И что с ней будет в Миттельрайхе, если она уже в октябре начинает мерзнуть?

Нет, нужно, пока не поздно, очнуться и вернуться. Не в Доньидо – в Гуальдо. Диего и Мария обрадуются, Гьомар тоже будет счастлива – обе Инес, большая и маленькая, останутся при ней. Хайме станет к ним приезжать, потом привезет к ней сына, а она будет ждать, молиться у статуи мужа, гулять над водопадом. Это лучше покровительства Фарагундо и ухода вельмож, но все равно плохо...

– Сеньора чем-то недовольна? – с всегдашним спокойствием осведомился Бенеро, о котором Инес как-то забыла. Вот ведь глупость – думать о человеке и не помнить, что он рядом.

– Из-за какой-то твари я не могу поговорить с братом, – наспех соврала Инья, но понимания не встретила.

– Дон Хайме, видимо, считает иначе, – заметил Бенеро, – хотя тварь во внимание принимать все равно придется.

Брат и впрямь ждал их, сдерживая коня. В дорожной одежде, со шпагой и кинжалом он походил на офицера, а не на монаха. Хайме так хотел стать военным. Как Карлос.

– Ты похож на отставного капитана, – не выдержала Инес. Если она не отступит, то Хайме ей больше не видать, как и сына.

– Отставные вояки в глаза не бросаются, – то ли пошутил, то ли извинился Хайме. – Дела мы обсудили, но это не повод молчать последние полчаса, тем паче Фарабундо взялся подвезти Коломбо и тот не возражал.

– Любопытно, – оживился Бенеро, – мне дотронуться до вашей птицы не удалось.

– Вы, Бенеро, хоть и зло, но меньшее, – пожал худыми плечами братец, – суадитов Коломбо не боится, а вот Фарабундо для него почему-то страшен. Хотел бы я знать почему.

– Если Фарабундо – простой слуга-мундиалит, моя изначальная концепция ошибочна, – признал врач, – но, весьма вероятно, мы упускаем нечто важное.

– Фарабундо заправлял в Гуальдо, пока не вернулся Диего, – как могла, поддержала разговор Инес. – Мариита говорила, он привез и похоронил родичей Диего.

– У Диего спрашивать бесполезно. Он во всей здешней чертовщине понимает меньше меня, – возмутился Хайме. – Похоже, Гуальдо просто сидели в своем замке и гоняли охотников, а зачем, сами не знали. Придется расспрашивать муэнцев, хотя вряд ли они будут со мной откровенны.

– Я бы на их месте молчал, – задумчиво произнес Бенеро.

– Что самое печальное, я бы тоже, – фыркнул Хайме. – Попробую выпросить у Диего Фарабундо, когда он вернется.

– Хочешь приставить его к Коломбо? – чужим голосом спросила Инья, чувствуя, что еще немного, и она повернет в Гуальдо, чтобы всю жизнь проклинать свою трусость. А

жених и братец самозабвенно рылись в местных сказках, словно через полчаса им не предстояло разойтись навсегда.

– Я готов записать то, что может представлять для вас интерес, – хмурился Бенеро, – но пересказы синаитских и суадитских текстов по нынешним временам опасны даже импарсиалам.

– Если выискивать в них семена зла, они могут спокойно лежать на столе. – В юности Хайме расцветал при виде коней и оружия, сейчас его тянули бумаги.

– Я поговорю с Фарабундо, – бросила герцогиня.

Бенеро кивнул, Хайме не расслышал. Инес хлестнула лошадь, она сама не знала, чего ждала, но слушать о том, что при всей своей важности не касалось главного, не было сил. Крапчатая кобыла безропотно перешла в галоп, догоняя белокурого великана. Горячий ветер хлестанул по щекам, стук копыт напоминал о неизбежности разлуки, только с кем?

– Донья Инес? – Слава Господу, Фарабундо хотя бы умеет удивляться. – Что-то с Гьомар?

– Нет, – Инья провела рукой по лицу, – я хочу спросить... Я не поняла, что вы сказали Хайме.

– Я взял его поклажу, – кулак гиганта выразительно ткнул серый мешок, – и еще я говорил про здешних коршунов. Крестьяне болтают, что канальям лучше здесь не умирать, иначе им не видать даже пекла. Альконья их поднимет и отдаст хозяевам, чтоб их не было нигде. И поделом. А бывает, что играть начнет, как кошка с мышью. То убьет, то вернет, а конец – один. Съел, и нету... Глядите-ка! Это еще кто?

3

Эскортируемого Фарабундо человека Хайме определенно раньше видел, но обычно безотказная память на сей раз скрыла имя и обстоятельства знакомства. Обстоятельства же нынешней встречи, равно как внешний вид главы Священного Трибунала Муэны и, особенно, его спутники, тем более должны быть скрыты. Любой ценой.

– Вы несколько изменились со времени... гм, нашего свидания, – неторопливо произнес Хайме, равнодушно разглядывая загорелое наглое лицо.

– А вы нет, святой отец. – Знакомый незнакомец ухмыльнулся и тут же вновь стал серьезен. – Я обещал отыскать вас и вручить вам письмо, после чего намерен исчезнуть. Больше я такими картами не играю.

– Хорошо, я прочту!

Непонятный курьер вытащил из-за пазухи пакет и потянулся к Хайме, на мгновение застыв вполоборота с согнутой в локте рукой. Этого хватило – импарсиал узнал своего последнего противника, так и не скрестившего шпагу с де Гуальдо.

– Не думал, что еще раз вас увижу, – теперь де Реваль был предельно искренен, – вы так быстро ушли.

– Что поделать, святой отец, – в глазах приятеля Арбусто мелькнуло нечто странное, – в последней воле что-то есть, нас так и тянет ее исполнить. Если я поклянусь никогда не возвращаться в Онсию и стать немее всех рыб этого мира, вы оставите мне жизнь еще разок?

Вместо ответа Хайме разорвал пакет и едва не свалился с Нуэса, увидев второй конверт, запечатанный личными печатями Пленилуньи. Когда-то молоденький инкверент едва не свихнулся, разбираясь с хитростями Протекты, одной из которых были герцогские печати. На первый взгляд одинаковые оттиски отличались неприметными мелочами, и каждая имела смысл. Обычно Пленилунья обходился одной печатью, в особо важных случаях в ход шли две. Документа, запечатанного трижды, Хайме не видел. До сегодняшнего дня.

«Брат Хуан, я понимаю Ваше удивление, но сейчас оно сменится несколькими иными чувствами. – Почерк герцога не изменился, мелкие четкие буквы по-прежнему жались друг к другу, словно Пленилунье было жаль бумаги. – Надеюсь, Вы узнали гонца, с которым

однажды обошлись весьма любезно. Он надежен настолько, насколько может быть надежен человек. Курьер полагает, что я обречен. Возможно, он и прав, теперь это неважно. Не буду распространяться, как мне, смиренному послушнику-навлианцу, удалось покинуть обитель. Будучи далек от мирской суеты, Фарагуандо, хоть и склонен выслушивать доносы, не знаком даже с началами того искусства, которым владеем мы с Вами. К тому же Верховный Импарсиал благоволит ко мне как к первому адепту, обращенному им лично. Будучи ниспровергнут и лишен мирской власти, я, по его мнению, могу быть спасен.

Вы, однако, пользуетесь благорасположением „святого Мартина“ в значительно большей степени, ибо сподобились видеть чудо, скромно и разумно об этом умолчав, а также являетесь братом добродетельной герцогини де Ригаско, к которой Фарагуандо питает особо отеческие чувства. Я отдаю себе полный отчет в том, что Вы способны перевести меня из кельи послушника в подвалы Сан-Федерико, в то время как я бессилён причинить Вам вред. Возможно, позднее Вы уверитесь в том, что я и не желаю этого, а теперь, если Вы стоите, сядьте, но перед этим закройте двери».

Что ж, совет Пленилуньи достоин того, чтобы его исполнить.

– Фарабундо, проводи нашего гостя...

– Лиопес, – спокойно подсказал тот, – капитан Алехо Лиопес.

– Проводи капитана Лиопеса к мулам и проверь заодно мою поклажу.

Великан ловко ухватил уздечку чужого коня. Лиопес не возражал. Двое рысцой двинулись к сгрудившимся на дороге мулам. Можно было возвращаться к письму, но Хайме зачем-то глянул в небо, где выписывал круги одинокий коршун. Возможно, тот самый, что охотился у дороги. Какое-то время де Реваль, оттягивая прочтение, наблюдал за черным хищником, потом собрался с силами.

«Начну с того, что война, которую я вел со Святой Импарцией, утратила смысл, — писал сморщенный герцог. — Обе стороны проиграли, но больше всех проиграла Онсия, а если задуматься, то и Рэма, но сперва о Торрихосе. В свое время я приложил немало усилий, чтобы его уничтожить, но безуспешно. Мартину де Фарагуандо это удалось. Считается, что кардинала-инкверента настигла скоростная смерть во время молитвы, в Сан-Федерико шепчутся, что он был отравлен, я же уверен, что Торрихос в минуту слабости добровольно принял яд...»

У Торрихоса, и минута слабости? У Торрихоса?! Хайме смотрел на равнодушный листок и ничего не видел, вернее – видел. Себя, девятнадцатилетнего, стоящего перед тогда еще инкверентом.

– Вы обдумали свое решение, де Реваль?

– Да, сеньор... отец мой!

– Вы так молоды и решили уйти от мира? Почему?

– Я хочу делать хоть что-то, но армия для меня закрыта, а Протекте я не нужен. Идет война, святой отец, а у меня свои счета с «белолобыми»... То есть с еретиками. Я не могу оставаться в стороне.

– Значит, не останетесь. Вы говорили с герцогом де Пленилунья?

– Да. Он сказал, что сожалеет о моей болезни.

– Вы были с ним столь же откровенны, что и со мной?

– Я был с ним более откровенен.

– Более?

– Да. Я заговорил с ним о бел... о хаммерианах. Я решил поступить на службу в Протекту, когда болел. Мне было нечего делать, и я прочел Хаммера...

– Вы сумели выздороветь, читая Хаммера? У вас железное здоровье, а Пленилунья меня разочаровал. Учтите, это первая тайна, которую я вам доверяю. Вы выдержите дорогу до Рэмы? Вступить в орден вы можете и здесь, но ведь вам нужен не мир, но меч, не так ли?

Что бы с ним случилось, не встретить он Торрихоса? Сейчас уже неважно, главное, кардинала-инкверента больше нет. «Минута слабости»? Есть вещи невозможные, и это одна

из них.

«...я же уверен, что Торрихос в минуту слабости добровольно принял яд, — настаивал Пленилунья, — не желая участвовать в захлестывающем Онсию безумии и не видя возможности его остановить. На эту же чашу весов падает вина Святой Импарции в целом, последние годы подтачивавшей светскую власть. Да будет вам известно, отец мой, что монархии в Онсии больше нет. Ее величество лишь подписывает то, что приказывает ее духовник. Онсией правит фанатик, для которого благо государства и даже собственная жизнь не имеют никакой ценности...»

Намного ли Пленилунья переживет своего вечного соперника? И скоро ли около «святого Мартина» появится тот, кто сумеет запрячь бурю? Торрихос ошибался, способствуя возвышению Фарагуандо, но он тем более не сбежал бы в небытие, а стал бы исправлять свою ошибку и, вероятно, исправил бы. Его высокопреосвященство или убили, или он, что бы ни считал его бывший враг, умер сам. У кардинала было сердце, и оно не выдержало. Это бывает даже с теми, кого не представить мертвым, но как жаль, что им не удалось, нет, не попрощаться, переговорить наедине.

Торрихос видел голубя Фарагуандо... Он знал, что тот приобщен к таинствам, но новые полномочия «святого Мартина» прогремели громом среди ясного неба. Его высокопреосвященство застали врасплох в том числе и потому, что Инья швырнула факел в пороховой склад. Хайме поискал взглядом сестру. Инес и Бенеро бок о бок смотрели на него и ждали. Он не станет им врать, а сейчас дочитает письмо, хотя легче перечесть Хаммера со всеми комментариями.

«Первым распоряжением Священного Трибунала, собравшегося после вашего отъезда, стал приказ, повелевающий светским властям в течение пятнадцати дней уничтожить все цирки и истребить всех боевых быков...»

Пленилунья наконец справился с несвойственными ему чувствами и теперь писал, как говорил, сухо и четко. Письмо было чудовищно подробным, но Хайме прочел его трижды, опустив лишь начало. Он его и так запомнил. Дословно.

4

Бенеро, едва заметно шевельнув поводьями, придвинулся к Инес, и та внезапно поняла, как непроходимо глупа была со своими опасениями. Этот мир может рушиться, а может, уже рухнул, но они с Бенеро будут вместе.

— Спокойно, сеньора, — шепнул врач, — вам предстоит подавать щипцы, про остальное забудьте.

— Я подам, — заверила Инес, глядя, как брат медленно сворачивает письмо. Сзади раздался звон — застоявшийся мул тряс своими колокольчиками. Палило солнце, недовольно поджимала губы Гьомар, о чем-то перешептывались трое горцев из Гуальдо. Неужели придется возвращаться?

— Вы уезжаете вовремя, — очень спокойно сказал Хайме и погладил лошадь, — не стоит видеть то, что нельзя изменить.

— Это выводы, — хриплым голосом откликнулся врач, — я хочу знать, на основании чего они сделаны?

— Я тоже хочу, — вздернула подбородок Инес, — я должна знать, где тебя оставляю.

— В Онсии, которой правит Фарагуандо, — мерным голосом сообщил Хайме. — Он, как вы знаете, почти святой, а вокруг слишком много греха. Торрихос не вынес греховного бремени и скончался, Пленилунья готовится вступить в орден Святого Павла, а капитан Лиопес покидает излишне, по его мнению, благочестивую страну. Когда он выезжал, в Доньидо зачитывали указ, предписывавший всем необращенным суадитам и синаитам в трехмесячный срок принять мундиалитскую веру или же покинуть Онсию. В последнем случае их имущество подлежит конфискации в пользу онсийской короны, но вам, сеньор, это не грозит, ваша собственность уже под арестом.

– Мне хорошо заплатили в Гуальдо, – пожал плечами Бенеро, – а мое ремесло прокормит не только мою сеньору. Дон Хайме, поверьте врачу: у вас больше нет выбора. Лучше потерять руку, чем жизнь, и лучше потерять жизнь, чем совесть. Вы либо станете сообщником творящегося беззакония, либо погибнете, пытаясь остановить лавину. Первое вас уничтожит так же, как и второе. В мире нет ничего случайного. Вы неспроста получили это письмо здесь и сейчас. Едемте с нами.

– Едем! – Инес сделала то, чего не позволяла себе уже лет десять, – схватила брата за руку. – Ты жил даже меньше меня... Мы начнем все сначала! Увидишь, как нам будет хорошо.

– Ты так думаешь? – Хайме неторопливо отнял руку, стянул зубами перчатку и неожиданно провел пальцами по щеке сестры. – Не забудь смыть краску, когда перейдете Салмесс. Север любит золото.

– Ты остаешься? – Горло перехватило, но слезы так и не пришли. – Не надо, Хайме! Ты им ничего не должен.

– Должен. Онсии и Господу, даже если им это безразлично. – Горячие пальцы еще раз скользнули по щеке, но говорил Хайме не с ней, а с Бенеро. – Я надеюсь, она будет счастлива. Сеньор Бенеро, я должен вам сказать, что теперь за нее отвечаете вы.

– А я должен ответить, что сделаю для Инес все, что в моих силах. Мы уже однажды прощались, дон Хайме. Мне нечего добавить. Жаль, нам не удалось договорить о том, почему люди, зная, что хорошо, делают плохо. Желаю вам не принести из добрых побуждений зла. Это случается слишком часто.

– Я знаю, что путь в ад вымощен благими намерениями, но туда ведут и другие дороги. Вымощенные чистыми перчатками и белыми одеждами. И потом, что мне делать в волчьем логове? Выть на луну? Вы будете лечить и учить, а я не умею ни того, ни другого. И еще я не умею служить другой стране. И не хочу.

– У вас есть родина, – кивнул Бенеро. – Сейчас это страшней, чем если бы ее не было. Я запишу то, что обещал. Куда мне отослать рукопись?

– За ней придут.

Врач и импарсиал говорили о чем-то, понятном лишь им двоим. Инес это не обижало, просто ей было очень больно, но сомнения исчезли. Она выбрала, как выбрал Хайме. Брат остается, она уезжает.

– Улыбнись, – внезапно потребовал Хайме. – Я хочу запомнить... И дай мне свой шарф, что ли... Спасибо...

Он еще был здесь, и его уже не было.

– Б'ацлаха, брат мой, – тихо сказал Бенеро. Хайме не ответил. Просто взмахнул рукой, подзывая Фарабундо и гонца.

5

Хватит. Нужно ехать, иначе Инес его уговорит, особенно вместе с Бенеро, ведь он хочет того же. Все бросить и уехать хоть в Миттельрайх, хоть в Лоуэлл, хоть в Новый Свет. Он почти здоров, может ездить верхом, пить вино и убивать. Можно начать жизнь сначала и даже влюбиться не хуже Диего...

– Я еду. Фарабундо, мешок.

– Вот он, сеньор.

– Капитан Лиопес, вы передали письмо. Что вы намерены делать теперь?

Гонец нахлобучил поглубже выдавшую виды шляпу и пожал плечами.

– Мир велик, святой отец, хоть и не так, как хотелось бы.

– В таком случае, вы едете со мной.

– В Сургос? – Удивленным капитан не казался, скорее довольным.

– В Рэму. Мне нужен надежный попутчик. – Генерал Импарции, к счастью, не святой, и он ценил Торрихоса. Если кто и остановит Фарагуандо, то это он, а Коломбо... Черт с ним!

Пусть думает, что его взяла...

– *В Рэму!* – словно в ответ прозвенело в голове. – *В Рэму... Немедленно!*

– Надежный попутчик? – переспросил посланец Пленилуны. – Странное у вас мнение о надежности, святой отец.

– Возможно, но вы привезли письмо. И вы чего-то ждали. Полагаю, моего предложения.

– Да, – признался Алехо Лиопес, – ждал. Хоть и не надеялся дожждаться.

– *Мы едем в Рэму, — неистовствовал мешок. — К Папе... Он узнает о ниспровержении еретика и самозванца и о том, что Доньидо погряз во грехе. Я видел!..*

– Мы все видели, – не выдержал Хайме. – Сеньор Бенеро, предъявленные вам обвинения были ложными. Основной свидетель признал, что оклеветал вас из зависти. Вы свободны, однако, согласно указу ее величества, вы должны либо принять христианство, либо покинуть пределы Онсии. В последнем случае вы лишаетесь всего вашего имущества.

– Я подчиняюсь силе и покидаю Онсию, – отчетливо произнес Бенеро, слава Господу, он понял все! – Этот указ и ему подобные еще принесут немало зла.

– *Суадит не может осуждать ее величество, — разволновался Коломбо, — это решение единственно возможное! Спасение души важнее жизни человеческого тела и тем более сохранения имущества! Отрицание церковного авторитета является мятежом также и против монаршей власти и угрожает...*

– Герцогиня де Ригаско, – под голубиную воркотню отрезал импарсиал, – вы вольны поступать, как вам вздумается, но я отрекаюсь от вас, да и что значит кровное родство в сравнении со... спасением души. Прощайте.

В глазах Инес плеснулись боль и непонимание, но она не успела ничего сказать.

– Вы сказали все, сеньор, – оттеснил возлюбленную Бенеро, – следуйте вашим путем, как мы следуем своим. Ше даркеха тийе кала...

– Едемте, Лиопес! – бросил через плечо Хайме.

Пусть они будут счастливы в Миттельрайхе. Пусть хоть кто-нибудь в это проклятое время будет счастлив, не замостит дорогу в ад благими намерениями, не швырнет в канаву совесть, не сойдет с ума...

Де Реваль не знал, кто первый тронулся с места – они с капитаном или Инес. Наверное, все-таки они, а сестра смотрит им вслед, и поэтому по спине ползут мурашки. Бенеро объяснит, почему его последние слова были злыми, а может, она сама поняла. Сестра говорила с Коломбо, и она умна, но он раньше этого не замечал.

– *Я согласен закрыть глаза на некоторые подробности твоего путешествия и не упоминать о прегрешениях твоей сестры, — навязчивый звонкий голос больше не был испуганным, — но в дальнейшем ты будешь руководствоваться моими указаниями. К пятидесяти годам ты должен стать главой Священного Трибунала Онсии, а еще лучше – генералом Святой Импарции. Когда же престол святого Павла опустеет, а его святейшество старше тебя на тридцать четыре года, твой долг – занять его и искоренить...*

Что-то чиркнуло у самого лица, заслоняя солнце. В левое плечо вцепились когти.

– *Я отправляюсь с вами, —* хрипловатый спокойный голос разбил речь Коломбо, словно блюдо.

– Ты? – не понял Хайме. – Кто ты?

– *Я вам нужен, дон Хайме, —* голос был незнаком, голос, но не манера говорить, – *без меня вы не удержите в повиновении вашу птицу, а она способна причинить много зла. И не только вам.*

– Дон Луис?!

– *Голубь в когтях кориуна, дон Хайме, всего лишь голубь в когтях кориуна, а ваш фидусьяр труслив. Он сделал то, что ему приказали, и сделает снова. Если рядом будут когти.*

Фидусьяр не покидает слугу Господа, фидусьяр не боится, фидусьяр не может лгать...

Так думали больше тысячи лет, с того мгновенья, когда первый папский голубь опустился на плечо наместника святого Павла. Но птицы не святее людей, просто у них была власть и не было врагов. А Колombo не повезло. Совсем как Камосе. Такая простая разгадка, даже грустно...

– Дон Луис, если это вы... Семнадцать лет назад вы уже были... таким?

– *Нет, дон Хайме, не был. Таким я очнулся в небе, но в Гуальдо я человек. И ночью на берегу Лаго-де-лас-Онсас, и у холма нашей смерти...*

– *Зло!* – взвизгнуло в голове. – *Страшное, извращенное Зло... Простите меня, дон Хайме!*

Точно, Камоса, только крылатый. Коршун велел соврать «святому Мартину», и Колombo соврал, хотя дон Луис вряд ли припел к делу суадитов. Скорее всего, просто приказал обелить брата Хуана. Остальное – плод голубиных мозгов, к сожаленью, упавший на благодатную почву.

– Дон Луис, за помощь с Супериорой мне благодарить вас?

– В столице был Карлос. Альконья его звала, но тело его лежит под крестом.

Что бы сказали о здешних коршунах Фарагуандо и рэмские богословы? Если голуби – слуги Святого Престола, то коршуны – приспешники Сатаны? Колombo в ужасе, но как видеть слуг Сатаны в тех, с кем ты спина к спине защищал людей и святыню?

– Альконья враждебна кресту? – Ответит или нет? Впрочем, молчание тоже ответ.

– *Скорее, чужда. Альконья старше нашей с вами веры, дон Хайме, много старше. Иногда мы с высоты видим в озере башни и знамя с золотой птицей. Его забыли задолго до Газдубалов...*

– Вы?

– *Те, кто погиб на дороге. Дон Мануэль, дон Себастьян, я, де Гуальдо, хитано, стрелки...*

– На берегу их не было, – напомнил Хайме, глядя на черные точки в наполненной светом чаше. Откуда они взялись, ведь только что небо было пустым.

– *Другие спокойны,* – откликнулся Лихана, – *они уже почти птицы, как и те, кто ушел раньше... Их много, но они забыли, кем они были, или хотят забыть. В небе мы вместе, но ночь им уже не нужна. Им хватает дня, солнца и крыльев.*

– А вам нет?

– *Как и вам, дон Хайме. Вы не смогли просто жить, когда ваши раны позволили вам встать. И мы не можем. Это трудно объяснить, но когда-нибудь вы поймете, ведь вы – один из нас. Когда вы пришли к нам, вы умирали, как и Диего, когда его бросили в холмах.*

Конечно же! Бенеро говорил, что выпитой атлинии хватило бы на троих...

– *У вас будет выбор между Альконьей и крестом,* – прервал молчание Лихана, – *у дона Карлоса он был.*

– Я видел мертвого коршуна у ног Мигелито, – заговорил о другом Хайме, – вы все-таки смертны?

– *Мы живем, пока живет Альконья и пока она этого хочет. Тот мертвый был стариком... Он устал, и его отпустили в обмен на кого-то из нас. Над ним три дня кружила стая, но мы не понимаем их язык.*

– Дон Луис, что такое Альконья?

– *Я знаю о ней не больше, чем птицы о небе.*

– А что знают птицы о небе? – спросил Хайме, невольно запрокидывая голову.

– *Что оно есть и предназначено для полета и солнца. Или звезд и луны, если ты сова или соловей. Дон Хайме, мы уже на границе. Я не оставлю вас и не забуду, зачем я с вами, но за пределами Альконьи вы меня не услышите.*

– Вы не сможете говорить?

– *Я смогу слышать, я смогу думать. Тот, кто провожал молодого Гуальдо, устал и вернулся, но мы вас не оставим.*

– Дон Луис, вы не обязаны меня сопровождать.

– Я не скажу ничего, что навредит дону Хайме, – завопил Коломбо, – ничего... Даже про суадита!.. Не надо за мной следить! Я же все сделал правильно с Арбусто!

Черная птица, не ответив, взмыла в небо. Белая замолчала. За сухим руслом лежала Муэна. Она была такой же, как позавчера, как семнадцать лет назад, – выгоревшие, окутанные мутным маревом холмы, слепое белое солнце и пыль, пыль, пыль... На мгновение Хайме почудился тоненький девичий силуэт на обочине, но это было всего лишь памятью, которая сплелась с жарой и разлукой. И все-таки Хайме окликнул спутника:

– Дон Алехо, посмотрите вон туда. Вы ничего не видите?

– Мулы, – со знанием дела кивнул капитан, – и много. Лучше завязать лицо от пыли. У вас есть платок?

– Есть.

Шарф Инес. Повод лишний раз тронуть серебристый шелк. И еще раз взглянуть вверх, на словно бы повисшую над иссякшим потоком стаю. Маноло, Себастьян, горцы, хитано... Когда-нибудь он к ним вернется. Или не вернется, а отправится по вымощенной ошибками и благими намерениями дороге в преисподнюю, но так ли это важно, если другим не придется выбирать между жизнью и совестью? Если эти другие даже не узнают о выборе какого-то монаха, а просто будут жить.

Тропа влилась в словно присыпанную дешевой мукой дорогу. Ветра не чувствовалось, даже самого жалкого. Поднятая копытами пыль превращала путников, кем бы они ни были, в серых мельников. Что поделать, на дорогах в августе все кони сивы, а все всадники – седые... Но не все седые дважды.

Эпилог

1591 год

1

Лаго-де-лас-Онсас

Темноволосый офицер обернулся к сопровождавшему его горцу, что-то сказал и ловко прыгнул на землю. Горец спешил следом, он был выше и заметно старше спутника. Гости двинулись вперед, но через пару шагов младший замер и перекрестился, старший тоже остановился. Он держался сзади, словно не желая мешать.

Ждать долго не пришлось. Офицер упрямо тряхнул головой и быстро пошел вперед. Он был сном, как и горец, и перебиравшие ногами лошади, это Спящий знал точно, потому что видел озеро. Он всегда видел во сне озеро: то серебряное от луны, то багровое от заката и почти никогда – освещенное солнцем.

Иногда ему снились люди, но чаще берега оставались пустынными, только менялся цвет неба и воды. Спящий любил свои сны, но любил и пробуждения, когда озеро стремительно уходило вниз, тело становилось крылатым, а земля – далекой и плоской. Он знал, что жизнь – это солнце и полет, сон – берег озера, а смерть – каменная клетка и долетающее сквозь нее бормотанье. И еще он помнил, что кроме снов и полета было что-то еще...

– До сих пор не могу поверить! – Молодой человек глядел Спящему прямо в лицо. – Все знаю, а не могу. Здравствуй, отец!

Отец? Чей? Взмолвленное молодое лицо и в самом деле казалось знакомым. Человек подошел еще ближе, протянул руку, коснувшись Спящего, но это был сон, и тот ничего не почувствовал.

– Я его помню, – офицер говорил, не оборачиваясь, он не мог видеть подошедшего спутника, зато его видел Спящий, и не в первый раз. Беловолосый силач ему снился чаще других. Горец, женщина с пепельными волосами и маленькая девочка. Порой с ними бывал мужчина с повадками воина и упрямым взглядом. Когда воин появлялся один, сон

становился тревожным, словно перед грозой.

– Я был совсем маленьким, но я помню, – повторил странный гость. – Мне говорили: «Мы пойдем к отцу», и я знал, что мама будет стоять на коленях. Для меня идти к отцу означало церковь. Потом Гьомар сказала, что стоять на коленях можно в любой церкви, а отец лежит в королевской. Я не понимал, почему он лежит, если он стоит. Мне объяснил дядя Хайме. Он ведь был с отцом, с вами, и выжил...

– Дон Хайме дрался не хуже прочих, – произнес горец, и Спящий понял, что слышал это имя прежде.

– Дядя мечтал стать офицером, – негромко откликнулся юноша, – помешала рана. Я ношу шпагу за него и за отца, но лоассцы... Война, Фарабундо, еще не самое страшное! Если б отец не погиб, он бы дошел до королевы, он бы объяснил...

Горец опустил голову. Не понял? Спящий тоже не понимал, но королеву он вспомнил. Она была такой молодой и все время оглядывалась, словно кого-то искала. Однажды он подвел ее к креслу и встал рядом. Королева смотрела куда-то вниз и улыбалась, но что было внизу? Что там вообще было?

– Я должен идти, – в голосе офицера слышалась горечь, – должен вернуться в полк, но я не хочу воевать за Саграду!

– Ты не хочешь уходить? – проснулось озеро. – Ты можешь остаться...

– Гуальдо вас принял, – подтвердил Фарабундо. Его руки были пусты, но Спящий словно бы видел в них дубину. – Хозяева рады будут. Скоро ночь... Одним словом, ТА ночь...

– Я помню. Я родился через полгода после их смерти. Невеселое будет у меня совершеннолетие, отец, но ты бы не прятался. И я не стану. Всегда можно что-то сделать, даже если нельзя. Нет, Фарабундо, я не останусь. Не могу. Я – де Ригаско, значит, я должен.

– Кому? – спросили Фарабундо и озеро.

– Не знаю, – де Ригаско сосредоточенно свел брови, – наверное, всем... Отцу, тем, кто был с ним, друзьям, солдатам, дяде...

Он тоже был должен... Хитане, что стояла у дороги с цветком в волосах. Он спросил, а девушка ответила. Она пришла из-за перевала, где правит та, что вечно косит. Он подарил ей кольцо за цветок... Нет, это она бросила ему цветок. Хитана хотела оседлать коня, ведь его ждали... ждала... У той, второй, были голубые глаза и светлые волосы, она испугалась цветка, а он оставил ее и ушел. Чтобы прогнать ту, что косит. Цвел шиповник, катились вниз камни. Рядом кто-то стоял... Хайме! Он тоже был там. Вместе с Фарабундо и другими. Они смотрели вниз на дорогу, хотя могли уйти... Они были должны.

С высоты, с истинной высоты он бы заметил чужаков раньше, но тогда Спящий не знал полета, как и те, кто был с ним. Они стояли в зарослях торчевника и ждали, а в выгоревшем небе кружили хозяева. Они тоже ждали, а потом полилась кровь. Сперва чужая...

– Я помню! – отчетливо сказал Спящий и поднялся. – Я все помню...

Теплая волна лениво лизнула разноцветную гальку, заплясало на бронзовом клинке предвечернее солнце, сухо прошелестела испуганная желтоголовица и исчезла под осколком мрамора. Гости ушли, а он и не заметил.

– Я его видел, – негромко произнес Спящий, – готов поклясться, что я его видел... Зачем он приходил?..

– Разве ты не узнал? – спросило озеро. – У него твои глаза...

2

Рэма

На лицевой стороне жетона сжимал в клюве оливковую ветвь голубь. Мастер сделал все возможное и невозможное, с великим тщанием изобразив малейшие подробности вплоть до коготков на лапках и прожилок на крохотных листочках. Двенадцать серебряных кружков, ожидая хозяев, празднично поблескивали на столе. Вечером семь переключают к

членам Совета Общества Пречистой Девы. Нового монашеского ордена, наконец признанного папской буллой *Regimini militantis ecclesiae*.

– Ты не должен останавливаться, — потребовал Коломбо, внимательно разглядывая голубя на жетоне. – Генерал ордена – это неплохо, но орден слишком мал! Шесть десятков adeptов – это несерьезно! У тебя даже нет собственного монастыря... И что это за темные перья в хвосте? У меня нет ни единого черного пера. Ни единого! Эту медаль следует заменить... За счет испортившего ее ювелира.

– Зачерненные перья создают объем, — рассеянно объяснил Хайме, пытаюсь отбиться от наплывающих воспоминаний, — иначе ты будешь казаться плоским. То есть не ты, а символ ордена.

– Я – фидусьяр генерала ордена, — напыжился голубь, — значит, это могу быть только я. И рисовал ювелир меня. Целых два дня.

– Хорошо, ты, — пожал плечами Хайме и перевернул жетон. На тыльной стороне кружил внушительный коршун. Надпись под голубем гласила «Кротостью...», а над коршуном – «...и убеждением!» Читать фидусьяр не умел, но ему хватило рисунка. Коломбо отвернулся и спрятал голову под крыло. Возмутился и обиделся.

Раньше бы на кощунника обрушился ливень угроз и поучений, но с тех пор, как Хайме обрел второго спутника, Коломбо предпочитал злиться молча. Дон Луис напоминал о себе, лишь когда того требовало дело, но фидусьяр чуял коршуна даже сквозь стены и крыши. Первое время голубь то и дело впадал в панику, пытаюсь забиться за пазуху или требуя свой мешок. Потом привык и даже научился извлекать удовольствие из своего положения. Возвращаться на голубятню Святого Павла, чтобы затем перейти к какому-нибудь младшему дознавателю, Коломбо не хотелось отчаянно, а после первой же аудиенции его святейшества фидусьяр пришел к выводу, что все не так уж и плохо. О коршуне не знал никто, зато спутника, обласканного Папой онсийца видела вся Рэма. Коломбо пыжился, взмахивал крыльями, урчал и в эти мгновенья прямо-таки лучился довольством. Впору позавидовать. Увы, Хайме внимания к его персоне и знаков расположения сильных мира сего для счастья было мало.

Ничто не скрипнуло и не шелохнулось, но бывший импарсиал быстро поднялся и шагнул к двери. Знакомый стук раздался почти сразу: капитан Лиопес, давно ставший для Хайме Алехо, явился раньше, чем собирался. Впрочем, порученное ему дело на сей раз было пустяковым.

– Все готово, — с довольным видом объявил бывший браво. — Дон Хайме, вы опять смотрели сквозь стены? Здравствуй, птица.

Лиопеса Коломбо расслышал. Нанесенные оскорбления требовали отмщения и находили его в виде нежности к посторонним. Голубь радостно заворковал, распустил хвост, в котором не было ни единого темного пера, и взлетел на плечо капитана. Увы, Лиопес не только не понимал фидусьяра, но даже не знал, что тот мыслит или что-то вроде этого. Куда больше его волновала чистота костюма.

– Ты не на птичьем дворе, — напомнил голубю Хайме, усугубляя обиду. Коломбо промолчал. Генерал ордена усмехнулся и кивком указал гостю на жетоны:

– Взгляни. Один твой.

– Бонавентура? — узнал руку мастера Алехо. — Хороши... Особенно когтистый. Жаль, на оборотной стороне. Такого бы на кинжал!

– Бонавентура принимает разные заказы. — Хайме неторопливо развязал кошелек. С Лиопесом можно говорить обо всем. Кроме того, что понимает лишь Бенеро. — Сколько я тебе должен?

– Ужин обошелся в двенадцать золотых. С учетом куанти урожая семидесятого года — недорого.

– Скорее дешево, — уточнил де Реваль, отсчитывая монеты, и неожиданно добавил: — Я дал этот обет ровно двадцать один год назад.

– Вы ждали столько лет? — удивился Алехо. — Странно, обычно ваши обещания

исполняются быстрее. Дали слово, что Бутор сцепится с лоуэллским ведьмоловом, и они второй год никак не расцепятся.

– Действительно, – согласился де Реваль.

Знали бы не нашедший покоя лоасский полковник и его адъютант, что смиренный петрианец с помощью вылезшей из могилы тайны подарит передышку всему мундиалитскому миру и добьется признания Папы. И все бы хорошо, только Онсии от чужих войн ни тяжелее, ни легче. Когда страну грызут снаружи, костры внутри чаще всего гаснут, но Фарагуандо отвечает охотой на еретиков как на лоасские притязания, так и на вырванные у Бутора уступки.

– Вы снова думаете, – Алехо, не пересчитывая, ссыпал монеты в кошелек, – а ведь думать – грех! Так учит нас «святой Мартин».

– Я не думаю, – почти не соврал Хайме, – я вспоминаю. Как готовился вступить в полк Карлоса де Ригаско и на радостях пригласил на ужин всех, кто был рядом. Ужин не состоялся, потому что все погибли. Кроме меня и младшего де Гуальдо. А теперь я даю ужин своим офицерам. Ужин перед войной...

Коломбо недовольно завозился, и Лиопес рассеянно погладил белые перья. Обычно фидусьяр не признавал фамильярностей, но сейчас он был слишком обижен. Голубь кокетливо заурчал. При всех своих способностях и тайнах он был безнадежно глуп.

– Вы не полковник, дон Хайме, – Алехо понимал больше, чем говорил, – вы – генерал. Я вам до вечера нужен?

– Нет.

– Тогда наведаюсь на старую квартиру.

Лиопес аккуратно пересадил все еще воркующего Коломбо на окно и исчез. Хайме взглянул на часы. До «полкового ужина» было еще далеко. Можно заняться делами, но должен же этот день хоть чем-то отличаться от других! Генерал ордена Пречистой Девы аккуратно выложил в ряд оставшиеся одиннадцать жетонов, чередуя голубей и коршунов, достал бумагу, очинил перо и зажег свечи. Не потому, что стемнело, просто живой огонь будит память...

3

Миттельрайх. Витте

– Император ждет, – объявил рябоватый офицер в черном с оранжевой оторочкой мундире, и двое живо напомнимших Фарабундо белобрых гигантов раздвинули алебарды..

Инес быстро глянула на Бенеро, тот невозмутимо взял супругу под локоть и провел меж солдат. Освещенная всего двумя светильниками приемная была пуста и потому казалась огромной. За тяжелыми портьерами виднелась открытая дверь, над которой красные длинноногие волки вздымали щит со своим коронованным собратом и луной. Под щитом возлежала огромная собака. Почуввав чужаков, она подняла тяжелую, почти драконью голову и глухо зарычала.

– Впусти, – пророкотало из комнаты, – лежать, Шварциг. Лежать!

Пес послушно уронил голову на лапы, но рычать не прекратил. Инес захотелось ухватиться за мужа, но не уподобляться же Мариите, и потом собака – это только начало. Если повелитель Миттельрайха снисходит до городского лекаря, готовься к неожиданностям.

– Входите, – велел все тот же голос, и они вошли. Герхард Ротбарт стоял у окна, глядя в неяркое небо. Заслышав шаги, он неторопливо повернулся. Знаменитая, не тронутая годами рыжина в сочетании с почти черными бровями и бородой придавала императору варварский вид, да Ротбарты и были варварами. Удачливыми, умными и жестокими. И еще они умели помнить, потому что на массивном письменном столе красовался бюст рэмского патриция, а с полотна над камином грозил мечом рыжий великан в плаще из волчьих шкур.

– Именно так, – перехватил взгляд Инес Герхард, – Константин Одинокый и Вольфганг

Ротбарт. По мнению латинян – враги, а по-моему – истинные создатели Миттельрайха. Волку легче иметь дело с волком, а не со стаей собак, кошек и мышей. Вы так не думаете, герр Йонас?

– Я не волк, – со своим всегдашним спокойствием сообщил Бенеро.

– Но и не ягненок. – Император ухмыльнулся и положил достойную предка ручищу на переплетенный в кожу том. – Если я спрошу вас, кто вы, вы ответите «человек». Я прав?

– Да, ваше величество. – Глаза мужа уперлись в раскрытую книгу, и Инес узнала «Диалоги» Перниона.

– Отлично. Про себя я тоже знаю все. Меня интересует мнение вашей супруги об Иоанне Онцийской и ее «святом Мартине». Что он за зверь?

Дубовый пол под ногами Инес стал вязким, но женщина сумела взять себя в руки. Даже не взглянув на Бенеро, она вышла вперед. Чужой лающий язык все еще давался с трудом, но тут уж ничего не поделаешь.

– Ваше величество, я ничего не знаю о королеве Иоанне.

– Я неправильно задал вопрос. – Герхард беззлбно отпихнул собаку. – Оставь, Шварциг... Не до тебя! Мне следовало спросить не жену аббенинского лекаря, а герцогиню де Ригаско. Должен признать, в жизни вы намного милее, чем на иконах.

– Как вы узнали? – Отказываться глупо, остается стоять и смотреть в глаза.

– Не я, – император откровенно забавлялся, – молодой фон Лемке. Он заметит хорошенькую женщину даже в доме врача. Вам не повезло, герцогиня, или, наоборот, повезло. Волокита только что вернулся из путешествия по землям мундиалитов. Онцийские художники в угоду Верховному Импарциалу четвертый год пишут с вас Пречистую зеньору. Лемке пошутил, что настоящая Зеньора живет в Витте. Я услышал и решил узнать больше. Я никогда не верил сказке о каменном госте, утянувшем в ад вдову с любовником, и о другой вдове, за добродетель введенной бронзовым супругом в рай.

– Тем не менее я в раю, – отрезала Инес, – потому что я счастлива.

– Отлично, зеньора. Витте называли по-разному, но вы первая уподобили мой город царствию небесному. Так что вы думаете о своей королеве? О своей бывшей королеве.

– Она несчастна. – Инья ответила прежде, чем подумала, и тут же поняла, что права. Хуана с ее горячими огромными глазами и ночными кошмарами была именно несчастна.

– Несчастливая королева и несчастная страна. Страдания заразны, особенно если страдает монарх, – посочувствовал Ротбарт и сел, чем не замедлил воспользоваться Шварциг, водрузивший башку на хозяйские колени. – Садитесь оба. О вас, герр Йонас, я тоже наслышан. Вы умелый врач и достойный ученый. Известный вам фон Хильфбург в восторге от вашего трактата, запомнил какого, и мечтает заполучить вас в свою Академию... Вы вовремя покинули несчастную страну, зеньор бен-Авнер. Вашим единоверцам повезло меньше.

– Не только им, – не согласился Бенеро. Он мог сказать больше. Некий «друг дона Алехо» раз в три месяца писал герру Йонасу. Про жуткие законы, калечащие жизнь всем, от крестьян до грандов. Про восстания в Мегреске и Агернаре. Про указы о «чистоте крови» и порожденные ими доносы. Про предательство, а иначе это никак не назовешь, ударившее не только по суадитам, синаитам, хитано, но и по жителям земель, добровольно признавших власть онсийской короны. Это были страшные письма...

– Зеньора задумалась? – раздалось совсем рядом. Инес вздрогнула и подняла голову. Император смотрел ей в лицо золотыми волчьими глазами и скалился, то есть улыбался.

– Ваше величество хотели, чтобы я вспомнила. Я вспоминала.

– Да? – Ей кажется или Герхард прячет смех?

– Да! – вскинула голову Инья. – Хуана смотрит на мир глазами Фарагуандо, а он видит только грехи. Он всегда был таким, но старая Протекта до поры до времени его сдерживала. Когда ее сломали...

– ...Фарагуандо начал охоту, – закончил Ротбарт. – Ваш святой сумел найти не только дичь, но и гончих. Я был удивлен. Онция столетиями отбивалась на юге от синаитов, а на

севере – от единоверцев. Она просто не могла позволить себе охотиться на своих.

– Все началось со смуты в Лоассе, – вмешался Бенеро, – и с того, что решительного Альфонса сменила несчастная Хуана. Я не видел королеву, но готов поклясться, что она больна.

– Нет необходимости, – отмахнулся Ротбарт. – Ваш сын – подданный Миттельрайха. Вы не сожалеете о том, что он не дворянин?

– Нет.

– А вы, зеньора?

– Я уже ответила, ваше величество. Я счастлива. – Только она почти ничего не знает о старшем сыне и очень мало о брате. Зато она слишком много знает об Онсии. Слишком!

– Гром и молния! – громыхнул Герхард. – Нет, зеньора, вы не можете оставаться простой горожанкой. Отсюда вы выйдете баронессой фон Шарфмессер. Это имя словно создано для врача, к тому же Шарфмессер на прошлой неделе остался без хозяина. Прежнего барона казнили за измену, и это была добротная, честная измена, а не бредни одержимого монаха...

– Ваше величество, – спокойно напомнил Бенеро, – дворяне Миттельрайха – мундиалиты. Я – нет.

Ротбарт небрежно погладил собачью голову.

– Мне все равно, кого и на каком языке вы благодарите, когда садитесь есть свой суп, – объявил он. – Вы его едите благодаря своему ремеслу и моей доброй воле. Барон Йонас фон Шарфмессер мне нужней еще одного чужеземного врача, и вы будете бароном. В таковом качестве вы сможете читать лекции студиям фон Хильфбурга и подписывать трактаты. Чем вы занимаетесь дома, меня не волнует. Если молитесь своему богу, молитесь и дальше. Он не испепелил вас за союз с латинянкой, не сожжет и за баронство, или зеньора приняла тайно вашу веру, а в церковь ходит для отвода глаз?

– Мы не ставим друг другу никаких условий. – Бенеро даже не попытался уйти от ответа. Более того, Инес поняла, что мужу нравится говорить с императором. – Но что скажут в Рэме?

– Если Папа умен, ничего, – с видимым удовольствием отрезал Герхард, – если глуп, это его беда, а не моя и не ваша. Я не навязываю подданным того, чего не делаю сам. Мой предок Зигмунд счел уместным украсить шпили Витте крестами. Тогда это было дешевле войны, только откуда Рэме знать, что у нас под рубашкой?

– То есть, – педантично уточнил Бенеро, – вы не относите себя к мундиалитам?

– Отношу, – Ротбарт тоже получал удовольствие от разговора, – когда принимаю послов. Дразни мы Рэму старой верой, вернее, верами, Папе пришлось бы раз за разом совать пальцы в нашу похлебку. Удовольствия это не доставило бы никому, а так условности соблюдены. Латиняне могут бодаться с реформаторами, а я – решать, с кем воевать и воевать ли. Это удобно, не правда ли, барон?

– Вы – тонкий политик, ваше величество, но я не барон.

– Да, я политик. И потому не сказал вам ничего, чего бы не знали мои друзья и мои враги, а сейчас – к делу. Бежавшие из Онции суадиты просят разрешения поселиться в Миттельрайхе. В обмен на еще не проглоченное Священным Трибуналом золото. Старейшины, или кто там у вас, ожидают моего ответа в Залмецбурге. Я готов принять беженцев и ограничиться третьей предложенной платы, но с условием – суадиты станут моими полноценными подданными. Не меньше, но и не больше.

Они будут жить по моим законам, выучат наш язык, примут наши имена, наденут наше платье и поселятся в разных городах сообразно своим ремеслам, то есть сделают то, что сделали вы. Ваш бог меня не волнует, пока он сидит в ваших домах и ваших головах. Мне нужны золото, ремесла и умение торговать, но не споры и войны из-за тех, кого мы при жизни не увидим. Вы, фон Шарфмессер, отправитесь в Залмецбург и убедите суадитов принять мои условия, а затем проследите за их исполнением. Обеими сторонами. Если вы потерпите неудачу, то вернетесь к своим трактатам, а суадиты – к своим кострам. Что

скажете, барон?

– Я отправляюсь сейчас же, ваше величество.

– Завтра. Сейчас мы будем обедать. Позвольте вашу руку, зеньора!

4

Рэма

«Почтенный дон Хоньо, – левая рука прекрасно знала, что делает правая, но обладала совершенно другим почерком, – известный Вам дон Алехо свидетельствует Вам свою признательность».

Они не виделись четыре года, но отец Хуан знал, что его младший племянник назван в честь дяди. Бенеро аккуратно писал одному из рэмских аптекарей, человеку одновременно корыстному и богобоязненному. В Миттельрайхе все шло хорошо, только Инес беспокоилась о тех, кого оставила. Что ж, это лучше, чем наоборот. Тот, кто играет с драконами и змеями, должен быть неуязвим, а матери и сестры слишком часто становятся заложницами.

«Дон Алехо только что вернулся из деловой поездки в Доньидо, где был приятно удивлен случайной встречей с молодым герцогом де Ригаско. Этот вельможа подает большие надежды...»

И это на самом деле так. Карлос Младший должен выжить и понять, что за время и место ему достались. Совершеннолетие – прекрасный повод для разговора по душам. Фарагуандо отпускает в Рэму даже тех, кого разумней держать при себе, так что встреча пройдет в орденской резиденции. От Онсии отцу Хуану лучше держаться подальше. Чтобы вновь не превратиться в Хайме де Реваль, бросившегося со шпагой на каменного монстра, и не дать этого сделать племяннику. Проклятье, он следит за Карлосом глазами Алехо не только ради сестры, но и потому, что сын Льва Альконьи сможет схватить руками огонь. Если ему объяснить как.

«Возможно, Вам и Вашей супруге будет любопытно, что в Рэме стало одним монашеским орденом больше...»

Если б можно было променять год жизни на вечер с Инес и Бенеро, он бы променял... Или нет? Порой для завершения задуманного не хватает дня или часа, так можно ли рисковать целым годом? Чтобы создать орден, способный бросить вызов Фарагуандо и иже с ним, понадобились чудо, война и море смешанной с правдой лжи, а чем придется мостить дорогу дальше?

«Его адепты не проповедуют, но лишь доверительно разговаривают с людьми о божественных вещах. О том, что человек, как творение Божье, по определению обладает достоинством и правами, которые не должна и не может отнимать ни одна земная власть...»

Доверительные разговоры с интриганами, сплетниками, доносчиками, убийцами, от которых что-то зависит или может зависеть. Скольким из них прежний Хайме де Реваль не подал бы руки? Дать мерзавцу пощечину, вызвать на дуэль, указать на дверь – это просто. Куда труднее негодая остановить, но умнее всего его использовать. Благородству претит игра чужими судьбами, подлость это делает охотно. И добивается своего. Как Хенилья, слепивший из страха перед «белолобыми», праведного гнева и чужого подвига войну, а из войны – «Орла Онсии». Но в одном дон Гонсало все же был прав. Останься все по-прежнему, он не получил бы ничего, кроме спокойной старости и чистой совести. Впрочем, покойный командор считал свою совесть чистой, а дело – правым. Хайме де Реваль на свой счет не обольщался.

«Я хочу, чтобы Рэма была не позором, а гордостью нашего мира, но покоя для Онсии я хочу больше...»

Как заманчиво оправдать то, что творишь, великой целью, но если ты не Адалид, его доспехи не спасут. Пожертвовав сотнями, отправив Фарагуандо хоть в рай, хоть в

преисподнюю, ты спасешь тысячи, но останешься убийцей и клятвопреступником и пребудешь им во веки веков, даже если тебя объявят святым. Цель не оправдывает преступлений, и все равно ты ради нее должен пожертвовать всем. И пожертвуешь...

«...покая для Онсии я хочу больше...» А ты дал себе волю, генерал! Ты даже забыл, что пишешь не от своего имени. Придется начать с чистого листа и ограничиться делом. Бенеро все еще ищет ответы на загадки Гуальдо. Вряд ли он обошел Перниона, но мало ли...

«Я хотел бы передать Вам просьбу одного почтенного богослова, работающего над трактатом о влиянии святой воды, крестного знамения и священных символов на существа и сущности различной природы. Он уже описал известный Вам случай, имевший место четыре года назад неподалеку от обители Пречистой Девы Муэнской, и теперь ищет упоминания, даже самые смутные, о явлениях подобного рода. В частности, ему удалось отыскать весьма примечательную запись.

Около семисот лет назад лоуэллский епископ обратился в Рэму с вопросом, допустимо ли крещение населяющих некие холмы созданий, а также их детей, и получил ответ, что не только допустимо, но и крайне желательно, поскольку такова обязанность Церкви, а с наличием души Господь разберется. В архивах также встречаются сведения о том, что синаитские демоны иногда принимали человеческую веру и сосуществовали с людьми. Упомянутый богослов был бы крайне признателен за сведения о подобных случаях как в Миттельрайхе, так и в любых других землях, когда бы те ни имели место.

Зная же Ваш интерес к разнообразным зеркалам, Ваш покорный слуга, в свою очередь, берет на себя смелость пересказать малоизвестный отрывок из Пернионовых „Диалогов“. Мундиалитская церковь, более чем высоко ценя труды корпорского мудреца, сочла тем не менее нужным скрыть часть его наследия от непосвященных. В первую очередь это касается избранных диалогов, в которых описаны языческие верования и суеверия. Один из них повествует об аттлах, мифических предках латинян, чьи исконные земли погрузились в море. Именно к ним восходят известные Вам легенды о зеркалах смерти и зеркальной дороге.

Аттлы поклонялись огню и отражениям, возводя свои храмы на берегу спокойных озер, в чьих глубинах жрецы читали высшую волю. Как утверждает Пернион, они полагали наш мир не более чем отражением Изначального Огня, вспыхнувшего среди Хаоса.

„Никто не знает, как долго горел огонь, поскольку времени не существовало, пока из пламени не вышли боги. Сперва разделив Хаос на Тьму, Свет и Время, а затем смешав их, они создали первый из миров и два глядящих друг на друга зеркала, отразивших Изначальный Огонь, Творцов и Сотворенное. Так возникло множество миров-отражений, повторяющих и отвергающих друг друга. Чем меньше кажется отражение, тем дальше мир от Изначального Огня и тем сильнее отличается он от божественного замысла. Главное совпадает, но знают ли смертные, что есть главное? Любое отражение несовершенно. Мы поднимаем правую руку, но в зеркале она кажется левой“.

Пермион обоснованно полагал эти верования абсурдными, но было бы забавно, если бы где-то существовал мир, в котором Хаммера звали бы Мартином, а Фарагуандо – Томасом, где вскормленные львицей близнецы стали врагами, а Луи Бутор променял хаммерианство на корону...»

Это и в самом деле было бы забавным, но подобные мысли «друг дона Алехо» бумаге не доверит, и Хайме безжалостно сжег исписанный лист. Начинать новое письмо было поздно – небо за окном стало густо-синим, внизу, надо полагать, уже собирались соратники.

– Мы не опоздаем? – заволновался Коломбо, позабывший ради торжественного выезда на генеральском плече об оскорбительных жетонах и неправильном хвосте.

– А как же черные перья? – усмехнулся Хайме. – Или Бонавентура прощен?

– Если генерал ордена говорит, что черное – это белое, – вывернулся фидусьяр, – значит, это так и есть.

Хайме усмехнулся и подошел к зеркалу. Не то чтобы он любил свое отражение, но посеребренное стекло, равно отражавшее живых и мертвых, успокаивало. Неужели все случилось именно с ним? Честолюбивые мальчишеские помыслы, негаданный бой, рана,

монашество, жизнь без любви, смерть без смерти, мертвые друзья, неподъемное дело... Погасить костры не только в мундиалистской Онсии, но и в отвергнувших Рэму землях, защитить тех, кто учит и лечит, разобраться в свалившихся на голову чудесах, обуздать фанатиков, взять за горло сильных мира сего и заставить служить людям и Господу. Не слишком ли много для человека, который даже не вынесет допроса с пристрастием?

– Ты останешься здесь, – твердо объявил Хайме фидусьяру, – мои гости имеют право на чистую одежду и тем более на чистые тарелки.

– *Я не буду летать над столом, – заныл голубь. – С еретиком это вышло случайно... Он враг нашей веры, и он был посрамлен!*

Настолько посрамлен, что был готов выпить вино с упавшими с неба... специями. Да, Крапу в отсутствии брезгливости не откажешь. И в смелости. Тайно явиться в Аббенину для встречи с папистом, признать все, чего нельзя отрицать, но не предать ни короля, ни Лоасс – это не у каждого выйдет.

Выбирая из трех предложенных Лоассу войн, граф согласился на войну с Лоуэллом, тем паче полоумному Джеймсу наскучили ловля ведьм и бесконечные женитьбы, и он вспомнил, что прежняя династия оспаривала корону Лоасса. Бутору это не нравилось. Крапу признался, что Луи готов ударить первым, но опасается Рэмы. Хайме пообещал, что на юге будет тихо и мир не узнает об исповеди брата Яго, в прошлом полковника Лабри, чудом выжившего и раскаявшегося в прежних грехах.

– *Я не верю, – отрезал поскуцневший Крапу.*

– *Во что? – уточнил тогда еще петрианец. – В раскаяние или в достоверность исповеди, выдержки из которой привели вас ко мне?*

– *В раскаяние.*

– *Но в месть вы верите?*

– *Увы... Почему вы ждали девятнадцать лет?*

– Потому что одной тайны брату Хуану было мало, а покойным Торрихосу и Пленилунье – много. К тому же девятнадцать лет назад Бутор мог меньше, чем сейчас. Мысль разом избавиться от опеки матери, Танти и братьев по вере была здоровой. Вы ведь тогда не собирались воевать, вовсе нет. Ваш Луи покарал бы нарушивших мирный договор фанатиков и тех, кто за ними стоял, то есть тех, на кого показали бы вы, ведь брат Яго должен был замолчать навсегда. Вас бы приговорили к заточению и ссылке, а потом вернули ко двору, тем бы все и кончилось, но вы не взяли в расчет Хенилью. Командор начал войну, не спросив у Доньидо, и Бутору пришлось спрятаться за спину Танти. Хотите вина?

Крапу согласился. И вот тогда-то Коломбо и взлетел... Почему он не дал графу выпить? Потому же, почему прикончил Камосу! Отвращение к союзникам порой сильнее ненависти к врагам.

– Ты останешься, – отрезал Хайме, аккуратно собирая жетоны. Голубиных доносов он давно уже не боялся, просто хотелось избавиться от глупости и грязи. Хотя бы на один вечер.

– *Я должен присутствовать! – забил крыльями голубь. – Я – символ ордена! Мое присутствие освятит...*

– Символ, – подтвердил генерал упомянутого ордена, – но не единственный.

Если бы только он слышал Лихану, а не Коломбо, но коршуны Альконьи за ее пределами немые. Конечно, можно говорить через фидусьяра, но Хайме этого не любил, как и дон Луис. При необходимости они обсуждали дела, но сегодня просто хотелось вспомнить...

– Дон Хайме, – принарядившийся в вишневый бархат Алехо приоткрыл дверь, – мы вас ждем.

– Иду.

– Тут еще такое дело... Вас разыскивал один человек. Он хочет вступить в наше сообщество, но не испытывает склонности к... монашескому образу жизни. Я заверил его, что вы освободили братьев от покаяния, монастырских обычаев и длительных совместных молитв. Не считая сегодняшней.

– Ты уверен, что он нам нужен?
– Уверен, – объявил кто-то в дорожном плаще и шагнул за порог. – Не ждал? А я успел...
– Диего! – Хайме только и смог, что опуститься в кресло. – Ты?!
– Дьявольщина! Тебя это удивляет?
– В некотором роде. Как они тебя отпустили?
– Мария или Альконья?
– Обе.
– Фарабундо приглядывает за обеими, а я буду уходить и возвращаться. Я принадлежу им. И еще я принадлежу себе и Онсии. Как и ты. Скажи лучше, этот браво не врет? Ты не станешь заставлять меня распевать по ночам псалмы?
– Не бойся, – рассмеялся Хайме, чувствуя, как небо на плечах становится вдвое легче. – Хищные птицы, знаешь ли, не поют.

5

Альконья

Солнце билось о бронзу, о чем-то напоминая, и коршун с алыми отметинами на крыльях сузил круги. Он оказался не одинок – над берегом уже кружили собраты, а с земли доносилось пение и поднимался дым. Там были люди, много людей... Они шли с крестами, знаменами и цветами, а с высокой башни звонил колокол, только это был другой звон и другая башня. Легкая и стройная, а не мощная и приземистая. Коршун спустился пониже, вспоминая зубчатые стены и мерный шаг воинов в увенчанных гребнями шлемах. На нем тоже был такой шлем, а руки, тогда у него были руки, ощущали тяжесть копья...

Пение стало громче и торжественней, а дым, что ж, он всегда пахнет горечью и тревогой. Даже когда на алтаре жгут благовония. Чужие молитвы будоражили то, что уснуло, сгорело, кануло в небытие. Жаль, он не понимал, кому молятся те, кто внизу, и чего они просят. У теперешних людей другие боги, другой язык, другие одеяния – все другое, почему же он кружит над стерегущим чужой храм бронзовым воином? Почему сквозь солнечный день пробивается древняя ночь? Огни заполонивших долину имперских костров, скрежет точильных камней, ставшее темным знамя над головой...

Еще можно одумать – великий Арпал ждет до полудня, он не хочет боя, он спешит. Осевшие в здешних горах чужаки вольны покинуть крепость, захватив с собой то, что им нужно. Более того, они могут перейти под руку величайшей из империй. Это не их война. Что с того, что какой-то царь разрешил беженцам селиться на окраине своих земель и десять лет не платить дани? Империя даст больше...

Люди внизу не знали, сколько и чьих армий прошло здешними тропами, кто с кем воевал, когда и за что. Они пришли к бронзовому воину, но он смотрел не на них, а в небо, словно кого-то ждал, и коршуну стало жаль, что не его. Если б он мог, он бы рассказал о том, как над серыми зубцами взвилось знамя с взлетающей птицей. И о том, как остающиеся смотрели в спину тем, кто уходит с детьми, повозками, козами, мешками... Одни выбрали жизнь, другие не смогли. Кто же мог предвидеть, как рассудят боги!

Пришедшие с востока орды не знали жалости к тем, кто не сразу упал на колени. Эти враги не походили на прежних, они могли обойти разбитую дружину, но оставшиеся без мужчин деревни сжигались дотла. Воины возвращались на пепелища. Некоторым везло – они находили в кучах растерзанных трупов родных, но таких было немного. Шакалы, воронье и жара делали свое дело.

Уцелевшим выпали разные судьбы. Кто-то сходил с ума, кто-то бросался по следу убийц, кто-то пытался их опередить у еще не разоренных долин. Сил остановить нашествие не было, оставалось выводить женщин и детей; выигрывая время, заваливая проходы, разрушая мосты. Они бежали, а за спиной горели дома и виноградники... Дорога в никуда оказалась долгой. Дети рождались и росли под скрип повозок, память о доме

заносила пыль, но всему приходит конец. Изгнанники нашли другие горы...

Поющие женщины обогнули башню и спустились к спящей воде. Белые покрывала, черные венки, строгие напевы... Как не похожи эти моления на прежние! Сколько лет прошло, горы и те стали ниже, а реки – спокойней... Куда делись армии Арпала, что стало с империей? С ее врагами? Время и то, что называют смертью, стерло слишком многое, так отчего прошлое так внезапно ожило и рвется наружу, словно птенец? Неужели молитвы новым богам разбудили старых, или дело в людях? В тех, кто мог уйти и не ушел?

– *Что вам надо?* – *спросил всадник с золотой птицей на изорванном плаще.* – *Вас не тронут! Они вам даже заплатят за мясо и вино. Арпал милостив к тем, кто не стоит на его пути.*

– *Мы стоим.*

– *Даже так?* – *Сквозь усталость и злость чистым родником пробилось удивление. И благодарность.* – *Одумайтесь! Мы всего лишь отдали вам горы, которые сами обходили стороной. Жизнь – несопоставимая плата за то, что не стоило ничего. Если не хотите кланяться Льву, уйдите в горы и переждите.*

– *Наши женщины ушли. Ушли и мужчины. Те, кто не считает себя должниками. Мы остаемся с вами. Мы можем сражаться здесь, но крепость защищать проще, чем просто тропу. Мы построили хорошую крепость выше, у трех родников. Она ваша!*

Колокол стих, смолкло пение, рассеялся дым. Бронзовый воин остался один среди доцветающего шиповника. Нет, не один. Два коршуна опустились ему на плечи и застыли, словно сами стали металлом. Они помнили друг друга, они были вместе, и нынешний день принадлежал им и их памяти.

Есть мгновенья, когда чужое присутствие сродни кошунству, а сочувствие еще неуместней, чем равнодушие. Воины это чувствуют лучше других. Древняя птица с алыми пятнами на крыльях в последний раз бросила взгляд на троих, связанных вечностью, и неспешно полетела прочь. Внизу вилась дорога. В облаках пыли тащились повозки, ехали всадники, брели пешие... Люди покидали Альконью, а над ними, провожая, плыли коршуны.

Взгляд привычно уловил в сухой траве торопливое движение. Кто-то, охваченный ужасом, метнулся прочь от безжалостной крылатой тени. Раньше он был смелее. Когда тащил из горящего дома чужие пожитки, показывал дорогу убийцам, жадно пересчитывал полученное за чужие смерти золото... Или он вынуждал к покорности женщину, грозя ей смертью отца, мужа, ребенка? А может, просто доносил, а потом возвращался домой и спокойно засыпал?

Черный охотник камнем бросился вниз на мерзавца и труса. Нет, всего лишь на полевую крысу. Когти с наслаждением впились в жирное тельце, раздался писк, сразу и жалобный, и негодующий. Мерно взмахивая навек окровавленными крыльями, коршун понес бьющуюся добычу в сторону озера. Он больше не помнил и не сожалел. Он охотился...

ДАННИК НЕБЕЛЬРИНГА. повесть

*У песни ночной
Есть непроглядные дали
И небо с черной луной.*
Ф.Г. Лорка

Бог с тобою, брат мой волк...
М. Цветаева

Глава 1

Армия должна быть готова до конца октября, – раздельно произнес Рудольф Ротбарт, – и она будет готова.

– Ваше высочество, – маршал фон Эрце выглядел озадаченным, – это... Это невозможно.

– Я знаю лишь две невозможные вещи, – ухмыльнулся Рудольф, – это конец света и моя женитьба. Послезавтра я навещу вас в лагере, и мы обсудим подробности, а теперь можете идти.

Старый вояка поклонился и вышел, принц-регент Миттельрайха бросил на зеленое сукно мелок и вскочил, едва не опрокинув массивный стул.

– Руди, – покачал головой граф фон Цигенгоф, среди друзей более известный как Цигенбок, – ты загонишь старика в гроб и не заметишь.

– Ты преувеличиваешь, – не согласился принц-регент, роясь в бюро. – Я всегда замечаю, когда загоняю кого-то в гроб. Более того, я делаю это обдуманно. Смерть фон Эрце мне никоим образом не нужна, так что наш добрый маршал переживет многих и многих.

– И кого именно? – Цигенбок зевнул и затряс головой. – Прости, не выспался.

– Я еще не уверен, – пожал плечами Рудольф, – но ты все узнаешь из первых рук. Как дальний родич и ближайший друг Людвига.

– Как близкий друг Людвига я бы с наслаждением свернул тебе шею, – сообщил Цигенбок. – Императору нет и шести, его мать годится только на то, чтобы сидеть в башне и шить шелками, Эрце стар, а у меня в башке – ветер. Если с тобой что-нибудь случится, Миттельрайху конец, а ты скачешь, как мартовский кот. Да-да, это я про твою новую пассию. Как бишь ее?

– А тебе-то зачем? – засмеялся Рудольф. – Главное, я ей доволен.

– Дочь суконщика. – Клаус Цигенгоф выпятил и без того мясистую губу. – Пойми меня правильно, я не против горожанок, если они мяконикие... Но за каким дьяволом ты таскаешься к ней через весь город?! Если тебе неможется, возьми девку к себе. Наскучит, выдашь замуж.

– Замуж я ее так и так выдам, – уведомил Рудольф, – к весне. Не тащить же бедняжку на войну, на юге наверняка найдется что-нибудь повкуснее.

– Ты мне зубы не заговаривай, – огрызнулся Цигенбок. – На носу – война, а принц-регент в одиночку навещает любовницу. Об этом даже вороны знают, чего уж говорить о лоасских шпионах. Один выстрел – и все.

– Не суди обо всех по себе. – Рудольф сунул под мышку пару свитков и захлопнул бюро. – Лоассцы отродясь не умели стрелять.

– Если тебя зарежут, тебе будет легче? – спросил Цигенгоф. – Мне – нет!

Руди шмякнул бумаги на стол и смахнул с рукава прилипшую соринку:

– Жаль, ты не суеверен, иначе б знал, что я доживу до семидесяти семи лет, разобью всех врагов и отпущу на свободу самого дьявола.

– Ты его уже отпустил, – фыркнул Клаус, – вернее, распустил. Рыжий Дьявол, это ведь про тебя. Меня не слушаешь, Лемке спроси. Он тоже места себе не находит. Нет, как друг Людвига я просто обязан тебе сказать...

– Ты просто обязан мне сказать, – перебил Рудольф, – закончили чинить Банный мост или нет.

– Закончили, – буркнул Цигенбок, – я сегодня его проезжал. Слушай, давай я с тобой поеду. Надену маску и поеду, а то как бы чего не вышло. Готье Лоасский, чтоб от тебя избавиться, душу дьяволу продаст. На пару с Папой.

– Испугал лиса петухами, – хмыкнул его высочество. – Всем известно, что у Готье нет души, а дьявола я еще не отпускал.

– Руди...

– Успокойся, Цигенбок, ты сделал все, что мог. Если меня убьют, твоя совесть будет чиста, а теперь пошел вон, мне надо работать... Черт бы побрал эти счета, и как только Людвиг с ними разбирался?!

2

Сиреневые ирисы были готовы, оставались незабудки. Белые незабудки, такие, как в Линденвальде, где она впервые увидела Людвига... Вдовствующая императрица воткнула иглу в пальцы и закусил губу, унимая бесполезные слезы. Шестой год без Людвига, а сколько их еще предстоит, этих лет.

Миliku с детства пугали слабым здоровьем. Ее мать умерла родами, пытаясь дать мужу наследника, мальчик не прожил и недели. Через два года отец был вынужден жениться. Новая графиня привезла лекаря-латинянина, объявившего графу, что его старшая дочь не перенесет беременности и лучшее, что она может сделать, это посвятить себя Господу. Так бы и случилось, если б в Линденвальде не завернул Людвиг Ротбарт. Медноволосый красавец едва взглянул на поднесшую ему вино девушку, а для нее все было кончено раз и навсегда.

Отец жаловался мачехе, что император был задумчив и недоволен. Графиня хмурила темные брови и молчала, а через месяц прискакал гонец: его величество приказывал Хорсту Линденвальде прибыть в Витте вместе с дочерью, захватив подвенечное платье. Они въехали в столицу дождливым летним утром. Вечером юная графиня узнала, КТО просит ее руки. Отец был честным человеком, он рассказал сюзерену о здоровье дочери. В ответ император засмеялся – дескать, имея такого брата, как Руди, о наследниках можно не тревожиться.

Они обвенчались и были счастливы, несмотря на ненависть свекрови и ее дам. Людвиг щадил жену, но она его обманула. Мики родился назло дурным пророчествам и лекарским причитаниям.

Император подержал сына на руках и уехал, чтобы не вернуться. Легкая простуда сначала не казалась опасной, а потом стало поздно... Она должна была умереть, Рудольф тысячу раз мог погибнуть на своих войнах, но Господь забрал Людвига, оставив ей Мики и боль.

Милика Ротбарт подозвала сына, и тот подбежал, такой же рыжий, как и отец. Все Ротбарты рождались красноволосыми, кто темней, кто светлее. Волосы императриц Миттельрайха – черные, русые, золотистые – без следа сгорали в этом неистовом пламени. Сыновья Михаэля тоже будут рыжими...

Вдова прижала Мики к себе, и тот недовольно завозился, ему хотелось играть. Сейчас подойдет Гизела и ледяным голосом скажет, что его величество должен пить молоко. Или придумает что-нибудь еще, только бы оторвать принца от матери. Рудольф советует прогнать ведьму, но это сочтут оскорблением памяти свекрови? Вот если бы Руди сделал это сам. Он принц-регент, ему никто не смеет перечить.

– С тебя следует писать Матерь Божию. – Клаус фон Цигенгоф бросил к ногам Миики охапку золотистых роз. – С тебя и с Мики.

– О нет! – Женщина подвинулась, освобождая место другу Людвига. – Попытки... Страшная смерть... Какая мать пожелает сыну такую судьбу?

– Быть императором тоже невесело. Ой, прости, – Цигенгоф смутился, – я имел в виду... То есть не имел в виду ничего такого. Вы так прелестно выглядите в этом саду.

– Ты слишком снисходителен. – Императрица поцеловала выкручивающегося сына в лоб и отпустила. – Какие чудесные розы.

– Это новый сорт. Садовник назвал их «Императрица Милика».

– Мое имя не приносит счастья, – покачала головой вдова, – не стоит его повторять.

– В этом мире нет имени прекрасней, – возразил Цигенгоф, – я готов отвечать за свои слова жизнью и душой, но я принес не только розы. Милика, мне нужно с тобой поговорить.

– Что-то случилось? – Женщина отодвинула пальцы, те упали в цветочный ворох.

Цигенгоф их поднял и положил на скамью.

– Нет, но может. Я бы не посмел говорить с тобой о подобных вещах, но речь идет о Рудольфе.

– Руди? – переспросила императрица. – Что с ним? Я его видела позавчера, он привез Мики ручную белку и был такой веселый.

– Он и сейчас весел, – буркнул Клаус, – я бы даже сказал – слишком. Руди завел себе новую любовницу. Дочь суконщика.

– Ну и что? – В голубых глазах ее величества не было ни возмущения, ни любопытства. – Если он ее любит...

– Руди ничего не любит, кроме войны, – махнул рукой Цигенгоф. – Я не стал бы говорить тебе о его делишках, не ездит этот осел к своей красотке в одиночку. Достаточно одной засады, и... Поговори с ним, он должен одуматься. Ради Мики.

– Ты прав, – вдовствующая императрица встала, нечаянно наступив на золотой цветок, – я еду в Витте. Немедленно... Клаус, может быть, мне сделать эту женщину своей фрейлиной?

– Фрейлиной? – пробормотал Цигенгоф. – Горожанку?

– Она может быть кем угодно. – Личико Милики стало решительным. – Лишь бы с Руди все было в порядке. Ну почему ты сказал мне только сегодня?

– Ну... Мне Лемке сказал только вчера. Я пытался Руди образумить, но он и слушать меня не захотел.

– Клаус, – в голубых глазах плеснулось отчаянье, – я сегодня видела во сне волка. Огромного красного волка. Он уходил по ущелью вверх, в туман, и за ним тянулся кровавый след. Что-то случится... Мы должны остановить Руди! Мы успеем?

– Надеюсь, – кивнул Цигенбок, – если ты поторопишься.

3

Когда Рудольф оттолкнул осточертевшие бумаги, почти стемнело. Принц-регент потянулся, разминая затекшее тело, и дважды позвонил. С дневными делами было покончено, оставались дела ночные и неотложные.

Слуги внесли свечи и поднос с легким ужином. Следом, стуча когтями по мраморному полу, вошла старая охотничья собака. Днем дорога в кабинет была ей заказана, но вечер снимает дневные запреты.

– Пусть седлают Нагеля, – распорядился регент Миттельрайха, наливая вина. – Брауне, сидеть!

Собака села и была немедленно вознаграждена за послушание. В человеческую жизнь вмещается четыре или пять собачьих, но Брауне пережила Людвига. Брату было тридцать три, столько же, сколько ему сейчас. Проклятье...

– Ваше высочество едет один? – В бесстрастном голосе слуги чувствовалась надоевшая уже тревога.

– Разумеется.

Лакей поклонился и вышел. Рудольф Ротбарт прополоскал рот вином, выплеснул остальное в камин и упал в кресло у огня, время от времени пощипывая розовый виноград. Мясо и хлеб достались Брауне, несказанно довольной подобным поворотом дел. Если ты собираешься спать, можешь наесться до отвала, если идешь к даме или к врагу, оставайся голодным. Глупее храпящего в постели только мертвец.

Покончив с виноградом, регент поднялся и, насвистывая, исчез за скрытой расписной ширмой дверцей. Будущие войны и недостроенные дороги ждали. Так же как и разговор с Георгом фон Лемке, с которого станет запеть ту же песню, что и Цигенбок. И с тем же успехом.

Латиняне говорят: ничего не предпринимай, не обдумав, а предприняв – не раскаивайся. Обдумывать Руди терпеть не мог. Разумеется, если речь не шла о его

возлюбленной армии.

Рыжий Дьявол был создан для войны, а мир тащил на себе Людвиг. Старший брат возился с налогами и договорами, младший жил в свое удовольствие, зная не зная о государственной мерзости. После смерти Людвиг Руди безропотно впрягся в имперскую колымагу, утешаясь тем, что могло бы быть и хуже и он хотя бы не коронован.

Тридцатитрехлетний принц-регент весьма успешно уворачивался от того, что было ему без надобности. В частности, от трона и супруги. В этом он удался в своего прародителя: Вольфганг Ротбарт так и не женился, передав собранную по кусочкам империю в руки самого толкового из своих бесчисленных бастардов.

Льстецы предрекали Рудольфу Ротбарту, что он затмит славу Вольфганга. То же самое они обещали и Людвигу, и, разумеется, ввали. Рыжий Дьявол был о своей персоне довольно-таки высокого мнения, но не настолько, чтоб полагаться на предсказания.

Его высочество натянул темное платье военного образца, зарядил пистолеты и вернулся в кабинет. Слуга убирал остатки ужина, Брауне спала и даже слегка похрапывала.

– Хорошее вино, – Руди кивнул на пустой кувшин, – завтра подадите такое же. Нагель готов?

– Да, ваше высочество. Прибыл граф фон Лемке.

Лемке... Друг детства, боевой товарищ, непревзойденный командир авангарда, а случись что, и арьергарда. На Георга можно положиться во всем. Или почти во всем, но сегодня он будет мешать.

– Я уехал. – Руди хмуро взглянул на лакея. – УЖЕ уехал. Проводите графа сюда и проследите, чтоб он ни в чем не нуждался. Захочет уйти – задержите.

– Хорошо, ваше высочество.

Половина обитателей дворца предпочла бы звать Рудольфа Ротбарта «ваше величество». Другая половина спала и видела, как Рыжий Дьявол окажется в преисподней. Что до принца-регента, то он не собирался идти на поводу ни у первых, ни у вторых. Малолетний император и его словно сошедшая со старинного гобелена мать, к вящему удовольствию Руди, были живы и здоровы. Умирать сам Рыжий Дьявол тем более не собирался, а в полнолуние меньше, чем когда бы то ни было. Он, в конце концов, волчье отродье или кто?

Его высочество потрепал по башке разнежившуюся Брауне, засмеялся и вышел из кабинета, напоследок лихо хлопнув дверью.

Глава 2

1

Луна была огромной, грязно-рыжей и не круглой, а вытянутой, словно яйцо, сваренное в луковой шелухе. Луна была страшной, и Милика торопливо задернула занавески кареты, поймав презрительный взгляд графини Шерце. Надо послушать Руди и убрать всех, кого к ней приставила свекровь, а эту ведьму – первой.

Императрица не сомневалась, что старуха ее ненавидит. Ее и, что особенно пугало, Мики. Насколько добры были к ней с сыном Руди и Клаус, настолько тяжело приходилось с матерью Людвиг и ее приближенными. Когда прошлой зимой свекровь отдала душу Господу, Милика расплакалась. Не от горя – от облегчения.

Вдовствующая императрица прикрыла глаза и откинулась на набитые конским волосом дорожные подушки. Раньше она не боялась полнолуния, это пришло с беременностью. Пришло и осталось, хотя должно было исчезнуть вместе с тошнотой и непонятным отвращением к золоту, хлебу и вину. Наверное, это потому, что Людвиг умер, когда на небе висела такая же луна. Милика почувствовала его смерть, хотя узнала только через неделю. От Руди.

Сколько раз она проживала тот осенний вечер, сколько раз открывалась дверь и на пороге появлялся деверь. Сжатые губы, непривычно короткие завитки над бледным лбом, глаза, из которых исчезла всегдашняя смешинка...

Руди еще ничего не сказал, а она уже вцепилась в черный бархат, глядя в бездонные зрачки брата Людвига. Он мог надеть траур по любому из родичей и друзей, но Милика знала: умер Людвиг. Не сейчас, а в ту проклятую ночь, когда ее душила нависшая над Витте луна.

— Когда? — можно подумать, она не знает.

— Двадцать восьмого... Ночью.

Она выпустила его руки и, шатаясь, отступила к окну. Придворные дамы что-то забормотали, и Руди велел всем выйти вон. Потом деверь дотащил ее до кресла, она послушно села, послушно выпила вина...

— Он не проснулся, — сказал Руди, — уснул и не проснулся. Врачи говорили, что он почти здоров, а болезнь вернулась. Так бывает...

Милика кивала, чувствуя, как в груди зарождается хриплый, звериный вой. Еще немного, и он бы вырвался наружу, но дверь вновь распахнулась. Вбежала свекровь и с ней та женищина, на которой Людвиг не женился.

— Тварь, — так они кричали, — подлая тварь! Это ты виновата!

Мать Людвига кинулась к ней — высокая, сильная, с желтым лицом и длинными белыми пальцами. Унизанные кольцами руки тянулись к шее, но Милика не могла даже шевельнуться, беспомощно глядя в лицо приближающейся ненависти. А потом между ними оказался деверь. Странно, она помнила все, кроме слов: безумные глаза свекрови, медный затылок Руди, длинное лицо ТОЙ женищины, метнувшуюся в окне птицу. Рудольф схватил мать за руки и выволок из спальни. Куда делась ее спутница, Милика не заметила.

Брат Людвига вернулся, сел на ковре у ног вдовы брата. Они молчали, пока не стемнело, потом Руди произнес, разглядывая собственные руки:

— Я — принц-регент Миттельрайха. Людвиг завещал мне свою любовь и ваши с Михаэлем жизни. Вы будете жить, даже если мне придется их убить...

Он говорил о собственной матери и еще о ком-то. Милика это поняла, но ничего не ответила. Руди походил на Людвига, и от этого было еще больнее. Она почти ненавидела деверя за то, что он жив, а Людвиг мертв.

Молчание прервала носатая статс-дама, принесшая соболезнования от императрицы-матери.

— Императрица-мать перед вами, — рявкнул Рудольф, — запомните это, если желаете остаться в Витте. И напείτε ее величеству Марии-Августе, что во время церемоний впереди идут вдовствующая императрица и принц-регент, а прочие члены фамилии — потом.

Носатая дама, имя которой Милика запомнила, покраснела, сделала книксен и торопливо вышла.

— Тебе тоже следует помнить, кто ты, — велел Руди, — даже когда ты одна. Моя мать — всего лишь бабушка императора. Она ничего не решает. Ты поняла?

Она поняла, но это ничего не меняло. Иволге не спорить с ястребом, да и зачем? Следующий раз она увидела свекровь на похоронах, когда Руди вел ее к гробу. Когда они шли мимо, свекровь что-то прошипела, но Милике было все равно. Она не видела ничего, кроме окованного бронзой ящика, в котором лежал Людвиг.

Принц-регент поддерживал вдову, а Клаус Цигенгоф нес нового императора. Стонал орган, пахло ладаном, но она не думала даже о Мики. На выходе из церкви она споткнулась, и Рудольф ее удержал. Деверь ни на секунду не выпустил ее локтя, если б не он, вдовствующая императрица упала, отстала, заблудилась, умерла, и это было бы к лучшему.

Карету тряхнуло, Милику швырнуло вперед, и она едва не ткнулась лицом в колени сидевшей напротив статс-дамы. Неуверенно захныкал проснувшийся Мики. Вдовствующая императрица отшатнулась от пахнущего утюгом атласа и схватила прильнувшего к ней сына.

Карета стояла, осев на правый бок, слышались приглушенные мужские голоса, затем дверца распахнулась и показался раздосадованный Цигенгоф:

– Ваше величество, – при придворных волчицах Клаус не позволял себе никаких фамильярностей, – к моему глубокому сожалению, мы не можем продолжать путешествие. Карета сломана, починить ее без помощи мастера невозможно. К счастью, мы только что проехали Альтенкирхе. Без сомнения, мы найдем там приют.

– В этом нет нужды, – разлепила губы статс-дама, – Вольфзее гораздо ближе. Кормилица его величества Людвига будет счастлива принять под своей кровлей его величество Михаэля.

Кормилица Людвига... Милика слышала, что старуха живет неподалеку от Витте, хотя никогда ее не видела. Что она думает о браке своего молочного сына? Кормилицу наверняка выбирала свекровь.

– Я боюсь, это не слишком удобно. – Вдова старалась говорить спокойно, хотя страх обволакивал ее, словно ползущий от болот туман. – Лучше вернуться в Альтенкирхе.

– Но зачем? – Руди бы ее понял, а Цигенгоф – нет. – Смотрите, какой туман. И у нас нет дамского седла.

– Берта пользовалась полным доверием ее величества, – ледяным тоном произнесла графиня Оттилия Шерце, – это поместье – награда за ее заслуги.

Когда статс-дамы говорили о покойной императрице, то произносили слова «ее величество» особенным голосом. Совсем не таким, когда речь заходила о ней самой. Милика с мольбой посмотрела на Цигенгофа, но тот завел старую песню о дамском седле и тумане. Этикет, этикет, этикет! Все они заложники кем-то придуманных правил, ненужных, непонятных, нелепых.

Милика подобрала юбки и, стараясь не глядеть на луну, повернулась к статс-даме:

– Хорошо, графиня. Мы ночуем в Вольфзее.

2

Двадцать два года назад разбогатевший суконщик Готлиб Гельбхоузе выстроил дом на углу площади Святой Урсулы и Льяного переулка, соединявшего площадь с оживленной Суконной улицей. Спустя три года у почтенного негоцианта родилась дочь Гудрун, а еще через одиннадцать лет молния сожгла дом жившего в Льяном переулке кондитера.

Хозяева погибли под рухнувшей крышей. Развалины кое-как растащили, но желающих строиться на пожарище не нашлось. Огороженный глухими стенами соседних домов пустырь зарос бурьяном, став местом сборища окрестных котов. Люди гоняли хвостатых миннезингеров, но те всякий раз возвращались. Впрочем, пустырь посещали не только коты: в воскресные дни здесь частенько отсыпались хватившие лишку подмастерья, а однажды в крапиве нашли задушенную девушку.

Об убийстве судачили целый год, а следующей весной на площадь Святой Урсулы зачастил принц-регент. Летом о новой игрушке Рыжего Дьявола говорила вся столица. Горожане завидовали Гудрун и гадали, удержит красotka в своей постели Ротбарта до осени или нет. Удержала. Принц-регент с завидным постоянством навещался к прелестной суконнице, радуя своим видом то обитателей улицы Святой Урсулы, то Игольной, то Льяного переулка. Именно там его и ждали.

Пятеро вооруженных до зубов мужчин притаились в кустах возмнившего себя сиренью репейника, напряженно ловя каждый звук. Они стояли так тихо, что почуять неладное могла разве что собака, но собаки, отлаяв свое, успокоились и затихли.

Было полнолуние, и блеклый свет заливал чистенькую мостовую и аккуратные дома с ухоженными садиками. Почтенные обыватели давно отошли ко сну: ставни закрыты, калитки заперты. В жарких спальнях пахло лавандой и ромашкой, негоцианты и ремесленники добропорядочно обнимали животы своих супругов, в детских сопели малыши, видели десятый сон слуги. Бодрствовали разве что девицы на выданье и те, кто предпочитал

спать днем, а ночью – работать. Такие, как Макс Цангер и его приятели.

На краю пустыря что-то хрустнуло. Цангер махнул рукой, и толстый Фери двинулся на шум. В ответ раздался лихой кошачий вопль, Цангер пожал плечами. Он другого и не ожидал, но тот, кого они караулили, задерживался. Макс слегка раздвинул пожухлый репейник, уставившись в жерло переулка. На колокольне Святой Урсулы отзвонили половину двенадцатого, по Суконной прохромал, гремя колотушкой, ночной сторож, и все стихло.

В такую ночь да по булыжной мостовой всадника заслышишь издали, да какое там всадника, любого прохожего, хоть в кованых сапогах, хоть в деревянных башмаках. Рудольф ездит к своей красотке открыто, ничего не опасаясь. Глупец, как и большинство вояк! Воображают, что дома им ничего не грозит, вот и кончают свои дни в придорожных канавах.

Цангер пожевал губами и сплюнул в колючий куст. Он не имел ничего против принца-регента, но он был на службе, а хозяину Рыжий Дьявол мешал. Он многим мешал... Макс любовно погладил кинжал с петухом на клинке. Когда его найдут, решат, что принца-регента убили лоассцы. С ними так и так воевать, так почему бы не спрятать концы в чужую воду? Она, черт возьми, достаточно глубока.

3

Побледневшая луна по-прежнему висела над крышей, но Милика ее больше не видела, и страх уснул. Вернее, уснул непонятный животный ужас, вытеснивший из головы императрицы все мысли и желания, кроме единственного – укрыться от круглого, безжалостного глаза. Зато теперь мысли вернулись. О Руди. Они попадут в Витте только завтра, а вдруг беда случится сегодня?

Будь они одни, Милика бы выплеснула свои опасения на Цигенгофа, но в присутствии графини Шерце и Берты говорить о любовнице Рудольфа было невозможно. Мать Божья, ну почему хорошие мысли всегда опаздывают? Что ей стоило отправить кого-то из охраны в Витте. Она могла написать, что им с Мики нужна помощь, Руди не поехал бы на свидание, а примчался сюда, к ним. При нем Берта не посмела бы так смотреть на Мики.

Милика украдкой глянула на огромные часы черного дерева, но хозяйка перехватила ее взгляд и сообщила, что это подарок ее величества. У Берты была одна императрица – покойная Мария-Августа. Над камином висел ее портрет, и Милика села к нему спиной. Заметила ли это хозяйка? По суровому бледному лицу было не понять. Даже странно, что эта женщина когда-то прижимала к груди ребенка.

Михаэля выкормила веселая молодая крестьянка, которую привез Руди. Иногда Милика спрашивала себя, уж не была ли Герда одной из бесчисленных подружек деверя? Если и так, то она ничем этого не обнаруживала. Год назад Герда отпросилась в гости к матери и не вернулась. Кормилица Мики была уже не нужна, но приехавшая свекровь привезла внуку няню Гизелу. Милика скрепя сердце ее приняла, хотя Михаэль долго плакал и жаловался. Потом сын замолчал, но она чувствовала – обиделся. Надо отослать Гизелу домой и попросить Руди найти воспитателя-мужчину. Мики весной исполнится шесть, так что пора.

Михаэль, словно подслушав ее мысли, завопил во сне и больно сжал руку, но она только улыбнулась. Берта хотела взять императора на руки, но Мики раскапризничался, и Милика под недобрым взглядом двух старух заявила, что сын останется с ней. Михаэль сразу успокоился и уснул, а им с Цигенгофом пришлось ждать, когда двое слуг под руководством молочной сестры Людвиге приготовят комнаты.

Вдовствующая императрица сидела у огня и слушала о добрых старых временах. Конечно, можно было и не слушать, но вдова не хотела обижать кормилицу Людвиге. И обидела, спросив о Рудольфе. Старуха поджала губы, буркнув, что принца-регента выкормила другая женщина, имя которой она, Берта, запомнила. Милика ей не поверила, но промолчала. Обычно, когда речь шла о Людвиге, она глотала каждое слово, но рассказ кормилицы вызывал единственное желание – заткнуть уши и сбежать. Наверное, потому что

Берта все время вспоминала свекровь.

Милика смотрела в огонь, иногда поднося к губам бокал белого вина. Если б она оставила Мики в замке и поехала верхом, они бы уже были в Витте, но императрице-матери не пристало разъезжать в компании одних только мужчин, пусть и в сопровождении родственника. Нужна карета и хотя бы одна придворная дама. Господи, ну почему Руди не женится? Его жена, будь она хоть трижды суконщицей, стала бы ее подругой, а Руди избавил бы их обеих от старых мегер.

– Ваше величество, – дочь Берты, имя которой Милика не расслышала, присела в реверансе, – ваши комнаты готовы.

– Благодарю. – Милика наклонилась над пригревшимся сыном, не решаясь его разбудить.

– Мой муж отнесет его величество. – Какая милая женщина и как не похожа на мать.

– Муж дочери – лесничий Небельринга, – хмуро произнесла Берта, – он очень силен.

Милика покорно кивнула и отодвинулась, позволяя кормилице Людвигу поцеловать его сына. Увы, его величество не собирался допускать до своей персоны чужаков. Мики испустил дикий вопль и вцепился в материнскую юбку. Милика выронила бокал, золотистое вино выплеснулось на толстый темно-красный ковер, спасший тонкий хрусталь. Цигенгоф, бормоча что-то об умных мальчиках, попробовал разжать пальцы ребенка, не тут-то было!

Мики то рыдал, то принимался кричать, что ненавидит этот дом и не хочет здесь оставаться. Таким Милика сына еще не видела. Цигенгоф тоже выглядел оторопевшим, а Михаэль продолжал бушевать. Теперь он требовал сжечь Вольфзее и ехать к Рудольфу. Вдова не знала, что делать, но тут появился высокий темноволосый человек с роскошным роговым свистком, живо заинтересовавшим его величество. Незнакомец, надо полагать – зять Берты, без колебаний протянул сокровище императору, и тот сменил гнев на милость. Милика перевела дух и улыбнулась хозяевам:

– Мы благодарны за гостеприимство, но сейчас мы бы хотели подняться в свои комнаты.

Глава 3

1

Застоявшемуся Нагелю не терпелось перейти с шага хотя бы на рысь, но Рудольф сдерживал жеребца, хоть и вполне разделял его чувства. Упрященные в горские торбы копыта превращали коня в крадущуюся кошку – толстый войлок исправно глушил звуки. Не слышать привычного цоканья подков было странно и неприятно, но скрытность требовала жертв.

Волк верхом на кошке... Нужно обязательно рассказать об этом Мики, сорванец будет хохотать и спрашивать, что дальше. А дальше добыча будет ловить охотника, такое тоже бывает. Где же его ждут? И кто? Если убийца тот, о ком не хочется даже думать, его караулят сегодня. Пустырь в Льяном переулке прямо-таки создан для засады, если не считать калитки, ведущей на задворки соседнего дома. Три ночи на троих врагов, а место – одно, и его не миновать, разве что ждать в кровати Гудрун.

Если б Руди Ротбарта спросили, как убить принца-регента, он бы посоветовал надеть маску, забраться в окно к суконщику, хорошенько его припугнуть и дожидаться гостя. Забавно, если убийца так и поступит. Что ж, в таком случае убивать мерзавца не стоит, вдруг понадобится. У хорошего правителя должен быть хороший убийца, иначе приходится все делать самому. Он вовремя не озаботился, вот теперь и отдувается.

Из-за острых крыш медленно и важно поднималась луна, и Руди помахал ей рукой. Луна была его старой приятельницей и сообщницей, недаром она украшала герб Ротбартов. Луна и коронованный красный волк. В полнолуние Ротбартам везет, потому-то он и начал

игру сегодня. Руди мечтал, чтобы за его шкурой охотились лоассцы или паписты, полагавшие (и не без основания) Ротбартов безбожниками. Третье имя Рыжий Дьявол с радостью бы позабыл, не будь подобная забывчивость непозволительной роскошью. У регента на шее Милика с Мики, и он, в конце концов, отвечает за этот чертов Миттельрайх, тут ворон не половишь!

Нагель поравнялся с Челночным переулком и собрался и дальше следовать знакомой дорогой, но Руди завернул жеребца. Два дня назад обитавший в Челночном причетник за десяток талеров вручил смуглому чернобородому дворянину ключи от ворот, пояснив, что калитка на пустырь запирается на засов, который будет смазан. Вот было бы смеху, если б в щедром провинциале узнали принца-регента...

Дом причетника был шестым от угла. Руди дернул повод, и Нагель остановился у чистеньких ворот. Хозяин обещал навестить замужнюю дочь, и Рудольф не имел основания ему не верить. Отпереть ворота и завести коня во двор было делом пары минут. Нагель будет стоять тихо, на него можно положиться, вот на других...

Принц-регент сбросил плащ и шляпу, следом отправились парик и фальшивая борода – убивать нужно со своим лицом. Если его ждут не сегодня, а завтра или послезавтра, он пожертвует на храм сотню талеров и не станет есть мяса по пятницам. Не есть мяса... Дьявольщина, да он пить год не будет, только бы враги остались врагами, а друзья – друзьями!

Луна уже поднялась над домами, она была удивительно, бесстыдно яркой. Рудольф подмигнул разбушевавшемуся светилу и, легко ступая, направился к калитке. Причетник не просто смазал петли, он выкосил разросшуюся траву, молодец! Руди осторожно приоткрыл и не подумавшую скрипнуть дверцу: в засыхающих зарослях виднелось несколько силуэтов.

Четверо? Нет, пятеро! Вот и ответ, Руди Ротбарт. Засады в спальне Гудрун не будет, как и жертвы на церковь. Будут смерти на пустыре, ну да ладно! Рудольф присел на корточки, наблюдая за ждущими его убийцами. Пятерка настороженно вглядывалась в ночную тьму. Стояли хорошо, сразу видно, что люди опытные, не какой-нибудь сброд. И все равно люди не кошки, долго не выдержат – самый никчемный обязательно полезет к вожаку с расспросами, иначе просто не может быть. Вожак в ответ рявкнет, и станет ясно, кого оставить напоследок.

Колокол мерно отбил полночь. Голубчики наверняка волнуются – добыча всегда проходит Льяным в одиннадцать. Что ж, подождем, спешить некуда, все уже ясно, осталось утолить рвущую сердце ярость.

Ну почему, почему, почему предают те, кого любишь? Что ты им сделал или, наоборот, не сделал? Когда ошибся, не заметил, просчитался, ушел в сторону? Предательства, как цыплята, вылупляются не из каждого яйца и не сразу. Их еще надо высидеть и выкормить, вот он и высидел. Сам виноват. И все же почему?! Этого псы не скажут, даже выверни их наизнанку, это знает только хозяин...

Дьявольщина, хорошо, хоть ждать пришлось недолго. Забавно, самое короткое терпение оказалось у самого длинного. Переминается с ноги на ногу, тербит оружие. Он еще и левша. Левша в драке не подарок, особенно левша нетерпеливый. Извини, приятель, но тебе объясняться с райским привратником первым. Тысяча чертей, но кто же у них за главного?

2

Мария-Августа не поскупилась. Спальня была роскошной, не хуже, чем в императорском дворце, но от дубовых панелей и красного бархата Милике стало не по себе. Еще хуже были гобелены с красными волками. Похожие на огромных длинноногих лисиц звери загоняли и терзали оленей и ланей, а в небе висела ржавая луна. Такая же, как сегодня.

– Ваше величество желает чего-нибудь?

Желает. Схватить сына и бежать от этого дома и его обитателей, но это невозможно.

– Благодарю вас, нам ничего не нужно, хотя нет... Принесите еще свечей, я... Я хочу написать письмо.

– Простите, ваше величество, но в этом доме нет письменных принадлежностей. Хозяева не знают грамоты.

– Тогда принесите мне Библию.

– Она здесь, у изголовья.

– Хорошо, вы свободны.

– Если буду нужна я или Зельма, позвоните.

– Обязательно. Идите.

Статс-дама наконец вышла. Милика торопливо задвинула засов и потрясла запертую дверь. Нет, сюда никто не войдет. Такую дверь можно вышибить только тараном. Мать Божья, да что с ней такое? Можно подумать, она – заблудившаяся сиротка, угодившая в лапы к ведьме. Или лань с гобелена.

В доме шестеро солдат, не считая Цигенгофа. Те, кто остался с лошадьми и каретой, знают, что они пошли в Вольфзее, да и что может грозить вдове Людвига в доме его кормилицы? Свекровь невестку ненавидела, это так, но свекровь умерла, а с Шерце она расстанется завтра же! Баронесса фон Шарфмессер не боялась матери Людвига и любит Мики, ей можно верить.

– Мама. – Мики не спит. Лежит на спине, смотрит зелеными отцовскими глазищами. – Мама...

– Что случилось, мой хороший?

– Мама, зачем мы здесь?

– Ну ты же знаешь. Сломалась карета, нам нужно было где-то заночевать. Утром придет кузнец, все починит, и мы поедем в Витте.

– К Руди? – заулыбался Мики.

– Да, только надо говорить: Рудольф или принц-регент.

– Ему это не нравится, – не согласился сын, – он хочет, чтоб я его звал Руди, и я буду его так звать.

– Хорошо, зови, но только когда вы одни.

Святая Дева, переживут ли они эту ночь? Какие глупости, им с Мики ничего не грозит, а вот Рудольфу... Что, если он поехал к своей подруге, а встретил убийц? Господи всемогущий, сделай так, чтоб с деверем ничего не случилось. Руди ей больше чем брат, и потом, без его защиты они с Мики пропадут.

– Мама, почему ты не ложишься?

– Я сейчас лягу, только немного подумаю. – Она не ляжет, потому что без помощи ей не раздеться, но сюда она никого не впустит. Никого! – Закрой глазки и дай ручку. Я тебе спою, и будет все как дома.

– Мы не дома. – Сын сел, откинув меховое одеяло. Какой же он тощенький. – Ты не спишь, потому что здесь убили Герду, да?

– Господи, с чего ты это взял? Герда просто уехала. У нее были дела.

– Мы тоже просто уехали, – вздохнул сын. – Мама, я боюсь. Волки загрызли Герду. И нас загрызут?

– Волки в лесу, – проклятый гобелен, ей и то страшно, – а мы в доме. У нас очень крепкая дверь, и нас охраняют солдаты и Клау... Граф Цигенгоф.

– Волки тут, – прошептал сын, косясь на гобелены, – вот они.

– Глупости, – прикрикнула Милика, – это просто картинки. Плохие, злые картинки, и все. Они не живые, вот, смотри.

Императрица подняла свечу, подошла к стене. Коснуться красно-рыжей ткани было страшно, но она это сделала. Ничего не произошло, только откуда-то вылетела маленькая серая бабочка. Милика зажмурилась, выдернула шерстинку, сунула в огонь. Запахло паленым...

– Видишь, – женщина оторвала еще одну нитку, – это просто ковер. Не смотри на него.

Закрой глазки и постарайся уснуть.

– Хорошо... Мама...

– Да, родной?

– Мама, только ты не спи.

– Конечно, родной. Знаешь что, давай прочитаем все молитвы, которые ты знаешь.

– А если мы помолимся, прилетит ангел и прогонит волков? – Мики с надеждой взглянул на мать. – Правда?

– Обязательно прогонит. – Господи, она только сейчас заметила, что в комнате нет Распятia.

– *Pater noster qui es in caelis*, – зачастил сын. – Только ты мне подсказывай, а то я забыл...

– Конечно, сердечко.

*Pater noster qui es in caelis,
Sanctificetur nomen Tuum.
Adveniat regnum Tuum.
Fiat voluntas Tua, sicut in caelo et in terra...*

3

Время ползло как пьяная сороконожка. Цангер дважды выглядывал на улицу в тщетной надежде увидеть одинокого всадника. Без толку. Теперь Макс хотел одного, чтобы принц-регент не вылезал из дворца. В конце концов, он мог передумать, баба бабой, а регентство регентством. Рыжий еще тот котяра, но дело для него прежде всего.

– Капитан, – ну, разумеется, это Долгий Питер, – он точно приедет?

– Заткнись, – рявкнул Макс, – шайзе!²²

– А вдруг он другой дорогой поехал, – влез Фери, – а мы тут торчим.

– Пло... – договорить Долгий не успел. Макс оторопело уставился на свалившегося подручного. Питер лежал неподвижно, в его спине торчал кинжал. Очень дорогой.

– Если я не ошибаюсь, вы кого-то ждете? – донеслось из зарослей. – Могу я чем-нибудь помочь?

Цангер резко обернулся. Рудольф Ротбарт собственной персоной стоял у дальней стены, за его спиной виднелся тусклый свет. Калитка, будь она неладна, калитка! Сейчас мерзавец удерет – и все! Хозяин церемониться не станет, если выкрутится, разумеется.

– Так вы ждете кого-то другого? – В красивом голосе послышалось разочарование. – Что ж, не смею вам мешать.

Рыжий Дьявол отвесил издевательский поклон и сделал шаг к калитке. Его нельзя отпускать, ни в коем случае нельзя.

– Вперед! – проревел Цангер, отбрасывая плащ.

Этого хватило. Фери, Конрад и старина Хунд – ребята бывалые, не растерялись. Троица брызнула в стороны, чтоб окружить Рыжего. Это было правильно. Было бы, соизволь принц-регент обождать. Но ждать Дьявол не стал – рыжая молния метнулась к Конраду, и тот от неожиданности сплосховал. Удар в горло, и регент, не оглядываясь на свежего покойника, обернулся к уцелевшим. Справятся? Цангер замер, сжимая шпагу и кинжал. Он не должен рисковать, не имеет права... Бочка Фери – отличный фехтовальщик, да и Хунд – парень не промах. За Конрада они с кого хочешь шкуру спустят.

Злобно лязгали клинки, трещал бурьян, метались черные тени. Не хватало, чтоб сюда принесло стражу! Фери прыгнул вперед, норовя достать принца в бок, и тут дьявол

²² Дерьмо.

подсказал тезке сделать длинный выпад. Шпаги ударили одновременно. Хунд ткнулся лицом в крапивный куст, да так и остался лежать, но Фери свое дело сделал. Рыжий глухо вскрикнул и пошатнулся. Ранен или поскользнулся? Ротбарт хрипло ругнулся и обернулся к Бочке. Неистовая атака, и Фери сложился вдвое, судорожно вырывая застрявшую меж ребер шпагу.

Рыжий дернулся вернуть оружие, но его повело назад, потом вбок. Неужели все-таки ранен? Похоже на то! Фери вырвал шпагу принца из раны и свалился, придавив своей тушей эфес, но Дьяволу было не до оружия. Цангер с трудом верил собственным глазам, но это не было ни бредом, ни ошибкой. Рудольф Ротбарт в самом деле медленно осел в примятый бурьян и застыл в жуткой полусидячей позе, упираясь руками в землю. Слава богу, получилось! Парней, конечно, жаль, но главное – дело! Его нужно закончить, и побыстрее.

Макс, не выпуская из рук оружия, двинулся к раненому. Принц медленно поднял голову. В исступленном лунном свете лицо Ротбарта казалось жуткой маской. Прокушенная губа, сведенные брови, волчий блеск в глазах. Да, ранен, да, тяжело, но вряд ли смертельно, и он в полном сознании, а значит – опасен!

Собственная шпага для принца потеряна, но рядом валялась рапира Хунда! Рука в черной перчатке дрогнула и потянулась к эфесу, но тот был слишком далеко. Другой бы сдался, другой, но не Руди Дьявол! Регент бешено сверкнул глазами и попытался подняться, упираясь коленом в землю.

Хватит, пора кончать! Макс шагнул к раненому, избегая смотреть в бледное злое лицо. Цангер был стреляным воробьем, но ему еще никогда не приходилось убивать принцев крови. Что ж, Макс, утро ты встретишь богатым человеком, а старость – бароном. Будущий барон занес шпагу, и тут правая рука Дьявола взлетела вверх. Что-то мерзко свистнуло, что-то хлестнуло по правому запястью и обвилось вокруг него. Убийца не успел ничего понять, а страшной силы рывок едва не выдернул руку из плеча. Цангера швырнуло вперед, навстречу стремительно распрямляющемуся Ротбарту, на лице которого не было и следа боли. Зато боль взорвалась в паху незадачливого убийцы. Последнее, что он успел заметить, это знаменитую на весь Витте волчью ухмылку.

...Сознание вернулось к Макс в небольшом, пахнущем скошенной травой дворике. Глаза слепил фонарь, рядом маячили сапоги для верховой езды. Цангер застонал, попробовал пошевелиться и обнаружил, что связан по рукам и ногам. Несостоявшийся барон хрипло выругался и прикусил язык, но было поздно. Сверху раздался короткий смешок, Макс поднял голову и столкнулся взглядом с принцем. Дьявол ухмылялся, крутя в руках изящный шнурок с шариком на конце.

– Я вижу, вы пришли в себя? – Непринужденный жест, и шарик пронесся перед самым носом пленника. Раздался знакомый свист, и Макс невольно вздрогнул.

– Как, – темные брови поползли вверх, – вы не знакомы с этой милой вещицей? Для человека ваших занятий это позор. Если вы будете вести себя разумно, я подарю вам эту безделицу на память, но сначала хотел бы знать, достаточно ли вам удобно? Нам предстоит долгий разговор.

Голос был мягким, губы принца изгибались в любезной улыбке, но убийце показалось, что над ним стоит оскалившийся волк. Красный волк Небельринга.

– Ваше высочество, – пробормотал Макс Цангер, – я все расскажу... Все, что знаю.

Глава 4

1

Мики так и не уснул, но лежал тихо, словно мышонок, не отрывая взгляда от догорающей свечи. Остальные пришлось погасить – уж больно быстро они сгорали. Милика опасалась, что до рассвета свечей не хватит. До сегодняшней ночи она думала, что не боится

темноты, но в Вольфзее страшным было все, даже тишина. Вдовствующая императрица взяла Библию, о которой говорила графиня, но переплетенный в кожу том казался тяжелым и холодным, словно камень из крепостной стены. Милика решила вернуть книгу на место, та выскользнула из рук и упала на лежащую поверх ковра чудовищную медвежью шкуру.

Поднять Святую книгу женщина не решилась. Она смотрела на стремительно тающую свечу и пыталась думать о Рудольфе. Милика с детства приучилась вытеснять беспричинные страхи обоснованными опасениями, но на этот раз ничего не вышло. Деверь мог разгуливать где угодно, мысли Милики Ротбарт занимал не он, а волчья охота и окровавленная луна. Женщина смотрела на огонь, а перед глазами стояли сцены с проклятых гобеленов.

– Мама, – завел свое Мики, – ты не спишь?

– Нет, родной. Но ты спи.

– Дай руку!

В Хеллетале сын спал один и без света. Мики был ужасно самостоятельным и не любил нежностей, но в Вольфзее его словно подменили. Говорят, дети чувствуют зло. Дети и животные. Почему здесь нет ни собак, ни кошек? Или есть, но она их не видела? А какие странные лица у Берты и ее служанки – холодные, неподвижные, недобрые. Кто только женился на такой женщине? Неужели из-за поместья? Но легче умереть, чем жить в этом логовище.

– Мама, ты не спи, – снова пробормотал Мики, закрывая глаза.

Уснешь тут! Милика вздохнула и снова уставилась на крохотный, не способный разогнать тьму огонек. Очень хотелось вновь пощупать гобелены, ощутить под пальцами теплую пыльную ткань и убедиться, что ничего страшного нет, но вдовствующая императрица не решалась выпустить руку сына. Господи, почему так страшно? Дверь надежно заперта, они с Мики не одни, с ними семеро здоровых, хорошо вооруженных мужчин, а хозяев – пятеро, из них три женщины. Нет, четыре, если считать графиню Шерце! Старая ведьма не с ней, а с обитателями Вольфзее. Она нарочно их сюда заманила. Почему сломалась карета? Такого никогда не случалось.

В дальнем углу что-то скрипнуло и зашуршало, и Милика едва сдержала крик. Это мыши, обычные мыши. Ничего удивительного, ведь в доме нет кошки. Шорох повторился, и, отвечая ему, раздался тоненький плач. Мики!

Вдовствующая императрица подхватила сына на руки, и он, не прекращая тихо всхлипывать, вцепился в мать, нечаянно прихватив выпавшую из прически прядь. На глаза навернулись слезы, но Милика ободряюще улыбнулась. За гобеленом вновь зашуршало, на окно бросился ветер, заметался огонек свечи, а ведь вечером было тихо.

Надо было сказать Клаусу, чтобы он поставил под дверь гвардейцев, а может, сходить к нему? И оставить Мики? Да и не знает она, где разместили графа Цигенгофа, дом такой большой, почти замок. Странно, что его отдали слугам, пусть верным и любимым, но слугам, которые и читать-то не умеют. И как они справляются вчетвером, ведь зять Берты все время в лесу?

Свеча сгорела на три четверти, только б успеть зажечь от огарка новую, иначе сидеть им в темноте. Мышь за гобеленом совсем обнаглела, а может, это не мышь, а крыса. Господи, сделай так, чтоб это была просто крыса – большая, серая, злая и нестрашная.

– Милика!

Цигенгоф! Без плаща и шпаги. В руках масляная лампа. Как он вошел, ведь дверь заперта!

– Милика, какое счастье, что ты одета.

Какое счастье, что он пришел. Она не вскочила только потому, что держала на руках сына.

– Привет, Цигенбок, – Мики перестал дрожать и слез с материнских колен, – а я тоже не сплю.

– Милика, – на лице Клауса не было привычной улыбки, – вставай. Я возьму Мики, и бежим.

– Куда? – Теперь, когда они уже не были одни, она растерялась. – Зачем?
– Потом, – оборвал Цигенгоф, его голос был хриплым, – все потом.
– Как ты вошел... Я могла спать.
– Ты не спишь и правильно делаешь, а вошел я через дверь. Потайную. В твоей спальне – три двери, и только одна запирается изнутри. – Граф взгромоздил Мики на плечи. – Не плакать! Все хорошо, мы играем. Сюда придут и никого не найдут.
– Волки придут? – Мики обхватил руками шею Цигенгофа. – А где ангел?
– Ангел спит, – объяснил Клаус, – ночь, вот он и спит. Милика, давай руку, и идем. Нас встретят, но ты не пугайся. Зять Берты – друг, он раньше служил у Руди.
Женщина кивнула, не решаясь разлепить губы. Пальцы Клауса были жесткими и горячими, он впервые коснулся ее не через полу плаща. Огонек свечи судорожно метнулся, сжался в рыжую искру и погас. Теперь у них осталась лишь лампа Цигенгофа.
– Куда мы идем? – выдавила из себя Милика.
– Для начала подальше отсюда, – бросил Цигенгоф, – и, во имя Господа, скорей!

2

Убийца рассказал все, что знал. Он бы рассказал и то, чего не знал, но его спасло чувство меры. Рудольф Ротбарт теперь знал не только «кто», но и «за сколько». Остался последний вопрос – «почему?», но ответ на него ничего не изменит. Принц-регент Миттельрайха не Господь Бог, он не вправе прощать врагов своих, даже если это друзья. Бывшие.

Руди глянул на связанного убийцу и невесело усмехнулся:
– Когда ты последний раз был на мессе?
Тот оторопело захлопал глазами, но ответил:
– На прошлой неделе.
– Похвально. – И зачем он с ним говорит? – И что ты думаешь на предмет того, что зуб за зуб, а око за око?
– Ваше высочество, – вздрогнул наемник, – я... Что угодно вашему высочеству?
– Моему высочеству угодно, чтобы ты прикончил своего хозяина. Я лишил тебя подручных, но помощники тебе понадобятся. Утром я пришлю двоих. Твой «друг» дерется хуже меня, с него хватит. Ты все понял?

Капитан Цангер что-то квакнул и кивнул. Он был весьма недурен собой, но сейчас напоминал вытасченного из пруда карпа. Воистину удивление не красит, как и поражение. Руди Ротбарт неторопливо освободил копыта Нагеля от войлочных торб. Обрадованный конь немедленно принялся рыть землю. Счастливые они, эти лошади, их если и продают, то хозяева, а не родичи и друзья.

– Ваше высочество, – пленник с тревогой смотрел за манипуляциями победителя, но пытался улыбаться, – каковы будут приказания?
– Не можешь без дела?
– Лень до добра не доводит. От нее ржавеет шпага и кончаются деньги. Буду счастлив служить вашему высочеству.

Каков мерзавец! Похоже, волк нашел подходящего пса. Лет через пять Цангер станет убивать не из страха и не за деньги, а по привычке. А потом, чего доброго, отдаст жизнь за дом Ротбаров.

– После мессы была проповедь? – поинтересовался принц, беря Нагеля под уздцы.
– Да...
– Вот и обдумай ее на досуге. Пока не придут твои помощники. Они тебя развяжут.
Руди неторопливо вывел коня в проулок, еще более неторопливо запер ворота и вскочил в седло. Город спал, только падали с лип утомленные листья, да звенел цепью и поскуливал пес в доме напротив. Порыв ветра принес запах свежего хлеба и отдаленный звон. Три четверти первого – охота и допрос заняли меньше часа, а кажется – полжизни

прошло.

Нагель тряхнул гривой и передернул ушами, ему, в отличие от хозяина, не терпелось пуститься в путь. Для коня жизнь есть бег, а для человека? Что важнее всего в этом мире – война, любовь, долг? Всего понемножку и еще что-то, непонятное и неуловимое.

Принц тронул поводья и выехал на Суконную. Во дворце ждал Георг, в доме на углу – Гудрун, а Руди хотелось, чтобы оба куда-нибудь провалились. Желательно вместе с Витте. Говорят, нет ничего хуже неизвестности и мучительней надежды. Сегодня Рыжий Дьявол прикончил и ту, и другую, но легче не стало.

Лунный свет отразился от осколка, откуда-то взявшегося на мостовой. Рудольф поднял голову к луне и вдруг понял, что не может никого видеть. Не «не хочет», а не может. Одно слово, взгляд, жест, и он сорвется, вернее, сорвет зло на тех, кто подвернется под руку, будь они хоть ангелами с крылышками.

– Лучшее, что может сегодня сделать для своих подданных принц-регент, это от них сбежать, – сообщил Рудольф то ли луне, то ли облетающим липам. Луна промолчала, ветер взъерошил гриву Нагеля и осыпал всадника увядающим золотом. В небе дрогнула красноватая звезда и покатилась вниз от созвездия к созвездию, оставляя за собой стремительно гаснущий след. Руди проводил небесную смертницу взглядом, нахлобучил шляпу и от души прищипорил Нагеля. Разобидевшийся жеребец возмущенно взвизгнул и помчался по булыжной мостовой, высекая яркие злые искры.

3

Милика с трудом попевала за Клаусом, но ей и в голову не приходило просить сбавить шаг. Цигенгоф знает, что делает, а ее дело – переставлять ноги и молчать.

– Осторожно, сейчас будет лестница, – бросил Клаус, – и крутая.

– Куда мы идем? – пискнул Мики.

– К солдатам, – Цигенгофу явно было не до разъяснений, – тихо!

Сын притих, нога Мирики провалилась в пустоту. Лестница и впрямь оказалась крутой и очень неудобной. Узкие деревянные ступеньки вились вокруг дымохода, от которого тянуло жаром. Неужели где-то есть небо и холод? Без плащей они замерзнут.

– Осторожно, пригнись.

Узкая дверца, почти щель, за ней – сводчатый коридор, слишком низкий для человека с ребенком на плечах. Клаус сунул ей лампу и взял Мики на руки. Теперь Милика шла первой, вытянув руку со светильником. Жалкая лужица света плескалась на грубо отесанных камнях, очень старых. Вольфзее выстроили на месте древнего замка. Почему его отдали Берте? Кто тут жил раньше? Куда они идут? Клаус сказал, к солдатам, значит, гвардейцев в доме нет. Разместили на конюшне? Во флигеле? Или... Или убили? Но как? Руди уверял, каждый гвардеец стоит четверых, а вот о Берте он не говорил никогда. И Людвиг не говорил, он вообще мало рассказывал о доме, семье, только о брате. Милика думала, что это из-за свекрови, а если – нет? Рудольф зачем-то увез их с Мики из Витте в Хеллеталь. Только ли из уважения к ее горю?

Впереди показалась стена. Тупик? Нет, поворот, а сразу за поворотом – дверь, темная, обитая медью. Устрашающего вида засов отодвинут.

– Толкай, – велел граф Цигенгоф, и вдовствующая императрица толкнула. Дверь честно распахнулась, и они вышли в ночь, после тьмы переходов казавшуюся сумерками.

– Ваше величество.

– Кто... Кто здесь?

– Капитан Отто Риттер к услугам вашего величества.

Риттер? Ах, да. Муж хозяйской дочери. Высокий, темноволосый и темноглазый. Небольшой шрам на щеке, настороженный взгляд... Он нес Мики в спальню, старая Берта шла впереди со свечой, графиня Шерце замыкала шествие. Тогда Миিকে показалось, что мужчина хочет что-то сказать, но она не нашла повода его задержать.

– Я тебя знаю, – подал голос Мики, – ты опять меня понесешь?
– Буду счастлив.
– А уж как я буду счастлив, – проворчал Цигенгоф, вручая капитану свою ношу. Милика невольно улыбнулась, глядя, как сын устраивается на очередных плечах.
– Ты теперь мой жеребец, – объявил Мики, – боевой жеребец.
– Тише, – Цигенгоф закрыл ладонью мальчику рот, – он – твой жеребец, но нам нужно обмануть врага. Так что молчи.

Мики важно кивнул. Капитан Риттер указал глазами вниз. На пожухлой траве что-то темнело.

– Возьмите плащи. К утру подморозит.

Вдовствующая императрица без лишних слов подняла верхний плащ. Он был подбит мехом, кажется, лисой. Второй, поменьше, с капюшоном, без сомнения, предназначался Мики.

– Надо спешить. – Капитан-лесничий держался спокойно, но Милику это не обмануло.
– Мы пойдем или поедем? – В такой плащ можно завернуть двоих Мики или даже троих. – Хочу ехать!

– Ваше величество, в Вольфзее нет лошадей.

Нет лошадей, нет собак, нет кошек, нет Распятый...

– Почему? – не унимался сын. – Вы не умеете ездить?

– Лошадей держат за озером, – объяснил Цигенгоф. – Сегодня твоей лошастью будет капитан Риттер. Ты согласен?

– Да! – выкрикнул Мики, позабыв об осторожности.

– Тише! – выдохнул Клаус. – Ты же не хочешь, чтоб нас слышали волки?

– Волки? – Пречистая Дева, зачем он о волках?! Мики и так страшно.

– Волки, – подтвердил лесничий, его голос звучал хрипло и тревожно. – Ваше величество, умоляю, молчите.

Кажется, Мики понял. Милика торопливо перекрестила сына, и капитан Риттер быстро пошел вперед. Цигенгоф взял ее под локоть и повел, вернее, поволок следом.

Вдоль тропинки темнели кусты, за ними высились деревья, сквозь пляшущие на ветру ветви виднелась побледневшая луна. Милика пыталась понять, где они, но безуспешно. Ясно было одно – лесничий вел их не той дорогой, которой они пришли. Они пробирались сквозь заросли, меняли тропку на тропку, а впереди светили три звезды – две поменьше и одна нестерпимо яркая, отливающая алым.

Мики молчал. Уснул или трясется от страха? Под ногой треснула ветка, поднявшийся к ночи ветер усилился, по небу побежали редкие облака. Капитан Риттер исчез в очередной дыре, Клаус потянул Милику следом. Ветка стащила с головы императрицы капюшон, поправлять было некогда. Впереди что-то блеснуло. Озеро. В темной глубине утонула еще одна луна. От воды тянет холодом и смертью, сухо шелестит черный тростник, ветер, шорох мертвой травы и что-то еще – далекое, пугающее, непонятное.

Шагавший впереди Риттер на мгновение замер, а потом побежал, держась самого берега. Цигенгоф припустился за лесничим. Милика едва поспевала за длинноногим графом, юбки путались, дыхание сбивалось, а сбоку плыла ненавистная луна и неся странный плач, тихий и безнадежный. Все было как в кошмарном сне, а может, это и было сном. Милика Ротбарт уснула среди багрового бархата и страшных гобеленов, и ей снится, что она стала ланью, за которой несется волчья стая.

Сердце стучало все быстрее, а вот ноги не успевали. Если б не Клаус, она бы тысячу раз упала. Нет, не упала – легла на увядшую траву, и будь что будет. Зачем бежать? Она только мешает спасти Мики. Людвиг мертв, сына вырастит Руди, а она лишь обуза, камень на шее.

– Клаус...

– Да? – Цигенгоф обернулся, он тяжело дышал, обычно пушистые волосы превратились в прямые сосульки.

– Спаси Мики... А я останусь.

– Дура!

– Клаус!

– Помолчи! – Милика не успела ничего понять, а Цигенгоф подхватил ее, забросил на плечо, словно какой-нибудь мешок, и припустил дальше. Озеро осталось позади, теперь они бежали через луг. Дальний стон стих, а может, она перестала его слышать за хриплым дыханьем Цигенгофа и свистом ветра.

– Милика, смотри... Вперед!

Она честно выглянула из-за плеча Клауса. Костры. И как близко! Лагерь, а в нем солдаты, кони, ружья... Два десятка гвардейцев справятся с сотней разбойников, хотя про разбойников в окрестностях Витте не слышали уже лет сорок.

– Пусти, дальше я сама.

Клаус без возражений поставил ее на землю и улыбнулся. Как дрожат колени, и рука онемела, а она и не заметила. Риттер тоже остановился – услышал разговор?

– Ваше величество, – лесничий тяжело дышал, и радости на его лице не было, – вам нужно немедленно ехать. За Зильберштраль. Даст Бог, успеете.

– Я не понимаю. Почему мы бежим? Куда? – Страх, с вечера державший ее на цепи, сгорел в огне костров, и Милика вспомнила о брошенной статс-даме и о том, что императрица не может въехать в столицу в чужом плаще и на одном коне с мужчиной.

– Помолчи, – вмешался Цигенгоф, вновь хватая ее локоть, – я тебе все объясню потом. Все... Я сначала не поверил, но это – правда. Мы в опасности, но Зильберштраль им не перейти. Нужно успеть, пока они в Вольфзее. Дьявол!..

Она тоже почувствовала, что наступила на что-то мягкое и неприятное и глянула под ноги. Луна услужливо высветила человеческую руку, сжимавшую гвардейский палаш. Лунные блики плясали по вязкой темной лужице, а маслянистая полоса вела дальше, туда, где, раскинув ноги в сапогах, лежал однорукий солдат.

Милика почувствовала, что сейчас упадет, но решительно отстранила Цигенгофа.

– Клаус, он истекает кровью. Нужно...

– Не нужно, – перебил Риттер, – они живых не оставляют.

– Кто? – спросила она и тут же поняла кто.

– Волки, – ответил лесничий, – волки Небельринга, и да поможет нам Бог.

Глава 5

1

Заспанные стражники безропотно открыли ворота и раздвинули перегораживавшие мост рогатки. Руди бросил им пару талеров, приказав сообщить во дворец, что принц-регент задерживается. Хватит с него на сегодня драк, вранья, предательств и прочей дребедени. Конечно, Рыжего Дьявола очередной раз запишут в сумасброды, да ему какое дело! Главное – вырваться из Витте с его печным дымом, ночными звонами и колотушками сторожей. Утром все начнется сначала, а сейчас ему нужны лишь луна, конь и одиночество.

Спасибо предкам за запрет селиться на правом берегу Зильберштраля, иначе здесь было бы не продохнуть от деревень и постоянных дворов, а так до самой Альтенкирхе лишь холмы, поля да ветер. Хорошо, что никто так и не отменил «Слово Вольфганга», хотя зачем? Земли в империи хватает, и на правобережье никто особо не покушается. Так же как и на право Ротбартов «после захода солнца одним либо с домочадцами, воинами и слугами проезжать Небельринг». Прочим за подобное святотатство грозили плети и клеймо.

Вволю пробежавшийся Нагель еще перед мостом перешел с галопа сначала на рысь, а потом и вовсе на шаг. Ну и ладно, от Витте до Альтенкирхе рысью часа три, но что ему там делать? Немного свободы – вот и все, что хочет принц-регент. Любопытно, что за блажь

пришла в голову Вольфгангу? Может, Небельринг в те поры считался священным, может, проклятым, а вернее всего, первому из Ротбартов тоже не хватало одиночества, вот бедняга и обзавелся местом для прогулок под луной. И правильно сделал! Жаль, любая ночь кончается рассветом, а любой путь – возвращением.

Рудольф привстал в стреланах, вглядываясь в серебящуюся дорогу, разумеется, пустынную. Он вернется во дворец к утру, чего-нибудь перекусит, пошлет убийце помощников, а Гудрун – сережки и будет радостно врать, что ничего не случилось. Впрочем, так оно и есть: он жив, четверо убийц мертвы, пятый взят на сворку, а предатель скоро умрет. Обычное дело. «Случится» – это когда его кто-нибудь наконец прикончит. Тогда можно бить в колокола и кричать, что и на Дьявола нашлась управа, только не доставит он такого удовольствия ни его святейшеству, ни Готье Бутору. Вообще никому.

Принц-регент терпеть не мог прорицателей, но обещанные семьдесят семь лет отдавать не собирался. Вольфганг, тот прожил девяносто два, до последних дней ездил верхом, одним ударом перерубал сук толщиной в руку, а последний сын старого волка был на десять лет младше первого правнука. Старик был бы вне себя, узнай он, что Людвиг хранил верность жене и прижил одного-единственного наследника. Впрочем, Вольфганг не видел Милика Линденвальде, а Руди видел. Дочь Хорста Линденвальде походила на серну, если б у серн были голубые глаза. Или на ландыш, или на горлицу. Одним словом, на что-то такое, от чего мужчины теряют голову. Людвиг и потерял, и не он один. Лемке с Цигенбоком недалеко ушли от брата, а вот Руди как-то устоял. Почему, Рыжий Дьявол и сам не знал, но родственные чувства были здесь ни при чем. Любовь, если она есть, никуда не денешь. Ее можно загнать пинками в самую глубину сердца, можно скрыть от всего света, но не от себя. Нет, Руди Ротбарт Милика не любил, но он поклялся Людвигу о ней позаботиться, и он заботится.

Дьявольщина, а с чего это брату приспичило заводить этот разговор? Ему б за беременную жену бояться и лекарей трясти, а он пристал со своей просьбой, словно на войну собирался.

Рыжий Дьявол хмыкнул, как всегда, когда чего-то не понимал. О невестке и племяннике он не забывал, хотя походы, войны, государственные дела съедали все силы и время. Если повезет, лет через двадцать Мики его расседлает, но если племянник удастся в мать, любящему дядюшке придется волочь на себе Миттельрайх и дальше. До предсказанных семидесяти семи, когда можно будет с чистой совестью отправляться ко всем чертям! Императору тогда будет пятьдесят – прелестный возраст. Седина в бороду, а бес в ребро.

Руди глянул на небо. Не просто так, а прикидывая, который час. Созвездия ответили, что не больше двух. Если поторопить Нагеля, к рассвету он будет в Хеллетале. Правда, без гостинца, Мики будет разочарован... Хотя почему без гостинца? Михаэлю пора садиться в седло, но коня воин выбирает сам. Нужно отвезти Милика с Мики в Витте за лошадкой, а заодно выгнать оставшихся после матери старых ведьм. И как только Милика их терпит?! Решено, он едет к невестке, тем более в ближайшие два месяца будет не до нее.

2

Они стояли среди каких-то колючих кустов и ждали Риттера. Цигенгоф держал на руках императора, а императрица-мать пыталась оттереть загустевшую кровь. Она все-таки заставила Клауса перевернуть безрукого и сама закрыла ему глаза. Зачем?

– Клаус, – Милика сунула окровавленный платок за отворот рукава, – Клаус, милый, почему мне не страшно? Я должна умирать от ужаса, а я не боюсь. Я сошла с ума?

– Ты боишься, – утешил Цигенгоф, – только не чувствуешь. Страх – это как рана. Я видел, как солдаты дрались с пулей в брюхе, словно здоровые, а потом падали – и все... Мы сейчас тоже деремся, нам не до страха. Ты понимаешь, о чем я?

– Понимаю. Ты обещал мне все рассказать...

– Позже, – Клаус натужно улыбнулся, – утром. А пока я могу сказать только одно... Я тебя люблю. Давно люблю.

– Клаус!

– Я знаю, что ты скажешь, так что можешь не говорить. Я молчал семь лет, молчал бы и дальше, но оторванные руки располагают к... к откровенности, но это пройдет, утром... – В кустах что-то хрустнуло. Клаус резко обернулся, схватился за шпагу и тут же отпустил. – Это Риттер. Ну, что там?

– Трупы, – начал лесничий и прервал самого себя: – Тише!

Они замерли, слушая ветер. Ничего... Нет, снова этот плач. Далеко, на самом пределе слуха, сразу и не разберешь. Риттер резко обернулся, губы плотно сжаты, брови сведены.

– Что? – Клаус прижал к себе Микки. – Что скажешь?

– Они вышли из Вольфзее, – голос Риттера был твердым, – и ищут. Будут ходить кругами, пока не возьмут след. Они идут от крыльца, а вы вышли через лесной ход. У вас есть время, но в обрез.

«У вас?» Значит, Риттер их бросит. А почему бы и нет, он и так ради них рискнул головой.

– Вас? – Клаус не хотел смириться с очевидным. – Что значит «вас»?

– Дальше пойдете одни, – отрезал лесничий и поднял руку. – Видите, пять звезд, три вместе и две левее?

– Звездный Сокол? – переспросил Клаус.

– Да, Сокол. Идите на тройную звезду, через час увидите холм с церковью, она всегда открыта. Зажгите свечи и ничего не бойтесь. В церковь им не войти, а с рассветом они уйдут.

– Но...

– И запомните, – перебил Риттер, – кого бы вы ни увидели, не зовите его по имени. Если хотите спастись – молчите. Ваше слово – это смерть.

– Хорошо, – пробормотал Цигенгоф, – я не стану говорить.

– Тогда идите, и да поможет вам святой Михаил.

– А вы? – Милика задала вопрос, уже зная ответ.

– Ваше величество, – Риттер церемонно наклонил голову, – я – офицер Миттельрайха. Под Гольдфельтом я принял из рук принца Рудольфа Огненный Крест. Мои жена и теща об этом забыли, а я – нет.

Риттер повернулся к Цигенгофу:

– Мне нужны ваш плащ и сапоги.

Клаус кивнул и запрыгал на одной ноге, стаскивая сапог. Он тоже все понял. Чтоб дойти до церкви, нужно время, и капитан Риттер его им даст, остальное зависит от них.

Что можно сказать человеку, который идет умирать, чтобы ты жил? Милика пыталась найти слова, но их не было, а лесничий уже натянул чужие сапоги.

– Ваше величество, прошу простить мою дерзость, но вы должны меня обнять. Это...

– Я понимаю, – вдовствующая императрица, давясь слезами, прижалась к куртке лесничего, – запах... Я не забуду. И Руди... И Мики, когда вырастет. Храни тебя Бог.

– Храни вас Бог, – улыбнулся кавалер Огненного Креста, отстраняя Милику. Та послушно сделала шаг назад и опустила голову.

– До свидания, Риттер, – пробормотал Цигенгоф, но уйти им не дали. Мики не дал.

– С тобой ничего не будет? – В голосе сына слышались слезы. – Скажи, ведь не будет?

– Не будет, ваше величество, – заверил лесничий.

– Я... – Мики нахмурился и вдруг выпалил: – Капитан Риттер, я провожу... то есть привожу тебя к генералам!

– Благодарю, ваше величество, – новоиспеченный генерал поклонился, – могу я попросить вас об одной милости? Простите мою жену. У нее не было выбора... Как и у меня.

– Мама все сделает, – пробормотал Мики, – и Руди тоже. Правда?

– Клянусь Пресвятой Девой, – пробормотала Милика, вновь обвивая руками шею Риттера. Она сама не поняла, как это вышло, – просто увидела над собой темные глаза. В

последний раз увидела.

– Живите, – тихо сказал офицер, – долго живите, очень долго...

Милика не успела ответить, а он уже шагнул назад и исчез в настороженных зарослях. Ни треска, ни шороха, словно Отто Риттер превратился в одну из пляшущих на ветру теней.

3

Нагель побывал в слишком многих передрягах, чтобы выдать себя ржанием. Он просто остановился и повернул голову к хозяину. Руди похлопал коня по блестящей шее и прислушался. К шуму ветра примешивался дальний плач. Волки? Осенью? Странно, но не страшно. Волки, если это волки, воют за озером, ветер дует от них, всадника им не учуять. Да и не станут сытые звери нападать на человека, а пищи им сейчас хватает.

Нагель тихо фыркнул, и Рудольф Ротбарт глянул в большие лиловые глаза:

– Волков учуял? Не нравится? Ты прав, нечего им тут делать. И нам нечего, поехали.

Жеребец прижал уши, выказывая недовольство. Руди покачал головой, легко коснувшись шпорами конских боков. Конь вздохнул и послушно зашагал по выбеленной луной дороге. Не прошло и получаса, как ветер донес запах дыма, следом показался костер. Костер ночью посреди Небельринга? Это становилось любопытным. Странные волки, и еще более странный огонь. Руди перевел Нагеля на рысь и вынул пистолет.

Дорога плавно обогнула невысокий холм, за поворотом замаячило нечто темное. Карета! Сломанная карета у обочины, и, кажется, знакомая! Конечно, знакомая, но откуда, черт побери?! Руди медленно поехал вперед, чувствуя, как внутри у него все холодеет. Что именно произошло, он еще не знал, но чувство беды, которое, по уверениям Людвига, родилось раньше его брата, орало во весь голос.

Нагель с готовностью остановился и замер, вбирая ноздрями недобрый, наполненный воем ветер. Руди соскочил наземь и, не выпуская поводьев, распахнул свободной рукой дверцу. Внутри было пусто – ни людей, ни хотя бы вещей. Принц-регент оглянулся в поисках ямы или камня, но не нашел ничего подозрительного.

В Хеллетале разгильдяев не держали, карета и упряжь всегда были в полном порядке. Допустить, что ось сломалась по недосмотру, Руди еще мог, но то, что за каретой никто не приглядывает, было по меньшей мере странным. Рудольф, уговаривая себя раньше времени не бить в колокола, вскочил в седло и направился к костру, оказавшемуся ближе, чем думалось сначала. Огонь почти погас, и возле него никто не сидел. Спят? Ушли? И куда, черт побери, дели лошадей?!

Нагель вновь остановился, давая понять: впереди что-то не так. Порыв ветра бросил в лицо запах дыма и все тот же ровный, тоскливый вой. Руди вполголоса выругался и тронул поводья, но на сей раз Нагель уперся. Это не было пустым упрямством – морда жеребца покрылась пеной, и он дрожал мелкой дрожью.

Будь на дороге другая карета, Рудольф пожалел бы коня и пошел пешком, но речь шла о Милике и Мики. Нагель, поняв, что спорить бесполезно, уныло потрусил вперед, и они оказались на бойне.

Лошади и люди лежали вперемешку. Развороченные животы, оторванные головы, вырванные глотки и кровь, кровь, кровь... Потeki, ручьи, лужи липкой застывающей крови! Рудольф Ротбарт воевал с пятнадцати лет и повидал горы трупов, но такого безумия ему не попадалось. Даже когда зажигательное ядро угодило в бочонок с порохом и взрыв разнес на куски десяток солдат и капрала, было лучше.

В горле застрял отвратительный пульсирующий шар, но Руди заставил себя осмотреть мертвецов. Он знал почти всех, как людей, так и коней. Гвардейцы императрицы, его дорогие «черти», те, кого он приставил к Милике и за кого ручался, как за самого себя. Каждый из погибших мог в одиночку справиться с четверкой обычных солдат. «Черти» не боялись ни Бога, ни Сатаны, а верили лишь Рыжему Дьяволу, за которым шли в огонь и в воду. И пришли. На этот луг. Рудольф сжал руками виски, пытаясь понять хоть что-то, но в

голове стучало одно: «Старый Вольфганг был прав. Старый Вольфганг знал, что делал. Старый Вольфганг был прав». Проклятый Небельринг!

Руди наклонился над высоким крюконосым человеком, чье горло было вырвано, а в остеклевенных глазах плясала луна. Капитан Дорманн. Ветеран шестнадцати сражений, после третьей раны отправлен в Хеллеталь. Дорманн поклялся ни на шаг не отходить от Милики. Если он здесь, значит... Рудольф вновь обошел убитых: ни Милики, ни Мики, никого из придворных гадюк. Выходит, Дорманн нарушил слово и с двумя десятками солдат увязался за пустой каретой?

Другой бы на месте Руди убедил себя в том, что невестка не покидала Хеллеталь, но Рыжий Дьявол всегда предполагал худшее и превращал его в лучшее. Обычно ему это удавалось, но с Небельрингом он еще не дрался. Принц-регент был готов взвыть, как давешние волки, но вместо этого вернулся в развороченный лагерь. На этот раз он не искал, а считал.

Двадцать четыре трупа: кучер, два лакея, двадцать солдат, один капитан. Двадцать четыре человека и тридцать две лошади – все со спутанными ногами. Четыре упряжные, двадцать восемь верховых, причем две достойны принцев крови.

Буланого жеребца-пятилетку Рудольф лично подарил растерявшемуся от такой чести Дорманну, второй был принцу незнаком. В любом случае шестеро гвардейцев и знатный всадник избежали общей участи. Если в карете были пассажиры, они сейчас с уцелевшими.

Рудольф вернулся к одинокому Нагелю, отвязал коня и замер с поводьями в руках. Куда делись исчезнувшие? Между Витте и Альтенкирхе нет ни деревни, ни хотя бы постоянного двора, только храм Пресвятой Девы на Мариинском холме и поместье Вольфзее. Он никого не встретил, значит, путники отправились в Альтенкирхе или к старой Берте, черт бы ее побрал! Если в карете была какая-нибудь из матушкиных ведьм, она потащила императрицу в Вольфзее, а Милика, как всегда, не смогла сказать «нет».

Вольфзее... Рудольф был там лишь однажды семилетним мальчуганом. В памяти всплыли увенчанные волками столбы, увитый плющом дом с двумя башнями, темные дубовые панели, старинные доспехи, шкуры волков и медведей... Неприятное место, чтобы не сказать жуткое, но стены там крепкие. Какая бы тварь ни разгуливала по здешним полям, в Вольфзее ей не вломиться, если только она не свила там гнездышко.

Рудольф Ротбарт с юности ходил в отчаянных храбрецах, что не мешало принцу-регенту, когда нужно, отступать. Здравый смысл подсказывал отправиться в Альтенкирхе, дожждаться рассвета и вернуться с большим отрядом, но пока он будет ездить туда-сюда, может случиться всякое. Руди помянул своего рогатого тезку и повернул к озеру, лихорадочно вспоминая дорогу к старому дому.

Глава 6

1

Три звезды висели над самой церковью, три дрожащие голубые звезды. В ночь свадьбы они стояли на дворцовом балконе, внизу серебрился Зильберштраль, пахло поздним жасмином, а Людвиг показывал ей созвездия. Меч, Жница, Бык, Миннезингер, Оборотень, Сокол... Боже, как же они были счастливы!

– Пришли, – с каким-то удивлением произнес Клаус.

– Пришли, – повторила Милика, стерев намернувшиеся слезы, – без Риттера.

– Погоди его хоронить, – прикрикнул Цигенгоф и осекся. – Прости, но ты и впрямь... Не плачь раньше времени – примета дурная. Парень не только лесничий, но и офицер, головы не потеряет. Поводит их до рассвета и уйдет.

– Куда уйдет? – вздохнула Милика. – И как?

– Да хотя бы по воде, – не сдавался Клаус. – Сразу видно, ты ничего в охоте не

смыслишь. Волки – те же собаки, их главное – со следа сбить, а дальше – просто.

– Не лги, – перебила Милика, – не надо. Слышишь, они идут.

– Слышу, – пожал плечами Клаус, – ну и что? Риттер их обманул, вот они и воют. Пусть хоть увоются, мы-то у цели!

Императрица не ответила. Цигенгоф может говорить что угодно, но гибель Риттера на ее совести.

Волки плакали далеко, очень далеко. Было не понять, кого они гонят, все еще Риттера или уже их.

– Мама, – подал голос Мики, – а Отто скоро придет?

– Скоро, – соврал Клаус, – мы его внутри подождем. Входим, хватит мерзнуть и трястись – не зайцы.

Милика покорно потянула на себя очередную дверь. Неужели это она несколько часов назад вышивала ирисы, не знала, что делать с Гизелой, боялась за Руди? Ночь отрезала прошлое черным ножом и продолжала кромсать ломоть за ломтем. Из Хеллеталя выехало больше тридцати человек, теперь их лишь трое...

– Милика, проснись!

– Я не сплю.

– Мама, а здесь красиво...

Да, красиво и спокойно. Лунный свет, пробиваясь сквозь витражи, терял свой холод, пахло осенними листьями и отчего-то ягодами. У алтаря теплилось несколько лампад, из золотистой темноты выступали бык, орел, крылатый лев, ангел. Она обещала Мики, что ангел отгонит волков, выходит, она сказала правду?

– Мам, ты чего?

Какой простой вопрос, только ответить нечего.

– Все хорошо, милый. Надо зажечь свечи.

– Я тоже буду зажигать!

– Конечно, будешь.

Нестрашная тьма стала прозрачной, взлетела вверх, к расписанному звездами куполу. Волхвы преклоняют колена пред Младенцем, святой Георг поражает Змея, Анна говорит с Елизаветой. Приглушенный блеск подсвечников, ветви можжевельника и бересклета, медно-рыжие иммортели для архангела Михаила, нежно-розовые – для Пречистой Девы. Тишина и чистота, лампадки полны масла, на мозаичном полу – ни соринки. Кто выстроил в лесной глуши церковь? Кто за ней следит?

– Мама, – Мики с горящей свечкой в руках застыл перед иконой, – смотри, Руди!

– Ты про кого? – подмигнул Клаус. – Про Георга или про Змея?

Император насупился, граф Цигенгоф покаянно вздохнул и зажег святому Георгу сразу три свечи. Рыжие отблески упали на кудри воина, усугубив и без того немалое сходство.

– Теперь видишь? – настаивал Микки. – Это Руди!

Не Руди, но кто-то из Ротбартов. Только им могло прийти в голову возвести в запретном месте церковь, и только у императора хватило бы денег на убранство, потому что это была не бронза, а золото. Червонное золото, отданное земными владыками небесной заступнице. Людвиг никогда не говорил о Мариинской церкви, о своей кормилице, о Вольфзее. Почему?

Милика взяла Клауса за локоть:

– А теперь ты расскажешь мне все. Ты меня слышишь, все!

2

Ворота были все те же – массивные каменные столбы, украшенные опиравшимися на щиты волками. Окованные позеленевшей медью створки гостеприимно распахнуты, за ними – липовая аллея. Заходите, вас ждут, только кто?

Нагель безропотно подошел к столбам, но Руди показалось, что конь вот-вот заплачет.

Принц-регент придержал жеребца, раздумывая, что делать дальше. Усилившийся ветер гнал редкие облака, раскачивал ветви, срывал и кружил уставшие ждать листья, пахло можжевельником и поздними грибами. На первый взгляд ничего опасного, на второй – тоже, но Рыжий Дьявол с детства не доверял незапертым дверям, а немалый опыт драк и погонь твердил, что лучше целый конь за углом, чем прирезанный – у крыльца. Конечно, были еще волки и тварь, прикончившая солдат, но вой почти стих, а ночной убийца мог преспокойно войти в распахнутые ворота, если уже не вошел. Как гость или как хозяин.

Открытая дверь – это еще не гостеприимство. Принц-регент отнюдь не был уверен, что старая Берта жаждет раскрыть свои объятия брату Людвига, он ни в чем не был уверен, вот и привязал Нагеля в лесу.

Перебраться на ту сторону неряшливой каменной кладки было делом нескольких минут. Рудольф на мгновение замер на вершине стены и соскочил в мало чем отличавшийся от леса парк. Если кто его и заметил, то не подал виду. Руди выждал пару минут и медленно двинулся к дому. Собак не было слышно, не было их и двадцать шесть лет назад. Жить в лесу, не держать собак, не запирасть на ночь ворота... Пусть про разбойников в Небельринге никогда не слыхали, но те же волки! Хозяева чувствуют себя уверенно, ничего не скажешь.

Громада дома выступила из тьмы неожиданно. Луна висела над острой башенкой, увенчанной флюгером-волком. Рыжий Дьявол помнил и бронзового зверя, и два вековых дуба у крыльца. На одном из них свила гнездо горлица. Дьявольщина, какую ерунду хранит наша память!

Набежавшее облако закрыло луну, и Руди в несколько прыжков миновал поляну перед домом. Он успел вовремя: облако выпустило добычу и понеслось дальше. Принц-регент проводил его взглядом и быстро пошел вдоль увитой плющом стены, вглядываясь в узкие стрельчатые окна. Он бы с легкостью добрался до любого из них, но для того, чтоб проникнуть внутрь, пришлось бы стать котом.

От мысли обойти Вольфзее в поисках окна без решетки Руди отказался сразу. Дом был слишком велик, а сколько у него времени, принц не знал, но подозревал, что немного. Нет, окна отпадали, оставалась дверь, и дверь эта оказалась незапертой.

Чудовищные засовы были отодвинуты, массивные цепи и крючья бессильно висели, напоминая о палачах и застенках. Его высочество хмыкнул, вспомнив, как мальчишкой на этом же самом месте скрестил пальцы и тайком сплюнул через правое плечо, хотя следовало через левое. Руди вынул из-за пояса пистолет и, на всякий случай осенив себя крестом, шагнул за порог.

По-дворцовому огромный вестибюль был освещен лишь догорающим камином, но память не подвела – лестницу Рудольф отыскал сразу же. Подниматься пришлось ощупью и очень осторожно: вдоль лестницы стояли доспехи, а стены были увешаны оружием, заденешь ненароком – грохнет, как в кузнице.

Девятая ступенька предательски скрипнула, и Рыжий Дьявол замер. Чертов дом! Хотя какой это дом, это дворец, в котором по воле матери живет хмурая старуха. А кто жил здесь раньше? Нет, он все-таки не регент, а болван, если до сих пор не удосужился разузнать про Вольфзее. Он просто выбросил из головы испугавшее его поместье, но больше такому не бывать! Семилетнему мальчишке простительно забывать о неприятностях, а принц-регент должен помнить их все до единой.

Где-то пробили часы. Он снова ошибся. Думал, часов пять, а на самом деле три с четвертью. Глаза понемногу привыкли к темноте, и Руди вновь пошел вперед, проверяя каждую следующую ступеньку. Поворот, и по дубовым панелям заплясали светлые блики – где-то наверху горели свечи. Уже хорошо, хоть его и зовут Дьяволом, но видеть в темноте он не обучен. В глубине дома что-то звякнуло и зашуршало. Снова звякнуло, словно на каменный пол уронили ложку или нож. Раздались быстрые шаги, скорее всего женские, и вновь все стихло.

Смелая дама эта Берта! Поселиться среди волков и не запирасть ни дверей, ни ворот. С

такой лучше разговаривать с пистолетом в руках. И со святой водой, но ею принц-регент запастись не озаботился. Как и серебром.

Лестница кончалась у щита с коронованным волком, памятным еще по прежнему визиту. Императорские гербы в доме кормилицы, какая прелесть! На стене напротив щита горело два факела, между ними тускло блестело зеркало, отражавшее несуществующее окно, за которым тянулись освещенные луной поля. Себя, равно как и щита с волком, Руди в мутном стекле не обнаружил.

– Врешь, – бросил зеркалу Рыжий Дьявол, – ну и черт с тобой.

Висело ли оно здесь раньше? Может, и висело. Мальчишка в семь лет занят мечами и доспехами, а не отражениями.

Вновь послышались шаги, Рудольф бросился на звук и едва не налетел на полную молодую женщину в аккуратном чепце. Не Берту и не Милику! Незнакомка испуганно смотрела на незваного гостя, выставив перед собой вышитую подушку. Руди успокаивающе улыбнулся и на всякий случай ухватил женщину за плечо. Та вздрогнула.

– Я не сделаю тебе ничего дурного, – заверил принц, – но ты мне должна кое-что сказать.

– Хорошо, господин. – Носик у нее был прямо-таки очаровательный, да и темно-карие глаза были неплохи.

– Ты живешь в этом доме? Кто ты, как тебя зовут?

– Зельма Риттер, господин. Мой муж – лесничий Небельринга.

– Помнится, здесь жила Берта, – дьявольщина, запомнил дальше! – кормилица Людвиг Ротбарта.

– Это моя мать, господин.

– И где она? И где твой муж?

– Они гуляют, господин.

– Подходящее время для прогулок. – Руди слегка сжал плечо женщины, и та вздрогнула. – Скажи, вы всегда держите двери открытыми?

– Я... я выпустила кошку, господин.

– Погулять? – усмехнулся принц-регент. – Выходит, все гуляют, и ты в доме одна?

– Нет, господин. Здесь ее величество.

– Ее величество? Где?!

– В Красной спальне, господин.

3

Волки Небельринга окружили церковь. Звериные лапы царапали дубовые доски, в окна лился непрекращающийся тоскливый вой. Милика не видела их, и от этого было еще страшнее.

На дверях не было ни засова, ни цепи, но они отворялись наружу. Их могли открыть люди, но не звери. Женщина из всех сил старалась не думать, что творится за каменными стенами, но выматывающие душу плачи не оставляли места даже для молитвы. Когда императрице удавалось отвести взгляд от двери, она видела осунувшееся личико Мики и сжимавшую кинжал руку Клауса. Что им оставалось? Молиться и ждать утра. С рассветом волки уйдут. Так говорил Риттер, упокой Бог его душу.

Вдовствующая императрица не сомневалась, что капитан мертв, иначе бы звери сюда не добрались. Если они уцелеют, нужно поставить часовню. В память о добром человеке, сохранившем себя среди зла.

Южный ветер ударил в стекла, золотые огоньки пригнулись, выпрямились, забились, как птица в силках. Милика встала и подошла к алтарю. Пречистая Дева прижимала к себе Младенца, моля небо о милосердии. Ее сын прожил столько же, сколько и Людвиг. Милика поправила свечи, коснулась тяжелой вазы с хрупкими осенними ветками: золото мертвое и золото живое... Первое вечно, второе скоро станет прахом.

*Pater noster qui es in caelis,
Sanctificetur nomen Tuum.
Adveniat regnum Tuum...*

Дочитать молитву женщина не успела. Вой стал громче, затем раздался глухой удар – волк бросился на дверь, но она выдержала. Отчаянно закричал Мики, стукнуло железо – Клаус вынул пистолет и положил рядом с собой.

– Ты их убьешь? – шепнул Мики Клаусу. Сын не плакал, только губы стали совсем белыми.

– Конечно, – заверил Цигенбок, – я, знаешь ли, убил немало волков.

– А вдруг это их родичи? – пролепетал сын, исподлобья глядя на дверь.

– Вряд ли, – протянул граф, но Милика бы предпочла, чтоб в его голосе было больше уверенности, – я охотился в других местах.

– Значит, их кто-то послал, – вздохнул Мики, – кто-то, кто нас не любит.

– Тебя любят все, – пробормотала Милика, обнимая сына, – правда, Клаус?

– Правда! – согласился Цигенгоф, проверяя пальцем кинжал. Что он может в одиночку против стаи, разорвавшей два десятка вооруженных солдат? Разве что те спали, но Дорманн не мог не выставить часовых.

– Клаус, может быть, нам залезть на крышу?

– Как? У нас нет даже веревки. Закрой глаза и ни о чем не думай. Мики, и ты тоже. Я вас в обиду не дам.

– Мама первая.

– Конечно, милый.

Она закрыла глаза, и свет исчез. Остались звуки. Звери продолжали выть, грызть камень, кидаться на дубовые доски. Господи, что им нужно от нее, от Мики, от Клауса? Почему их преследуют даже в храме Божьем? За что? Неужели за то, что она не ушла в монастырь, а вышла замуж? Если так, пусть ее разорвут, но Мики должен жить! Вместо Людвига. Мики не виноват в ее любви, он вообще ни в чем не виноват...

Господи, разве можно карать невинных, если живы виновные? Или ее жизнь и есть кара, самая страшная из всех возможных? Людвиг прощен и отпущен с миром, а она затерялась среди ночи и волчьего воя.

Людвиг... Они были женаты два года, но провели вместе лишь несколько месяцев. Император принадлежит Миттельрайху, а не жене. Людвиг приезжал и уезжал, она встречала, провожала и ждала, сотни раз перебирая в памяти каждое слово, жест, взгляд. Она была счастлива своим ожиданием и своей любовью, но все забрала смерть, безжалостная, как луна над полями.

Ночной ветер вновь ударился в стекла, и ей послышалось имя. Ее собственное имя, принесенное ветром, которому доверился волк. Милика видела его: рыжий гривастый зверь тянулся к окровавленной луне, из его глаз текли слезы. «Милика, – надрывался волк, – Милика, Милика...»

Он зовет, нужно идти. Они должны быть вместе, второй раз их не разлучит даже луна. Второй? Она уже была с ним? Когда? Голова болит, и все кружится, словно она вновь носит Мики. Она носит Мики и ждет Людвига, но он опять куда-то уехал... Это так просто – стать счастливой. Нужно встать и идти к нему. Брести темными полями и звать, а Людвиг ее услышит. Он ищет ее, всюду ищет, но не может найти, потому что она спряталась и молчит. Как он ее отыщет, если она молчит?!

– Я готов звать тебя до бесконечности, – говорил он, целуя ее в губы, – у тебя такое имя, его хочется петь. Будь я и впрямь волком, я бы бегал по полям и кричал луне: «Милика, Милика, Милика!..»

– Людвиг, – прошептала Милика, не открывая глаз. – Людвиг!.. Я здесь!

Глава 7

1

Милика не спала, так, по крайней мере, сказала Зельма. Он бы в Вольфзее тоже не уснул – местечко не из веселых. В таких домах лучше не ложиться и не гасить огонь...

Как же все-таки вышло, что он был здесь всего лишь раз? Был-был, да забыл, словно глупый король из баллады, который, на радость нечисти, в своем доме всего не знает.

– Это здесь, господин.

– Хорошо, ступай.

Дверь закрыта, но сквозь щели пробивался свет – и впрямь не спят. Что ж, до утра он готов рассказывать Мики сказки, а с рассветом увезет невестку с племянником в Витте. Наврет, что отослал Дорманна в Хеллеталь, и увезет.

Рыжий Дьявол изобразил на лице самую бесшабашную из имевшихся в его арсенале ухмылок и постучал.

– Можете войти. – Чистый и холодный голос бросил в дрожь, но бежать было глупо, некуда и незачем. Руди распахнул дверь и увидел мать. Вдовствующая императрица сидела за небольшим столиком и раскладывала карты. Она всегда так делала, принимая сыновей. Больше в комнате не было никого. Мать подняла голову и улыбнулась одними уголками губ. На ней было пурпурное, отороченное седой лисой платье, в седых волосах блестела золотая вдовья диадема. Как в день похорон.

Рудольф Ротбарт сдержанно поклонился. Если перед тобой человек, которого ты своими руками клал в гроб, это еще не значит, что наступил конец света. Возможно, ты просто пьян или сошел с ума.

– Рудольф, – покойная императрица протянула руку для поцелуя, – я не ждала вас сегодня. Что вас привело в Вольфзее?

– Разрешите задать вам тот же вопрос. – Руди коснулся губами теплой кожи. Если мать после смерти не сочла нужным поменять привычки, зачем это делать живому? – Прошу простить мою несдержанность, но я готов был поклясться, что вы мертвы.

– Потомки Вольфганга бессмертны, – Мария-Августа переложила красную даму на черного короля и отложила колоду, – мы уходим, это так. Но мы остаемся. И вы останетесь, когда пройдет ваш час.

– Изумительная новость, – поднял бровь Руди. – Я рискую показаться непочтительным сыном, но прежде чем продолжить разговор, хотел бы увидеть вас в зеркале. Что у вас есть тень, я заметил.

– Я извиняю вас, – надменно произнесла императрица, – вы поражены тем, что видите. Я предпочла бы, чтоб наша встреча произошла позже, но вы – мой сын, и ложь была бы неуместна. Дайте руку.

Если он не сошел с ума, не спит и не пьян, то это происходит на самом деле. А если ничего нет, то и его здесь нет. Рудольф обошел столик и слегка наклонил голову:

– Прошу вас.

Мария-Августа спокойно оперлась о руку сына. До свадьбы на всех церемониях мать поддерживал Людвиг, после его женитьбы эта обязанность перешла к Руди.

– Смотрите.

Огромное, в пол, зеркало отражало гобелен с охотящимися волками. На его фоне стояла одинокая женщина в пурпуре, себя Руди не видел.

– Зеркала Вольфзее не отражают живых, – сообщила вдовствующая императрица. – Я мертва, и вы меня видите. Вы живы, и для Небельринга вас не существует. Отведите меня назад.

– Как вам будет угодно.

В балладах мертвецы закутаны в саван, их руки холодны как лед, а прикосновение

приносит смерть. Рыжий Дьявол никогда не боялся мертвых, не испугался бы и сейчас, окажись мать воющим призраком или скелетом с горящими глазами, но она раскладывала карты и носила платья со шлейфом. Это было чудовищно, но Руди держался, потому что огонь гасит огонь, а страх вытесняет страх. Он слишком боялся за Милику и Мики, чтобы падать от ужаса при виде покойников.

Рудольф дождался, пока Мария-Августа села, знакомым жестом расправив юбки, и опустился в кресло напротив. Он был совершенно спокоен. Даже спокойнее вдовствующей императрицы.

– Как вы здесь оказались? – Глаза матери требовательно блеснули.

– О, совершенно случайно, – мертва она или нет, но она всегда ненавидела Милику и вряд ли что-то изменилось, – я раскрыл заговор, и мне захотелось развеяться.

– Заговор? – Серые глаза обжигали, но Рудольф был достойным сыном Марии-Августы. Он выдержал взгляд мертвой, как выдерживал взгляд живой.

– Ничего страшного, матушка. Один не очень умный человек решил от меня избавиться. Я подсказал ему место и время, теперь он в моих руках, завтра вечером его убьют. Но, ваше величество, все это не идет ни в какое сравнение с вашим появлением. Итак, в Вольфзее живете вы, а не кормилица Людвиг?

– Я здесь бываю, – мать вновь взяла карты, – иногда. Берта хранит Вольфзее для Ротбартов. Когда она умрет, ваша супруга найдет ей замену. Зельма слишком слаба.

– Моя супруга? – Самое время прочесть «Pater noster», только как? Прямо или задом наперед? – У меня нет супруги.

– Хранительницу Вольфзее, – Мария-Августа разложила еще один ряд карт, – выбирает императрица. После рождения наследника.

– Императрица, но не принцесса. – Была ли здесь Милика? Видела ли ее мать? – Впрочем, Берта не так уж и стара, почему бы ей не дожить до свадьбы Михаэля?

– Михаэль не будет править, – слова падали, как камни в колодец, – у него дурная кровь.

Михаил и Люцифер! Неужели у ненависти нет предела?

– Матушка, Михаэль – законный сын Людвиг, его ничто не лишит короны.

– Кроме смерти, – возразила мать и сняла пикового туза.

– Дьявол!

– Рудольф! – Мария-Августа медленно поднялась во весь рост. Что у нее с глазами? Только что были серыми, а теперь желтые, как у него самого.

Руди тоже встал, хоть и не слишком быстро. Страх не то чувство, которое нужно выказывать.

– Да, матушка, я – Рудольф Ротбарт. И я никогда не подниму руку на сына Людвиг.

– Вы – хороший брат, – мать вновь выглядела спокойной, но глаза остались звериными, – но вы, прежде всего, Ротбарт.

– Я помню. – Если она осталась прежней, то он уж точно не изменился. И не изменится.

– Помнить – не значит понимать. Миттельрайх жив Ротбартами, а Ротбарты – Миттельрайхом. Задумайтесь об этом.

– Мне некогда об этом думать. – Дьявол, к чему она клонит?! – Я так живу. Шестой год.

– Хвала луне, я родила настоящего волка. Жаль, всего одного. – Мать вновь опустилась в кресло. – Садитесь и слушайте.

– Вы полагаете, ваши слова собьют меня с ног?

– Сейчас не время шутить!

Дьявол, он не может сидеть здесь с матерью, жива она или нет, не узнав, где Милика и Мики. Но если кто и знает об этом, то мать. Ее нужно разговорить, но как?

– Я слушаю, матушка, но мне нужно вернуться в Витте до рассвета.

– Вы вернетесь, – она казалась довольной, – я не намерена задерживать вас дольше, чем требуется.

А уж как он не намерен задерживаться! Руди заложил ногу за ногу и откинулся назад, выказывая почтительное внимание, но не более того.

– Да будет вам известно, – герцогиня махнула рукой в сторону волчьего гобелена, – что Миттельрайх вручен Ротбартам богами. Истинными богами, а не размалеванными латинянскими куклами. Эта земля принадлежала и принадлежит им, слышите, им и никому другому!

И эта женщина после смерти отца не выходила из церкви и перевела Михайлову монастырю целое состояние?! Непостижимо...

– Матушка, я всегда полагал вас доброй мундиалиткой.

– Я не знала истины, – признала Мария-Августа, – так же, как и вы. Истину помнит Небельринг. И открывает, когда сочтет нужным. Ваше появление здесь и сейчас – это его воля.

Или цепь случайностей и совпадений, но где, во имя Всевышнего, Милика?

– Матушка, прошу меня простить, я больше не буду перебивать вас.

– Отчего же. То, что я расскажу, породит много вопросов. Итак, Вольфганг отдал себя и свое потомство силам Небельринга и за это получил Миттельрайх.

Пока этой землей правят красные волки, ее защищают боги. Взамен Ротбарты вручают им тело и душу. Не сразу. Лишь после того, как кончается отмеренный им срок. Души обычных людей отлетают в иные края, Ротбарты остаются в Небельринге. Когда ты умрешь как человек, ты родишься здесь, в Вольфзее. И будешь водить волков Небельринга, пока не придет новый вожак – твой сын и наследник, а твоя супруга сменит в этом доме меня.

Безумие или правда? Холодный дом, зеркала, не отражающие живых, открытые настежь двери, пожелтевшие глаза матери, растерзанные солдаты... Уж лучше в адскую смолу, как он всегда собирался.

– Матушка, я могу повидать Людвига? Или отца?

– Всеу свое время. Сейчас ты должен одно. Понять, что мы, ушедшие, заложники вас, живых. Если род Ротбаров прервется, если вы потеряете корону, мы исчезнем, как исчезают осенние листья. И вместе с нами исчезнет Миттельрайх.

– Это льстит моему самолюбию, – Рудольф попробовал улыбнуться, – но царства имеют обыкновение рушиться, а династии – кончаться. Уйдут Ротбарты, найдутся новые владыки, только и всего.

– Только не в Миттельрайхе, – отчеканила Мария-Августа. – Боги отвели от империи слишком много бед, и это родило ненависть. Нашу землю ненавидят те, кому она все еще неподвластна. Если исчезнут Ротбарты, сюда ворвутся мор и голод, горы извергнут огонь, а Зильберштраль потечет кровью. Всеу придет конец, как пришел конец землям аттлов.

– А были ли они, эти земли? – пожал плечами Рудольф. – Или аттлов придумал древний мудрец как пример разумной державы?

– Земли аттлов существовали, – отрезала императрица, – и погибли по вине забывших свой долг правителей. Миттельрайх не должен повторить их судьбу.

Вот только утонувшего острова и «Диалогов» сумасшедшего философа ему сейчас и не хватало. И где, во имя Люцифера, брат?! Если мать не лжет, он сейчас ведет волчью стаю. Неужели старину Дорманна убили Ротбарты – дед, отец, Людвиг? Нет, только не это! А если волки найдут Милику? Узнает ли муж жену?

– Матушка, простите, я должен ехать. Клянусь служить Миттельрайху и защищать императора, пока он не...

– Нет, – опять этот желтый огонь в глазах! – Миттельрайх – твоя ноша. Спутавшись с этой девкой, Людвиг предал договор.

– Матушка, – смерть не помеха для ненависти, а что ждет за гробом любовь? – не трогайте Милику!

– Не трогать?! – прорычала вдовствующая императрица. – Эта девка не просто свела с ума моего сына, она родила наш конец! Она – брешь в плотине, с которой начнется потоп.

– Матушка!

– Людвиг собственной жизнью выкупил жизнь своей шлюхи и ее отродья, но в их крови спит смерть. – Из желтых глаз рвалось безумие. Или отчаянье. – Сыновья Михаэля умрут во младенчестве, а дочери понесут эту заразу дальше, уничтожая род за родом. Вот что наделал твой брат!

– И только? – Слушать такое с улыбкой мог разве что дьявол, но Руди и был дьяволом. – Ни одна династия не может быть вечной. Живет же Лоасс без Дорифо, а Онция без Адалидесов!

– Латинянские уловки и оговорки не для нас! – Императрица с шумом втянула воздух. Она дышала! – Только смерть может лишить императора короны. Ротбарт не может ошибиться, сдаться, пренебречь своим долгом. Ротбарт не может отречься! Рудольф, запомните! Михаэль не должен иметь детей, Михаэль не должен носить корону. Михаэль не должен жить! Ты – император Миттельрайха. Ты, и только ты!

– Матушка! Я не смогу... Нет!

– Все будет сделано за тебя, – мать холодно улыбнулась, – возвращайся в Витте и готовься к коронации. Хвала луне, дурная кровь к утру остынет.

– Что? Что вы сказали?!

– То, что мертвые не оставят живых. Волки Небельринга исправят содеянное моим сыном. Моим бывшим сыном. И тогда он будет прощен.

«Исправят»... Значит, еще не исправили!

– Матушка. – Руди услышал, как зазвенел его голос. – Правильно ли я понял, что мои великие предки загрызли моих солдат? Заодно с лошадьми.

– Они нарушили волю Небельринга, – пожала плечами мать. – Прощай, сын мой. Тебя ждет Витте.

– Где Милика и Мики? Они были здесь, я знаю, что были!

– Да, – Мария-Августа внимательно посмотрела в глаза сына, – были. И ушли. Муж Зельмы оказался недостоин Вольфзее. Он увел приговоренных, но воля Ротбартов священна. Милика и Михаэль умрут.

– Где они?

– Тебе незачем знать, – отрезала императрица.

– Где они?!

Улыбающийся рот и холодные, как смерть, глаза... В Небельринге можно искать до Судного дня, а она не скажет. Нет, скажет! Если она не лжет, он не оставит ей другого выхода. Руди улыбнулся и выхватил кинжал. Существо, некогда бывшее его матерью, поджало губы.

– Я была о вас лучшего мнения. Сталь не причинит мне вреда.

– Вам – нет, мне – да!

– Рудольф! – А вот теперь она напугана! По-настоящему, до дрожи, так, как еще никогда ничего не боялась. Что ж, Руди, вперед!

– Матушка, или вы мне скажете, где Милика и Мики, или род Ротбартов прервется на ваших глазах и по вашей вине. Выбирайте!

2

Дверей больше не было, они просто исчезли, растворились в серебристо-зеленом сиянье, неистовом и бездушном. Лунные лапы тянулись к побледневшим свечам, выцарапывали глаза, хватили за горло.

— Что ты наделала... Риттер говорил... нельзя отвечать...

Цигенгоф. Кому он это? И о чем?

— Мама! Мамочка!...

— К алтарю! Живо!

Что она сделала, что они так кричат? Куда он ее тянет? Им все равно не уйти: луна держит крепко. Луна – гончая смерти, Милика поняла это только сейчас. Это луна выследила

добычу, луна, а не волки.

Это началось давно, в ту почти забытую ночь, когда она стояла у окна своей спальни не в силах уснуть. Людвиг снова уехал, а она смотрела на звезды и думала о том, удался или нет ее нехитрый обман. И вспоминала об их первой встрече.

Парадный зал старого замка, серебряный кубок с белым вином в ее руках, учтивая улыбка, ничего не значащие слова... Людвиг Ротбарт сразу же уехал. Он не знал, что короткая встреча расколола жизнь графской дочери, а она не могла и помыслить, что император не спит ночами, молясь наступившей его любви. Любовь... Они стали ее избранниками – император Миттельрайха и дочь графа Линденвальда!

Летний ветер шевелил вышитые занавеси, ночь дышала ночной фиалкой и поздним жасмином. Юная императрица, задыхаясь от неслыханного, невозможного счастья, спустилась в сад, прошла тенистой аллеей, вышла на залитую серебряным светом поляну, и счастье сменилось ужасом. Она бросилась назад, к дому, но не добежала и упала в белую от незабудок траву, где ее и нашли.

Если бы она тогда не вышла, если бы не позволила себя увидеть...

– Мама! Мамочка! – Мики тербил ее за руку, вырывая из холодных светящихся волн, в которых она тонула. Сын! Как она о нем забыла?!

– Сюда! Быстрей, во имя Господа!

Цигенгоф тянет ее к алтарю, туда, где теплым золотом сияют церковные свечи. Их свет сдерживает лунную жуть, но как же быстро они сгорают.

— Ничего, – бормочет Клаус, – скоро утро... Смотри, уже светает.

Неужели он не понимает – это не рассвет, это луна, которая пришла за ней, так зачем бороться? Пусть волки получают, что ищут, только бы не тронули Мики. Клаус его выведет. Ради нее. А Руди воспитает. Ради Людвига.

– Милика, – все тот же зов, которому нельзя сказать «нет». – Милика... Милика...

Мики плачет, Цигенгоф поднимает сына на руки, что-то ему говорит. Пусть Святая Дева защитит их обоих.

– Клаус, позаботься о Мики.

– Конечно... Погоди, ты о чем? Милика! Остановись.

Цигенгоф бросился за ней, но помешал Мики, которого он держал. Растерявшийся граф замер на границе золота и серебра, прижимая к себе чужого сына, а Милика Ротбарт, протянув вперед руки, пошла к сияющему провалу. И навстречу ей медленно выступил зверь, тот самый, что звал ее в бреду.

Огромный, с рудничную лошадку, медно-рыжий, он походил на длинноногого гривастого лиса, а не на волка, каких немало водилось в окрестностях Линденвальде. Белая грудь, угольно-черные лапы, вытянутая морда в темной «маске», желтые, такие знакомые глаза, и в них не смерть, а любовь.

3

Милика сошла с ума, а Цигенгоф не мог ничего сделать, потому что удерживал бьющегося Мики и потому что ему было страшно. Есть ужас, который держит на месте не хуже цепей, ужас, с которым не поспоришь. Клаус пытался вырваться, но предел есть у всего, кроме смерти и страха. Даже у любви, которая порой кажется всемогущей.

Граф фон Цигенгоф мог лишь кричать, но Милика не слышала ни его, ни сына, а за спиной ворвавшейся в церковь бестии дожидались своего часа другие. Адское сияние слепило, и граф, как ни старался, не мог счесть собравшихся у входа тварей. Их могло быть как десять, так и сто, исход был один. Волки это знали и не спешили нападать. Зачем? Ночь и смерть без добычи не уйдут, все свершится по их воле и в свое время.

Лунные бестии замерли, не отрывая горящих глаз от своего вожака, к которому, пошатываясь, словно пьяная, брела обезумевшая Милика, а Клаус мог лишь смотреть. Он ее любил. Больше жизни, долга, совести, но луна и смерть оказались сильнее любви.

– Мама! – отчаянный вопль Мики разорвал лунные путы, и Цигенгоф схватился за пистолет. Волк стоял неподвижно, но между зверем и стрелком была Милика. Малышка хотела вернуться в Альтенкирхе, а он думал о каких-то приличиях и затащил ее в Вольфзее... Это все по его вине, так будь он проклят во веки веков!

Одна из бестий двинулась вперед, остальные повторили это движение, не переступая, однако, ими самими определенной черты. Самый нетерпеливый сел, утробно зарычав, и вожак, словно отвечая, сделал шаг к Милике. В его горле клокотало, медная шерсть стояла дыбом, Клаус видел вздернутую черную губу и ослепительные клыки. Теперь он знал, как умерли солдаты и как сейчас умрут они.

Зверь был готов к прыжку, а женщина ничего не понимала. Она потеряла рассудок и ничего не поймет, не успеет понять, остается Мики... Милика просила за сына, но им не спастись. Что ж, он избавит малыша от страданий. Смерть от пули будет быстрой, Мики не увидит над собой черной пасти, которой он так боится.

Рычание стало неистовым, звери были вне себя, они роптали, требовали, приказывали, но вожак оставался неподвижным. А Милика, Милика замерла, прижимая руки к груди, превратившись в еще одну статую Пречистой Девы. Волк поднял голову, сверкнули желтые глаза, и женщина с криком «прости!» бросилась на колени перед рычащим зверем.

Глава 8

1

Впереди, в холодном злом сиянии проступали звериные силуэты, но императрица знала – это лишь тени. Тени страха, разлуки, тоски. Что-то кричал Клаус, плакал сын, но Милика Ротбарт видела только родные глаза.

– Людвиг, – шептала она, веря и не веря, – Людвиг...

Они были вместе, и, кроме них, ничего не было. Ничего и никого! Людвиг ее нашел, и луна отступила.

– Я останусь здесь, – лихорадочно шептала женщина, – здесь, у церкви... Ты будешь приходить ко мне, мы не можем потерять друг друга снова... Руди вырастит Мики, а я буду с тобой, только не уходи больше. Никогда не уходи... Пожалуйста...

Вдовствующая императрица уткнулась лицом в рыжий мех и закрыла глаза, слушая, как стучит сердце Людвига. Больше она его не отпустит никуда и никогда. Еще одной разлуки ей не пережить. Она бы стояла так вечно, ощущая его тепло, ни о чем не думая, ничего не желая, но волк заскулил и высвободился из объятий.

Людвиг...

Он оттер ее плечом, и она послушно отступила. Людвиг оглянулся, коротко, отчаянно взвыл и замер, глядя на дверь.

– Людвиг, – повторила Милика, он не услышал. Клаус, о котором она совсем забыла, схватил ее за руку и поволок к алтарю, в юбку вцепился плачущий сын.

– Ты зачем уходила? – кричал Мики. – Он мог тебя съесть!

– Мики, – начала императрица, но Цигенгоф сунул ей зажженную свечу и прошипел:

– Ставь свечи. Пока горят свечи, они не пройдут... Забирай отовсюду и ставь у алтаря, все, что найдешь! Господь простит...

Милика торопливо зажгла свечу пред иконой Благовещенья. Нежным золотом сверкнули волосы Марии.

– Мама, – шепнул сын, – почему тихо? Это плохо?

Мики был прав. Звери у порога смолкли, ветер тоже стих, тишину нарушало лишь потрескивание свечей, а затем послышались шаги. Кто-то торопился в церковь, и под его ногами шуршали сухие листья. Риттер?! Или тот, кто следит за храмом?

Наверное, иначе почему его не трогают волки? Силы тьмы бессильны пред ликом

Господа.

Свеча перед иконой покачнулась и замигала, Милика торопливо поправила ее, обернулась и успела увидеть распластавшегося в прыжке волка. Захлебнувшийся вопль слился с рычанием и чудовищным хрустом. Людвиг, ее Людвиг отшвырнул изломанное тело и бросился на второго пришельца – старика в коричневой куртке.

– Людвиг. – Милика рванулась вперед. – Людвиг, стой! Это божьи люди!

– Молчи! – Клаус ухватил женщину за плечо. – Он знает, что делает. Они из Вольфзее...

Из Вольфзее? Да, конечно... Слуга Берты, как она его не узнала?

Высокая старуха с непокрытой головой шагнула в церковь вперед спиной. Берта! Чего ей надо?

– О Боже, – прохрипел Клаус.

Кормилица Людвигу ткнула пальцем в лунную пасть.

– Отто! – выкрикнула она. – Отто Ротбарт!

Людвиг поднял окровавленную морду, рыча на ворвавшегося в церковь волка, одноглазого, с седеющей гривой. Берта пятилась к алтарю, ее нога угодила в кровавую лужу, но она не заметила.

– Отто! – Шаг назад, багровый след на светлом мраморе.

Одноглазый зверь рванулся вперед, Людвиг бросился наперерез. Волки сшиблись грудью, словно глухари на токовище, захохотала Берта. В проеме, снова вперед спиной, возникла женщина в тяжелом придворном платье. Графиня Шерце!

– Фридрих! Фридрих Доннер!

Темная тень взмыла вверх, золотом сверкнули глаза. Огромный, больше и Людвигу, и Отто, волк по-кошачьи мягко приземлился возле статуи архангела Михаила.

Фридрих Доннер? Ротбарт Молния! Прапрадед Людвигу и Руди? Он был добрым человеком, очень добрым, хоть и великим воином. Почему он слушает Берту?

– Назад! – Клаус отшвырнул женщину к алтарю, где в нее вцепился Мики.

– Зиглинда! – завопила Берта. – Зиглинда!

Еще один зверь. Белый... Волчица. Самая прекрасная из императриц Миттельрайха. С Зиглинды великий Альбрехт писал Богоматерь...

Цигенбок поднял пистолет, целясь в снежно-белую грудь, и тут Милика очнулась.

– Берта! – только бы он понял. – Стреляй в Берту! Скорей!

Грохот, пороховая гарь мешается с запахом свечей и крови, кормилица Людвигу валится вниз лицом, царапая руками бледный мрамор. Лающий хрип: «Густав!» – в храм медленно входит еще один волк, на мгновение замирает над телом и кидается к алтарю, но золотой свет отбрасывает тварь назад, в лунное озеро. «Пока горят свечи, они не пройдут...»

– Дьявол! – Клаус отшвырнул разряженный пистолет. – Потерял пороховницу.

Графиня Шерце споткнулась о руку мертвого слуги, Людвиг с Отто сплелись в рычащий, истекающий кровью шар, Зиглинда и Фридрих с воем заматались вдоль золотой границы.

– Хайнрих! – топнула ногой статс-дама, и из лунной пучины возник темный силуэт.

Кем он был, этот Хайнрих? Милика не знала, но он жил давно – теперь это имя произносят иначе.

– Милика Линденвальде!

Ее зовут? Графиня Шерце?!

Статс-дама улыбалась. Милика видела ее улыбку в первый раз.

– Сейчас ты умрешь! – Ноздри графини раздувались, в уголках губ пузырилась слюна. – Ты, выскочка, запятнавшая дом Ротбартов! Ты отобрала счастье у достойных, ты принесла беду, и ты умрешь! Но сначала увидишь, как издыхает твое отродье... И твой муж-отступник. Их не будет даже в аду, графиня Линденвальде. Слышишь, ты, даже в аду! Я хочу, чтоб ты это знала... Знала, что это из-за тебя, ты...

Резкий, короткий свист, кликуша, шатаясь, хватается за горло.

– Она знает, – бормочет Клаус фон Цигенгоф.

Графиня вырывает кинжал, из рассеченной шеи вырывается алая струя, заливая руки святой Анны и ветки бересклета. Оттилия фон Шерце, опрокидывая вазу, валится к ногам святого Иосифа.

– Она больше никого не позовет, – Клаус держит за кончик и рукоять второй кинжал, – и ничего не увидит, заberi ее Сатана! Я всегда любил метать ножи... А сейчас поговорим по душам с гостями.

Он не промахнулся – кинжал вошел по самую рукоять в шею того, кого звали Хайнрих. Вспыхнул и замерцал бледный лунный огонь, жалко звякнула об пол отвалившаяся рукоять. Зверь потянулся и зевнул, сверкнув белоснежными клыками.

2

Нагеля пришлось бросить: конь не мог вскарабкаться по каменистой тропинке, да и говорить с волками легче пешему. Если, конечно, с волками можно разговаривать. Руди поднял голову – церковь нависала прямо над ним, стройный темный силуэт на фоне предутренних звезд, над крестом дрожит голубая звезда... Летом все бы уже закончилось, но ноябрь подыгрывает ночи.

Из-под сапога сорвался камень – ничего страшного. Он не сломал шею в Люстигеберге, не сломает и тут. Волки были совсем рядом, в их голосах слышались ярость и неудовлетворение – значит, он успел. Родственнички заняты добычей, но сейчас его увидят, и все решится.

Поймут ли они, кто пришел? Мать говорит, за пределами Вольфзее в них не остается ничего человеческого. Если так, ему конец. Ему, Милике, Мики и Миттельрайху, по крайней мере, Миттельрайху Ротбартов, но мать лжет. Он знал ее тридцать два года и многому научился. В том числе не верить шепоту и крику.

Рудольф Ротбарт перебрался через острое каменное ребро, спрыгнул на тропинку и вынул кинжал. Дальше он пойдет открыто, все равно церковь окружена и в ней всего одна дверь.

Что-то шептали сухие листья, хрустели и осыпались мелкие камешки. Ветер дул в лицо, будь Руди зверем, он бы чуял запах сородичей, но Рыжий Дьявол все еще был человеком, хоть и пришел к волкам, и понял, когда его заметили. Больше ждать было нечего.

– Волки Небельринга, – крикнул Рудольф, поднимаясь на вершину холма, – я хочу говорить с вами!

Поняли. Повернулись к новому гостю. Лунный свет делал рыжие шкуры седыми, в глазах плескался холод. «Хвала луне, я родила настоящего волка», – сказала мать. Настоящего ли?

– Я – Рудольф, сын Марии-Августы и императора Михаэля, последний сын. Я пришел за своей невесткой и ее сыном. Если они мертвы, я убью себя, а вместе с собой и вас. Если живы, я их заберу. У вас есть выбор: умереть сейчас или отдать мне тех, кто мне нужен. Решайте.

Он подбросил и поймал кинжал, удержал на клинке лунное пламя, нарочито громко засмеялся, тряхнул волосами и пошел вперед, на живую, глядящую сотнями глаз стену.

Завтра, через год, через десять, двадцать, пятьдесят лет он станет одним из них, но сейчас не Небельринг властен над ним, а он над Небельрингом. Он не волк, он – Рыжий Дьявол, и он добьется своего или умрет.

Рудольф Ротбарт шел сквозь воющее море, и оно расступалось пред ним, как расступились иные волны перед вождями зигов.

Заложники и данники древней клятвы, которых никто не спросил, которым никто не оставил выбора. Такие разные в жизни и смерти, в посмертии они стали одинаковыми. Ночь и волчьи шкуры стерли различия.

Красные шкуры, черные пасти, желтые глаза... Кто из них при жизни был кем? Кого

любил, с кем сражался, о ком мечтал? Кто выстроил Залмецбург и взял Альтерфее? Кто отбросил орды Геримунтаса, швырнул на колени Филиппа Лоасского, возвел собор Святого Михаэля? Кто вынудил Рэму смириться и признать Миттельрайх неприкосновенным? Кто разбил в Витте сиреневые сады?

Шаг за шагом через прошлое Миттельрайха, на губах – ухмылка, в руках – фамильный клинок. «Никогда не оглядывайся», – говорил Готфрид Ротбарт, Готфрид Кремень. Здесь ли он? Здесь ли неистовая Кунигунда, перчатка которой стала причиной войны? А ее внук Иоганн, эту войну погасивший? Где его тезка Рудольф, давший приют печатнику Августу Платкхарду, полководец Отто, весельчак Губерт, покончивший с собой из-за несчастной любви принц Герхард?

Вольфганг продал не только себя, но и весь свой род... Понимал ли он сам, на что идет? Чего хотел? Защитить свою землю, создать великую державу – или ему была нужна власть? Просто власть ради власти? И что теперь делать ему, идущему сквозь свое будущее?

Латиняне могут выбирать между раем и адом, а у Ротбартов одна дорога – в Небельринг, а потом – в золу. Всем родом, всей стаей... Стоит ли Миттельрайх этого кошмара? Почему они цепляются за жизнь, за ТАКУЮ жизнь? Что помнят из человеческого прошлого, а что забыли? Что вспомнит он сам, когда очнется в Вольфзее? Что помнит Людвиг? Что помнит отец? Неужели, как и мать, жаждет крови внука? Вряд ли ты это узнаешь при жизни, Руди Ротбарт, а потом тебе будет все равно. Хватит! Ты почти пришел.

Волки не пытались остановить родича, но их было слишком много. Звери напирали друг на друга, и Руди пришлось сбавить шаг. Из церкви слышалось рычание, возня и удары, словно там дрались собаки, но люди молчали, даже Мики. Неужели мертвы? Если да, придется решать – умирать ему или жить. Если Мики и Милика живы, выбора у него нет.

3

– Руди! – кричал Мики. – Руди!

Этого не могло быть, но это было. Руди был жив, и он был здесь. Деверь стоял на пороге, щуя глаза, в руке – кинжал, на черном сукне блестит цепь регента. Он ничего не делал и не говорил, но волки прекратили бой. Один, с окровавленной мордой, прихрамывая, подошел и встал рядом с братом.

– Руди, – выдохнула Милика, – это Людвиг.

Рука человека легла на голову зверя. Деверь что-то сказал Людвигу, и тот лег, положив морду на вытянутые лапы. Взгляд Рудольфа скользнул по освещенному алтарю, остановившись на прижавших уши волках.

– Вас призвали луной и вашими именами, – голос Рудольфа звучал устало и глухо, – уходите за теми, кто вас призвал.

Руди поднял тело статс-дамы и понес к выходу. Клаус захлопал глазами и бросился к Берте, но не поднял, а поволок за ноги. Что случилось дальше, Милика не видела: догорающие свечи сплелись в золотой венок, закачавшийся на серебряной волне, и все исчезло в горьком осеннем дыму.

В императорском парке жгли палую листву, а она носила под сердцем Мики. Плащ и тяжелое платье скрывали беременность, и Людвиг ничего не заметил. Он только-только вернулся с лоасской границы и отыскал жену среди рыжих кленов и отцветших роз. Милика не ждала его так скоро, от радости у нее подкосились ноги, муж ее подхватил и засмеялся.

А потом они брели, держась за руки, среди задумчивых статуй, в воздухе тихо кружились листья, а над горизонтом поднималось облако, похожее на одноногого оленя...

– О чем ты думаешь? – спросил Людвиг, и она ответила:

– О нашем сыне.

– Что ты сказала? – Император остановился и притянул ее к себе.

– Я сказала, – прошептала Милика, – что жду ребенка.

– Как это вышло? – Он был бледен как полотно. – Во имя Господа, как?

– Как у всех. – Милика встала на цыпочки и поцеловала мужа в губы. – Ты слишком доверял лекарям, но иногда снадобья бессильны.

– Абентман ответит за свою глупость!

– Он не виноват. – Милика лукаво улыбнулась. – Ни одно снадобье не подействует, если его вылить.

– Так ты, – он задохнулся, – ты меня обманула! Господи, как ты могла...

– Людвиг! – Почему он побледнел? – Я рожу тебе сына, у тебя будет наследник, и твоя мать нас простит.

– Так ты это сделала из-за нее? Что она тебе сказала?!

– Ничего. – Она прижалась к нему. – Ее величество со мной не разговаривает. Людвиг, ты не понимаешь... Ты уехал, тебя не было, но ты остался со мной, во мне...

Он молча смотрел на нее, и ей вдруг стало страшно, как тогда, в лунном саду.

– Ты сердишься? Прости, пожалуйста! Прости меня, но я так хотела сына... Я это сделала из-за тебя, как... Как и все.

– Маленькая, что ты? Конечно же, я счастлив. Просто все так неожиданно. Ты же больна...

– Я здорова. Ты больше не сердишься?

– Я? На тебя? Какая же ты глупышка! Когда он родится?

– В январе.

– Мы назовем его Михаэлем. В честь отца... а крестным будет Руди. Ты ведь его любишь?

– О да, – покачнувшийся было мир вновь вернулся на место, – ведь он так похож на тебя.

– Руди сильнее, – Людвиг говорил словно сам с собой, – да, он сильнее, и он сможет.

– Что сможет?

– То, что не могу я, – он на миг задумался и вдруг улыбнулся, – или не хочу. Например, выиграть войну. Ведь ты же не захочешь, чтобы я весной воевал? Смотри, какое облако, совсем как рыба.

Рыба? Но облако походило на оленя...

– Что с мамой? – Голос еще не рожденного сына ворвался в дворцовый парк, и счастье растаяло вместе с небесной рыбой.

– Все хорошо, она приходит в себя...

Как трудно открыть глаза и поднять голову. Как трудно просыпаться, возвращаться в боль, в холод, в одиночество.

– Милика, во имя дьявола, почему тебе не сиделось в Хеллетале? – Рудольф, он и в самом деле пришел. А она почти решила, что это сон.

– Я хотела поговорить с тобой о твоей... о твоей...

– Это я виноват, – признался Клаус, – мы боялись за тебя. Эти твои поездки...

– Куда моим поездкам до ваших, – ухмыльнулся Руди. Он всегда ухмылялся, всегда спорил и никогда ни о чем не говорил всерьез. Людвиг был другим, он не смеялся над тем, над чем смеяться нельзя. Людвиг! Где он?!

Милика рывком села, сбросив с себя куртку Руди. Над головой были золотые, пронизанные солнцем ветки, сквозь которые нестерпимо синело небо.

– Руди, – женщина вцепилась в руку деверя, – где Людвиг?

– Ушел, – лицо Рудольфа было совершенно спокойным, – и нам тоже пора. Вернее, вам. У меня здесь еще пара дел.

– Я не пойду! – Милика попробовала встать, но ноги подкосились, и она почти упала на пол. – Я останусь. С Людвигом. Руди, ты позаботишься о Мики?

– Позабочусь, – буркнул деверь, – и немедленно. Сыну в первую очередь нужна мать, так что изволь отправляться с Клаусом. Нагель в порядке, я смотрел. Как доберетесь, пришлите сюда священника. И коня поприличней.

– Я не хочу, – замотала головой Милика, – мое место здесь. С Людвигом.
– Руди, – Клаус в отчаянье переводил взгляд с нее на деверя и назад, – давай наоборот.
– Цигенбок! – голос Рудольфа хлестанул, как кнут. – Ты уже сделал все, что мог, и даже больше. Забирай их, и вон отсюда!
– Я не уйду, – деверь ее не слышит, не желает слышать, но она заставит считаться со своей любовью, будь он хоть трижды регент, – слышишь, не уйду!
– Уйдешь, – Рудольф схватил ее за запястья, вынуждая встать, – если любишь Людвига, а не себя, уйдешь. Клаус, долго еще вас ждать?!

Милика рванулась, но Руди мог сдержать дикого жеребца, не то что женщину. Он не позволит ей остаться, но она теперь знает дорогу. Принц-регент не станет вечно сидеть с невесткой, у него слишком много дел.

– Пусти, – попросила Милика, и брат Людвига, не говоря ни слова, разжал руки, – мы едем с Клаусом.

Цигенгоф торопливо подхватил Мики, и они втроем пошли к тропинке. На краю обрыва Милика оглянулась: Рудольф Ротбарт стоял у церковной ограды и смотрел им вслед золотым волчьим взглядом.

Эпилог

1

В лиловеющем небе кружило воронье, рвались ввысь шпили Святого Михаэля, за ними проступала прозрачная луна. Принц-регент поднялся и неспешно задернул шторы.

– Спасибо, – от души поблагодарил Цигенгоф, – после вчерашнего я с этой круглой дурой не в ладах.

– Она скоро похудеет, – утешил Руди.

– Слушай, – Цигенбок внимательно посмотрел на приятеля, – никак не пойму, что с тобой сегодня не так.

– Спроси что полегче, – предложил его высочество, – тут я тебе не помощник.

– Полегче, говоришь? Тогда откуда ты взялся? Я был уверен, что ты у своей красотки.

– Георга благодари, – зевнул Рудольф. – Вот уж действительно во всем плохом есть свое хорошее.

– Георга? – Цигенбок явно ничего не понимал. – Он-то тут при чем?

– При многом... Хочешь выпить?

– Признаться, не очень

– А я выпью. – Руди налил вина и кивнул на свернувшуюся у камина Брауне. – Спит... Всю ночь выла, а теперь спит.

– Ты говорил о Георге.

– Говорил. – Рудольф ополовинил бокал. – Я удрал из Витте, потому что не хотел его видеть. Иногда нет ничего хуже старых друзей, которые тебя знают лучше, чем ты сам. Особенно если одному из них взбрело в голову тебя убить.

– Георг хотел тебя убить? – затряс головой Цигенгоф. – Пожалуй, я все-таки выпью.

– Пей, – разрешил Рудольф, вновь берясь за бокал. – Пока ты пытался натравить на меня Милику, сюда явился Георг. Ему передали, что я прошу его подождать. Он остался, но сначала куда-то послал слугу, что и требовалось доказать.

– А потом?

– А потом я доказал, – хмыкнул Рудольф, – на пустыре в Льянном переулке. Знаешь это место?

– Обижаешь, – возмутился Цигенбок, – его весь Витте знает. И скольких ты убил?

– Четверых. А пятый оказался молочным братом моего лучшего друга Георга.

– Господи...

– Господь тут ни при чем, скорее уж сатана. Но, как ты понимаешь, встречаться с Лемке мне расхотелось, и я решил развеяться.

– И что теперь будет?

– Не знаю! – Глаза Руди бешено сверкнули. – Со мной и впрямь что-то не так, даже ты заметил! Я – регент, Клаус, а не палач... Я знаю, что должен сделать, и я сделаю, но, дьявол, уж лучше б мне руку под Гольдфельтом оторвало!

– Ты с Георгом так и не виделся?

– Нет. Слушай, Цигенбок, иди отсюда, а? И без тебя тошно.

– Ладно, не злись. Просто я не мог поверить, что это Лемке.

– А сейчас веришь?

– А что мне остается? Свинья!

– Можно сказать и так, ладно, проваливай.

– Ну, если я тебе не нужен...

– Мне никто не нужен, – рявкнул Руди и вдруг осекся, – разве что...

– Что? – хриплым голосом переспросил Цигенбок.

– Брат Готье Бутора предпочел собственный кинжал топору палача...

– Его предупредили, – тихо сказал граф фон Цигенгоф.

– Да, – подтвердил принц-регент, – у него нашелся друг, который его предупредил.

– Говорили, что Анри де Монлу сделал больше. Он избавил друга от греха самоубийства.

– Георг фон Лемке – твой друг? – Рудольф Ротбарт улыбался, и его улыбка живо напомнила Клаусу о вчерашних волках.

– Да. – Цигенбок торопливо поднялся и вдруг хлопнул себя по лбу. – Я наконец понял, что не так. Где твоя цепь?

– Потерялась. – Руди залпом допил вино. – Прошлой ночью много чего потерялось...

2

Почему волки не говорят? Неужели мало потерять душу, имя, лицо, нужно еще и лишиться голоса. Эх, Людвиг, Людвиг... Что ты натворил и как нам теперь с этим жить?

Вздых, тяжелая лапа скребет пол, и снова взгляд – молящий, отчаянный. Рыжая морда в черной маске тычется в серебряную цепочку.

– Хочешь, чтоб я снял крест? Надел на тебя?

Волки скулят, как собаки, он никогда в жизни не сможет убивать волков. Людей сможет, а волков – нет. Но цепочка коротка, мастер делал ее для человека. Ничего, из цепи регента выйдет отличный ошейник.

– Давай голову!

Золотая вспышка, дикая резь в глазах и такой знакомый голос!

– Руди!

– Ты?! Никогда не думал, что стать человеком так просто.

– Просто, – подтверждает брат, – нет ничего проще смерти, когда-нибудь ты это поймешь.

– Не думаю. Дьявол, как же я рад тебя видеть! Мать сказала, что обратной дороги нет, и я почти поверил.

– Она не лгала, – бросил Людвиг, – волки Небельринга становятся людьми, проходя ворота Вольфзее, но для меня они закрыты.

– Им же хуже, – пожал плечами принц-регент. – Пойдем отсюда, под открытым небом легче дышится.

– Нет, – Людвиг Ротбарт обвел глазами лики святых, – я могу говорить с тобой только в церкви. Руди, ты знаешь, что боги хранят Миттельрайх, пока им правят потомки Вольфганга?

– Мать сказала, – кивнул Руди, – только сдается мне, что и луна внакладе не

осталась.

– Теперь это неважно. – Людвиг опустил на резную скамью. – Если Ротбарты потеряют трон, Небельрингу конец, а с ним и щиту Миттельрайха. Это правда, Руди, хотя поверить в нее и трудно, я и сам не верил...

– Не верил или не знал?

– Перед коронацией я вписал в книгу Вольфганга свое имя. Разумеется, я прочел договор, но мало что понял. Конец династии – это всегда смуты, войны, разруха, чего удивляться, что предок пекся о продолжении рода? Я вспомнил о клятве, только встретив Милику. Мать была вне себя...

– Еще бы, ведь она нашла тебе невесту. Дьявол, сватать тебе высокую брюнетку?!

– Руди, избави тебя Господь узнать, что такое любовь.

– Лучшие я сам себя избавлю, это надежней. Прости, я тебя перебил.

– Мать тоже узнала всю правду лишь в Вольфзее, хотя императрице, когда она носит сына, открывается многое. Женщины не знают, но чувствуют.

– Милика выносила Мики, и ей ничего не открылось... Людвиг, я уже ничего не понимаю.

– Это трудно понять...

Алая кровь на рубахе. Открылась рана?

– Помолчи, я тебя перевяжу.

– Бесполезно, – Людвиг улыбнулся одними губами, – волк Небельринга, надевая крест, отрекается от клятвы Вольфганга. Для того здесь и построили церковь, только нам без помощи в нее не войти. Милика меня позвала, ты отдал мне крест, и я вернул свое тело. От рассвета до полудня.

– В полдень ты снова станешь волком?

– В полдень я умру, – просто сказал Людвиг, – окончательно и бесповоротно. Не буду врать, что мне не страшно, все равно не поверишь.

Исполненные кротости взгляды, молитвенно сложенные руки, золотое сиянье. Святой Иоанн, святой Габриэль, святая Мария... И тут же бурые пятна на белом мраморе, засыхающие ветки, сгоревшие свечи. Врата спасения, врата смерти...

– Руди, ты слышал о лунном проклятье?

– Нет.

– Это – болезнь. Очень редкая. Она возникает из ниоткуда и переходит от матери к дочери, потому что сыновья умирают в младенчестве. Женщина кажется здоровой, но лишь кажется. Жена Хорста Линденвальде была больна. Узнав, что с ней, графиня приняла яд, но для всех она умерла родами. Врач скрыл правду, но объявил, что Милике Ротбарт нельзя рожать. Когда я попросил руки Милики, Линденвальде сказал мне то, что знал сам, но я слишком любил...

Бесплодный брак не принес бы зла, наш род продолжили бы твои дети, но Милика меня обманула. Потому что любила, и желание подарить мне сына оказалось сильнее страха смерти. Мы лгали друг другу из любви, и мы погубили все и себя...

– Тебе лучше отдохнуть!

– Помолчи! Когда Милика призналась, что беременна, я вспомнил договор Вольфганга. Император может выкупить чужую жизнь ценой собственной. Я не верил, что это правда, но утопающий хватается за соломинку... Жизнь без Милики казалась мне невозможной, и я отдал себя Небельрингу.

– Ты просил меня позаботиться о жене, выходит, все-таки верил.

– Да. И нет. Получи я знак того, что выкуп принят, я б сказал тебе все, но не случилось ничего. Понимаешь, ничего! Милика родила Мики, все было так хорошо, что я и думать забыл о своей жертве. Луна взяла меня тогда, когда я этого не ждал. Я уснул в своей постели и очнулся у ворот Вольфзее, закрытых ворот.

...А кровь все льется и льется; льется и уходит в мраморный пол, словно в песок. Сколько же ее!

– Это все?

– Нет. Милика не должна была умирать, я спас не ее, а Мики. От смерти, но не от лунного проклятья. Михаэль не будет иметь сыновей, а его дочери понесут в себе болезнь, но и это не все. Если наследница Михаэля выйдет замуж, ее супруг вступит на трон и династии Ротбартов придет конец, а вместе с ней – Миттельрайху.

Я не могу ничего исправить, а ты можешь! Да, я предал Миттельрайх ради женщины, но я, не ты. Ты сильнее меня, я говорил об этом Милике, она не поняла. Я оставляю тебе все: империю, Милику и Мики. Я прошу о невозможном, Руди, но я прошу. Пусть мой сын умрет перед коронацией, и умрет счастливым... Он не должен узнать, что в нем спит гибель его детей, династии, Миттельрайха. Это все равно, что дать парню нож и сказать: «Твои родители виноваты, возьми и убей себя!» Ты бы смог с этим жить и править?

– Не знаю, не пробовал...

– А я знаю. Другого выхода нет! Руди, Милика должна уйти раньше Мики. Пережить единственного сына – это слишком страшно. Слишком! Обещай мне это!

– Ты говоришь, другого выхода нет. – Руди сжал руку брата, она была ледяной. – А я все-таки проверю. У меня есть пятнадцать лет. Да за это время можно из ада выбраться!

– Ты выберешься, – улыбнулся Людвиг, – ведь ты – дьявол, а теперь иди.

– За кого ты меня принимаешь?

– За своего брата! Отрекшиеся умирают тяжело, не хочу, чтобы ты это видел. Помни меня таким, каким я был, мне так будет легче.

3

– Ваше высочество. Ваше высочество!

– Да? – вот она, жизнь. Хочешь, не хочешь, тебя будут звать, просить, напоминать.

– Прибыл граф фон Лемке.

– Пусть заходит.

– Рудольф, что ты опять натворил?! – Георг захлопнул дверь перед носом ничуть не удивленного лакея.

– Ничего особенного, – забавно, а ведь так оно и есть, – убил одного друга и назначил другого вторым маршалом.

– Указ я получил, – кивнул Лемке. – Когда воюем и кого ты прикончил?

– Свинью, – лаконично сообщил его высочество. – Подробности расскажет твой молочный братец.

– Цангер? Этого-то ты где раскопал?

– В Льяном переулке. Он меня ждал.

– Так вот где ты шлялся. – Темные глаза Лемке стали серьезными и грустными. – Цигенбок?

– Да. – Руди подошел к окну. – Как ты догадался?

– Клаус сходил с ума по Милике, а ей необходим защитник. Пока есть ты, другие не нужны. Не будет тебя, вдовствующая императрица схватится за того, кто окажется рядом, а Цигенбок окажется.

– Уже не окажется. Ты будешь смеяться, но наш общий друг попытался свалить все на лоассцев, а потом на тебя.

– Что ж, я ему тоже мешал, хоть и меньше тебя. Как ты понял, что это Клаус? Папа и Лоасса спят и видят спровадить тебя к праотцам, а я, знаешь ли, тоже влюблен в Милику.

– Знаю, – кивнул принц-регент, – но ты сто раз мог убить меня на войне или хотя бы не спасать. Кстати о войне, для всех граф фон Цигенгоф срочно отбыл в армию, где и погибнет на глазах капитана Цангера. Разумеется, со славой.

– Значит, Макс все же умудрился заработать, – пошутил Георг. – Хоть кто-то не внакладе!

– Да, – без всякого выраженья произнес принц-регент, – кто бы ни побеждал, цангеры в

барыше. Завтра я представлю тебя Военному Совету, а потом мы поедем в Лемке, и я попрошу руки твоей сестры.

– Цигенбок не стоит такой жертвы, – бросил фон Лемке. – Руди, что случилось? Что НА САМОМ ДЕЛЕ случилось?

– Полнолуние, – улыбнулся Руди, – всего-навсего полнолуние...

ДЕНЬ СТРАХА. рассказ

Юрию Нерсесову

1

Молоденький воробышка неуклюже хлопнулся на позеленевшую горгулью и этим подписал себе приговор. Сидевшая на уродливой каменной морде пичуга была отличной мишенью, и Пишта²³ Шукан не преминул пустить в ход новую рогатку. Выстрел оказался точным, жалкий комочек перьев, слабо трепыхаясь, свалился вниз, но меткому стрелку не удалось насладиться удачей. Балаж Шукан, потерявший левую руку в бурасской битве и назначенный тогда совсем молодым герцогом Балинтом пожизненным капитаном Рисского замка, догадался, где болтается его отпрыск, и не поленился полезть за ним на крышу. Ухваченный за ухо Пишта выронил свое оружие и угрюмо последовал за родителем в подвал, где уже собралось почти все население замка.

Стоящий у обитой железом дверцы Балинт Риссаи хмуро оглядел вошедших, но ничего не сказал. Пишта никогда еще не видел господина так близко. Младший брат погибшего в битве с заманскими ордами короля Лұкача, дядя и соправитель молодого Бэлы Третьего, Балинт редко бывал в своих землях, но День Страха – это День Страха. Господин проводит его со своими людьми. Пишта был на своей любимой крыше, когда герцог и его старший сын осадили коней у ворот замка, после чего на остроконечной колокольне ударил набат, оповещающий о грядущей беде.

В День Страха люди загоняют скотину в укрытия, не оставляя под открытым небом даже куренка. Говорят, дикие твари прячутся сами, чуя, что над ними вот-вот пройдет Он. Жизнь замирает: не щебечут птицы, не греются на солнышке ленивые коты, не жужжат пчелы, только растения, которым предначертано умирать там, где родились, видят, как над ними медленно проплывает Древний, продолжая свои длящиеся века поиски. Любая тварь, на которую упадет взгляд Древнего, будет принадлежать ему. Так говорят предания, а так ли это на самом деле, никто не проверял.

Пишта в Древнего и верил, и не верил. Если, проснувшись ночью, мальчишка вспоминал о неотвратимом взгляде, он укрывался с головой, воображая, что Древний рядом и только и ждет, чтобы он, Пишта Шукан, выбрался из-под спасительного одеяла. Днем ночные страхи казались глупыми. В самом деле, зачем Ему мухи или жабы? Отчего Он появляется лишь на вершине лета, почему не вредит деревьям и кто может о Нем знать, если Его никто не видел?

Последний День Страха случился без малого три сотни лет назад, если вообще случился, а может, все это и вовсе выдумки? Правду сказать, Пишта утром на крышу полез отнюдь не за воробьями. Ему хотелось утереть нос всем замковым мальчишкам, а заодно посмотреть на Древнего, если тот и в самом деле пролетит над Риссой. Шукан-младший был уверен, что Древний его не заметит. Так оно, скорее всего, и было, но вот от отца спрятаться не удалось, и теперь придется сидеть в душном подвале и слушать, как молится монах Янош. Хорошо хоть, герцога можно как следует разглядеть. Если б они не запоздали, пришлось бы

²³ Пишта – уменьшительное от Иштван.

торчать в дальнем погребе. Там, конечно, поудобнее, зато совсем скучно. Юный Шукан втихаря принялся рассматривать Балинта, про отвагу и удаль которого при жизни слагали песни. Полководец почувствовал на себе взгляд и поманил Пишту к себе.

– Твой сын, Шуканэ?

– Да, сударь.

– Сколько ему?

– Десять. Разбойник, каких мало, потому мы и подзадержались.

– На крышу полез? – участливо спросил Балинт.

Пишта залился краской и кивнул головой.

– Правильно, – неожиданно одобрил герцог. – Если б мне в День Страха было десять лет, я бы тоже полез поглазеть на Древнего. Имре, – Риссаи обернулся к вошедшему темноволосому юноше лет пятнадцати, – что там?

– Я объехал вокруг замка и обошел дворы. Все в порядке, но Он приближается. Это точно.

– Вот как? – Сильная рука сжала плечо Пишты. – Ну, воин, пошли, поглядим вместе.

– Отец, – встрепнулся Имре, – я с тобой.

– Разумеется. – Герцог глянул на Шукана. – Мы сейчас вернемся. Никого не выпускай. Слышишь? Времени должно хватить, но мало ли...

Капитан замка подал знак пятерым алебардщикам и встал у прохода, хотя никто из спустившихся в подвалы не выказывал ни малейшего желания выйти наружу. Когда Пишта услышал, как сын герцога произнес «Он приближается», ему тоже захотелось забиться куда-нибудь в уголок, но Риссаи держал крепко. Втроем они поднялись по крутым серым ступенькам и вышли на залитый солнцем двор. Такого Пишта Шукан еще не видел и не хотел видеть. Одно дело – слушать, как в День Страха все живое и способное двигаться прячется и разбегается, и совсем другое – оказаться на словно бы вымершем дворе.

Было очень тихо, очень душно и очень страшно. Могучие каштаны, веками сторожащие замок, невозмутимо вздымали к небу зеленые кроны, но Пишта готов был поклясться, что им страшно так же, как и закрывшимся, словно перед дождем, одуванчикам и съезжившимся борщевикам, обычно нагло раскидывавшим мясистые листья. Небо было мертвым – ни облачка, ни птицы, ни хотя бы бабочки или мухи. Пишта глянул под ноги – здесь, неподалеку проходила муравьиная тропа, но насекомые исчезли. Сказка оказалась правдой – все, что могло спрятаться, спряталось.

– Я не думал, что это правда. – Герцог словно подслушал его мысли. – Даже когда стали прибывать гонцы, а алийский шар начал светиться...

Про алийский шар Пишта слышал от отца. Странная вещь, присланная заманским султаном одному из древних королей в обмен на право похоронить убитого в битве брата. Обычно молочно-белый и холодный, шар этот по мере приближения Дня Страха наливался тревожным багровым светом, становясь сначала теплым, а потом горячим. Кто и когда создал эту вещь, не знал никто...

– Стой тут. – Балинт выпустил плечо Пишты, и мальчик вздрогнул, словно пробуждаясь от сна. – Если что, беги вниз и вели отцу закрыть двери. На нас не оглядывайся.

С бешено колотящимся сердцем сын капитана следил, как великий Риссаи, широко шагая, вышел на середину двора и встал, обернувшись лицом на восток, откуда, как рассказывали, и приходил Древний. Пишта на всю жизнь запомнил страшную, давящую тишину, недвижные кроны каштанов и высокого темноволосого человека, облитого безжалостным солнечным светом. Балинт стоял, положив руку на рукоять своего знаменитого меча, и вглядывался в слепящую даль. Сердце мальчика защемило, и он, нарушив приказ, бросился к герцогу и стал рядом, лишь на мгновение отстав от Имре. Так для Иштвана Шукана началась служба длиной в жизнь.

Небо на востоке порозовело, словно там собралось взойти еще одно солнце, в лицо пахнуло жаром. Трое во дворе Рисского замка стояли и ждали, сами не зная чего. Горячий ветер крепчал, разбуженные деревья закачались и зашумели глухо и грозно, воздух

наполнился мелкой, скрипящей на зубах пылью.

– Теперь пора, – резко сказал герцог, – возвращаемся.

– Отец! – вскинул голову заметно побледневший Имре. – Мне не страшно...

– А мне страшно, – отрезал славящийся своей отвагой на всю Эгрию полководец. – Вниз. И живо!

Пишта не помнил, как они скатились по ступенькам и как он оказался в самом дальнем углу подвала рядом с матерью и сестрами.

2

От Вечности тоже можно устать, и он устал. Те, Кто Был Раньше, видели рождение и расцвет этого мира, а ему достался вечер, холодный, бесконечный вечер. Он хотел одного – покоя, но покой нужно заслужить. Нужно найти живое создание, способное вместить Силу и Знание, открыть ему цену Крови, Власти и Золота, и лишь после этого можно уйти в покой. Как же он устал, раз за разом пролетая древним путем и не находя никого. Их род проклят, они обречены нести свое могущество в одиночестве, не имея права даже на смерть. Их время, время золота и огня миновало, на земле расплодилось жалкие создания – он может убивать их тысячами, но зачем это ему? Он хочет одного. Покоя.

Его предшественники упокоились на горах золота в Ильдаранских пещерах, а он все еще жив. Ничтожные обитатели некогда грозного мира не желают менять свою смешную участь на величие, они бегут от него, а он не может опуститься на землю, не может никого схватить и заставить принять проклятое могущество. Ему дозволено лишь летать раз и навсегда проложенным путем, смотря вниз в безумной надежде отыскать комочек жизни, готовый принять его груз. Каждый раз, поднимаясь над Черными горами, он исполнялся уверенности, что найдет, но смертные твари в ужасе разбежались, а он мчался вперед, пока внизу не вскипали валы Яростного моря. Дальше путь был заказан, и он возвращался в пещеры смотреть сны о навеки ушедшем, чтобы в День Горечи пробудиться и взлететь над скалами, ожидая избавления. И не было никого, кто бы мог ему помочь, но что это?! Что?!

На его призыв ответили. Неужели поиск окончен? Какое смешное создание. Маленькое, жалкое, исполненное гордыни и злобы. Сколько в нем ярости! Разумно ли отдать Силу ему? Но, отринув это существо, он вновь приговорит себя к жизни, а он больше не может! Он так устал, этот мир давно пережил свой расцвет, а что может быть хуже доживания?

Зачем эта суэта под остывающим солнцем? Кому нужны ничтожества, занявшие место гигантов? Если его выбор погубит то, что он сейчас видит, будет ли это злом? Нет, это будет освобождением!

Древний прервал полет, потянувшись к обнаруженному им созданию.

– Ты – мой, ты освободишь меня, а я вознесу тебя! Ты мой и ты ничей... Ты – живое, что не приковано к земле, и ты будешь мной, когда я уйду.

3

Тридцать лет прошло, а все было словно вчера. Здесь он, десятилетний, стоял рядом с Балинтом Рассай, а Имре, живой, молодой, отважный, уговаривал отца взглянуть в глаза Древнему. Он все-таки сделал это и погиб.

Капитан Иштван Шукан тронул сидящие усы, вздохнул, собираясь с силами, чтобы пройти к королеве. Уж лучше бы проклятый дракон сжег его вместе с Имре, но тот, словно предчувствуя свою судьбу, отправил жену и детей в родовой замок, заставив Шукана поклясться на клинке, что он сохранит семилетнего Дьёрдя, который еще не знает, что он король. И Маргит не знает.

Про себя Иштван называл королеву именно так. Маргит была младше его, а они с Имре, хотя тот был королем, а Иштван Шукан – всего лишь одним из его капитанов, почти

что братьями, и сроднил их День Страха. Шукан невольно усмехнулся, вспоминая, как подбил воробья, сидевшего на горгулье, а отец нашел сорванца и утащил с крыши. Вчера Дьердь уговорил сделать ему рогатку, хотя Маргит это не понравилось, она вообще уродилась жалостливой. Когда Имре бросил к ногам невесты убитую серну, девушка проплакала целый вечер. Узнав об этом, король отказался от охоты, хотя не мешает своим витязям сколько душе угодно гонять вепрей и оленей в королевских лесах.

Не мешает? Не мешал... Теперь им всем придется жить без Имре, хоть это и кажется невозможным. Что ж, люди привыкают ко всему. Он не думал, что сможет обходиться без отца, герцога Балинта, Эвицы, но обходится – ест, спит, машет саблей, только что может сабля против крылатого, дышащего огнем ужаса? Гонец, привезший весть о гибели короля, рассказывал, что крылья чудовища застилали солнце. От двенадцатитысячной армии осталось не больше трети, а Древний не был даже ранен. Неужели на него нет управы? Что он вообще такое?

Дни Страха были всегда, но ни заманцы, ни эгры, ни известные своей ученостью урсийцы и харинцы не помнили, чтобы Древний жег деревни и города. Его появление дикие твари чуяли заблаговременно, потом колдуны придумали шары, оповещающие о пробуждении страха. В урочный час Древний поднимался над Ильдаранскими горами и летел в сторону Яростного моря, где и исчезал на сотни лет. Так было раньше, отчего же на этот раз Он начал убивать?

4

Великий Чичирр-вен-Чиррак-вен-Чивваррак мерно взмахивал могучими крыльями, наслаждаясь ощущением собственной мощи. Далеко внизу проплывали леса, поля, синие ленты рек и золотые – дорог, на которые судьба нанизала объятые страхом городки и деревни. Их обитатели в ужасе разбегались, падали на колени, заползали в ненадежные деревянные коробки, которые так красиво горят, но Чичирр был сыт. Великого гнал вперед не голод, а месть и память. Он должен вернуться туда, откуда начался его путь, и отомстить.

Как давно он не был в родных местах, как долго в его душе тлела месть, и вот наконец пламя вырвалось наружу! Он уничтожит самую память об обители тех, кто некогда поднял на него руку. Не уйдет никто. Глупцы, они попытались его остановить! Очень-очень много двуногих и четвероногих... Когда-то они и впрямь могли причинить ему зло, когда-то его спасали лишь осторожность и крылья, но эти времена давно миновали. Он изменился, а его враги решили, что он остался прежним.

Как они бежали, как валил их на землю ветер, поднятый крыльями великого Чичирра, как их жег выдыхаемый им огонь! Там, на поле между двумя сгоревшими селами, осталось много мяса и много пепла. Великий утолил свой голод, но не настолько, чтоб вернуться в Ильдаран и уснуть. Сначала – месть, потом возвращение и долгий сон среди Тех, Кто Был Раньше, и собранных ими сокровищ. Придет время, и Чичирр-вен-Чиррак принесет в Ильдаранские пещеры свою добычу, но первый полет – полет крови, а не золота.

Две тени Чичирра сопровождали своего повелителя, две тени и стаи ворон, не смевшие приближаться к Великому, но следовавшие за ним от пепелища к пепелищу. Отвратительные, шумные и жестокие твари, он всегда их ненавидел... Когда он был слаб, они считали его добычей, затем он сжигал их сотнями, но это слишком хлопотно, к тому же они не подлетали достаточно близко. Сегодня у ворон будет много пищи, а потом он вернется и сожжет и их. Не успеет ничего! То, что не сгорит, развалится под ударами лап и крыльев, он оставит за собой груды дымящихся развалин и будет свободен от прошлого. Он вернется в Ильдаран и будет спать, пока вновь не наступит его день. Тогда Великий расправит крылья и полетит на закат, а впереди него понесется древний страх.

Так будет, пока он, устав от вечности, не перестанет лить кровь и собирать золото и не начнет поиски преемника, чтобы передать ему Страх и Силу и уйти в Покой, став Тем, Кто Был Раньше. Покой... Сейчас Великий Чичирр не желает Покоя. Это его первый полет,

первая победа, первая песнь!

Огневые глаза гиганта впивались в окрестности, узнавая знакомые места. Вот и каштановая роща, в которой он некогда укрывался. Чичирр не стал жечь вековые деревья, когда-то они были добры к нему, они, но не обитатели замка, башни которого уже маячили на горизонте. Странно, раньше они были гораздо выше...

Великий Чичирр-вен-Чиррак-вен-Чивваррак сделал круг над излучиной Риссы и начал снижаться. Избранник Древнего, он уже прошел испытания пламенем и кровью, он познал золото и власть, осталось лишь испытание памятью, и избранный станет единственным.

5

Семилетний Дьердь Риссаи, сдвинув брови, смотрел на восток. Так когда-то встречал Древнего его великий дед – об этом юному принцу рассказал Иштван Шукан. Тогда ему было всего на три года больше, чем Дьердю, но он стоял рядом с дедом и отцом и ждал горячего ветра.

– Дьерди! Дьерди, где ты?

Дядька Шукан! Ищет его. Мальчик стремительно скользнул за облупленную горгулью. Как тихо. Принц осторожно высунул голову из-за каменного чудища. Двор был пуст, это и понятно – еще утром всем велели спуститься в подвалы, они с мамой тоже спустились в подземную спальню, он прикинулся спящим и убежал. Он должен увидеть Древнего, если тот, конечно, прилетит, но это вряд ли. Отец и его воины собьют чудовище стрелами и зарубят мечами.

Когда алийский шар превратился в сгусток пламени, к которому невозможно было подойти ближе чем на шаг, отец отправил их с мамой, сестрами и маленьким Балинтом в Рисский замок и стал собирать армию. Дьердю ничего не объясняли, но он давно научился притворяться спящим, дожидаясь, когда его оставят одного. Что может быть проще, чем положить под одеяло скатанную одежду и вылезти в окно или сесть под дверью и слушать, о чем болтают нянька и стражники?

Сын и наследник короля Имре знал все. И про то, что заманский султан не смог остановить дышащее огнем чудовище, превратившее низовья Вахайды в выжженную пустыню, и про то, что Древний пересек границы Эгрии и отец выступил ему навстречу. Дьердь помнил, как уходили воины. Это были не первые проводы в его жизни, но на этот раз витязи не смеялись и не пели, и их провожало очень много монахов. Отец впервые не взял капитана Шукана, он велел ему позаботиться о них с мамой. Тот поклялся на клинке, а мама заплакала... Она теперь все время плачет, и это очень плохо.

– Дьерди! – Кажется, его ищет целый гарнизон. Нет, он не выйдет. Ой, что это! Заря?! Нет, Древний! Тридцать лет назад все было так же: пылающее небо, горячий ветер, клубы пыли. Дальше Пишта Шукан не видел, дед и отец его увели, значит, он, Дьерди Риссаи, будет первым, кто взглянет на чудовище.

Прижавшись к прохладной горгулье, сын короля Имре с замирающим сердцем следил за разгорающимся небосклоном. Вот в раскаленной печи мелькнуло что-то черное, и душу сжали безжалостные железные пальцы. Черная точка росла, обретая очертания крылатого создания. Больше всего Древний походил на птицу, огромную птицу с пламенными глазами и черной грудью.

Древний приближался, он и вправду был страшен, так страшен, что Дьерди захотелось оказаться далеко-далеко от Рисского замка, но он был сыном своего отца и внуком своего деда. И потом, бежать было некуда – чудовище нависло над замком, бурые крылья заслоняли солнце, полыхающие багровым глаза вперились в крышу, в ту самую горгулью, за которой прятался Дьерди! Вот он, взгляд, от которого не скрыться! Ну почему он не послушал маму и Шукана...

Сам не соображая, что творит, Дьерди Риссаи отпрянул от горгульи, вскочил во весь рост и схватился за единственное бывшее при нем оружие – сработанную Иштваном

Осталось лишь испытание памятью, и избранный станет единственным. Память... Первое, что он помнит, – голод, голод и голод! Еда во рту, хорошая еда, но братья... Пять братьев, они получают больше. Они отбирают то, что принадлежит ему, Чи-чирру!

Почему другим все, а ему – ничего?... Даже не ничего, а пинки и колотушки... Он так не хочет! Вранье, что он вывелся из неправильного яйца! Оно было правильным! Крапчатым, а не голубым. И сам он был правильным, не хуже других. И пусть у него пятно на груди меньше, чем у Чир-чирра, зато форма лучше. И ничего он не трус, просто ему не нравится, когда его бьют! Что он мог сделать, когда маму схватила кошка? Ничего! Чурр-чиррик попытался и чуть не погиб, а маму все равно съели. Он не хочет, чтоб его ели. Он не хочет, чтоб ему было больно!

Почему на его бедную голову сыплются все напасти?! Рыжая кошка... Страшная кошка! Желтые глаза, четыре лапы с жуткими когтями, оскаленная пасть! Он едва вырвался, потеряв половину хвоста... Перья не отрастали, а Чива-чирра смеялась! Над ним все смеялись. Чир-чирра и Чив-рика не трогают ни кошки, ни мальчишки... Им хорошо, а Чурр-чиррик отобрал у него кусок хлеба и чуть не выклевал глаз... Хороший кусок, большой... Его бросили голубю, а он его унес. Это была его добыча, его, а не Чур-чиррика! Это несправедливо! Гадко! Подло!

Мальчишка на крыше, что он ему сделал?! Он просто присел отдохнуть, и все... Удар сбросил его на камни двора. Страшный удар в грудь. Эти рогатки, они еще хуже кошек! Он умирал... Нужно было лететь, спастись от Страшного. На него нацелились все кошки, все вороны, все мальчишки мира, а он не мог подняться... Чур-чиррик кричал, чтоб он летел. Дурак! У него было все разбито! Все изломано... а Страшный приближался. Этот взгляд... Он чуть не умер, но Тот, Кто Был Раньше, оценил его.

– Ты – велик, Чичирр, – сказал ОН. – Ты будешь сильным, непобедимым, вечным! Все будут трепетать пред тобой!

Его избрали из всех. Его, Чи-чирра, не Чур-чиррика, ни Чур-чирра, ни Чир-Чуррика. Древний понял, КТО перед ним! Понял! Понял! Понял!!! Все было плохо, а стало хорошо и правильно.

Это было прекрасно – вкус крови, рождение огня, осознание золота... Его зовут Чичирр, Могучий Чичирр, Непобедимый Чичирр. Неуязвимый Чичирр. Нет, коротко! Он великий Чичирр-вен-Чиррак-вен-Чивваррак.

Станный привкус в горле, вырывающиеся из клюва язычки огня... Сначала это было больно, но как прекрасно жечь! Его первой добычей стал воробей, похожий на Чурр-чиррика. Как он бил крыльями, когда у него загорелся хвост! Жалкий, ничтожный, смешной! Как великий Чичирр смеялся, когда наглец пытался взлететь! Он хотел обмануть судьбу? Он спорил с Великим? От Чичирра не уйти никому! Никому! Ни воронам, ни кошкам, ни мальчишкам!

Вкус кошачьей крови... Он и сейчас преследует его. Нет ничего прекрасней, чем рвать в клочки этих дряней. Рвать и жечь! Жечь и рвать! Но их трудно найти, паря в небесах. Людей легче. Люди тоже виноваты перед Чичирром. Перед ним виноваты все! Все! Все! А больше всех те, кто живет в замке.

Как замечательно пахнут горящие дома! Как прекрасно, когда все трепещут. Он велик, наконец-то это поняли! Жаль, кошки не летают, их было бы легче жечь. Зато летают вороны! Стаями. Это хорошо, за один раз можно сжечь многих! Он сожжет всех, хотя нет! Если сжечь всех, кто будет его бояться? Нужно оставить на потом. Он не станет никому отдавать свою силу, он не будет одним из Тех, Кто Был Раньше. Он станет Тем, Кто Будет Всегда!

Он – Великий Чичирр-вен-Чиррак-вен-Чивваррак, последний и единственный! Он наследник Тех, Кто Был Раньше... Их золото принадлежит ему. Их сила принадлежит ему.

Их кости тоже принадлежат ему. Этот мир принадлежит ему! Но...

Мальчишка на крыше, он сильнее... Он вернулся и снова убьет его... Больно, страшно... Почему ему так не везет?!

Прошлое вернулось. Вернулось, хоть ему обещали, что этому не бывать! Вот оно – острый шпиль колокольни, фигуры серых тварей на крышах и убийца! Убийца со своим проклятым оружием, нацеленным прямо в сердце! Тогда его застали врасплох, но сейчас он увернется! Увернется!

Великий Чичирр отпрянул от опасной крыши, пытаясь развернуться. Пережитый в юности ужас вернулся, приняв обличье мальчишки с рогаткой. Великий забыл и о своем величии, и о мести – гигантское тело рванулось в сторону и вниз. Только бы успеть, отвернуть, спрятаться от летящей смерти! Когда-то Чи-чиррик искал спасение на карнизе замковой колокольни, сейчас она его погубила. Она и память, превратившая Могучего и Неуязвимого в насмерть перепуганного воробья, каким тот когда-то был. Потеряв от страха голову, Великий Чичирр, нет, жалкий, маленький Чи-чиррик рванулся к спасительному карнизу и...

Мальчик с рогаткой и десятка три искавших его воинов в ужасе и недоумении смотрели, как черное огнедышащее чудовище, судорожно дергая крыльями, неуклюже шарахнулось в сторону колокольни и само насадило себя на острый, окованный медью шпиль. Усаженный зубами гигантский клюв раскрылся, из него вырвалась струя пламени, по счастью ударившая в глухую стену, факелом вспыхнул вековой тополь, в дупле которого годами гнездились воробьи.

Древний бился, как насаженный на булавку жук, сползая под собственной тяжестью все ниже и ниже, туда, где медь шпиля переходила в серый камень, теперь потоки огня вырывались уже не из пасти, а из чудовищных ран на брюхе и на спине. Огонь мстительно лизал гигантское тело, радуясь поднятому крыльями жаркому ветру, над замком стоял удушливый запах жженных перьев, когти монстра разрывали древнюю кладку. Пламя пожирало отчаянно вопящего Древнего, к небу тянулся черный дым, перекрытия колокольни трещали, из мощных стен вырывались и рушились вниз камни. Казавшееся несокрушимым сооружение дрожало и корчилося, раскачавшиеся колокола самочинно вели какую-то жуткую песню, а на украшенной серыми горгульями крыше сидящий воин прижимал к себе заходящегося в плаче темноволосого мальчишку, все еще сжимавшего в руках рогатку.

Позже свидетели гибели Древнего не раз просыпались в холодном поту, вспоминая прерывистые жуткие крики, струи багрового пламени, опаленные стены, судорожное биенье крыльев и огненные глаза чудовища, казалось, вместившие в себя всю злобу этого мира.

7

Минуло восемьсот двадцать лет, но старый замок над быстрой Риссой стоит и сейчас. Туристы любят фотографироваться на фоне мощных башен и поднятого моста. А вот старой каштановой рощи уже нет, на ее месте построено несколько очень неплохих гостиниц. Что поделать, времена меняются, и все меняется вместе с ними. Старое уступает место новому – людям нравится спать в тепле, ездить по хорошим дорогам, за несколько часов добираясь от Карианы до Барна, зимой есть землянику, а летом – пить холодное пиво. Рисский замок уцелел лишь благодаря тому, что именно у его стен был убит последний гарийский дракон. Правда, некие умники, размахивая какой-то странного вида костью, утверждают, что это был не дракон, а гигантская ископаемая птица, другие, напротив, уверены, что у замка потерпел крушение неопознанный летающий объект, но туристы предпочитают дракона.

В округе найдется немного мест, где бы не продавались изображения самого дракона, его победителя и великой битвы. С сумок, маек, плакатов, календарей, тарелочек, ковриков дышит огнем огромное черное чудовище, крылатое и чешуйчатое, коему лихо тычет в пасть копьем прекрасный рыцарь на белом коне – принц Дьердь Драконоборец. Есть и несколько

повторяющих этот сюжет статуй; наиболее известная установлена во дворе самого замка, на ней очень любят сидеть воробьи.